ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

1914 — 1918 гг.

Сборник научных статей и документов

Саранск
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
2013

УДК 94(470)"1914/1918"
ББК Т3(2)6
В 272

Печатается по решению Ученого совета
Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия

Составители: *Е. Н. Бикейкин, В. А. Юрченков*

Рецензенты:
заведующий кафедрой истории России, краеведения и методики преподавания истории Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор *В. В. Кондрашин*;
декан исторического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор *И. А. Чуканов*

Под редакцией доктора исторических наук, профессора *В. А. Юрченкова*

Редакционная коллегия:
В. А. Юрченков (председатель), Е. Н. Бикейкин, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, О. В. Зарубина, И. В. Зубов, В. А. Каланов, А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, Г. А. Куршева, В. А. Ломшин, Л. И. Никонова, Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. : сб. В 272 науч. ст. и док. / сост.: Е. Н. Бикейкин, В. А. Юрченков ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. — Саранск, 2013. — 312 с. + 32 л. илл.

ISBN 978-5-00008-006-1

В книге представлены научные статьи и документы, позволяющие не только дополнить, но и скорректировать некоторые моменты по узловым вопросам истории Первой мировой войны. С событиями Первой мировой войны связан и Мордовский край, уроженцы которого не только героически сражались на фронтах войны, но и внесли свой вклад беззаветным трудом в тылу.

Книга рассчитана на специалистов-историков, студентов и всех интересующихся региональной историей.

УДК 94(470)"1914/1918"
ББК Т3(2)6

ISBN 978-5-00008-006-1

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013
© Бикейкин Е. Н., Юрченков В. А., составление, 2013

ВВЕДЕНИЕ

11 ноября 2013 г. исполняется 95 лет со дня окончания Первой мировой войны, а 28 июля 2014 г. — 100 лет с начала одного из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества.

Первая мировая война была событием планетарного значения. Она длилась свыше 4 лет, охватив около 40 государств, где проживало более 1,5 млрд человек, или три четверти населения земного шара. В военных действиях участвовали многомиллионные армии, оснащенные современными на тот период времени техническими средствами борьбы. Общее число мобилизованных достигало 73,5 млн человек. В результате войны прекратили свое существование четыре империи: Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская. 10 млн убитых (столько, сколько погибло во всех европейских войнах за тысячу лет) и от 20 до 50 млн раненых (по различным оценкам) — таков ее итог. Только прямые военные расходы воевавших государств составили свыше 200 млрд долларов, что в 10 раз превысил стоимость войн с 1793 по 1907 г.[1]

До 1917 г. эту войну именовали и Второй Отечественной, и Великой, в советский период российской истории — империалистической. Позже ее называли мировой, затем, добавив порядковый номер, Первой мировой. Между тем, уступая Второй мировой войне по абсолютным размерам потерь, для судеб мира она имела никак не меньшее, а, пожалуй, гораздо большее значение. Война 1914 — 1918 гг. не только неузнаваемо изменила политическую карту Европы и вывела на мировую сцену новую великую державу в лице США, но и вызвала во всех воевавших странах социальные, психологические и культурные изменения, которые провели резкую грань между обществом XX в. и предшествовавших столетий[2]. Именно она послужила толчком к Февральской революции, без нее, возможно, не было бы Великой Октябрьской социалистической революции и братоубийственной Гражданской войны[3].

Многое о Первой мировой войне до настоящего времени остается неизвестным. Эта война была призвана объединить страну для решения серьезных задач защиты государственности, результатов трехсотлетней истории Российской империи, однако она лишь усугубила глубокий внутренний раскол. Революционные события 1917 г. и Гражданская война полностью заслонили Первую мировую войну в исторической памяти[4]. «Более того, нельзя не предвидеть, что, при исключительных условиях надвигающейся общеевропейской войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии»[5], — так пророчески писал о тогда еще только назревавшей мировой схватке министр П. Н. Дурново.

В начале XXI в. президент В. В. Путин назвал проигрыш России уникальным: «Уникальная ситуация в истории человечества. Мы проиграли проигравшей Германии, по сути, капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой»[6]. Значительный интерес российской общественности и представителей власти к проблеме изучения трагических событий Первой мировой войны проявился и в том, что восстановление памяти о ней стало одним из приоритетов в работе недавно воссозданного в России Русского военно-исторического общества.

Академические исследования показывают, что необходима коррекция некоторых положений в российской историографии. До недавнего времени научные работы и учебники изобиловали тезисами, из которых следовало, что Россия времен Первой мировой войны была «прогнившей», экономически отсталой страной, совершенно неспособной именно с экономической точки зрения вести успешную войну, которая к тому же была чужда народу[7]. В 1914 — 1917 гг. в русскую армию было призвано почти 16 млн человек из всех сословий и едва ли не всех национальностей империи. Это ли не народная война? И эти «насильно призванные» воевали без комиссаров и политруков, без чекистов-особистов, без штрафбатов, без заградотрядов. Георгиевским крестом были отмечены около 1,5 млн человек, 33 тыс. стали полными кавалерами Георгиевских крестов всех четырех степеней, медалью «За храбрость» к ноябрю 1916 г. наградили свыше 1,5 млн человек. Кресты и медали тогда выдавали только за конкретные боевые заслуги[8].

После заключения Брестского мира У. Черчилль писал: «Среди торжествующих, вооруженных в воинские доспехи государств, представители которых вскоре должны были съехаться в Париж со всех концов мира, одно блистало отсутствием. В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту. Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу. Эта выдержка России была важнейшим фактором наших успехов вплоть до вступления в войну Соединенных Штатов, уступавшим по значению разве только неудаче германской подводной войны, явившейся поворотным пунктом всей кампании. Но Россия упала на полдороге, и во время этого падения совершенно изменила свой облик»[9].

Таким образом, Первая мировая война представляет огромный интерес не только для общероссийской, но и для региональной историографии. Интерес региональных исследователей подкрепляется тем, что разработка спорных моментов в истории Первой мировой войны невозможна без решения таких вопросов, как становление тыла и трудового вклада народа, острые проблемы сущности патриотизма и коллаборационизма, анализ последствий войны, включая демографические, экономические, социально-структурные и ментально-культурные.

С событиями Первой мировой войны в той или иной степени оказалась связана история всех регионов России. В этом плане не был исключением и Мордовский край. Уроженцы края не только героически сражались на фронтах войны, но и внесли свой вклад беззаветным трудом в тылу.

Результаты предметно-смысловой и критической обработки обширного документального материала по отдельным слабоизученным вопросам истории Мордовского края в годы Первой мировой войны легли в основу написания данной книги. Надеемся, что представленные в сборнике документы и научные статьи позволят не только дополнить и скорректировать некоторые моменты по узловым вопросам истории Первой мировой войны, но и помогут избавить науку от возведенных в ранг исторических фактов заблуждений, тормозящих ее развитие и заставляющих ее двигаться по ложному пути.

Библиографические ссылки

[1] История первой мировой войны 1914 – 1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru (дата обращения 20.06.2013).

[2] **Волков С. В.** Забытая война [Электронный ресурс]. URL: http://www.swolkov.org/publ.htm#list (дата обращения 20.06.2013).

[3] **Воронов В.** Русские не сдаются [Электронный ресурс]. URL: http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2269 (дата обращения 20.06.2013).

[4] «Война, смертельно опасная для России». К 90-летию окончания Первой мировой войны и Версальского мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=39774 (дата обращения 20.06.2013).

[5] Записка П. Н. Дурново Николаю II. Февраль 1914 [Электронный ресурс]. URL: http://www.metodolog.ru (дата обращения 20.06.2013).

[6] URL: http://izvestia.ru/news/528739 (дата обращения 20.09.2013).

[7] Образы России и Франции и память о Первой мировой войне в современном общественном сознании наших стран. Круглый стол в Институте демократии и сотрудничества. Париж, 7 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35859 (дата обращения 20.06.2013).

[8] **Воронов В.** Указ. соч.

[9] **Черчилль У. С.** Мировой кризис. М. ; Л., 1932. С. 39.

МОРДОВСКИЙ КРАЙ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. А. Юрченков

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МОРДОВСКИЙ КРАЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первая мировая война открыла новую страницу российской истории, создала предпосылки революции, Гражданской войны и последовавших за ними многих десятилетий разобщения с Западом. В этом смысле она перевернула национальную историю. В региональной историографии данный период истории Мордовского края рассматривался исследователями или в связи с разработкой проблематики революции 1917 г., или с изучением более обширного региона (Среднее Поволжье, Поволжье и Приуралье). Однако наработки существуют и заслуживают осмысления и анализа.

Впервые научная разработка проблем истории Мордовского края в годы Первой мировой войны была предпринята в конце 1940-х — 1950-е гг. Отдельные вопросы поднимались пензенскими, нижегородскими и ульяновскими историками (А. М. Гребнев, С. П. Захаров, И. Н. Трегубов, П. И. Шульпин) при исследовании аграрных отношений в средневолжских губерниях накануне событий 1917 г.[1]

В 1955 г. издан первый том «Очерков истории Мордовской АССР», в котором фактически впервые в историографии был дан краткий обзор истории Мордовского края в годы Первой мировой войны. Его автором был ***И. И. Фирстов***, который в соответствии с реалиями историографической ситуации тех лет оценивал войну как империалистическую[2]. Характеризуя начало войны, он писал: «Шовинистический угар охватил в начале войны мелкобуржуазные слои городского и кулацкие слои сельского населения, а также незначительную, самую отсталую часть рабочих, находившуюся под влиянием эсеров, меньшевиков и черносотенцев. Эти элементы и были участниками возглавляемых буржуазией лжепатриотических манифестаций и собраний в поддержку царского правительства, имевших место в первые дни войны»[3]. Негативно оценивая патриотические выступления, И. И. Фирстов акцентировал внимание на революционном движении. По его данным, против войны активно выступали большевики Москвы, промышленных городов Поволжья, Харькова, работавшие в Мордовском крае.

К числу революционных выступлений он относил разгромы винных лавок в первые месяцы войны, называя их выступлениями против казенной винной монополии[4]. По мнению И. И. Фирстова, 52 % работоспособной части мужского населения Мордовии было мобилизовано в армию[5].

По словам автора, война была разрушительной «для экономики Мордовии со слабо развитой промышленностью и исключительно отсталым сельским хозяйством»[6]. В качестве доказательств этого тезиса им были приведены впечатляющие цифры, правда, не подкрепленные ссылками на источники. Так, например, валовой продукции на душу населения в Мордовии приходилось в 12, 5 раза меньше, чем в среднем по России. Оплата труда на предприятиях региона была ниже на 30 — 35 %, чем по стране[7]. Среди факторов, повлиявших на развитие промышленного производства в годы войны, им были названы военные заказы, приведшие к росту отдельных предприятий; острый недостаток рабочей силы и сырья. Он указал на дезорганизацию промышленности и транспорта, что вызвало товарный голод. По его оценкам, в полный упадок пришло сельское хозяйство Мордовии[8]. Ярким свидетельством дезорганизации экономики, в том числе на уровне региона, стал продовольственный кризис[9].

Особое внимание И. И. Фирстов уделил революционному движению в годы Первой мировой войны. Он отмечал, что стачки в Мордовии носили экономический характер, но «имели большое значение для революционизирования рабочих и крестьянских масс»[10]. Он указал на связь рабочих г. Саранска с большевиками г. Сормова: «Революционной борьбой среди рабочих города Саранска руководила Сормовская большевистская организация, которая неоднократно посылала своих представителей в город Саранск»[11]. И. И. Фирстов писал и о размахе крестьянского движения: «В Мордовии, как и во всех центрально-черноземных губерниях, крестьяне громили и сжигали помещичьи имения, травили барские поля и луга, поднимали сельскохозяйственные забастовки, нападали на охрану, специально заведенную некоторыми помещиками»[12]. Движение усилилось, по его наблюдениям, с 1915 г. Основной формой борьбы крестьян были поджоги. Существенное место в движении занимала борьба с кулачеством, 40 % выступлений было направлено против сельской буржуазии. Основным требованием крестьян являлось прекращение выделов из общины до окончания войны[13].

В 1957 г. вышла монография ***М. В. Дорожкина*** «Установление Советскй власти в Мордовии», первая глава которой посвящена социально-экономическому развитию Мордовии накануне революции 1917 г.[14] Автор проанализировал состояние сельского хозяйства и положение крестьян, развитие промышленности и торговли в крае в начале XX в., написал о национальном угнетении мордовского народа. Особое внимание им было уделено упадку экономики в годы войны и началу нового революционного подъема. По его словам, «Первая мировая война оказала сильное разрушительное воздействие на всю эко-

номику Мордовии... Она еще больше ухудшила положение трудящихся масс и обострила классовые противоречия»[15].

М. В. Дорожкин отметил сокращение количества рабочих на всех предприятиях края в связи с мобилизацией в армию взрослого мужского населения, а также сокращение выпуска промышленной продукции из-за отсутствия рабочей силы и невозможности завоза сырья[16]. В то же время многие промышленные предприятия работали на нужды фронта, что приносило существенную прибыль их хозяевам, выпуск же продукции для населения почти совершенно прекратился. Исследователь указал на тяжелое положение в сельском хозяйстве Мордовии: «Главную массу мобилизованных составляли крестьяне. Поэтому деревня оставалась без рабочих рук. Это обстоятельство привело к сокращению посевных площадей и к общему упадку сельского хозяйства»[17]. Он констатировал следующее:

— снижение урожайности как помещичьих, так и крестьянских полей[18];

— серьезный ущерб хозяйству из-за реквизиций скота[19];

— отрицательное влияние войны на состояние кустарно-промысловой деятельности крестьянских хозяйств;

— сокращение отхожих промыслов[20].

В монографии М. В. Дорожкина показан резкий рост цен на продукты народного потребления, особенно на продукты питания[21]. Он отметил парадоксальность ситуации, когда будучи по своей экономике сельскохозяйственными уезды Мордовии оказались не в состоянии прокормить себя. По его мнению, «здесь сказался не только развал сельского хозяйства Мордовии, но и результат пагубной политики царского правительства и неспособность его обеспечить продуктами питания фронт и тыл»[22]. Пагубность политики исследователь видел в беспрерывных государственных заготовках (вернее, реквизициях), которые выкачивали у крестьян весь товарный хлеб и уничтожали рынок. Следствием этого он считал безудержную спекуляцию хлебом и другими продуктами[23].

Помимо социально-экономической проблематики, М. В. Дорожкин предпринял попытку обобщить данные об антиправительственных выступлениях в годы войны, которые он однозначно трактовал как революционное движение[24]. Первым проявлением движения он считал погромы казенных винных лавок в первые дни мобилизации летом 1914 г. Причем он отметил, что «организатором и зачинщиком погромов казенных винных лавок и выступлений против официальных представителей власти была главным образом мордва»[25]. Исследователь отметил выступления против помещиков, действий Крестьянского поземельного банка по продаже с торгов крестьянской земли и имущества за просроченные взносы по кредитам, активный протест крестьян-общинников против выделения земли кулакам, вышедшим из общины на отруба и хутора. Он констатировал: «В годы войны усиливается враждебное отношение трудящихся масс к царской администрации и особенно к чинам полиции. Трудящиеся все чаще оказывают

сопротивление произволу представителей власти, особенно в момент изымания скота, хлеба и другого имущества за неуплату податей»[26].

М. В. Дорожкин одним из первых в региональной историографии обратил внимание на социально-психологические аспекты антиправительственных движений в Мордовском крае. Он писал: «Из-за чего начальство начало войну? Вот этот вопрос все чаще вставал перед мужиком»[27]. Поиски ответа на него порождали сознание бесцельности войны и скрытый, и открытый протест крестьян против войны. Как отмечал исследователь, «этот протест проявлялся прежде всего в уклонении от мобилизации или бегстве из армии»[28]. «Вернувшиеся с фронта солдаты… составляли в деревне революционное ядро, становились во главе стихийного движения крестьян»[29]. М. В. Дорожкин писал о диалектическом взаимодействии фронта и тыла в ходе дальнейшего распространения революционных настроений: «Если письма из тыла, рисующие тяжелое и бесправное положение деревни, все больше революционизировали солдатскую массу, то фронт революционизировал деревню»[30]. Он отметил отличительную черту движения тех лет — в годы войны крестьяне уездов Мордовии стали перенимать формы борьбы рабочих[31].

Заслуга И. И. Фирстова и М. В. Дорожкина заключалась как в постановке проблемы, так и в выявлении определенного фактического материала. Однако их работы при всем новаторстве для региональной историографии имели и недостатки. Они были определены Н. В. Полиным: «Главы эти не отражают всех сторон сложных процессов, которые происходили в деревне Мордовии в годы Первой мировой войны. В них отсутствует материал о помещичьем хозяйстве и его влиянии на экономику деревни, разорении крестьян в годы войны. Без достаточно критического анализа использованы материалы земских переписей 1909 — 1911 годов»[32]. Им же была высказана мысль о том, что исследования И. И. Фирстова и М. В. Дорожкина «не дают полного и конкретного представления о революционной ситуации, об участии рабочих, крестьян и солдатских масс в революционном движении»[33].

Серьезный вклад в изучение Мордовского края в годы Первой мировой войны внес ***Н. В. Полин***, защитив первую кандидатскую диссертацию по данной проблематике в республике[34]. Необходимо отметить, что Н. В. Полин был очень щепетильным исследователем, без достаточных оснований он не делал выводов. Для него типичны оговорки, например: «К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о помещичьем землепользовании по всем уездам Мордовии. Поэтому мы лишены возможности давать характеристику в целом…»[35].

В центре внимания Н. В. Полина находились вопросы социально-экономического развития деревни в годы войны. Им были рассмотрены проблемы аграрного развития края накануне войны. Он вслед за своими предшественниками констатировал сельскохозяйственный характер экономики региона, подчеркивая его отсталость[36]. По его подсчетам, крестьяне составляли основную массу населения — 95,4 %.

Несмотря на то, что они владели 62,5 % всей удобной земли, крестьяне «задыхались от малоземелья, вынуждены были арендовать землю за отработки у помещиков и заниматься отхожими промыслами»[37].

Н. В. Полин первым попытался определить долю, место и роль помещичьего хозяйства в экономике уездов Мордовии накануне и в годы войны. Им была высказана мысль о том, что напуганные революцией 1905 — 1907 гг. помещики края активно продавали свои земли, что привело к сокращению дворянского землевладения. Несмотря на это, в руках помещиков находилась большая часть земель личного пользования. По его подсчетам, из общего количества частновладельческой и надельной земли на долю помещиков приходилось 15,8 %[38]. Особенностью региона исследователь считал преобладание крупных помещичьих владений размером 500 и более десятин. На латифундии размером свыше 1 000 дес. приходилось 36,9 % помещичьей земли, а имения размером свыше 500 дес. концентрировали 56,4 % всей частновладельческой земли[39].

Исследователь поставил вопрос о способе ведения помещичьего хозяйства в уездах Мордовии. При поисках ответа на него он опирался на оценочные описи Дворянского банка имений, заложенных или перезаложенных в этот банк, а также переписные бланки частновладельческих хозяйств. На основе материалов трех уездов Пензенской губернии ученый подсчитал, что 27,0 % владельцев полностью сдавали свои имения в аренду, остальные вели свое хозяйство[40]. Им отмечена такая особенность: чем крупнее было имение, тем больше земли раздавалось в аренду. Данные показали, что владельцы имений до 500 дес. сдавали 2,7 — 8,6 % своих земель; больше земли сдавали в аренду хозяйства размером до 1 000 дес., однако их доля в общей массе сдаваемой в аренду земли составляла 45,7 %[41].

Н. В. Полин убедительно показал, что помещичьи имения, пытавшиеся вести рациональное капиталистическое хозяйство, были редким исключением. По его мнению, преобладала крестьянская кабальная краткосрочная аренда, а в долгосрочной аренде было только 10,2 % всей сданной земли. Ученым было установлено, что господствующей формой аренды являлись отработка и испольщина, за деньги же сдавалось всего 30,7 % земель. Он отмечал: «Однако весьма часты были случаи, когда арендная плата устанавливалась в денежной форме, а выполнялась отработками. Естественно, что такие хозяйства слабо использовали усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия»[42].

Н. В. Полин считал, что помещики в Мордовии слабо внедряли технические новшества в зерновое хозяйство. Он писал, что помещичьи имения, особенно мелкие, вели хозяйство с помощью сох и косуль, применялось в них много и ручного труда. Лучше были обеспечены усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем имения, имевшие экономический посев[43]. Не имея достаточного количества инвентаря, помещики все же мало покупали машины, плуги и другой усовершенствованный инвентарь. Основной причиной слабого внедрения последних в помещичьем хозяйстве исследователь считал малоземелье

окрестного крестьянского населения. Страдая от малоземелья и нищеты, крестьяне шли на работы в имения за очень низкую плату[44].

Н. В. Полин отмечал в помещичьем хозяйстве недостаточное количество не только инвентаря, но и тягловой силы. Поэтому помещики широко прибегали к использованию тягловой силы крестьянского хозяйства. В уездах Мордовии очень часто встречался такой вид найма, как наем работника с лошадью. Исследователь писал: «А это и есть полуфеодальная форма эксплуатации крестьян — прямое продолжение барщины с той только разницей, что теперь крестьянин получал за свою работу деньги»[45].

Убыль рабочей силы в связи с мобилизацией на фронт затруднила ведение помещичьего хозяйства. Особенно пострадали, как показал Н. В. Полин, те из них, которые практиковали отработочную систему. Возможности для отработок и испольщины сократились, а переход к капиталистической системе был весьма затруднен[46]. Сокращение рабочих рук помещики пытались покрыть рабочей силой военнопленных, размещенных в большом количестве в уездах Мордовии. Н. В. Полин связывал размещение пленных с вхождением этих территорий в состав Московского и Казанского военных округов, которые были местом формирования и размещения запасных полков и батальонов. Лагеря же военнопленных размещались у мест их дислокации[47].

Исследователь детально расписал процедуру применения труда военнопленных, отмечая роль уездных земств, которые распределяли партии военнопленных по имениям, устанавливали нормы их отпуска и т. п. Количество военнопленных, используемых в имениях, зависело от размера площади владения. По подсчетам Н. В. Полина, из военнопленных, работавших в хозяйствах помещиков, 56,6 % привлекались к труду в имениях, имевших более 1 000 дес. земли. У мелких помещиков трудилось только 10,0 % всего числа военнопленных[48]. Им были проведены подсчеты заработной платы военнопленного, стоимость труда которого была определена в 16 руб. в месяц, что на 1,5 руб. ниже, чем труд крестьянина. В связи с этим исследователь сделал следующий вывод: «Труд военнопленных, понижая заработки работников по вольному найму, усиливал и без того нехватку рабочей силы в помещичьих хозяйствах»[49]. Ситуацию усугублял и принудительный труд беженцев, которых власти заставляли работать на помещиков, угрожая в противном случае лишением продовольственной помощи — пайка. Н. В. Полин считал, что применение труда военнопленных и беженцев в помещичьем хозяйстве уездов Мордовии оказывало на него двойное воздействие: «С одной стороны, они заменяли труд мобилизованных на войну, с другой — способствовали отливу рабочей силы в промышленность, где оплата труда была выше»[50].

В годы войны, по заключениям Н. В. Полина, перед помещичьим хозяйством уездов Мордовии остро встал вопрос о тягловой силе. По правилам военно-конной повинности помещики отдавали половину лошадей, если их было четное число, и меньшую часть, если поголовье нечетное. Однако дворяне, используя свое господствующее положение,

перекладывали всю тяжесть повинности на крестьян. Исследователь отмечал: «Если недостаток рабочих рук помещики возмещали трудом военнопленных и беженцев, то для пополнения же тягловой силы подобного резерва не было. Следовательно, война особенно отразилась на таких помещичьих хозяйствах, которые вели свои хозяйства полукрепостнически, ориентировались на крестьянские отработки»[51].

Н. В. Полин убедительно показал, что в годы войны в помещичьем хозяйстве уездов Мордовии произошли серьезные изменения, которые потребовали перестройки помещичьего земледелия и всего хозяйства в целом. Это диктовалось и экономическими, и политическими условиями военного времени. Однако, по мнению исследователя, перестроить хозяйство, приспособить его к новым условиям помещики не смогли[52]. Показателями этого он считал:

— резкое сокращение посевных площадей;

— изменение структуры посева за счет уменьшения площадей под продовольственными культурами;

— стремление помещиков получать максимальные прибыли при наименьших затратах труда и капитала и за счет постоянного усиления эксплуатации тружеников деревни.

Исследователь показал, что до войны помещичье хозяйство Мордовии большое количество хлеба расходовало на потребление и во внутридеревенском обороте. Во время войны помещики сократили внутрихозяйственные расходы хлеба в связи с уменьшением количества скота, прекращением винокурения, до минимума свели продажу зерна местным крестьянам, предпочитая продавать хлеб крупными партиями городам, монастырям и военному ведомству, получая при этом большие прибыли[53]. Причем, по его данным, помещики в Мордовии продавали хлеб на свободном рынке по спекулятивным ценам[54].

Н. В. Полин показал, как во время войны помещики возмещали убытки путем залогов и перезалогов своих имений, которые приняли массовый характер. Он отметил протекционизм правительства по отношению к дворянам: «Несмотря на войну, требующую огромных расходов, и крайнюю нужду в деньгах Министерство финансов находило средства для продления долгов дворян банкам»[55]. По наблюдениям исследователя, случаи продажи с молотка помещичьих имений в Мордовии во время войны были редким исключением[56].

Однако в центре внимания Н. В. Полина находилось все же крестьянское хозяйство, которое накануне войны продолжало оставаться на низкой ступени развития. Агротехнику земледелия олицетворяла деревянная соха; на 100 орудий пахоты приходилось только 6,5 единиц усовершенствованного инвентаря. Агрикультуру представляла трехпольная система с преобладанием посевов ржи, овса и проса[57]. Он писал: «В Мордовии были целые селения, где не было ни одного металлического плуга, где землю обрабатывали исключительно примитивной сохой»[58]. Н. В. Полин считал, что крестьяне Мордовии были плохо обеспечены землей, в среднем на 1 хозяйство приходилось 7,8 дес. всех угодий. Это заставляло искать средства существования вне

сельского хозяйства. В деревне Мордовии, по подсчетам исследователя, 50,4 % хозяйств и 41,1 % мужчин рабочего возраста занимались промыслами, среди которых преобладали отхожие. Без них крестьянское хозяйство обойтись не могло, так как отход поглощал значительную часть избыточной рабочей силы. Заработок каждого «промышленника» играл огромную роль в улучшении материального положения семьи и при выплате различных сборов и податей[59].

Большое внимание Н. В. Полин уделил степени социального расслоения крестьянства Мордовии накануне войны. При распределении крестьян к различным социальным группам он учитывал не только количество земли и посева, наличие лошадей, но и наличие торгово-промышленных заведений и сложных сельскохозяйственных машин[60]. К зажиточной кулацкой верхушке им были отнесены все дворы с торгово-промышленными заведениями, с посевом 10 и более десятин, с 3 и более лошадьми и дворы с 20 и более десятинами удобной земли. В пролетарскую и полупролетарскую группу он включил дворы без посева, с посевом до 6 дес. Остальные хозяйства он отнес к середняцкой группе[61]. Размышляя о расслоении крестьянства, Н. В. Полин попытался определить особенности этого процесса: «Всевозможные остатки крепостничества тормозили пролетаризацию деревни Мордовии, она проходила более медленными темпами, чем в целом по стране. Поэтому распространенной фигурой был не сельскохозяйственный рабочий, а пролетарий с наделом. Собственное его хозяйство было настолько мало, что оно не могло обходиться без постоянной продажи рабочей силы.

Носителем капиталистических тенденций в деревне, несмотря на известную тягу к ростовщичеству, было зажиточное крестьянство. Однако кулаки не смогли еще захватить господствующих позиций в земледельческом производстве Мордовии»[62].

Исследователь отметил появление в годы войны небольшого слоя преимущественно середняцких хозяйств, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, а в условиях войны вынуждены были нанимать батраков, чтобы восполнить убыль рабочих рук в хозяйстве[63].

Н. В. Полин первым в региональной историографии обратился к серьезному исследованию промышленности Мордовии в годы войны. По его мнению, война оказала на промышленное производство региона заметное влияние. Он отметил, что огромные прибыли, преимущества в снабжении сырьем и материалами, легкий сбыт приводили к тому, что предприниматели перестраивали свои заведения на удовлетворение заказов военного ведомства[64]. Исследователь проанализировал роль военно-промышленных комитетов в уездах Мордовии, которые, по его мнению, способствовали заключению договоров с предпринимателями на выполнение военных заказов, участвовали в распределении сырья и т. д.[65]

Исследователем были отмечены изменения в количественном составе рабочих из-за массовой мобилизации трудоспособного мужского населения на фронт. Однако, по его мнению, сокращение числа рабо-

чих не привело к сокращению производства, т. к. предприниматели путем удлинения рабочего дня и усиления эксплуатации добивались прироста промышленной продукции. Кроме того, чтобы восполнить убыль рабочей силы, предприниматели широко применяли женский, детский и дешевый принудительный труд военнопленных[66].

Н. В. Полин констатировал нарастание трудностей промышленного производства по мере продолжения войны, а затем и его сокращение. Среди причин создавшейся ситуации им были выделены перебои в снабжении сырьем и материалами из-за развала транспорта, топливный голод, острый недостаток нефти, мазута и угля[67]. По его данным, особенно в тяжелом положении оказались кустарные предприятия по обработке металла, кризис охватил и промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья[68].

Общий вывод Н. В. Полина сводился к утверждению: «В Мордовии, как и в целом по России, в начале войны промышленное производство расширяется. Отдельные предприятия увеличивают выпуск продукции. Открываются новые промышленные заведения по переработке кожи и шерсти, пошивочные и валяльные мастерские. Однако разруха транспорта, сырьевой кризис и топливный голод привели к тому, что уже в 1916 году предприятия резко сокращают свое производство. Многие закрываются. В годы войны увеличивается доля женского и детского труда. Большие прибыли получали предприниматели от применения эксплуатации военнопленных и беженцев... В годы войны усиливается эксплуатация рабочих, отменяются те куцые „рабочие“ законы, которые были завоеваны рабочими. Усиление эксплуатации, рост дороговизны, спекуляция порождали у рабочих антивоенные, антиправительственные настроения»[69].

Н. В. Полин первым в историографии обратился к собственно военной стороне истории Мордовского края той эпохи. По его подсчетам, из двух городов Мордовии (Саранск и Инсар) за 1914 — 1916 гг. на фронт было отправлено 269 маршевых рот, т. е. около 74 000 солдат[70]. Как воинский центр он особо выделял Саранск, где в мирное время находились 14 рот 180-го полка 45-й запасной бригады, а к октябрю 1915 г. были сосредоточены 101-й и 234-й полки этой же бригады с общим количеством личного состава 13 496 солдат — «это на несколько тысяч превышало взрослое население города»[71]. Всего же, по подсчетам исследователя, из уездов, вошедших в состав современной Мордовии, было мобилизовано 152 456 чел., или 49,5 % всех трудоспособных мужчин[72]. По вопросу численности мобилизованных на фронт из уездов Мордовии Н. В. Полин подверг критике подсчеты И. И. Фирстова, который утверждал, что в бедняцко-середняцких хозяйствах Мордовии в 1917 г. было 308 280 мужчин, из них 161 348 чел. мобилизованы в армию (52,3 % всех трудоспособных мужчин). По его же подсчетам, трудоспособных мужчин было 308 290 чел., мобилизованы 152 456 чел. (49,5 % всех мужчин). Причем, общее количество мужчин было во всех категориях крестьянских хозяйств, а не только в бедняцко-середняцких, как у И. И. Фирстова[73].

Н. В. Полин показал рост революционных настроений солдат. Он писал: «Солдаты, в большинстве вчерашние крестьяне, все более убеждались в гнилости царского самодержавия. На каждом шагу они встречали продажность военного начальства, взяточничество и казнокрадство. По отношению к солдатам процветали издевательства и произвол офицеров. Все это в сочетании с антиимпериалистической агитацией большевиков на фронте и в тылу заставляло солдат задумываться над тем, кому нужна война и что она дает крестьянству»[74]. В качестве доказательства данных положений исследователь привел обобщенные материалы военных цензоров, анализировавших солдатские письма. По его словам, с продолжением войны солдаты писали о своей усталости от войны, о ее никчемности для широких слоев населения, о том, что война тяжелым бременем легла на плечи рабочих и крестьян, тогда как помещики и капиталисты наживались на войне.

Н. В. Полин писал о роли солдатских писем в подъеме антивоенных и антиправительственных настроений среди крестьян Мордовии. Он же указал на определенное место в этом процессе дезертирства с фронта, с эшелонов, следовавших на фронт или места формирования частей, которое приняло массовый характер[75]. Среди факторов, способствовавших революционизированию крестьянства Мордовии, по мнению исследователя, следует назвать рассказы очевидцев военных действий, солдат, возвратившихся на побывку по ранению или по болезни, инвалидов: «Они своими рассказами о войне поднимали антивоенные настроения трудящихся, выступали организаторами аграрных волнений, показывали пример неповиновения правительственным чиновникам»[76]. Н. В. Полиным исследовались и процессы воздействия на население уездов Мордовии случаев неповиновения солдат местных гарнизонов и расправ над ними.

Наконец, Н. В. Полин проанализировал материал об экономическом положении трудящихся города и деревни в годы войны. Он дал критику взглядов буржуазных ученых и земцев о положении крестьян в годы войны, показал рост налогового бремени, охарактеризовал несостоятельность царской администрации наладить продовольственное дело, писал о росте дороговизны и спекуляции.

Исследователь убедительно опроверг мнение об улучшении положения крестьянства Мордовии в годы войны. Он вскрыл ошибочность подсчетов, в соответствии с которыми суммы сократившегося расхода на водку механически переносились в доход, учитывались только новые доходы, а изменение старых доходов и расходной части крестьянских бюджетов не принимались во внимание. Он отметил резкое сокращение потребления крепких напитков в деревне Мордовии с начала войны. Однако в доход, по его мнению, можно отнести только те суммы довоенного расхода, которые тратили лица, оставшиеся в деревне — в основном старики и женщины. Их расходы на спиртное и до войны были незначительными[77].

Н. В. Полин детально проанализировал изменения бюджета крестьянской семьи в годы войны, выделив наиболее важные из них:

— с начала мобилизации семьям призванных в армию стали выдавать продовольственные пайки, выраженные в деньгах;

— мобилизация мужского населения резко снизила заработки местных и отхожих промыслов, сократила доход всего хозяйства;

— изменилось участие различных по типу хозяйств в промысловой деятельности, в результате чего доходы от «промыслов» возросли только у зажиточной верхушки деревни;

— возросли расходы трудовых масс на покупку хлеба и других продуктов, цены на которые быстро поднимались[78].

Общий вывод исследователя сводился к следующему утверждению: «Изучение материального положения деревни Мордовии в годы Первой мировой войны дает основание для вывода о резком снижении благосостояния широких масс трудящихся, об обнищании беднейшего крестьянства»[79]. Фактором, усиливавшим негативные тенденции в жизни крестьян, Н. В. Полин считал продовольственную политику царизма, способствовавшую росту дороговизны и развитию спекуляции. Под влиянием все возраставших бедствий и лишений, по его мнению, росли антивоенные и антиправительственные настроения, возникала основа для обострения классовой борьбы в деревне. Им приведена динамика крестьянских выступлений: второе полугодие 1914 г. — 9 выступлений, 1915 — 14, 1916 г. — 22[80]. Особенностью крестьянского движения в регионе он считал участие в нем представителей русских, мордвы, татар, проживавших в крае[81].

Значение исследований Н. В. Полина по истории Мордовского края в годы Первой мировой войны велико. Он фактически первым в региональной историографии с подлинно научных позиций рассмотрел проблемы деревни в годы войны, считая их узловыми в понимании общей ситуации в крае. Он показал обусловленность ими развития промышленности, положения в уездных городах, социального развития, общественно-политических процессов регионального уровня. В то же время необходимо отметить, что в 1990-е гг. отдельные положения Н. В. Полина подвергались критике. Так, И. Б. Ниманов считает, что исследователь слишком большое значение придавал политической агитации большевистской партии, которая, наряду с тяготами и лишениями в годы войны, играла огромную роль в изменении психологии крестьянских масс. По его замечанию, с подобными суждениями сейчас нельзя согласиться[82]. И. Б. Ниманова поддержала М. Д. Журавлева, которая писала, что в годы Первой мировой войны агитация ни одной из политических партий не играла значительной роли в изменении общественного сознания крестьянства[83].

В начале 1980-х гг. попытку осмыслить реалии Первой мировой войны предпринял ***В. К. Абрамов***, исследовавший крестьянство Мордовии в годы Гражданской войны[84]. В разделе работы об установлении Советской власти и первых революционных преобразованиях в деревне он показал национальную и социальную структуру крестьянства региона накануне Первой мировой войны, особенности экономического развития и классового расслоения у различных исторических

категорий и национальных групп крестьян, особенности их участия в аграрном движении, рассмотрел социально-экономические итоги Первой мировой войны.

По оценкам В. К. Абрамова, к 1914 г. в Мордовии насчитывались 177 307 наличных крестьянских хозяйств, 16 587 хозяйств числились в «отсутствующих». Общая численность наличного крестьянского населения составляла, как считает исследователь, 1 млн 142 тыс. чел. В бывших государственных общинах жили 52,7 % крестьян, в бывших помещичьих — 27,6 и бывших удельных — 19,2 %. Русские крестьяне составляли 55,1 % общинников, мордовские — 37,5 и татарские — 5,0 %; 2,4 % крестьян жили в смешанных общинах. Поселковое население охватывало 0,5 % крестьян, в основном русской и мордовской национальности. Средняя мордовская семья насчитывала 6,8 чел., татарская — 6,3, русская — 6,2 и средняя по Мордовии — 6,4 чел. По подсчетам В. К. Абрамова, крестьянству принадлежало 1 млн 438 тыс. дес. различных земельных угодий, из которых 241,5 тыс. дес. были вненадельными, 161,5 тыс. рабочих лошадей, 167,7 тыс. продуктивных коров. Посевная площадь среднестатистического хозяйства с учетом аренды равнялась 4,7 дес., валовый сбор зерна — 200 — 250 пудов[85].

В. К. Абрамов считал, что неудовлетворительное в целом обеспечение крестьян Мордовии землей усугублялось классовым расслоением деревни: 44,0 % крестьянской земли находилось у 19,5 % кулацких и середняцких хозяйств, которые забирали и значительную долю аренды. На каждое кулацкое хозяйство в мордовских общинах в среднем приходилось по 23,5 дес. земли, татарских — 23,3 и русских — 20,0 дес. По Мордовии кулацкие хозяйства составляли около 10,0 % дворов, средние — 37,0, бедные — 53,0 %[86]. В. К. Абрамов утверждал: «Большая часть крестьян не могла обеспечить земледелием своим семьям прожиточный минимум и была вынуждена искать дополнительные заработки дома и на стороне. Часть зажиточных хозяйств также занималась побочными заработками, вкладывая деньги в прибыльные торгово-промышленные предприятия. Их владельцы представляли сельскую буржуазию, а большая часть промышленников и „отсутствующих“ — сельский пролетариат и полупролетариат»[87].

По мнению исследователя, классовое расслоение в значительной мере затронуло все исторические категории и национальные группы крестьянства Мордовии. Причем, по его словам, особенностью социальной дифференциации национальных групп являлся сдвиг в сторону зажиточных хозяйств у мордовского крестьянства, в сторону бедных — у татарского. В бывших государственных общинах крестьянская верхушка была преимущественно земледельческой, в удельных — земледельческо-торгово-промышленной. В. К. Абрамов считал, что оформление полярных социальных групп носило ярко выраженный характер и свидетельствовало о глубокой укорененности капиталистических отношений в деревне Мордовии[88].

В. К. Абрамов сделал принципиально важный вывод о том, что крестьянство Мордовии находилось на среднероссийском уровне

аграрного развития. На всероссийском капиталистическом рынке оно выступало в качестве поставщика продовольствия, сырья и рабочей силы[89]. По мнению ученого, в годы войны жизненный уровень крестьян значительно понизился. Среди основных причин он выделил:

— мобилизацию в армию 49,6 % трудоспособных мужчин;
— сокращение побочных заработков;
— возрастание темпов классового расслоения.

По подсчетам В. К. Абрамова, число хозяйств без посевов и без своих работников составляло к 1917 г. соответственно 7,9 % и 9,3 %; до 33,6 % увеличилась доля безлошадных хозяйств[90].

Подсчеты В. К. Абрамова в значительной степени уточняли, а порой и опровергали данные предшествующих исследователей, в частности И. И. Фирстова и Н. В. Полина. Оценивая их исследования, В. К. Абрамов писал: «В их работах содержится богатый фактический материал о социальном и национальном составе населения края, земле и скотоводстве, аренде, найме рабочей силы и прочее. Но сведения, собранные по разнообразным и многочисленным источникам, и методы их обработки не позволяли решать сложные задачи по определению уровня производительных сил и в целом аграрного строя региона прежде всего из-за приблизительности получаемых данных»[91]. Уточняя сложившуюся ситуацию, он отмечал: «Исследователи до настоящего времени приводили точные сведения о крестьянском населении, дифференцированные лишь по социальным и национальным признакам, не затрагивая экономических показателей его социальных и национальных групп. И само население показывалось не в точных границах современной Мордовии, а в границах уездов, из частей которых впоследствии она была образована. Если в состав республики вошло больше половины уезда, он брался целиком, менее — отбрасывался. Такой подход давал известную возможность определить экономическое положение населения в целом и примерное соотношение численности его социальных и национальных групп. Но получаемые таким образом конкретные цифры были весьма и весьма приблизительными, так как при создании Мордовской АССР в ее границы включались прежде всего мордовские села»[92]. Критика В. К. Абрамова во многом была справедливой, однако наблюдаются не совсем корректные данные. Так, он привел фразу, содержащуюся, по его утверждению, в первом томе «Истории Мордовской АССР» (на стр. 270): «В семи уездах, из которых составилась основная территория современной Мордовии, русских было 68,0 %, мордвы — 27,3 %, татар и прочих — 4,7 %»[93]. Далее давалось опровержение этих цифр: «По нашим данным, на территории современной Мордовии русских крестьян — 56,5 %, мордовских — 38,0 %, татарских — 5,5 %»[94]. Однако на странице 270 первого тома «Истории Мордовской АССР» отсутствует цитируемая В. К. Абрамовым фраза, соответственно отсутствуют и приведенные им цифры. Закономерно возникает вопрос о направленности его уточнений и их научной корректности.

В. К. Абрамовым был предложен выход из обрисованной им ситуации путем суммирования данных отдельных волостей, сел и даже общин для получения точных сведений. Он определял вошедшие в состав Мордовии территории уездов путем сравнения современной карты республики с подробными картами губерний, а иногда уездов, с обозначенными границами волостей. В ряде случаев местонахождение сел определялось картографически с помощью курвиметра и циркуля[95]. На основе проведенной таким образом работы и осуществлялись приведенные выше расчеты.

В 2009 г. В. К. Абрамов опубликовал большую статью «Мордовия в годы Первой мировой войны»[96], которая, судя по названию, должна была кардинально изменить региональную историографическую ситуацию по изучению реалий войны. Он отметил рост к 1917 г. (по сравнению с 1911 г.) численности наличных хозяйств на 5,6 % и всего населения Мордовии (включая мобилизованных) на 6,1 %[97]. Прирост хозяйств в селах он объяснял возвращением отсутствовавших крестьян, количество которых сократилось на 32,6 %. По этому поводу он рассуждал: «Так как средняя численность „отсутствующих семей“ была гораздо меньше, чем наличных, увеличение населения теоретически должно было отставать от роста хозяйств. Но произошло обратное. В годы войны проявилась тенденция к объединению, а не разделению хозяйств родственными семьями»[98].

В. К. Абрамов предпринял попытку подсчитать число мобилизованных на фронт представителей мордовского народа. Он считал, что доля трудоспособных мужчин, мобилизованных в армию, повышалась при локализации мордовской территории: по Европейской России она равнялась 45,5 %, по губерниями Мордовского края — 47,7, по 12 уездам, части которых позднее вошли в Мордовию, — 49,6 %. По его утверждениям, по Мордовии к осени 1917 г. в армии находилось более 140 тыс. чел., или каждый второй трудоспособный мужчина. Переносся с коррекцией эту цифру на все мордовскоязычное население страны, он получил 150 — 160 тыс. чел., а на весь народ — 180 тыс. чел. Он попытался представить и потери: население Мордовии, мордовскоязычное население страны и мордовский народ соответственно понесли военные потери 10,2; 11,4 и 13,2 тыс. чел.[99]

Далее В. К. Абрамов подвел читателя к основной теме своей статьи — истории революционных событий 1917 — 1918 гг. Отметим, что собственно Первой мировой войне посвящено в работе 3,5 страницы, а далее дается характеристика Февральской революции, аграрного движения в 1917 — 1918 гг., возникновения мордовского культурно-просветительного общества, аграрной реформы большевиков и т. п.

В начале 1990-х гг. в связи с изучением революционного движения в Поволжье к исследованию проблем истории Мордовии периода Первой мировой войны обратился ***И. Б. Ниманов***[100]. Следуя сложившейся историографической традиции и в какой-то мере повторяя предшественников, он охарактеризовал социально-экономическое положение региона в годы войны, изменение социального облика рабочего

класса и крестьянства. Принципиально новым было обращение исследователя к проблеме социальной психологии различных классов и групп в годы войны. Им было выделено несколько стадий в процессе изменения социальных чувств населения региона:

1) лето 1915 г. — поворот к отрицательному настроению, когда стали проявляться первые последствия неудач армии на фронтах, расстройства сложившегося рынка;

2) осень 1915 г. — лето 1916 г. — брожение, период осознанной первоначальной реакции на ухудшение материального положения, на общее состояние дел в стране, затягивающуюся войну, зарождение и развитие отрицательных настроений;

3) осень 1916 г. — февраль 1917 г. — период подъема отрицательного настроения, когда большинство трудящихся осознало невозможность подобного дальнейшего существования, недовольство охватило и часть мелкой и средней буржуазии[101].

И. Б. Ниманов рассмотрел революционное движение в регионе через призму нескольких его составляющих, нескольких потоков, которые объединились к февралю 1917 г.: движение рабочих, борьба крестьян, солдатские выступления, движение протеста среди военнопленных. Особое внимание он уделил солдатским письмам, их влиянию на формирование революционной психологии масс в годы войны.

Особо стоит отметить исследование И. Б. Нимановым вопросов, связанных с иностранными военнопленными в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны[102]. Суммируя свои наработки, он писал: «Основная масса военнопленных находилась в тяжелом положении, в полной мере испытала на себе тяготы войны. Ужасное содержание многих из них, жестокое обращение со стороны военнопленных и гражданских властей, постоянное ухудшение продовольственного снабжения, и наконец, безудержная эксплуатация и стремление за счет военнопленных решить трудности, вызванные оттоком рабочей силы, вынуждали военнопленных становиться на путь протеста в период Первой мировой войны»[103].

Перу И. Б. Ниманова принадлежит и глава о Первой мировой войне в трехтомной «Истории Мордовии»[104], в которой он подвел итоги своим исследованиям и исследованиям коллег. Он охарактеризовал социально-экономическое положение Мордовского края в годы войны, дал оценку политической жизни края, описал Февральскую революцию в регионе. Привлекает внимание его осмысление политической жизни Мордовского края, которая значительно отличалась от столичной и от той, которая складывалась в крупных промышленных центрах Среднего Поволжья. По его мнению, здесь не было такого спектра политических партий, а имевшиеся силы были не столь многочисленны и не пользовались большим влиянием среди местного населения. Кроме того, главные действующие лица политической борьбы в регионе находились под постоянным наблюдением полиции[105].

Проблематика Первой мировой войны рассматривалась в кандидатской диссертации «Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой

войны: общественное сознание и социальное поведение» ***М. Д. Журавлевой***. В ходе исследования она проанализировала и мордовский материал. Наибольший интерес представляют ее разработки вопросов изменения общественного сознания крестьянства в годы войны, формирования новых черт в сознании, динамики общественного сознания женщин-крестьянок.

Вопросы социальной психологии поднимались в исследованиях ***О. А. Суховой***[106] и ***С. В. Белоусова***[107]. На материалах Пензенской губернии ими приводились факты и по уездам Мордовии. Аналогичное можно сказать о работах ***В. Ю. Карнишина***[108], в которых рассматривается провинциальное общество в годы войны.

Попытка представить очерк о Мордовском крае в годы Первой мировой войны предпринималась и нами в обобщающей работе по истории региона[109]. При этом основное внимание было обращено не на традиционные сюжеты, связанные с социально-экономическим развитием края, а на участие уроженцев Мордовии в боевых действиях на фронтах войны, характеристику боевого пути частей, сформированных в регионе (189-й пехотный Измаильский, бывший 214-й пехотный Мокшанский полк; 196-й пехотный Инсарский полк). Были даны портретные зарисовки кавалеров ордена Святого Георгия М. С. Ошкина, И. Л. Арапова и Ф. И. Лебедева.

Говоря об исследовании региональной истории в годы Первой мировой войны, стоит отметить появление в последнее время статей о людях, в жизни которых война сыграла определенную роль[110]. Следует упомянуть и разделы о Первой мировой войне в работах краеведческого плана[111].

Региональная история Первой мировой войны еще ждет своего исследователя. Многие вопросы не рассматривались не просто специально, но даже и в общем плане. Некоторые проблемы в силу целого ряда, прежде всего идеологических, причин трактовались через призму вызревания условий революции 1917 г., что приводило к некоторой подгонке фактов к уже готовой концепции. Не доработана даже источниковая база, не исследованы огромные пласты документов. Необходимо обратиться и к биографиям участников войны и показать роль фронта в их судьбе. В конечном счете это может привести к появлению обобщающего труда о Мордовии в годы Первой мировой войны.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Гребнев А. М.** К вопросу о деятельности Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка 1906 — 1916 гг. // Уч. зап. Мордов. пед. ин-та. Саранск, 1956. Вып. 4 ; **Его же.** Аграрная реформа Столыпина в Пензенской губернии. М., 1956 ; **Его же.** Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959 ; **Захаров С. П.** К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Зап. Ульянов. гос. пед. ин-та. Ульяновск, 1957. Т. 2 ; вып. 1 ; **Трегубов И. Н.** Столыпинская

реформа и разложение крестьянства в Симбирской губернии // Там же. 1950. Вып. 4 ; **Его же.** Крестьянский банк — орудие Столыпинской аграрной политики (По материалам Симбирской губернии) // Там же. 1953. Вып. 5 ; **Шульпин П. И**. Столыпинская реформа в Нижегородской губернии // Горьковская область. 1940. № 11 ; **Его же.** Крестьянское движение в Нижегородской губернии в годы Столыпинской реформы (1908 — 1916) // Тр. Горьков. гос. пед. ин-та. Горький, 1950. Вып. 13.

[2] См.: Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1955. Т. 1. С. 460.

[3] Там же. С. 462.

[4] Там же. С. 463 — 464.

[5] Там же. С. 466.

[6] Там же. С. 464 — 465.

[7] Там же. С. 465.

[8] Там же. С. 467.

[9] Там же. С. 471.

[10] Там же. С. 477.

[11] Там же. С. 478.

[12] Там же. С. 479.

[13] Там же. С. 480.

[14] См.: **Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957. С. 11 — 67.

[15] Там же. С. 47.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 48.

[18] Там же. С. 49.

[19] Там же. С. 50.

[20] Там же. С. 51.

[21] Там же. С. 52.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 54.

[24] Там же. С. 55.

[25] Там же. С. 56.

[26] Там же. С. 61.

[27] Там же. С. 62.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 63.

[32] **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — 1917 г.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1971. С. 5.

[33] **Полин Н. В.** Солдаты и крестьянское движение (1914 — 1917) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 68.

[34] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны.

[35] **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1972. С. 147. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 43).

[36] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 7.

[37] Там же. С. 7 — 8.

[38] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны. С. 146.
[39] Там же. С. 147.
[40] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 8.
[41] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны. С. 148.
[42] **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 8.
[43] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны. С. 150.
[44] Там же. С. 151.
[45] Там же. С. 152.
[46] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1971. С. 149. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 40).
[47] Там же. С. 150.
[48] Там же. С. 151.
[49] Там же. С. 152.
[50] **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 13.
[51] **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 155
[52] Там же. С. 156.
[53] Там же. С. 158.
[54] Там же. С. 159.
[55] Там же. С. 162.
[56] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 15.
[57] Там же. С. 9.
[58] **Полин Н. В.** Крестьянское хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1972. С. 141. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 43).
[59] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 9.
[60] См.: **Полин Н. В.** Крестьянское хозяйство на территории Мордовии накануне Первой мировой войны. С. 127 — 140.
[61] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 9.
[62] Там же. С. 10.
[63] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 38. С. 186.
[64] См.: **Полин Н. В.** Промышленность Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1974. С. 3. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 47).
[65] Там же. С. 4.
[66] Там же. С. 4 — 5.
[67] Там же. С. 6.
[68] Там же. С. 7.
[69] Там же. С. 8 — 9.
[70] См.: **Полин Н. В.** Солдаты и крестьянское движение (1914 — 1917). С. 69.
[71] Там же.
[72] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 184.

[73] Там же. С. 185.
[74] **Полин Н. В.** Солдаты и крестьянское движение (1914 — 1917). С. 70.
[75] Там же. С. 71.
[76] Там же.
[77] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 15.
[78] Там же. С. 16.
[79] Там же. С. 17.
[80] Там же. С. 21.
[81] Там же.
[82] См.: **Ниманов И. Б.** Революционное движение в Поволжье в годы Первой мировой войны (июль 1914 февраль 1917 гг.) (На материалах Марий Эл, Мордовии, Чувашии) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 1994. С. 8.
[83] См.: **Журавлева М. Д.** Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2001. С. 12.
[84] См.: **Абрамов В. К.** Крестьянство Мордовии в годы Гражданской войны : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Горький, 1982.
[85] Там же. С. 12 — 13.
[86] Там же. С. 13.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же. С. 13 — 14.
[90] Там же. С. 14.
[91] **Абрамов В. К.** К вопросу об экономическом положении крестьянства Мордовии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории Мордовской АССР. Саранск, 1982. С. 149 — 150. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 66).
[92] Там же. С. 150.
[93] Там же. С. 158.
[94] Там же.
[95] Там же. С. 150 — 152.
[96] См.: **Абрамов В. К.** Мордовия в годы Первой мировой войны // Проблемы новейшей истории и этнографии Поволжья и Приуралья (К 80-летию со дня рожд. И. А. Ефимова). Саранск, 2009. С. 11 — 43.
[97] Там же. С. 12.
[98] Там же.
[99] Там же. С. 12 — 13.
[100] См.: **Ниманов И. Б.** Революционное движение в Поволжье в годы Первой мировой войны…
[101] Там же. С. 18 — 19.
[102] **Ниманов И. Б.** Некоторые проблемы содержания военнопленных в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны // Российская провинция: история, культура, наука : материалы II — III Сафаргалиев. науч. чт. Саранск, 1998 ; **Его же**. Содержание и использование военнопленных в России в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 гг.) // История в культуре, культура в истории : материалы V Сафаргалиев. науч. чт. Саранск, 2001; **Его же**. Участие иностранных военнопленных в движении протеста в России в 1915 г. // Волжские земли в истории и культуре России. Саранск, 2004. Ч. 1.

[103] **Ниманов И. Б.** Содержание и использование военнопленных в России в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 гг.) // История в культуре, культура в истории. С. 197.

[104] См.: История Мордовии : От эпохи великих реформ до великой рос. революции. Саранск, 2005. С. 329 — 364.

[105] Там же. С. 350.

[106] См.: **Сухова О. А.** «И будут летать огненные скорпионы» : Образы Первой мировой войны в сознании современников (По материалам Пензенской губернии) // Исторические записки. Пенза, 2004. Вып. 8 ; **Ее же**. «Общинная революция» в России : Соц. психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX в. (По материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007.

[107] См.: **Белоусов С. В.** Первая мировая война через призму военной цензуры // Исторические записки. Пенза, 2004. Вып. 8.

[108] См.: **Карнишин В. Ю.** На пути к самоизоляции и потере управления : Власть в столице и провинции в период Первой мировой войны // Историк и время : сб. науч. ст. Пенза, 2004 ; **Его же**. В испытаниях войны : Провинц. общество в 1914 — 1917 гг. // Пензенское краеведение: опыт, перспективы развития. Пенза, 2005. Т. 1.

[109] См.: **Юрченков В. А.** Начертание мордовской истории. Саранск, 2012. С. 456 — 468.

[110] См.: **Юрченков В. А.** «Неисправимой правизной страдал... И. П. Демидов» // Центр и периферия. 2008. № 2 ; **Его же**. Жизнь на переломе эпох // Там же. 2012. № 3.

[111] См., например: Красная Слобода. Саранск, 2007 ; **Илюхин Г. В.** Дубенское Присурье : очерки по истории мордвы, русских и татар, проживающих в Дубенском Присурье с древности по 1928 год, до образования Дубенского района. Саранск, 2008.

М. А. Бибин

ДВОРЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Одной из важных проблем, остро вставших перед дворянским хозяйством в годы Первой мировой войны, было обеспечение его рабочей силой. Мобилизация почти половины мужчин трудоспособного возраста явилась одной из причин глубокого расстройства сельскохозяйственной отрасли Мордовии, однако этот фактор оказал серьезное влияние и на дворянские хозяйства. Вместе с сокращением рабочих рук шло падение количества рабочей силы, направлявшейся на посторонние заработки — в отход. Насколько изменилось значение крестьянского хозяйства как резерва рабочей силы для сельскохозяйственных работ в частновладельческих имениях, можно судить по данным некоторых уездов Мордовии. Например, в 1910 г. из сел и деревень Наровчатского уезда, по отчету уездного исправника, на отхожие заработки

уходили до 10 900 чел.[1], а в 1917 г. — 7 146 чел.[2]; из Краснослободского уезда в 1910 г. — 9 900 чел.[3], а в 1917 г. — 4 170 чел.[4], или отход из своего хозяйства сократился на 57,9 %. При этом отход на сельскохозяйственные работы уменьшился заметнее, чем отход в промышленность, поскольку здесь были более высокие заработки и возможность избежать мобилизации. Например, по Наровчатскому уезду в 1912 — 1913 гг. 41,4 % отходников уходили в приволжские губернии на сельскохозяйственные работы, а на Кавказ, в Баку и Грозный (на нефтепереработки) — только 7,0 %*. По данным 1917 г., уже 46,8 % отходников выбывали на нефтепереработки в Баку и Грозный, а на сельскохозяйственные работы в Самарскую и Саратовскую губернии — только 5,7 % отходников[5].

Во время войны уменьшился и найм работников поденно и на срок. К лету 1915 г. в Тамбовской губернии и ее уездах частновладельческие хозяйства при уборке хлебов и посеве озимых, по данным чиновников Тамбовского отделения Крестьянского поземельного банка, испытывали «громадные затруднения»[6].

Убыль рабочих рук помещики старались покрыть рабочей силой военнопленных. В целом по стране с начала войны по 1 сентября 1916 г. Министерство земледелия получало по распределительным ведомостям Особого совещания по обороне государства 57,4 % всех военнопленных, тогда как Министерство путей сообщения и Министерство торговли и промышленности — только 30,5 %[7].

В Саранске и Ардатове, по данным на 20 января 1916 г., содержались 1 657 военнопленных[8]; в Наровчатове на 8 сентября 1916 г. — 3 660[9]; в Спасске и Темникове — 790 чел.[10]. Размещение большого количества пленных в уездах Мордовии объясняется тем, что некоторые уезды, такие, как Спасский, Темниковский, Наровчатский входили в состав Московского военного округа, а Ардатовский, Инсарский, Саранский и Краснослободский — в состав Казанского военного округа.

Распределением военнопленных на сельскохозяйственные работы в уездах занимались уездные земства. Они же устанавливали и нормы отпуска военнопленных. Так, Темниковское уездное земство эту норму определяло в 10 чел.[11] Охрана военнопленных входила в обязанность хозяина, т. е. помещика или разбогатевшего деревенского предпринимателя.

В июне 1916 г. помещицы Е. Модаева, А. Панкина, Л. Листатева из пос. Краснослободское Костыляйской волости Инсарского уезда обращались к пензенскому губернатору с просьбой о выделении военнопленных для сельскохозяйственных работ. Им было отказано, более того, у них были отобраны и те пленные, которые были отпущены раньше[12]. Другой помещице из с. Знаменская Пестровка того же уезда по распоряжению губернатора Инсарская земская управа выделила 5 военнопленных[13].

---

* Подсчитано автором по: Вестн. Пензен. земства. 1913. № 10. С. 369.

Количество военнопленных, используемых на работах в дворянских хозяйствах, зависело от размера площади владения. Так, по данным Инсарской уездной управы, на 21 мая 1916 г. в имении Ненюкова работали 10 пленных, у Бакулина — 23[14], а в латифундии действительного статского советника, камергера Н. Н. Столыпина, где пахотная земля равнялась 2 800 дес., работали 100 военнопленных из 352, занятых на сельскохозяйственных работах в уезде в 1915 г.[15] На 1 июля 1916 г. в Ардатовском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах в помещичьих экономиях эксплуатировались 1 936 военнопленных[16]. Распределение числа военнопленных в Алатырском, Карсунском, Ардатовском уездах представлено в табл. 1.

Как видно из таблицы, из 1 411 чел., работавших в хозяйствах дворян, более половины (56,6 %) привлекались к труду в имениях, имевших более 1 000 дес. земли. У мелких помещиков работало только 10,0 % всего числа военнопленных.

Таблица 1

Число военнопленных, работавших в крупных имениях в 1915 г.

	Кол-во военно-пленных	%
Всего:	1 640	100,0
работало у зажиточных крестьян	229	14, 0
работало у помещиков, в т. ч. имевших	1 411	86,0 (100)
до 200 дес.	197	10,0
от 200 до 1 000 дес.	471	33,4
свыше 1 000 дес.	798	56,6

Составлена по: ГАУО. Ф. 33. Оп. 27. Д. 296. Л. 5, 7, 26.

Применение труда военнопленных приводило к понижению заработной платы вольнонаемных рабочих. В марте 1915 г. Темниковским уездным собранием была установлена выдача заработной платы в размере 4 руб. в месяц[17], или 24 руб. за полгода на руки.

Стоимость пропитания одного пленного определялась в 8 руб.[18], посредническая деятельность земства оценивалась в 4 руб. в месяц[19].

Заработная плата работника на лето при вольном найме в Темниковском уезде в 1914 г. равнялась 57 руб.[20] в полгода, или 9,5 руб. в месяц. Учитывая стоимость пропитания, плата рабочего в месяц равнялась 17,5 руб., тогда как стоимость труда военнопленного оценивалась в 16 руб. Разница в оплате труда работника по вольному найму и принудительного труда военнопленного составляла 1,5 руб.

Помещики стремились уравнять не только оплату труда батрака с пленным, но и стоимость пропитания.

В 1915 г. суточное содержание военнопленных в Краснослободском уезде было установлено в 15,3 руб.[21], Наровчатском —14,9[22], в Саранском — в 14,3 руб.[23] на 1 чел.

Применение труда военнопленных в дворянских хозяйствах, с одной стороны, заменяло труд мобилизованных на войну мужчин, с другой —

способствовало отливу рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, увиличивая недостаток рабочих рук.

Принудительным был труд не только военнопленных, но и беженцев. Эвакуация гражданского населения из прифронтовых районов носила стихийный, хаотичный характер. Тяжелым было положение беженцев и в местах их временного поселения.

В уездах Мордовии было размещено большое количество беженцев. В Ардатовском уезде, по данным на август 1916 г., проживали 1 340 беженцев[24]. На 1 октября 1915 г. в г. Краснослободске было размещено 386 беженцев[25], в г. Саранске — 878[26]. На 1 января 1916 г. в Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и в Саранском уездах проживало более 21 000 чел.[27], прибывших из западных губерний. На их содержание был установлен паек в размере 6 руб. на 1 взрослого и 3 руб. на каждого, не достигшего трудоспособного возраста[28]. Эти пайки были мизерными, их едва хватало на пропитание и выдавались они нерегулярно. Беженцы вынуждены были нищенствовать, просить подаяние и искать посильную работу — идти в кабалу к местному помещику или кулаку. Беженцы, размещенные в с. Ермоловка Саранского уезда в количестве 89 чел., в своем прошении в Комитет по призрению беженцев Саранского уезда от 2 декабря 1915 г. писали, что они с 27 октября этого года «не получали пайки и, не имея средств к существованию... кормились лишь одним подаянием»[29].

Власти принуждали беженцев работать на сельскохозяйственных работах у помещиков и кулаков за низкую плату. Симбирское губернское совещание по устройству беженцев в мае 1916 г. потребовало, чтобы все беженцы — как мужчины, так и женщины в возрасте от 14 до 55 лет — нанялись на работу, в противном случае угрожали лишением всех видов помощи от казны[30].

В августе 1916 г. в Ардатовском уезде работали 717 беженцев[31], уклонялись от работы и поэтому снимались с наймов 327 чел.[32], или 31,3 %. О принудительном характере привлечения к труду беженцев говорит и такой факт: в 1916 г. добровольно приступили к работам в поле только 157 беженцев[33], и только лишение пайка заставило приступить к работам остальных из 717 чел.

Помещики и кулаки до минимума снижали плату беженцам, например, в 1916 г. в Саранском уезде они получали 10 — 20 руб.[34] в месяц, тогда как в Темниковском уезде поденщики получали в том же году по 2 руб. 39 коп.[35], что составляло 60 — 70 руб. в месяц.

В результате применения принудительного труда военнопленных и беженцев снижалась заработная плата сельскохозяйственных рабочих. В Темниковском уезде поденщикам-косцам в мирное время платили до 1 руб. 50 коп., а в 1915 г. — до 2 руб.; женщинам-поденщицам соответственно 40 коп. и 60 коп.; рабочему с лошадью — 2 руб. и 2 руб. 50 коп.[36] К 1915 г. номинальная плата у косцов увеличилась на 33 %, у женщин — на 50 % и у рабочего с лошадью — на 25 %. Однако реальная плата падала быстрее роста номинальной платы. Это было вызвано ростом дороговизны и спекуляции. Например, в данном уезде

с начала войны и по 1916 г. цена пуда ржаной муки поднялась на 80 — 100 %[37]. Цена муки росла в 2 — 4 раза быстрее, чем происходил рост заработной платы у поденщиков.

Во время войны помещики усиливали эксплуатацию наемных рабочих, основную массу которых составляли женщины и подростки. Возросло неравенство в оплате их труда. Если до войны в Темниковском уезде работницы-поденщицы получали на 26,6 % ниже платы мужчин, то в 1915 г. — на 30,0 %[38]. В Спасском уезде в 1915 г. плата поденщицы в страду составляла 67,0 %, а в остальное время — 50,0 %[39].

Снижение уровня оплаты труда сопровождалось ухудшением питания работников на харчах хозяина. Цены на продукты питания росли, а норма расхода на питание оставалась прежней. Поэтому работники питались хуже. Несмотря на это, наем рабочих на харчах хозяина во время войны получил большее распространение, чем до войны.

Убыль рабочей силы затруднила ведение дворянского хозяйства (табл. 2). Особенно пострадали те из них, которые практиковали отработочную систему. Возможности для отработок и испольщины сократились, а переход к капиталистической системе был весьма сложным.

Таблица 2

Наличие рабочих рук в дворянских хозяйствах

Уезд	Число хозяйств	Количество рабочих		
		всего	на 1 хозяйство	на 100 дес. посева
Инсарский	166	2 571	15,6	86,0
Краснослободский	20	266	13,3	60,7
Наровчатский	64	271	4,2	80,1
Саранский	160	1 524	9,5	58,2
Ардатовский	76	1 259	16,5	76,0
Спасский	91	1 251	13,7	81,0
Темниковский	213	1 593	7,5	31,8
По Мордовии	790	8 737	11,0	67,7

Составлена по: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923. Т. 5 ; вып. 2. С. 82 — 84, 86 — 88, 106 — 108, 114 — 116, 118 — 120. (Тр./ЦСУ).

Из таблицы видно, что в среднем по Мордовии на 1 частновладельческое хозяйство приходилось 11 рабочих, на 100 дес. посева — 67,7 рабочего. Сюда входили местные крестьяне, военнопленные и беженцы. В Темниковском уезде процент мобилизованных в армию достигал 52,8, это больше, чем в других уездах. Здесь больше ощущался недостаток рабочей силы. На 100 дес. посева приходилось только 31,8 рабочего.

С ухудшением положения на фронте проблема рабочей силы для дворянских хозяйств становилась все острее. Уменьшался приток в хозяйства помещиков дешевой рабочей силы — военнопленных. Краснослободский уездный предводитель дворянства в прошении к пензенскому губернатору от 9 марта 1916 г. писал, что «из-за отсутствия рабочих рук могут остаться незасеянными яровые земли помещиков» и просил прислать 200 военнопленных[40]. Доверенный помещика Н. Н. Столыпина Л. Х. Логинов в прошении от 18 мая 1916 г. описывал крайнюю нужду в рабочих руках. Он сообщал, что площадь ярового клина в 1915 г. сократилась на 25,0 %, и на уборку трав и хлебов просил выделить военнопленных[41]. Помещица Лукьянчикова из Саранского уезда 5 июня 1916 г. называла свое положение безнадежным[42]. Наровчатская уездная земская управа 25 февраля 1917 г. настоятельно просила пензенского губернатора ходатайствовать об отпуске 1 500 чел. военнопленных[43]. В телеграмме тамбовского губернатора Салтыкова министру земледелия сообщалось, что он «отовсюду ежедневно» получает телеграммы с «отчаянными просьбами придти на помощь», что в губернии «острая нехватка рабочих рук», и просил 400 пленных[44]. В ответе министр земледелия разъяснил, что военнопленных нет, и в связи с ухудшением положения на фронте в скором времени просьбу выполнить невозможно[45].

В годы войны перед помещичьим хозяйством остро встал вопрос о тягловой силе (табл. 3). В довоенное время помещики имели такое количество лошадей, содержание которых окупалось длительностью его использования в течение всего хозяйственного года. Для краткосрочных работ использовались крестьянские лошади.

Таблица 3

Обеспечение рабочим скотом крестьянского и помещичьего хозяйства*

Показатель	Хозяйства	
	крестьянские	частновладельческие
Лошади в рабочем возрасте	176 327	5 357
Посевная площадь	802 630	34 970
Лошади на 100 дес. посева	21,9	15,3

Составлена по: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи... С. 82 — 84, 86 — 88, 106 — 108, 114 — 120.

* В подсчет вошли Ардатовский, Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Саранский, Спасский и Темниковский уезды.

Мобилизация лошадей проходила и из дворянских хозяйств, хотя и меньше, чем из крестьянских. Помещики довольно успешно перекладывали тяжесть военно-конной повинности на крестьян. У них отбиралась последняя лошадь, а помещики отдавали половину, если лошадей было четное число, и меньшую часть, если поголовье было нечетным.

Из таблицы видно, что у крестьян было в 1,4 раза больше лошадей, чем у помещиков. В действительности же разница была не столь велика. Необходимо отметить, что лошади у помещиков

были лучше, чем у крестьян. К тому же, в дворянских хозяйствах было больше распространено использование волов. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в частновладельческих хозяйствах Мордовии было 4,1 % волов, а в крестьянских — 0,01 %[46].

Уменьшение рабочих рук и сокращение поголовья рабочего скота привели к сокращению найма в дворянских хозяйствах не только пеших рабочих, но и рабочих с лошадьми, что поставило помещиков в затруднительное положение. Недостаток рабочих рук помещики могли отчасти возместить трудом военнопленных и беженцев, для пополнения же тягловой силы подобного резерва не было.

Во время войны ухудшилось снабжение дворянского хозяйства сельскохозяйственным инвентарем и машинами. Царское правительство, проводя политику сохранения дворянских хозяйств, поставило их в лучшее положение по сравнению с крестьянами (табл. 4). Тот инвентарь, который производился в России, в первую очередь продавался помещикам. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Спасском и Темниковском уездах 96,9 % крестьянских дворов не имели усовершенствованного инвентаря, а в дворянских хозяйствах они отсутствовали у 63,4 %[47].

Таблица 4

Концентрация машин на 1 единицу посевной площади

Показатель	У помещиков	У крестьян	Во сколько раз
На 1 плуг	19,1	78,4	4,1
На 1 сеялку	83,0	3 892,0	37,0
На 1 косилку	195,6	7 049,6	3,0
На 1 жнейку	119,0	1 408,7	11,0
На 1 молотилку	124,0	799,6	6,0

Составлена по: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи... С. 116 — 121.

С сокращением в годы войны количества скота дворянские хозяйства нуждались и в органических удобрениях. В лучшем положении находились хозяйства, земли которых сдавались в долгосрочную аренду. Обычно в арендном договоре оговаривался и вопрос об удобрении земли навозом. Крестьяне с. Усть-Пырцы обязаны были, согласно договору с Хохловым, удобрять 6 дес. в паровом поле, вывозя по 200 возов на 1 дес. земли[48].

Обеспеченность дворянского хозяйства рабочей силой, рабочим скотом, сокращение потребления машин и удобрений требовали перестройки помещичьего земледелия и всего хозяйства в целом. Это диктовалось экономическими и политическими условиями военного времени. Перестроить хозяйство, приспособить его к новым условиям помещики не смогли.

В годы войны в дворянских хозяйствах Мордовии резко сократились посевные площади. В Темниковском и Спасском уездах в 1914 г. посевная площадь равнялась 22 746 дес.[49], а в 1916 г. — 12 742 дес.[50], что составило 52,9 % к посеву 1914 г. (табл. 5).

Таблица 5

Изменение посевной площади по различным культурам

Культуры	Посевная площадь (дес.)		Уменьшение или увеличение	
	1914 г.	1916 г.	дес.	%
Продовольственные	10 563	4 295	−6 268	−59,3
Крупяные	1 322	242	−1 080	−81,7
Бобовые	637	51	−556	−91,6
Овес	7 209	4 117	−3 092	−4,9
Картофель	3 455	1 315	−2 140	−61,9
Свекла	3	—	−3	−100,0
Бахчевые	—	7	+7	+100,0
Волокнистые	—	22	+22	+100,0
Кормовые травы	—	1 923	+1 923	+100,0
Итого	22 746	12 742	−10 694	−47,1

Составлена по: ГАПО. Ф. 26 Оп. 4. Д. 1919. Л. 4, 7 — 10.

Как видно из таблицы, площади посева всех культур сократились. Особенно уменьшились посевы бобовых и крупяных культур — на 91,6 % и 81,7 %. Изменилась и структура посевов. Если раньше отсутствовали посевы бахчевых, волокнистых (лен, конопля) культур, то в годы войны они занимали большие площади, огромные площади отводились под травы, особенно многолетние. В 1916 г. в Спасском и Темниковском уездах ими было занято 15,1 % посевной площади[51].

В целом по Мордовии в частновладельческих хозяйствах с 1913 г. по 1915 г. площади ржи уменьшились с 123 774 дес.[52] до 56 723 дес.[53], или на 45,8 %. Посевы проса и гречихи тоже сократились. Увеличение площади их посева (на 25,6 %) наблюдалось только в Краснослободском уезде[54]. Сокращение посевов овса объясняется его небольшой трудоемкостью и неприхотливостью возделывания. Во время войны правительство, стремясь заготовить больше овса, подняло цены, обеспечив помещикам выгодный его сбыт для нужд армии. Царское правительство установило твердые цены на овес, несоразмерные с ценами на другие культуры. Например, средняя цена пуда овса в Инсарском, Саранском и Краснослободском уездах равнялась 52,2 коп.[55] Постановлением министра земледелия от 9 сентября 1916 г. твердая цена пуда овса для Пензенской губернии была установлена в 1 руб. 58 коп.[56], или на 202,7 % выше цены 1913 г. Цена ржи поднялась с 68,9 коп.[57] до 1 руб. 52 коп.[58], или на 120,6 %. Расчеты показывают, что цена на рожь поднялась в 2,2 раза, а на овес — в 3,2 раза. Повышение цены на овес по сравнению с ценами на рожь и пшеницу было одной из многих причин возникшего продовольственного кризиса в стране, в т. ч. в Мордовии.

Уменьшение посевов картофеля было вызвано прекращением винокурения и недостатком рабочих рук. В целом структура посевных площадей в дворянских хозяйствах Мордовии во время войны не отвечала задаче обеспечения рынка продовольственными товарами и отражала стремление помещиков получать максимальные прибыли при наименьших затратах труда и капитала.

В 1915 — 1916 гг. сокращение посевных площадей у помещиков в некоторой степени компенсировалось хорошими урожаями хлебов. Так, урожай ржи в среднем у всех помещиков по Мордовии в 1913 г. был равен 60,1 пуда с дес.[59], а в 1915 г. — 76,6 пуда[60].

Рост урожайности важнейших культур объясняется благоприятными погодными условиями. Об урожайности культур в Темниковском и валовом сборе хлебов в Краснослободском уездах говорят данные, приведенные в табл. 6, 7.

Таблица 6

Урожай важнейших культур с десятины по Темниковскому уезду, пуд.

Год	Рожь	Овес	Просо	Картофель
1914	46,1	25,5	20,2	345
1915	59,0	54,5	49,3	749
1916	64,4	44,7	67	390

Составлена по: Краткий сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии в 1914 г. Тамбов, 1914. С. 25 ; 1916. С. 21 ; 1917. С. 25.

Таблица 7

Валовой сбор хлебов в Краснослободском уезде, пуд.

Год	Рожь	Пшеница	Гречка	Овес	Просо	Чечевица	Горох	Картофель	Всего
1914	97 650	170	468	52 920	9 023	87	370	127 625	288 313
1916	428 049	890	2 180	80 084	32 635	—	1230	41 333	684 401

Составлена по: ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1758 ; Ф. 9. Оп. 2. Д. 763. Л. 92.

В 1913 г. валовой сбор ржи в уездах Мордовии был равен 8 829 492 пудам[61], а в 1915 г. — 4 299 065 пудам[62], или 47,8 % сбора 1913 г.

Дворянское хозяйство большое количество хлеба расходовало на потребление и во внутридеревенском обороте. Во время войны эти расходы претерпевали изменения, хотя очень трудно определить характер этих изменений. Несомненно, что уменьшение скота, прекращение винокурения повлекли за собой и сокращение потребления зерна в хозяйстве.

Помещики предпочитали продавать хлеб крупными партиями городам, монастырям и военному ведомству, получая при этом большие прибыли. Часть хлеба проходила через торговцев и перекупщиков-

спекулянтов. Получить данные о количестве помещичьего хлеба, проходившего через руки торговых посредников, не представлялось возможным. Помещики продавали хлеб и на нужды армии. Царское правительство устанавливало закупочные цены, исходя из интересов помещиков, однако даже таким образом установленные цены не удовлетворяли последних. Помещики стремились к дальнейшему повышению цен. Они воздерживались от продажи хлеба и добивались того, чтобы чиновники поднимали закупочные цены. Темниковский уездный исправник в отчете о настроении населения в октябре 1916 г. писал тамбовскому губернатору, что «крупные землевладельцы установленные твердые цены на хлеб находят низкими и поэтому воздерживаются от продажи хлеба»[63] на нужды армии.

У нас нет подробных данных о продаже хлеба помещиками, чтобы вывести его товарность, поэтому мы ограничимся лишь неполными сведениями о деятельности хлебохранилищ на территории Мордовии в начале войны. Из урожая 1914 г. на элеваторы в Саранске и Торбееве поступило 911 989 пудов ржи. Из всего количества хлеба землевладельцы поставляли 7 288 пудов, или 0,8 %; крестьяне — 3 459 пудов, или 0,5 %; торговцы — 181 727 пудов, или 19,9 %; остальные — 719 515 пудов, или 78,8 % ржи[64]. Как видно из приведенных данных, помещики поставляли незначительную часть своего хлеба в государственные хранилища. Это говорит о том, что они продавали хлеб на свободном рынке по спекулятивной цене. Например, управляющий имением Русенова в Темниковском уезде 5 июня 1916 г. продал Саровскому монастырю 2 042 пуда ржи и 4 996 пудов овса[65], а дворянка А. Д. Травина 6 февраля 1916 г. продала тому же монастырю 100 пудов пшена по 3 руб. 20 коп. за пуд[66], тогда как цена на пшено равнялась 2 руб. 80 коп. за пуд[67].

В годы Первой мировой войны при реквизиции скота помещики были поставлены правительством в льготное положение. Так, по Правилам поставки скота на нужды армии, выработанным 20 марта 1916 г. Совещанием председателей уездных земских управ Симбирской губернии, говорилось, что каждое частное владение, имевшее более 7 голов скота, по реквизиции 1916 г. должно было поставить не более 14 % взрослого скота[68].

Состояние животноводства в хозяйствах частных владельцев в 1916 г. характеризовалось следующими цифрами: на 1 владение приходилось в среднем 7,2 коровы, 23,7 овцы и 7,8 свиньи[69]. Малые средние цифры наличия скота у помещиков говорят, во-первых, о том, что многие из них вели сельское хозяйство арендой земли исполу и отработками. В таких имениях, как правило, было мало скота. По переписи 1917 г., на территории Мордовии 202 частновладельческих хозяйства не имели вообще скота, 217 хозяйств были без коров[70].

Однако средние цифры скрывают большие различия в обеспеченности скотом разных по размерам хозяйств. У княгини Н. М. Гагариной только в имении при с. Токмове было 700 овец и 100 гол. крупного рогатого скота[71]. В имении М. А. и Ю. Ю. Ново-

сильцевых на июнь 1917 г. было 229 гол. крупного рогатого скота, 60 овец и 24 свиньи[72].

Произошли изменения и в арендных отношениях. До войны основными арендаторами частновладельческих земель была малоземельная беднота. Она арендовала землю небольшими участками. Во время войны часть крестьянства отказывалась от аренды или сокращала ее, что повлекло за собой снижение арендной платы.

Наибольшее снижение арендной платы происходило в тех районах, где преобладала денежная аренда. С повышением цены на хлеб упала реальная ценность арендных платежей. Необходимо отметить, что во время войны не все платежи вносились деньгами. Сохранялись отработки, испольщины и т. д. Например, население Усть-Пырцы Спасского уезда за аренду 211 дес. пашни помещика Хохлова вносили ежегодно 2 640 руб. деньгами, по 225 пудов ржи, 150 пудов овса, 25 телег ржаной соломы и 30 телег овсяной соломы натурой[73]. Даже в результате инфляционного обеспечения, фиксированной в договоре денежной арендной суммы, Хохлов не терпел убытка из-за дороговизны ржи, овса и соломы.

Убытки от сокращения аренды и арендных платежей во время войны помещики возмещали залогами и перезалогами своих имений (табл. 8).

Помещики, являвшиеся плательщиками взносов земельным банкам, были заинтересованы в понижении курса рубля, который к их выгоде упал к началу 1917 г. на 398 %[74]. Следовательно, падение реальной ценности арендных платежей не приносило убытков помещикам, а их долги банкам снизились в четыре раза.

Царское правительство еще до Первой мировой войны принимало разнообразные меры для поддержания рушившегося помещичьего землевладения. Во время войны залоги земель приняли массовое явление. В 1915 г. в Нижегородской, Симбирской, Тамбовской и Пензенской губерниях было заложено 97 имений с площадью в 190 084 дес. пашни, лугов и лесов[75]. Обычным явлением стали перезалоги имений в Дворянском банке. Так, если в вышеназванных губерниях по первоначальному залогу 1915 г. было заложено 12 имений с площадью в 5 877 дес.[76], то по перезалогу — 33 имения с 76 832 дес. земли[77], т. е. перезалог в более чем 13 раз превышал залог земли. Крупными учреждениями

Таблица 8

Залог имений помещиков на 1 января 1916 г.

Уезд	Кол-во имений	Площадь земли, дес.
Ардатовский	43	7 791
Инсарский	59	23 539
Краснослободский	15	2 513
Наровчатский	37	10 706
Саранский	54	14 617
Спасский	25	6 335
Темниковский	24	16 146
Итого	257	81 647

Составлена по: ГАУО. Ф. 125. Оп. Д. 1219. Л. 37 ; ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1674. Л. 9, 14, 23 — 24.

ипотечного кредита, выдававшими помещикам Мордовии ссуды, были Московский, Азовский, Нижегородско-Самарский земельные банки. Особенно заботу о дворянском землевладении России в целом, и Мордовии в частности, проявлял Государственный дворянский земельный банк.

Заложенные помещиками земли составляли огромную площадь. В некоторых уездах, например в Темниковском, где, по данным 1914 г., числилось 28 752 дес.[78], было заложено более половины (56 %) дворянских земель.

Отдельные заемщики накапливали недоимки в десятки и даже сотни тысяч рублей. В Инсарском уезде недоимки имели Андроновы — 43 800 руб.[79]; в Саранском — Глебовы — 50 077 руб.[80], дворянка Бакулина — 52 745 руб.[81], Г. С. Унковский — 72 673 руб.[82], А. А. Арапов — 563 679 руб.[83]. Случаи описи и продажи с молотка имений должников банкам были весьма редки. Дворянский поземельный банк тормозил мобилизацию дворянской земли, способствовал сохранению крупных латифундий. Мы не имеем данных о переходе дворянских земель в другие руки по уездам Мордовии, поэтому ссылаемся на факты из губерний, куда они входили. На 1 января 1915 г. из 69 036 дес.[84], заложенных в Дворянском банке по Пензенской губернии, перешли в другие руки только 4 713 дес.[85], или 6,8 % всей заложенной земли.

Во время войны случаи продажи имений еще больше сократились. Министерство финансов находило средства для продления долгов дворян банкам. Министр финансов П. Л. Барк сообщал некоторым заемщикам банка, что им «преподаны соответствующие указания Государственному дворянскому земельному банку, который по ходатайствам отдельных заемщиков всецело пойдет им навстречу предоставлением в надлежащих случаях нужных отсрочек»[86]. Некоторые помещики добивались причисления срочных платежей к капитальному долгу. Ненужность этой операции управляющий Дворянским и Крестьянским банками А. Карцов разъяснял следующим образом: заемщики, уплатившие ноябрьский взнос 1913 г., могут получить рассрочку майского и ноябрьского платежей в 1914 г. Платеж наступит только 1 мая 1915 г., но заемщик имеет льготный срок до 1 ноября 1915 г. За неуплату взносов и в этот срок имение может быть назначено в продажу только в апреле 1916 г. Владельцы имений, имевшие большие долги, должны были иметь в виду, что «названный банк, относясь с обычной отзывчивостью к нуждам своих заемщиков, не остановится и при настоящих условиях перед испрошением в уважительных случаях особых разрешений к отмене продажи таких имений»[87]. Такими льготами широко пользовались и дворяне Мордовии. В октябре 1914 г. был опубликован список имений неисправных заемщиков Московского и Дворянского земельных банков по Пензенской губернии, подлежавших продаже с молотка[88].

Во время войны росли недоимки помещиков не только банкам, но и по частной дворянской повинности и земским сборам. В Симбирской губернии, куда входил Ардатовский уезд, в ноябре 1912 г. недо-

имки дворян по частной дворянской повинности составляли 73 084 руб., а к 1 декабря 1915 г. — 101 254 руб.[89] Дворяне Тамбовской губернии в ноябре 1915 г. имели сумму недоимок по дворянским сборам 160 000 руб.[90] Часть этой суммы числилась в недоимках у дворян Темниковского и Спасского уездов. Губернский предводитель дворянства, ввиду слабого поступления недоимок и сборов, обратился 21 декабря 1915 г. к губернатору с просьбой «о принятии возможных мер к понуждению неисправных плательщиков»[91]. Росли задолженности помещиков Мордовии и по земским сборам. В Темниковском уезде в феврале 1915 г. недоимка земского сбора с дворянских хозяйств составляла 57 433 руб.[92] сбора с земли и 13 543 руб.[93] сбора с недвижимого имущества. В Спасском уезде недоимки помещиков по земскому сбору с недвижимого имущества достигали к февралю 1915 г. 18 449 руб.[94] Земцы, нуждаясь в средствах, увеличивали сборы с крестьянской земли. Следовательно, недоимки частных владельцев перекладывались и взыскивались с крестьян[95].

Таким образом, в дворянском хозяйстве Мордовского края в годы Первой мировой войны произошли те же изменения, что и в дворянском хозяйстве России. Сокращение рабочих рук, уменьшение тягла повлекли за собой сокращение посевной площади. Во время войны процесс мобилизации дворянского землевладения был заторможен деятельностью Дворянского банка[96], однако все меры поддержки не могли полностью его остановить.

Библиографические ссылки

[1] ГАПО. Ф. 158. Оп. 3. Д. 5502. Л. 3.
[2] Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 769. Л. 26.
[3] Там же. Ф. 158. Оп. 3. Д. 5504. Л. 7.
[4] Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 769. Л. 27.
[5] Там же.
[6] Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5226. Л. 169.
[7] См.: **Анфимов А. М.** Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С. 95.
[8] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 15. Д. 662. Л. 2 — 3.
[9] Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1068. Л. 97.
[10] Там же.
[11] Журналы Темниковского уездного земского собрания. Темников, 1916. С. 21.
[12] ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1805. Л. 432.
[13] Там же. Л. 195.
[14] Там же. Л. 392.
[15] Там же. Л. 296.
[16] ГАУО. Ф. 83. Оп. 26. Д. 170. Л. 16 ; ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1805. Л. 359, 372, 374.
[17] Журналы Темниковского уездного земского собрания. С. 21.

[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 24.
[21] ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1805. Л. 40.
[22] Там же. Л. 39.
[23] Там же. Л. 48.
[24] ЦГА РМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 10. Л. 90.
[25] РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 769. Л. 2.
[26] Там же. Л. 109.
[27] Вестн. Пензен. земства. 1916. № 2. С. 23.
[28] ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 138.
[29] Там же.
[30] Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
[31] ГАУО. Ф. 83. Оп. 29. Д. 136. Л. 53 — 56.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
[35] См.: Краткий сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии за 1916 год. Тамбов, 1916. С. 31.
[36] ГАТО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5341. Л. 181.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же. Ф. 168. Оп. 32. Д. 39. Л. 19
[40] ГАПО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1805. Л. 249.
[41] Там же. Л. 296 — 297.
[42] Там же. Л. 327.
[43] Там же. Л. 24.
[44] ГАТО. Ф. 161. Оп. 142. Д. 5. Л. 167.
[45] Там же.
[46] См.: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923. Т. 5 ; вып. 2. С. 83, 87, 107, 115, 119.
[47] Там же. С. 116 — 121.
[48] ГАТО. Ф. 168. Оп. 32. Д. 39. Л. 7 — 8.
[49] Там же. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1919. Л. 4, 7 — 10.
[50] См.: Всероссийская сельскохозяйственная перепись. 1916 г. Тамбов, 1916. С. 15 — 21.
[51] ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1919. Л. 4, 7 — 10 ; Всероссийская сельскохозяйственная перепись. С. 15 — 21.
[52] См.: Урожай 1913 года в европейской и азиатской России. СПб., 1913. Вып. 1. С. 8 — 9, 28 — 29, 44 — 45.
[53] Там же.
[54] ГАПО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 763. Л. 93 ; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1758. Л. 76, 78.
[55] См.: Вестн. Пензен. земства. 1913. № 2. С. 924 — 925.
[56] ГАПО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 2020. Л. 19 — 24.
[57] См.: Вестн. Пензен. земства. С. 924 — 925.
[58] ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 2020. Л. 19 — 24.
[59] См.: Урожай 1913 г... С. 8 — 9, 28 — 29, 44 — 45.

[60] См.: Урожай 1915 года в европейской и азиатской России. СПб., 1916. С. 8 — 9, 22 — 23, 38 — 39.
[61] См.: Урожай 1913 года... С. 8 — 9, 28 — 29, 44 — 45.
[62] См.: Урожай 1915 года. С. 8 — 9, 22 — 23, 38 — 39.
[63] ГАТО. Ф. 4. Оп. 123. Д. 284. Л. 15.
[64] См.: Статистический обзор деятельности зернохранилищ за хлебную кампанию 1914 — 1915 гг. СПб., 1916. Ч. 2. С. 11.
[65] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1371. Л. 336.
[66] Там же. Л. 69.
[67] ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 2020. Л. 24.
[68] См.: Симбирский хозяин. 1916. № 4. С. 2 — 3.
[69] См.: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи... С. 52, 58, 70, 88, 94, 55, 61, 73, 91, 96.
[70] Там же. С. 86 — 89, 106 — 109, 114 — 121.
[71] ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10389. Л. 71.
[72] Там же. Ф. 168. Оп. 32. Д. 75. Л. 6.
[73] ГАТО. Ф. 168. Оп. 32. Д. 39. Л. 7. 8.
[74] См.: **Анфимов А. М.** Указ. соч. С. 156.
[75] ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1674. Л. 6, 10, 16, 40 — 41, 44.
[76] Там же. Л. 6, 10,16.
[77] Там же.
[78] ГАТО. Ф. 161. Оп. 141. Д. 5. Л. 40.
[79] Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5081. Л. 240.
[80] См.: Пензен. губерн. ведомости. 1914. 14 окт.
[81] Там же.
[82] Там же. 1914. 15 окт.
[83] Симбир. губерн. ведомости. 1916. 28 сент.
[84] ГАПО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1674. Л. 16, 44.
[85] Там же.
[86] РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 429. Л. 1.
[87] Там же. Л. 22.
[88] См.: Пензен. губерн. ведомости 1915. 15 окт.
[89] См.: Симбирянин. 1916. 17 янв.
[90] ГАТО. Ф. 2. Оп. 137. Д. 105. Л. 39.
[91] Там же.
[92] Там же. Д. 108. Л. 76 — 85.
[93] Там же. Л. 87 — 88.
[94] Там же.
[95] Там же. Оп. 138. Д. 204. Л. 13.
[96] См.: **Воробьев К.** Аграрный вопрос Симбирской губернии. Симбирск, 1917. С. 31.

Н. Н. Зоркова

ДЕРЕВНЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В МОРДОВСКОМ КРАЕ

Первая мировая война повлияла на развитие экономики Мордовского края, затронула все сферы существования, но наибольшее воздействие она оказала на сельское хозяйство и жизнь крестьян. По данным подворного обследования крестьянских хозяйств, в 1909 — 1912 гг. на территории Мордовского края было 193 414 крестьянских дворов с населением 1 239 601 чел. обоего пола. В их пользовании находилось 1 256 716 дес. надельной и 276 098 дес. вненадельной земли[1]. Подавляющее большинство крестьян остро нуждалось в земле. В 1905 г. на 1 крестьянское хозяйство в Мордовском крае приходилось в среднем 7,5 дес. надельной земли. В среднем самый маленький надел был в Темниковском уезде — 5,8 дес., в Саранском — 6,4, Ардатовском уезде — 6,5 дес., и наоборот, большой в Краснослободском — 9,4 дес.[2] По 50 губерниям Европейской России в 1905 г. в среднем на 1 двор приходилось около 10,3 дес. надельной земли, в Нижегородской губернии — 7,4, в Казанской — 8,6, Симбирской — 6,8, Пензенской — 7,5, в Тамбовской — 7,0 дес. Таким образом, средний надел в Мордовском крае был ниже, чем в целом по Европейской России, но почти равен среднему наделу в поволжских губерниях[3].

В ходе исторического развития подстегиваемые Столыпинской аграрной реформой капиталистические тенденции в деревне стали нарастать, и все большее число крестьян теряли свою землю. Если в 1905 г. безземельные хозяйства Мордовского края составляли чуть более 1,0 % от всех хозяйств, то к 1917 г. их было уже 3,0 %[4]. Столыпинская аграрная реформа и Первая мировая война значительно усилили процесс обезземеливания крестьянских хозяйств. Так, например, в Саранском уезде, по данным статистики землевладения 1905 г., вообще не было безземельных хозяйств (хозяйства, имевшие менее чем 1 дес. на двор, составляли 0,2 % от общего числа дворов), а к 1912 г. количество безземельных дворов в уезде уже составляло 1,7 %, в 1917 г. — 4,2 %[5]. Если сравнивать данные по другим поволжским губерниям, то нужно отметить, что аграрный характер экономики и традиции крепкой национальной общины заметно тормозили обезземеливание крестьян в Мордовском крае. Так, в Самарской губернии произошло увеличение безземельных крестьянских дворов с 0,5 % в 1905 г. до 17,4 % в 1917 г., Казанской губернии — с 0,2 до 5,4, Пензенской — с 0,3 до 4,0, Нижегородской — с 1,2 до 11,3, Симбирской — с 1,1 до 9,0, в Тамбовской — с 1,0 до 7,4, тогда как в Мордовском крае — с 1,2 % до 3,0 %[6].

Столыпинская аграрная реформа оказала существенное влияние на сельское хозяйство Мордовского края накануне Первой мировой войны. Она была призвана создать в деревне новых собственников-землевладельцев из крестьян. С первых шагов землеустроители встретились с негативным отношением крестьян к реформе. Так, например, в Спас-

ском и Темниковском уезде Тамбовской губернии землеустроительные комиссии были открыты после длительных споров с крестьянами. В Спасском уезде землеустроительная комиссия начала работать с 25 апреля 1907 г., в Темниковском — с 14 января 1909 г.[7] В некоторых селениях крестьяне не желали избирать представителей в землеустроительные комиссии. Так, крестьяне ряда селений Рузаевской и Бутурлинской волостей Инсарского уезда на сходах отказались от избрания представителей в комиссии. Это они мотивировали тем, что «образуемые комиссии являются в настоящее время излишними, так как земельный вопрос обсуждается в Государственной Думе, от которой и следует ожидать его разрешения»[8]. Крестьяне не стремились на отруба и хутора, большое количество дел, поступавших в землеустроительные комиссии Мордовского края, касались группового межевания и уничтожения чересполосности. Поступали и прошения крестьян, в которых они просили решить проблему малоземелья[9]. Необходимо отметить, что крестьяне иногда закрепляли землю в собственность не одного домохозяина, а целой семьи. Так, например, участки земли за некоторыми из выделявшихся крестьян с. Старое Ардатово Мишуковской волости Алатырского уезда Симбирской губернии были закреплены не в личную, а общую собственность с другими членами семьи[10].

Пик землеустройства в Мордовском крае пришелся на 1910 — 1911 гг. К 1909 г. в Саранском уезде закрепили в личную собственность надельную землю 1 865 домохозяев, из числа которых перешли к владению землей в отрубных и хуторских участках 273 домохозяина[11]; в 1910 г. в Инсарском уезде — 4 720 домохозяев, из них выделились на отруба 992 домохозяина[12]. С 1906 г. по октябрь 1910 г. в Лукояновском и Сергачском уездах окончательно закрепили за собой землю соответственно 1 582 и 1 440 домохозяев. К началу 1910 г. на надельных землях в Лукояновском уезде были образованы 27 единоличных хозяйств, на банковских — 368; в Сергачском — соответственно 23 и 935[13]. К началу 1910 г. в Темниковском уезде на банковской и казенной земле были образованы 10 хуторов и 80 отрубов; в Спасском уезде к этому времени не было ни хуторов, ни отрубов[14]. Мнения историков о числе вышедших из общины крестьян расходятся. По подсчетам Т. В. Ефериной, с 1906 по 1917 г. на территории Мордовского края 17,8 % крестьянских хозяйств вышли из общины, закрепив за собой 12,9 % надельной земли[15]. По мнению И. И. Фирстова, за 10 лет Столыпинской аграрной реформы на территории Мордовского края 21,8 % всех крестьянских хозяйств заявили требование о закреплении земли в собственность (ниже, чем по Европейской России на 5 %), закрепили — 14,6 % (ниже, чем по Европейской России на 9,0 %), оставив за собой 9,3 % всей земли (ниже, чем по Европейской России на 7,0 %)[16]. При этом мордовские крестьяне реже покидали общину, чем русские. С началом Первой мировой войны темпы выхода крестьян из общины снизились. Если, например, в 1910 г. в Краснослободском уезде выделились 638 домохозяев, то в течение 1915 г. — только 160 домохозяев[17]. В Ардатовском уезде с 1906 по 1913 г. в среднем закреплялись по 556 дворов в год, а в 1914 г. — уже 411,

в 1915 г. — 397 дворов[18]. В 1916 г. в четырех уездах Пензенской губернии, впоследствии вошедших в состав Мордовии, из общин вышли только 72 хозяйства[19]. Часть дел по укреплению земли решалась земскими начальниками, вопреки приговорам общинного схода.

Важным звеном в осуществлении Столыпинской аграрной реформы являлся Крестьянский поземельный банк. При продаже собственных земель банк имел возможность влиять на осуществление сделок по покупке земель крестьянами в единоличное владение, в посреднической же деятельности он такого влияния не имел. Поэтому банк старался склонить крестьян к организации единоличного хозяйства[20]. Размер ссуд банка распределялся таким образом, что наиболее выгодными сделки становились для владельцев или покупателей хуторских и отрубных хозяйств[21]. С 1907 по 1911 г. крестьяне Саранского уезда активно приобретали землю у Крестьянского банка, а в Краснослободском уезде деятельность банка была менее успешной[22]. Судя по количеству хозяйств, купивших землю у Крестьянского банка в 1907 — 1914 гг., пик его деятельности пришелся на 1909 — 1910 гг.[23]. За весь период проведения реформы в четырех уездах Пензенской губернии (Инсарском, Саранском, Краснослободском и Наровчатском) крестьяне покупали земли у банка в подавляющем числе для отрубов, а не для хуторов, при этом мордовские крестьяне проявляли в этом наименьшую активность по сравнению с русскими[24]. Многие крестьяне, купившие земли у банка, часто разорялись, не имея возможности выплатить в срок высокие проценты по ссуде (около 4 — 5 %), которые были одними из самых высоких по России[25]. В 1914 — 1915 гг. число покупщиков земель у Крестьянского банка в уездах Мордовского края резко упало. В Краснослободском уезде под хутора землю почти не покупали. С 1907 по 1916 г. в Инсарском, Саранском, Краснослободском и Наровчатском уездах было учтено 1 791 домохозяйство, купившее имения под отруба и 250 домохозяйств — под хутора[26]. С началом Первой мировой войны спрос на землю снизился из-за возросших цен на землю и недостатка рабочей силы. Недоимки от единоличников росли, что в частности объяснялось банком как следствие призыва большей части заемщиков в армию, ликвидационная деятельность банка почти прекратилась и сводилась к упорядочению ранее заложенных сделок. С несостоятельными покупателями сделки прекращались, а посевы отбирались в пользу банка[27]. В отчете Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка в 1916 г. отмечалось: «Владельцам у нас не до улучшения и не до развития дела, их задачи сводятся к засеву кое-как полей и заботам о подыскании сил и средств к их уборке»[28]. Таким образом, в годы войны все силы крестьян были сосредоточены на обеспечении минимального уровня потребления.

Существенную роль в реализации Столыпинской аграрной реформы сыграла переселенческая политика. Для крестьянства Мордовского края, страдавшего от малоземелья и аграрного перенаселения, переход на новые земли стал выходом из сложившейся ситуации. Если средняя плотность населения в Европейской России составляла 24,0 чел. на 1 кв.

версту, то в Мордовском крае она равнялась 43,1 чел. на 1 кв. версту (в Акмолинской области в 1912 г. — 3 чел. на 1 кв. версту[29]). Основными причинами переселения были малоземелье, аграрное перенаселение, слабое развитие фабрично-заводской промышленности, которая не могла поглотить избыток рабочих рук, а также техническая и агрономическая отсталость сельского хозяйства, высокие арендные и покупные цены на землю, рост налогового бремени и неурожаи[30].

Определить точное число переселенцев из Мордовии трудно. Используя официальные данные российской статистики по Пензенской губернии (часть уездов которой составили впоследствии территорию Мордовского края), мы можем утверждать, что с 1909 по 1913 г. из данной губернии вышли около 35 тыс. переселенцев и 12 тыс. ходоков (всего около 48 тыс. чел.), обратно вернулись около 9 тыс. переселенцев и 8 тыс. ходоков (всего около 17 тыс. чел.). Таким образом, обратно вернулось около 25 % переселенцев[31]. Почти половина всех переселенцев за весь рассматриваемый период шла без проходных свидетельств. Общее количество переселенцев достигло максимума в 1913 г.[32] Первая мировая война существенным образом повлияла и на интенсивность переселенческого движения. Во время войны поток переселенцев из Мордовского края уменьшился. Так, например, в феврале 1915 г., по донесению пензенского губернатора А. А. Евреинова, бланков переселенческих документов в губернии было достаточно и только по одному Наровчатскому уезду был заявлен недостаток бланков ходаческих и переселенческих удостоверений[33].

Самостоятельная агрономическая деятельность земств во многом отвечала задачам аграрной реформы по поднятию уровня землепользования крестьянского хозяйства. Правительство старалось привлечь земство к реализации реформы. Число агрономического персонала, наличие сельскохозяйственных учебных заведений, школ, курсов, опытных и показательных сельскохозяйственных учреждений, складов в каждом уезде Мордовского края было неодинаковым. К началу 1910 г. уезды были поделены на участки. Наиболее развитая агрономическая инфраструктура была в Ардатовском уезде Симбирской губернии и Темниковском уезде Тамбовской губернии, отставало развитие земской агрономии в Саранском и Инсарском уездах Пензенской губернии[34]. Во многом развитие агрономии в уезде соответствовало количеству затраченных на нее средств. Наихудшим образом выглядело Инсарское земство, расходы на сельское хозяйство которого были самыми маленькими среди всех уездных земств Мордовского края[35]. На агрономическую помощь отпускалось по 52,4 руб. в год на 1 крестьянское хозяйство[36], что существенно снижало результативность проводимых агрономических мероприятий. В годы Первой мировой войны расходы земств на сельскохозяйственное развитие постепенно уменьшались. Даже Темниковское земство вынуждено было сократить расходы. В 1915 г. на содействие экономическому благосостоянию было заложено 41 888 руб. 66 коп., что составило около 8,9 % от всех расходов земства[37]. В 1917 г. оно предполагало потратить на содействие экономическому благосостоянию

уже 6,8 % от всех расходов земства[38]. Лукояновское земство в 1914 г. заложило на сельскохозяйственную часть около 3,3 % от всех расходов[39].

Одним из главных показателей развития агрономической организации были кадры. Число агрономического персонала в России в начале XX в. было небольшим, но за период аграрной реформы оно значительно выросло. Так, в 1895 г. земского агрономического персонала на всю Россию насчитывалось 134 чел., а правительственного — всего 14 чел.; в 1906 г. соответственно 593 чел. и 141 чел., в 1915 г. первых было 3 266 чел., вторых — 1 365 чел.[40] К 1910 г. в Мордовском крае работали 18 агрономов, в 1913 г. — 29[41]. К 1913 г. в Мордовии было 27 агрономических участков, в среднем на 1 агрономический участок приходились 7 230 крестьянских хозяйств, 56 207 дес. земли, в том числе 5 334 дес. у выделившихся из общин крестьян[42]. В годы Первой мировой войны обострился недостаток агрономических кадров в деревне Мордовского края. В 1914 г. из 9 уездов Пензенской губернии были призваны на войну 11 участковых агрономов. К 1916 г. из Ардатовского уезда Симбирской губернии были призваны 4 агронома — весь наличный состав[43]. Оставшиеся агрономы основные свои дела отводили на второй план и занимались другими, связанными с обстоятельствами военного времени: обследованием местностей, пораженных неурожаем, выявлением нужд населения в семенах и кормах для скота, обследованием материального положения семей запасных, с целью определения размера пособия из земских средств на уборку урожая и на посев озимого, заготовкой фуража для нужд армии и т. д.[44]

В ходе войны задачи земств существенным образом расширились. Они приняли на себя обязанности по обеспечению продовольствием армии, беженцев, семей мобилизованных солдат, организации карточной системы на местах, проведению разверстки скота. Медицинская помощь обратилась в сторону попечительства больных и раненых солдат, обслуживания госпиталей, эшелонов и санитарных поездов. В обстановке военного времени «функции земств нарастали и расширялись по мере углубления экономических трудностей, отступая от решения чисто местных общественно-хозяйственных задач к решению задач общегосударственного значения»[45].

Столыпинская аграрная реформа подтолкнула внедрение в сельское хозяйство усовершенствованного инвентаря и машин. С 1910 по 1914 г. склад Криушинского общества в Темниковском уезде увеличил продажу плугов в 3,6 раза[46]. Однако в целом обеспечение крестьянских хозяйств усовершенствованным инвентарем находилось на низком уровне. К 1917 г. в Лукояновском уезде в среднем 1 плуг приходился на 7 хозяйств, Сергачском — на 10 хозяйств, Инсарском — на 4, Краснослободском — на 13, Саранском — на 5, Спасском — на 26, в Темниковском уезде — на 19 хозяйств. Если брать более сложные орудия туда, то в среднем 1 сеялка в Лукояновском уезде приходилась на 321 хозяйство, Сергачском — на 268, Инсарском — 83, Краснослободском — 786, Саранском — 99, Спасском — на 406, в Темниковском — на 326 хозяйств. В Алатырском уезде 94,0 % крестьянских хозяйств не

имели усовершенствованного инвентаря, в Спасском — 93,0 %, в Темниковском уезде — 93,0 % хозяйств[47]. Однако в годы войны спрос на сельскохозяйственные машины вырос, так как рабочих рук в хозяйствах не хватало, и машины частично компенсировали дефицит рабочей силы[48]. Не все крестьяне могли позволить себе приобретение сельскохозяйственной машины. Цены на них быстро росли. К марту 1916 г. они на 20 — 25 % поднялись на орудия и машины для сева и на 60 — 70 % — на машины и орудия для уборки урожая[49]. Некоторые земские склады сельскохозяйственной техники вынуждены были распродавать по заниженным ценам оставшиеся сельскохозяйственные орудия и машины и закрывались. Несомненно, крестьяне были заинтересованы в распространении и улучшении агрономической помощи и знаний, но недостаток агрономического персонала и недостаточное финансирование агрономических мероприятий, а впоследствии — война, не позволили в полной мере охватить агрономической помощью все крестьянские хозяйства.

На каком бы уровне не стояла агрономическая организация и общее развитие культуры хозяйствования в Мордовском крае, война негативно повлияла как на крестьянское, так и на частновладельческое хозяйство. К 1916 г. при увеличении наличных крестьянских хозяйств на 5,0 %, посевная площадь сократилась на 14,7 %. Если до войны на 100 хозяйств приходилось в среднем по 412,1 дес. посевной площади, то в 1916 г. — по 339, 9 дес. Это означает, что произошло сокращение посевов на 17,6 %[50]. До войны в Мордовском крае не было беспосевных хозяйств, а к 1917 г. их насчитывалось уже 13 387, и они составляли 6,5 % всех наличных хозяйств края[51]. В частновладельческих хозяйствах Темниковского и Спасского уездов в 1916 г. посевная площадь сократилась и составляла 52,9 % к площади посевов 1914 г.[52] Уменьшилось и поголовье лошадей. При учете того, что количество наличных хозяйств в Мордовии выросло на 6,6 %, поголовье рабочих лошадей уменьшилось на 2,5 %[53]. Количество безлошадных дворов возросло в Спасском уезде на 20,1 %, Ардатовском — 16,9 %, а в Мордовском крае — на 17,2 %[54]. Поголовье овец и свиней сократилось по разным уездам от 20,0 до 41,0 %, коров — от 3,8 до 18,5 %, например, в Ардатовском — на 18,5 %, Спасском — на 8,9 %. Однако в целом по уездам число бескоровных крестьянских хозяйств уменьшалось. Таких хозяйств за время войны сократилось на 1 073 двора, или на 1,9 %. В целом по Мордовскому краю процент бескоровных крестьянских хозяйств в 1917 г. был очень высок и составлял около 20,9 % всех наличных хозяйств. Наибольшее число таких хозяйств было среди крестьян Спасского уезда — 25,8 %, Саранского — 23,8 и Инсарского уезда — 22,0 % всех наличных хозяйств[55].

Для частновладельческих хозяйств главной проблемой в годы войны был недостаток рабочих рук. С 1914 по 1917 г. из Мордовского края были призваны 152 456 чел., что составляло 49,5 % трудоспособных мужчин[56]. Больше всего было мобилизовано мужчин из Темниковского и Ардатовского уездов, менее всего — из Саранского, Инсар-

ского и Наровчатского уездов[57]. К осени 1915 г. в Саранске были сосредоточены 101-й и 234-й полки 45-й запасной бригады с общим числом личного состава 13 496 солдат, что на несколько тысяч превышало взрослое население города. Большие контингенты войск находились в Инсаре, Ардатове, Краснослободске, Троицке и в некоторых селах Мордовии[58].

Из-за недостатка рабочей силы к сельскохозяйственным работам привлекались военнопленные. Они передавались военным начальством в распоряжение губернских и уездных земских управ, распределявших военнопленных между нуждавшимися в их труде сельскими хозяевами. Военнопленные предоставлялись партиями не менее 100 чел. и сроком не менее 3 месяцев. Плата за содержание и охрану военнопленных полностью ложилась на сельских хозяев, т. е. помещиков и зажиточных крестьян. Им предоставлялись военнопленные по преимуществу «не немецкого и не мадьярского происхождения»[59]. К 1916 г. в Саранске и Ардатове содержались 1 657 военнопленных, в Наровчате — 3 660, в Спасске и Темникове — 790 чел.[60] Так, на уборку урожая в 1915 г. в Темниковском уезде были привлечены 144 чел. Стоимость содержания одного военнопленного и его охрана для Темниковского уезда с 1 апреля по 1 октября в 1912 г. составляла 50 руб., в 1913 г. — 55, 1914 г. — 57, в 1915 г. — 96 руб. Месячный расход на партию военнопленных в 100 чел. в 1915 г. составлял 1 600 руб. Минимальное число военнопленных (10 чел.), отпускаемых для работы, определялось Темниковским уездным земством[61]. В 1915 г. из общего числа военнопленных, работавших в Алатырском, Арадатовском и Карсунском уездах Симбирской губернии, только 14 % работали в хозяйствах зажиточных крестьян, остальные трудились на полях помещиков[62].

Во время войны одними из наиболее главных проблем были продовольственный вопрос и борьба с дороговизной. В уездах Мордовского края резко выросли цены на продукты, дрова и другие предметы первой необходимости. Крестьянам не хватало хлеба на весь год, и зерно им приходилось покупать по завышенным ценам. Некоторые мероприятия правительства были направлены на облегчение жизни семьям призванных на войну крестьян. Так, циркуляром Лесного департамента Главного управления землеустройства и земледелия 12 августа 1914 г. разрешалось бесплатно отпускать валежный лес из казенных лесных дач для отопления в течение военного времени беднейшим семьям низших чинов запаса, призванных на службу[63].

Трудности военного времени расширили функции земских учреждений, взявших на себя обязанность не только решения продовольственного вопроса, но и других проблем. Они оказывали помощь семьям мобилизованных крестьян по уборке урожая и обсеменению полей; обеспечивали денежным содержанием семей, призванных на службу земских служащих; организовывали закупки предметов первой необходимости (Темниковский уезд во многом обеспечивался привозным хлебом, поэтому здесь стояла проблема организации достаточных запа-

сов), выделяли средства на содержание коечного фонда. Так, Темниковское уездное земство в 1914 г. выделило деньги на помощь солдатским семьям по уборке урожая и обсеменению полей — 5 тыс. руб., на призрение сирот — 500 руб., на пособие при особо острой нужде — 1 500 руб. Призванным на войну служащим земств, состоявшим на службе больше 1 года, сохранялась их должность и содержание. Для других семей служащих назначалось ежемесячное пособие в размере половины месячного жалования. Для нормализации цен на предметы первой необходимости земским управам предоставлялся кредит для подвоза всего необходимого в уезд. Был организован уездный комитет помощи раненным и больным воинам, ассигнованы средства на содержание 30 коек для раненых воинов в Криушинской больнице[64].

В 1915 г. жители Мордовского края ощущали не только недостаток продовольствия, но и резкий рост цен на предметы первой необходимости. В докладе Темниковскому земскому собранию заведующий агрономическим отделом писал: «Продолжающийся рост цен и недостаток предметов первой необходимости сделались у нас в уезде явлением столь устойчивым и за последнее время настолько острым, что борьба с ними становится самой неотложной и насущной необходимостью»[65]. Вследствие лесного характера местности и преобладания песчаных почв в Темниковском уезде сложилась тяжелая обстановка с обеспечением населения хлебом. Собственного хлеба у них хватало на семь месяцев, остальные пять месяцев хлеб прикупали из ближайших уездов Пензенской губернии. В создавшейся ситуации земство предложило, несмотря на слабость местных кооперативных обществ, обратиться за помощью к кредитным и сельскохозяйственным товариществам уезда, ходатайствовать о правительственной ссуде на закупку хлеба для населения, организовать закупки земской управой предметов первой необходимости для продажи населению по заготовительной цене через местные потребительные лавки, сельскохозяйственные общества и склады земства и т. д.[66] Подчас местное дворянство, купечество и зажиточные крестьяне наживались на спекуляции и перепродаже необходимого продовольствия и товаров первой необходимости. Подтверждением этому могут служить слова темниковского уездного исправника, который в рапорте вынужден был признать, что борьба с дороговизной и наживой чрезвычайно трудная, в особенности в Темникове, где «городская дума в своих интересах старается все это поддержать и к принятию мер против дороговизны и взвинчивания цен... относятся весьма несочувственно»[67]. Земства получали от правительства все больше прав в своей деятельности. 17 февраля 1915 г. был издан закон, наделявший местные власти правом запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупаемые для армии, реквизировать продукты по пониженным на 15 % ценам. Все это ставило крестьян в невыгодное положение, так как цены на несельскохозяйственные товары продолжали расти быстрыми темпами. Твердая цена на сельскохозяйственную продукцию и высокая на промышленную вызывали недовольство крестьян. Хотя они обходили

запреты и распоряжения (припрятывали хлеб, продавали его по рыночным ценам), ощущение несправедливости у них нарастало[68]. В ноябре 1916 г. уполномоченный Министерства земледелия по закупке продовольствия и фуража для армии, член Государственного совета Н. Ф. Беляков писал симбирскому губернатору: «Заготовка хлеба для нужд армии обычными способами закупки совершенно прекратилась, даже наступивший санный путь не обещает успеха, так как сбыт хлеба сдерживается производителями»[69]. Неспособность властей справиться с постоянным ростом цен, спекуляцией и нежеланием крестьян продавать излишки хлеба привели в итоге к тому, что с 1916 г. царское правительство перешло к принудительной разверстке хлеба. Все излишки хлеба, за вычетом необходимого для хозяйства количества, должны были быть проданы для нужд армии, а в случае отказа владельца от добровольной поставки, запасы хлеба реквизировались с предупреждением об уголовной ответственности за растрату[70]. Часто закупочные цены были ниже рыночных, и крестьяне оставались в убытке, то же самое случалось и с реквизицией лошадей. Из донесения тамбовского губернатора в Департамент полиции (сентябрь 1915 г.) отмечалось: «При последней конской мобилизации крестьяне, у которых принимались лошади в обоз второго разряда по цене в 150 руб., плакали, терпя убытки, так как многие из них покупали для себя лошадей по 175 — 180 руб. Цена 150 руб. за лошадь, действительно, крайне низка, так как цены на лошадей на месте значительно возросли и возрастают»[71].

Нужды Первой мировой войны наиболее остро ощутили крестьяне: «Грянувшую как гром среди ясного неба, непонятную им войну крестьяне восприняли как разновидность неподвластного им стихийного бедствия, рок, ниспосланное Богом испытание»[72]. Отчаяние от безысходности происходящего толкало крестьян на хулиганские поступки, которые проявились в череде погромов казенных винных лавок. 20 июля 1914 г. местными крестьянами под руководством нижних чинов была разгромлена казенная винная лавка в с. Атюрьеве Темниковского уезда. Разгром винных лавок происходил под лозунгом: «Мы казенные, и сами возьмем казенное!». В тот же день запасные и сопровождавшие их крестьяне разгромили казенные и частные винные лавки на станции Инсар. Командующего войсками генерал-лейтенанта Маврина крестьянин с. Ст. Корсаковского Майдана Инсарского уезда Давыдов оскорбил неприличными словами. Во время усмирения крестьяне бросали в драгун палками и камнями. Было арестовано 38 чел.[73] В отчете министру внутренних дел пензенский губернатор в конце июля 1914 г. писал, что «в Пензенской губернии разгромы совершены в местностях, значительно населенных мордвою»[74]. Призванная на войну крестьянская молодежь не видела для себя никаких запретов. Настроения фатальности и безысходности выливались в погромах и хулиганстве. В рапорте ардатовского уездного исправника симбирскому губернатору от 18 апреля 1916 г. отмечалось: «...преступное хулиганство стала проявлять молодежь призывного возраста, открыто заявляя на предупреждения старших, что все равно

ничего не будет, так как они идут на войну»[75]. Армия Российской империи была набрана из крестьян. Незрелый, стихийный патриотизм крестьянских солдат вскоре сменился противоположными антивоенными настроениями. Об этом красноречиво говорят данные отчетов военных цензоров. Если в ноябре 1914 г., по сообщению пензенского цензора, 46,0 % солдатских писем выражали патриотические чувства и необходимость выполнить солдатский долг, то в январе 1915 г. их было уже 42,0 %, феврале — 29,0 %, сентябре — 7,0 %, в октябре 1915 г. — 4,5 %[76].

В деревне зрело недовольство войной и действиями царского правительства. Необходимость посеять и убрать урожай без достаточного числа рабочих рук становилась для многих крестьян проблемой первостепенной важности, а для некоторых — вопросом выживания. «Сравнительный недостаток рабочих рук и неуспешность уборки хлебов в виду угрожающих, ненастных, слишком продолжительных дождей вызывают суждения в населении о необходимости отсрочить предстоящий 15 августа мобилизационный призыв», — писал в рапорте симбирскому губернатору ардатовский уездный исправник, — «считая, что настроения населения в уезде в общем спокойно, доношу, что солдатские женщины под влиянием времени тайного подстрекательства ведут себя не выдержанно, при обстоятельствах, касающихся интересов общественных или личных, склонны на разнузданное выступление и проявление недовольства»[77]. Объявленная мобилизация перед началом весенних работ вызвала волну возмущения у крестьян. Недовольство проявляли и землевладельцы, так как в результате недостатка рабочих рук плата сельскохозяйственным рабочим поднялась почти в 2 раза. Военнопленные, используемые на сельскохозяйственных работах, также предъявляли требования об улучшении жизни или повышении платы за труд[78].

По сведениям симбирского губернатора, в 1916 г. в губернии 99 % населения было настроено патриотично и даже военные неудачи 1915 г. «не озлобили население против властей»[79]. Однако, описывая настроения крестьянства в обширном обзоре общественно-политической жизни Симбирской губернии, губернатор отмечал, что у крестьян по-прежнему была надежда получить казенную и помещичью землю бесплатно, особенно после войны. Не придавая большого значения крестьянским выступлениям, губернатор писал, что «опасным является время роспуска по домам наших многомиллионных армий, когда избалованные вниманием общества и правительства запасные, возможно, попробуют предъявлять какие-либо дерзкие требования по поводу наделения их даровыми землями и здесь желательны своевременные разумные меры, которые могли бы подавить движение в самом начале»[80]. Таким образом, брожение в деревне в годы войны заметно усилилось, крестьяне ожидали от войны прежде всего справедливого наделения их землей. В результате таких настроений в некоторых уездах Мордовского края крестьяне заявляли «о приостановлении у них землеустройства впредь до окончания военных действий»[81]. В период Первой

мировой войны недовольство крестьян-общинников Столыпинской аграрной реформой усилилось. Так, например, крестьяне с. Тарханова Ардатовского уезда Симбирской губернии упорно противодействовали сначала пахотным работам, а затем перестали допускать скот выделившихся крестьян на выгон. Крестьяне устраивали поджоги, оказывали сопротивление приставу со стражниками, когда тот прибыл для ареста организаторов движения против выделявшихся. В августе 1916 г. на усмирение крестьян прибыл симбирский губернатор, по распоряжению которого были арестованы 20 крестьян и солдаток и посажены в уездную тюрьму на 3 месяца[82]. О накале борьбы свидетельствует и тот факт, что в июле 1916 г. крестьяне-отрубники вынуждены были отправить телеграмму министру внутренних дел А. Н. Хвостову и министру земледелия А. Н. Наумову о том, что их «к владению лугами и выгонами общество не допускает»[83]. Община продолжала строго следить за справедливостью распределения земли. Так, например, в с. Широмасове Темниковского уезда в 1916 г. общинный сход решил отрезать часть усадебной земли у одного отрубника, так как он имел больше положенной нормы. Несмотря на то, что крестьянин владел участком 40 лет и ссылался на закон от 14 июня 1910 г., общинный сход и волостной суд постановили изъять излишки земли[84]. Разорительная война усилила ненависть крестьян к самодержавию, происходили беспорядки во время мобилизации, мобилизованных на всем пути следования сопровождала полиция, а крестьянки-солдатки активно выступали против проведения Столыпинской реформы, в результате которой многие солдатские семьи просто лишались земли.

Таким образом, Мордовский край накануне Первой мировой войны представлял собой регион, где крестьянское хозяйство характеризовалось неравномерным распределением земли и низким уровнем землепользования. Столыпинская аграрная реформа подтолкнула к развитию капиталистических тенденций в сельском хозяйстве, оказала значительное влияние на земскую агрономическую организацию, но не достигла главной цели — не создала в деревне устойчивой прослойки новых землевладельцев из крестьян. Значительную роль в этом сыграла крепкая национальная община. Первая мировая война усугубила все имевшиеся проблемы (крестьянское малоземелье, низкий уровень землепользования и земской агрономии, имущественное расслоение деревни) и создала новые — вызвала продовольственный кризис, подорвала материально-техническую базу сельского хозяйства, привела к сокращению посевных площадей и обострила социальные противоречия в деревне.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Полин Н. В.** Крестьянское хозяйство Мордовии накануне Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1972. С. 127. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 43).

[2] См.: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 12. С. 10 ; Вып. 20. С. 10 ; Вып. 21. С. 10 ; Вып. 22. С. 10.

[3] См.: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 41, 99 — 130.

[4] Там же. С. 99 — 100, 106 — 107 ; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 2 — 41 ; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923. Т. 5. С. 68, 84, 88, 108 ; Статистика землевладения 1905 г. Вып. 20. С. 32 ; Вып. 22. С. 33.

[5] См.: Статистика землевладения 1905 г. Вып. 22. С. 10, 31 ; Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии под общим рук. В. Г. Громана. Серия III. Исследования земельных имуществ. Ч. II. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Пенза, 1913. Вып. 8. Саранский уезд. С. 22, 30, 38, 46, 54, 62, 70, 78, 86, 94, 102, 110, 118, 126, 134, 142 ; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи… С. 86 — 87.

[6] См.: Статистика землевладения 1905 г. Свод данных… С. 99 — 100, 106 — 107 ; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи… С. 2 — 41 ; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи… С. 68, 84, 88, 108 ; Статистика землевладения 1905 г. Вып. 20. С. 32 ; Вып. 22. С. 33.

[7] См.: **Есенина З. П.** Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907 — 1914) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1954. С. 130.

[8] **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Мордовия в годы трех народных революций : сб. док. Саранск, 1957. С. 117.

[9] ЦГА РМ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 19. Л. 17.

[10] Там же. Ф. 63. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

[11] НА НИИГН. И-1384. Л. 35 — 36.

[12] Там же. Л. 153.

[13] См.: Доклады губернской земской управы по сельскохозяйственной части 46-му очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. Агрономическое отделение. Н. Новгород, 1910. С. 71 — 75.

[14] См.: Доклады и отчеты Тамбовской губернской земской управы по агрономической части Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1910 г. Тамбов, 1911. С. 12.

[15] НА НИИГН. И-1367. Л. 41.

[16] См.: **Фирстов И. И.** Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии // Зап. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1952. Вып. 15. С. 90.

[17] НА НИИГН. Ф. И-1384. Л. 239, 269, 294, 330, 361.

[18] См.: Статистический ежегодник по Симбирской губернии 1915 г. Симбирск, 1918. С. 136.

[19] См.: **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897 — 1939). Саранск, 1996. С. 86.

[20] См.: **Баулина Н. В.** Крестьянский поземельный банк в Мордовском крае в 1906 — 1911 г. // Вестн. НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. № 4 (16). С. 92.

[21] См.: О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель // П. А. Столыпин. Программа реформ : в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 387 — 388 ; О согласовании посреднической деятельности Крестьянского поземельного

банка с общими землеустроительными мероприятиями Правительства // Там же. Т. 2. С. 263.

[22] НА НИИГН. И-1389. Л. 2.

[23] См.: Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка за 1908 г. СПб., 1911. С. 380, 382, 386 — 387 ; Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка за 1914 г. СПб., 1916. С. 383, 385, 389, 390 ; НА НИИГН. И-1389. Л. 2.

[24] НА НИИГН. И-1389. Л. 19 — 21.

[25] См.: **Тюстин А. В.** Во благо Отечества : Из истории предпринимательства Пензен. губернии. М., 2004. С. 245.

[26] НА НИИГН. И-1389. Л. 2 — 11.

[27] Там же. Л. 140 — 162.

[28] Там же. Л. 145.

[29] См.: Памятная книжка Акмолинской области на 1914 год. Омск, 1914. С. 28.

[30] НА НИИГН. И-1292. Л. 4 — 7 ; **Васильев Т. В.** Мордовия. Саранск, 2007. С. 102 ; **Кривяков Е. И.** Имущественное положение переселенцев из Мордовии в конце XIX — начале XX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С. 143.

[31] См.: Статистический ежегодник России. 1914. Пг., 1915. С. 3 — 5.

[32] НА НИИГН. И-1405. Л. 10, 12.

[33] ГАПО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 448. Л. 31.

[34] См.: **Полосин С. Н.** Экономическая деятельность Пензенского земства // Краеведение. 1997. № 1. С. 29.

[35] См.: Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (По данным на 1905 и 1906 г.). СПб., 1908. Вып. 9. Приложение 1. С. 15, 19, 27, 30 ; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1911 г.). Пг., 1914. Вып. 13., Ч. 1. Приложение 1. С. 9, 11, 14 — 16; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Пг., 1916. Вып. 14. Приложение 1. С. 11, 13, 16, 18.

[36] См.: **Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 96.

[37] См.: Отчет Темниковской уездной земской управы о состоянии и движении земских сумм за 1915 г. Темников, 1916. С. 96.

[38] См.: Смета расходов и доходов Темниковской уездной земской управы на 1917 г. Темников, 1916. С. 126.

[39] См.: Сметы доходов и расходов Лукояновского уездного земства на 1914 г. с приложениями. Алатырь, 1914. С. 71, 83.

[40] См.: **Дубровский С. М.** Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 450.

[41] См.: Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1910 г. : справочник. СПб., 1910. С. 57 — 60, 68 — 70, 101 — 102, 107 — 109, 148 — 149 ; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Пг., 1916. Вып. 14. С. 38 — 112.

[42] См.: **Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 96.

[43] НА НИИГН И-770. Л. 131.

[44] См.: Журналы Пензенской губернской земской управы за 1914 г. Пенза, 1915. С. 369 — 370.

[45] **Китанина Т. М.** Россия в Первой мировой войне. 1914 — 1917 гг. : Экономика и эконом. политика : в 2 ч. СПб., 2003. Ч. 1. С. 112.

[46] См.: Агрономические мероприятия земства в 1913 — 1914 гг. Темников, 1915. С. 58.

[47] См.: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи... С. 66 — 69, 82 — 85, 106 — 109, 114 — 119.

[48] См.: Смета расходов и доходов Темниковской уездной земской управы... С. 150.

[49] См.: Симбирский хозяин. 1916. № 4. С. 36.

[50] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — март 1917 г.) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 1970. С. 123 — 124.

[51] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 38. С. 197.

[52] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории МАССР. Саранск, 1971. С. 156. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 40).

[53] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии... С. 188.

[54] Там же. С. 190.

[55] Там же. С. 198 — 200.

[56] См.: **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны... С. 273.

[57] Там же. С. 107.

[58] См.: **Полин Н. В.** Солдаты и крестьянское движение (1914 — 1917) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 69.

[59] Журналы Темниковского уездного экстренного земского собрания 1 марта 1915 г. и очередного собрания 4 ноября 1915 г. Темников, 1916. С. 25 — 27.

[60] **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии... С. 150.

[61] См.: Журналы Темниковского уездного экстренного земского собрания... С. 21.

[62] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии... С. 151.

[63] См.: Журналы Темниковского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 11 августа и очередной 27 сентября 1914 г. Темников, 1915. С. 49.

[64] Там же. С. 3 — 8.

[65] НА НИИГН. И-480. Л. 64.

[66] Там же. Л. 64 — 66.

[67] ГАТО. Ф. 4. Оп. 123. Д. 282. Л. 9.

[68] См.: **Поршнева О. С.** Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 99.

[69] ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 38.

[70] НА НИИГН. И-1380. Л. 94.

[71] ГАТО. Ф. 4. Оп. 119. Д. 185. Л. 16 — 17.

[72] **Поршнева О. С.** Указ. соч. С. 88.

[73] См.: **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 164 — 165.

[74] **Полин Н. В.** Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны... С. 255.

[75] НА НИИГН. И-1297. Л. 30.

[76] См.: **Полин Н. В.** Солдаты и крестьянское движение... С. 70.

[77] НА НИИГН. И-1380. Л. 75.

[78] ГАТО. Ф. 4. Оп. 120. Д. 276. Л. 15.

[79] НА НИИГН. И-1298. Л. 8.
[80] Там же. Л. 9.
[81] ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 6061. Л. 25.
[82] См.: **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 172 — 173.
[83] Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. М. ; Л., 1965. С. 371.
[84] ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.

Е. И. Денискин

САРАНСК: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД В ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Первая мировая война началась в 1914 г., и чем дальше она затягивалась, тем губительнее для экономической жизни Саранска становились ее последствия[1]. Наиболее серьезно пострадало от войны кустарное производство. Так, из 16 торговых и промышленных заведений Лямбирской волости Саранского уезда в 1915 г. закрылись 4 мелочные лавки, в 1916 г. — 2 ветряные мельницы. В то же время для некоторых отраслей промышленности, работавших на фронт, война являлась весьма прибыльным делом. Некоторые предприятия получали казенные заказы и не испытывали никаких затруднений в сбыте товаров[2]. Лесопильные предприятия изготовляли ящики для снарядов и гранат, черенки для саперных лопат, патронные двуколки и т. д. Бондарное производство Беляевой в с. Соколовка Саранского уезда поставляло продукцию сначала Министерству земледелия, а потом Военно-промышленному комитету и Всероссийскому земскому союзу[3]. На заказы Петроградского военно-промышленного комитета работала кузнечно-слесарная мастерская Корнилова в г. Саранске, изготовлявшая подковы для лошадей. Так, в январе 1916 г. было сдано военному ведомству 20 000 подков[4].

Большую роль в подчинении промышленности интересам войны сыграл созданный в 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет. Такие комитеты были созданы во всех уездах страны, в том числе в Саранском[5].

В связи с мобилизацией в армию более половины (52 %) работоспособной части мужского населения края в промышленности ощущался острый недостаток рабочей силы[6]. Так, 46,1 % всех рабочих кузнечно-слесарной мастерской Корнилова в 1916 г. составляли подростки[7].

Предприятия, обеспечивавшие потребности населения, в период войны либо сокращали производство, либо закрывались. Так, например, в 1913 г. на Саранской паровой мукомольной мельнице Овечкина работали 22 чел., а в 1915 г. — только 12; в 1913 г. продукции было сдано на 330 тыс. руб., а в 1915 г. — лишь на 190 тыс. руб.[8] (практически в 2,5 раза меньше). На маслобойном заводе в 1913 г. работа-

ли 45 чел., а в 1916 г. — 30[9], продукции было произведено на 525 тыс. руб., а в 1916 г. — лишь на 10 тыс. руб.[10]

В начале войны винокуренная промышленность прекратила производство спирта. Владельцам, чтобы они не понесли убытки, от государственной казны предоставлялась солидная по тому времени сумма — 25 000 руб. Кроме того, убытки от закрытия винокуренного завода хозяин перекрывал продажей припасов (картофеля, ржи) населению по высоким ценам. Так, в Саранском уезде из 4 заводов работали только 2[11].

Топливный голод, охвативший все хозяйство царской России, был одним из многих причин сокращения промышленного производства и в Мордовском крае. На предприятиях г. Саранска ощущался острый недостаток нефти, мазута, угля и керосина. В сентябре и октябре 1916 г. из-за отсутствия нефти не работали зерносушильный завод и мельница Петрова[12].

В годы войны не доставало и сырья для промышленного производства. Так, в октябре 1915 г. крупный фабрикант Овечкин в прошении старшему фабричному инспектору писал, что, имея в городе Саранске маслобойный завод и вальцовую мельницу, он вынужден для переработки покупать разные сельскохозяйственные продукты со станций близ Саранска. Так как железные дороги в то время практически были закрыты для перевозки грузов, не предназначенных для армии, просил выдать ему удостоверение на внеочередную погрузку и перевозку 85 вагонов конопляного семени, 25 вагонов льняного семени и 25 вагонов ржи. Ежедневно он просил выделять по 11 вагонов. Закупленный товар был приготовлен к отправке. Овечкин указывал, что без получения означенного товара его «заведения должны приостановить свои действия и тем причинят убытки»[13].

Из-за недостатка сырья и топлива остановились кирпичеделательные предприятия[14]. Наступление топливного кризиса ощущалось особо остро с наступлением отопительного сезона. Цены на уголь повысились на 100 %, дорожали дрова, купить которые не было возможности. Поэтому население было вынуждено примешивать к дровам сушеный навоз или переходить на торф[15].

Труд рабочих на предприятиях Саранска был очень тяжелым. Рабочий день длился до 16 — 18 часов. Оплата труда на предприятиях была ниже на 30 — 35 %, чем в среднем по России[16]. Средняя заработная плата рабочего в 1916 г. в Саранском и ряде других уездов составляла около 79 руб. Разница между заработной платой пленного и рабочего по найму составляла 59 руб.[17], поэтому предпринимателям было выгоднее эксплуатировать труд военнопленных, что порождало массовую безработицу. Кроме того, с рабочих взимались штрафы. Профсоюзных организаций не было[18]. Охрана труда, страхование жизни, медицинская помощь на предприятиях отсутствовали, а рабочих, получивших увечье или профессиональную болезнь, увольняли. Известен случай, когда старый рабочий Саранского маслозавода при взрыве нефтяного бака получил увечье. Владелец завода, узнав об этом, приказал управляющему: «Если выживет рабочий и

придет опять на работу, то гоните его к черту». Другой молодой рабочий погиб на трансмиссии. Хозяин распорядился выдать матери «трешницу на похороны», а потом обрушился с бранью на сторожа: «Зачем пропустил эту бабу на заводской двор?»[19].

К началу Первой мировой войны практически половина населения Саранска занималась хлебопашеством. В городе было 4 крестьянских общества: Казачье (300 дворов), Николаевское (270), Алексеевское (120), Пушкарское (50 дворов) и 1 мещанское (500 дворов). Эти общества объединяли 1 260 дворов с количеством населения около 7 тыс. чел. Каждое из них имело сборную квартиру и старосту. В городе находилось и волостное управление. У сельских обществ имелась земля, площадь которой составляла около 20,0 тыс. дес., из которых под пашнями были 14,0 тыс. дес., сенокосами — 2,0, под лесами и кустарниками — 2,5 тыс. дес. Городское крестьянство в урожайные годы собирало более полумиллиона пудов хлеба. На городских усадьбах выращивали табак, махорочного сырья снимали до 15 тыс. пудов[20].

Однако не все крестьяне города сами обрабатывали землю: некоторые из них, занимавшиеся ремеслами, сдавали ее в аренду. Среди крестьян города были богатые и зажиточные, которые во время Столыпинской аграрной реформы покупали наделы земли у бедных или у ремесленников, не порвавших связь с сельскими обществами. Некоторые саранские крестьяне имели по 100 и более десятин земли, ветряные или паровые мельницы, просодранки, крупорушки, кузницы, овчинные заведения. За неимением тягловой силы бедные вынуждены были сдавать землю в аренду, а сами нанимались на работу к купцам, фабрикантам и местным кустарям[21].

Разруха промышленности и транспорта способствовала упадку сельского хозяйства страны. В 1917 г. число разоренных крестьянских дворов в Саранском уезде, не имевших ни земли, ни посева, составляло 12,8 %[22]. К 1917 г. количество посевных земель в Саранском уезде сократилось на 80,8 % (с 151 881,0 до 122 847,3 дес.)[23].

Расстройство рынка ударило в первую очередь по материальному положению широких слоев населения деревни. Корреспондент из с. Гузынцы Мокшалейской волости Саранского уезда отмечал в «Пензенских губернских ведомостях», что «жизнь в деревне становится с каждым месяцем все труднее и труднее в материальном отношении»[24]. К имевшимся проблемам прибавились еще и трудности, связанные с реквизицией лошадей и скота для нужд армии, отчего больше всего страдали маломощные слои деревни[25]. В годы войны увеличилось число крестьянских хозяйств без рабочего скота. Если до войны в Саранском уезде было 8 886 таких хозяйств, то в 1917 г. — 9 870[26]. Поголовье скота из года в год уменьшалось. Необходимо отметить тот факт, что вопреки общей тенденции сокращения, в Саранском уезде в 1917 г. наблюдалось увеличение поголовья коров по сравнению с довоенным периодом (с 22 241 до 23 088 гол.)[27]. В то же время в уезде наблюдалось и уменьшение числа бескоровных хозяйств. По сравнению с довоенным временем из 27 843 хозяйств бескоровных

было 6 631, что составляло 23,8 %, тогда как до войны из 25 757 хозяйств коров не имели 6 430 хозяйств, или 24,9 %[28].

В сельском хозяйстве Саранского уезда из-за недостатка рабочих рук больше всего страдали бедняцкие и середняцкие хозяйства. Так, в Инсарском, Наровчатском и Саранском уездах в результате мобилизаций без рабочих рук осталось 79,2 % бедняцких хозяйств, 15,8 % середняцких и 5,0 % хозяйств зажиточных крестьян[29]. Как отмечали корреспонденты местных газет, зажиточные крестьяне имели больше возможностей избежать мобилизации: они либо откупались, либо направляли детей в города на предприятия, рабочим которых предоставлялись отсрочки. До войны число призывников составляло от 5,8 до 7,8 % от всего трудоспособного населения[30].

Многие середняцкие хозяйства после мобилизации разорялись и превращались в бедняцкие. В сельском хозяйстве Мордовского края в основном применялся женский и детский труд[31]. Число женщин в рабочем возрасте в два раза превышало число трудоспособных мужчин. Например, из Зыковской волости Саранского уезда в мае 1915 г. корреспонденты сообщали: «Пашня была тяжелой. В рабочих людях недостаток. Впервые начали пахать женщины, а старики только рассевали. Цены на землю сильно упали (недостаток рук и дороговизна семян). Цены на работы повысились»[32].

В сельском хозяйстве края в годы войны появился небольшой слой крестьянских хозяйств, преимущественно середняцких, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, но в годы войны вынуждены были нанимать батраков, чтобы восполнить убыль рабочих рук в хозяйстве[33]. Плата батракам и сезонным работникам за найм, разумеется, увеличивалась. Высокие цены на рабочие руки уже во время посевной кампании 1915 г. стали серьезным препятствием для успешного проведения полевых работ. Из Саранского уезда с тревогой сообщалось: «Деревня встречает открывающиеся полевые работы при чрезвычайном вздорожании рабочих рук. Крестьяне почти лишены возможности нанимать на полевые работы чужих людей. Там, где цены сезонному работнику были в прошлом году 50 – 60 рублей, теперь тот же работник просит 120 рублей»[34].

За годы Первой мировой войны население г. Саранска увеличилось. В 1913 г. здесь проживало около 20 тыс. жителей (16 203 чел., без военнослужащих Виндавского полка), а в 1916 г. — 25 тыс. чел., включая военнослужащих частей гарнизона и военнопленных (гражданское население города составляло 18 000 чел.). В 1917 г. население города увеличилось за счет нового притока военнослужащих до 28 тыс. чел.[35]

Общий вид г. Саранска в годы Первой мировой войны мало изменился. Дома были одноэтажными и деревянными[36]. Каменных домов в городе насчитывалось 198, деревянных — 2 073[37]. Двухэтажные особняки, в основном принадлежавшие купцам, встречались редко, трехэтажных домов было всего лишь 5. В городе насчитывалось 14 церквей, в центре города на Базарной площади, на высокой Острожной

горе возвышалось окруженное высокой каменной стеной здание тюрьмы. На главных проездах улиц размещались полицейские будки. Напротив здания волостного управления стоял памятник Александру II[38]. Окраины города не освещались. В дождливое время по некоторым улицам нельзя было ни проехать, ни пройти[39]. Из общей длины городских улиц в 52 км только 5 были замощены булыжным камнем. Тротуары были деревянными и то не на всех улицах[40]. На огородах было много плетневых изгородей, а в зимнее время во многих дворах устраивались для скота лабазы, крытые соломой, на городских выгонах были гумны с необмолоченным хлебом, а между гумнами и окраинами города располагались 12 ветряных мельниц[41]. Вплоть до 1917 г. в некоторых городских домах женщины пряли шерсть и ткали холст, перерабатывая домашним способом коноплю и лен[42]. Недостаток заработков вынуждал людей заниматься выращиванием табака на приусадебных участках. Этот труд был очень тяжелым, доход же был невелик. За 15 пудов полученного махорочного сырья фабрикант Никитин платил 20 — 30 руб.[43]

В 1914 г. в Саранске была построена небольшая электростанция мощностью в 130 лошадиных сил, дававшая электроэнергию предприятиям города и домам городской знати. Жилые дома горожан освещались керосиновыми лампами[44].

Война негативно отразилась и на уровне жизни городского населения. Кризис в промышленности и сельском хозяйстве, разрыв экономических связей сказались на жизненном уровне населения Мордовского края. Недостаток товаров первой необходимости сопровождался небывалым ростом цен на продовольственные товары. Так, к 1 сентября 1914 г. по сравнению с октябрем 1913 г. подорожание коснулось большинства категорий товаров: пуд ржи — на 45 %, ржаная мука — на 72, гречневая крупа — на 67, пшено — на 65, овес — на 53 и картофель — на 300 %[45]. Со второй половины 1915 г. цены выросли на все без исключения продукты питания, и многим жителям, даже со средним достатком, они были все более недоступны[46].

Пытаясь как-то бороться с дороговизной, население Саранского уезда в 1915 г. создавало кооперативы. Местные органы власти также пытались предпринимать меры для улучшения ситуации, однако они не имели должного результата. Итогом все более ухудшающейся обстановки было то, что поочередно стали происходить то мясной, то сахарный, то топливный кризис[47].

Одним из ощутимых для городского населения был сахарный кризис, появившийся в 1915 г. На протяжении 1916 г. положение со снабжением населения сахаром ухудшалось. Летом 1916 г. правительство вынуждено было ввести карточки на сахар.

Не лучшим образом обстояло дело и с обеспечением населения города хлебом и хлебными продуктами. Торговля пшеничной мукой осуществлялась только в лавках общественных потребителей, многие лавки наполовину пустовали. Так, в Саранском уезде недостаток муки принял угрожающие размеры, купить ее было практически невозмож-

но. В некоторых уездах края ржаная мука даже исчезла из продажи, поэтому черного хлеба в продаже вообще не было[48]. Не улучшилось экономическое положение городской и сельской бедноты и после хорошего урожая 1915 г. На рынке по-прежнему не было хлеба, крупы и других продовольственных товаров.

В период войны остро ощущался и недостаток мяса. Для армии требовалось все больше мясных продуктов. Население вынуждено было довольствоваться тем, что оставалось от реквизиции. Торговцы, недовольные твердыми ценами, установленными на мясо, стремились придержать продукцию, чтобы сбыть ее с большей пользой для себя. Поэтому правительство летом 1916 г. было вынуждено принять закон «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов», по которому запрещались убой скота и продажа мяса в определенные дни недели. За несоблюдение закона виновные наказывались штрафом от 50 до 500 руб. или арестом от 3 месяцев до 1,5 лет, в зависимости от того, сколько раз этот закон был нарушен[49].

Цены на продукты и промышленные товары в Саранске росли, в магазинах появлялись очереди, где высказывалось недовольство и в адрес городской управы, и в адрес вышестоящих властей. Недостаток товаров первой необходимости и растущую дороговизну ощущали не только жители края, но и расквартированные здесь войска. Так, командующий войсками Казанского военного округа в октябре 1916 г. телеграфировал помощнику военного министра: «Повсеместное, прогрессивно увеличивающееся, непомерное вздорожание всех жизненных продуктов, что объясняется отчасти недостатком рабочих рук, а зачастую и полное отсутствие на рынках предметов первой необходимости, ставит г. офицеров и классные чины вверенного мне округа в чрезвычайно затруднительное материальное положение»[50].

Хлеб заготавливался по твердым ценам, которые были ниже рыночных. Цены на промышленные товары росли быстрее цен на хлеб в сельских районах, поэтому крестьяне тоже старались продать свой хлеб дороже и с большой неохотой продавали его заготовительным органам. С 1916 г. правительство перешло к принудительной разверстке хлеба. Крестьяне и помещики сдавали государству незначительную часть хлеба, что привело к фактическому срыву разверстки[51]. Так, в 1914 г. на элеваторы в Саранске и Торбееве поступило 911 989 пудов ржи. Из всего количества хлеба землевладельцы поставили 7 288 пудов, или 0,8 %; крестьяне — 3 459 пудов, или 0,5 %; торговцы — 181 727 пудов, или 19,9 %; остальные — 719 515 пудов, или 78,8 %[52].

Уполномоченный по заготовке хлеба жаловался саранскому земскому начальнику, что хлеб ему не везут, а продают в соседнюю губернию по завышенной цене. Он просил содействия в заготовке хлеба. В телеграмме на имя волостных старшин уполномоченный требовал принятия срочных мер воздействия на крестьян, обещая за этот труд по выколачиванию хлеба у крестьян выдавать по полкопейки волостным старшинам и по 1 коп. сельским старостам с пуда хлеба, вывезенного на ссыпные пункты[53].

Положение со снабжением населения продовольствием не улучшилось и после уборки хорошего урожая 1916 г. Так, городской голова Никитин в телеграмме на имя уполномоченного по закупке хлеба в Пензенской губернии Кугушева 1 октября сообщал, что в город подвоза ржаной муки для населения совершенно нет. Далее он ходатайствовал об отпуске 1 000 пудов муки или ржи городскому продовольственному складу. В результате хронического отсутствия на рынке продуктов первой необходимости в начале 1917 г. начался продовольственный кризис, от которого в первую очередь пострадали городские рабочие и широкие массы крестьянской бедноты. В феврале начался голод в Саранске и других городах края[54].

Катастрофически ухудшалось положение и рабочих. К началу 1917 г. цены на продовольствие в Саранске поднялись по сравнению с довоенным временем в 4 раза, а на промышленные товары — в 10 раз. Среднегодовая заработная плата местных рабочих постоянно сокращалась и была в два раза ниже, чем в других промышленных центрах[55].

Местные власти пытались принимать всевозможные меры по облегчению положения сельского и городского населения. Однако чем дальше затягивалась война, тем сложнее было обеспечить население продовольствием. Подорожание стало приобретать все более устойчивый характер, особенно сильно оно затронуло семьи мобилизованных. Правительство, пытаясь облегчить их положение, стало выдавать пайки. Норма на солдатскую семью на 1 человека в месяц была следующей: муки — 1 пуд 28 фунтов, крупы — 10 фунтов, соли — 4 фунта, постного масла — 1 фунт. На ребенка моложе 5 лет полагалась половина пайка. Бедным семьям, гражданским женам и внебрачным детям крестьян земства выдавали также и дополнительное денежное пособие. Сельские общества также стремились помогать семьям призванных на войну. Эта помощь включала ссуды из хлебозапасных магазинов, примерно 2,0 — 2,5 руб. на каждого члена семьи в месяц. Однако рост цен и падение курса рубля значительно опережали рост стоимости пайка (к 1 марта 1917 г. его цена составляла 4,08 руб.)[56].

Первая мировая война не могла не отразиться и на помещичьем землевладении, которое под влиянием объективных обстоятельств сокращалось. На 1 января 1916 г. в Саранском уезде в залоге имелось 54 помещичьих имения, с общей земельной площадью 14 617 дес.[57] Отдельные помещики накапливали недоимки в десятки и даже сотни тысяч рублей. Так, у помещиков Глебовых из с. Ключарева Саранского уезда имелось 50 077 руб. недоимок. Случаев описи и продажи с молотка имений должников были весьма редки. Дворянский земельный банк тормозил мобилизацию дворянской земли, превратившись, по сути, в благотворительное учреждение, готовое в любую минуту прийти на помощь помещикам[58].

Помимо экономических трудностей, в декабре 1916 г. в городе распространилась эпидемия сыпного тифа, свирепствовавшая в январе и в феврале 1917 г.[59]

К началу Первой мировой войны часть территории Мордовского края входила в состав Казанского военного округа, который являлся одним из самых больших поставщиков войск на фронт. По требованию мобилизационного отдела Генерального штаба в октябре 1915 г. Казанский округ ежемесячно высылал 800 маршевых рот, что составляло около 200 тыс. чел. Кроме того, округ поставлял до 40 тыс. чел. для пополнения формируемых частей в других военных округах. Армейские гарнизоны стояли во всех уездных городах Мордовского края. Самым большим гарнизоном был Саранский, состоявший из двух полков и одной тяжелой батареи[60]. В мирное время в Саранске постоянно находилось 14 рот 180-го полка 45-й запасной бригады, а к 1 октября 1915 г. здесь уже были сосредоточены 101-й и 234-й полки этой же бригады с общим количеством личного состава 13 496 солдат, что превышало взрослое население города в несколько тысяч раз. С 1 мая 1915 г. по 1 января 1916 г. из двух полков, расквартированных в Саранске, в армию были направлены 77 маршевых рот, а за 3 года войны — 164 маршевые роты, или около 45 920 солдат[61].

В средневолжских губерниях было сосредоточено большое количество военнопленных. Практически все уездные центры региона были пунктами постоянного водворения военнопленных[62]. Только в двух уездных городах, Саранске и Ардатове, по данным на 20 января 1916 г., содержались 1 657 чел. пленных[63]. Местные власти рассматривали возможность применения труда военнопленных как одного из путей решения проблемы снабжения сельского хозяйства рабочей силой. Так, уже в начале 1915 г. в Пензенской, Симбирской губерниях были приняты решения о выделении военнопленных для работы у частных владельцев. Губернские собрания вынесли постановления о предоставлении труда пленных не только для общественных организаций, но и для частных лиц. В Мордовском крае, как и в других регионах России, эту меру считали единственным выходом для землевладельцев[64].

Все это приводило к снижению заработной платы сельскохозяйственных рабочих, т. к. появилась возможность использования на сельскохозяйственных работах большого количества пленных и беженцев — дешевой рабочей силы, ухудшению положения деревенской бедноты. Недостаток рабочих рук, скота, машин, удобрений разорял помещичьи хозяйства[65]. Помещики стремились уравнять не только оплату труда батрака с пленным, но и стоимость пайка. Суточное содержание военнопленных в Саранском уезде в 1915 г. обходилось помещику в 14,3 руб.[66]

Принудительным был труд не только военнопленных, но и беженцев. Война вызвала поток беженцев из западных губерний в центральные и приволжские. Тяжелым было положение беженцев и в местах их временного поселения. Так, в Саранском уезде на 1 января 1916 г. были 21 427 беженцев из западных губерний. На их содержание был установлен паек в размере 6 руб. на 1 взрослого человека и 3 руб. на каждого, не достигшего трудоспособного возраста. Эти пайки были настолько мизерны, что их едва хватало на пропитание, к тому же они

выдавались нерегулярно. Беженцы, размещенные в с. Ерополовка Саранского уезда в количестве 89 чел., в своем прошении в Комитет по призрению беженцев Саранского уезда от 2 декабря 1915 г. писали, что они с 27 октября этого года не получали пайки и, «не имея средств к существованию, кормились лишь одним подаянием»[67].

Помещики и кулаки до минимума снижали заработную плату беженцам. Например, в Саранском уезде в 1916 г. беженец получал только 10 — 12 руб.[68] в месяц, тогда как поденщик в Темниковском уезде зарабатывал 60 — 70 руб. Широкое распространение принудительного труда военнопленных и беженцев приводило к снижению заработной платы рабочих, ухудшению положения бедноты[69].

Война, которая принесла народу неисчислимые бедствия, явилась существенным катализатором революционного подъема. Волна революционных выступлений прокатилась по всей стране. Саранск не стал исключением. Революционной борьбой среди рабочих города руководила Сормовская большевистская организация, которая неоднократно отправляла представителей в Саранск. В 1916 г., в период строительства военных бараков, где работало более 300 рабочих, в город по заданию Сормовского комитета неоднократно приезжали рабочие-большевики. М. И. Спиридонов в воспоминаниях писал, что в 1916 г. он работал печником и каменщиком на постройке военных бараков в Саранске. Подрядчиком в то время был Штурман. Он всякими путями прижимал рабочих: увеличивал рабочий день, не давал даже обеденного перерыва, несмотря на страшную дороговизну, уменьшал зарплату. На военных бараках работал десятником Кириенко, среди рабочих он вел революционную агитацию. В военные бараки не раз приезжал сормовский рабочий-большевик Павел Голубев, который через передовых рабочих проводил революционную работу среди строителей[70].

Революционная агитация сормовских рабочих оказала большое влияние на широкие массы населения. В 1916 г. в г. Саранске прошли 3 стачки рабочих-строителей военных бараков. Особенно упорной была майская стачка. Утром 16 мая 1916 г. 150 плотников, работавших поденно, объявили забастовку. Рабочие потребовали увеличения поденной платы на 50 коп. в день, сокращения на полчаса рабочего дня и уравнения распределения рабочих рук. Требования рабочих Штурман отказался выполнить. К стачке плотников примкнули каменщики и другие рабочие. Рабочие избрали делегацию из 40 — 50 чел., которая во главе с Кириенко направилась в городскую управу для переговоров с городским головой Никитиным. Однако Никитин отказался вести переговоры с рабочими. Прибывший в управу уездный исправник Салтыков под конвоем городовых направил рабочих на работу. Исправник дал полицейским распоряжение: «Если кто убежит, то по нему разрешается стрелять». Однако рабочие и после угроз Салтыкова к работе не приступили. Об этих событиях начальник Пензенского губернского жандармского управления писал губернатору: «Рабочие хотя и пришли на рабочий участок, но к работам не приступили, вследствие чего ис-

правник приехал на место работ и снова потребовал от рабочих приступить к работам, но они не послушались». Рабочие держались дружно и стойко. К работам приступили через 1,5 дня, после исполнения всех их требований[71].

Таким образом, Первая мировая война оказала существенное влияние на все сферы жизни города и уезда. В первые годы войны промышленные предприятия уезда даже расширили производство. Однако к концу войны в развитии экономики стали преобладать отрицательные тенденции, связанные с мобилизациями, расстройством транспортной и финансовой систем, кризисами. Война негативно отразилась и на развитии сельского хозяйства уезда. Наибольший урон селу нанесли многочисленные мобилизации трудоспособного населения, а увеличение налогов привело к росту недоимок и усилению недовольства крестьян. Ухудшение экономической ситуации в уезде привело к росту числа выступлений рабочих и крестьян, вылившихся в революцию 1917 г.

Библиографические ссылки

[1] См.: История Мордовии : От эпохи великих реформ до великой рос. революции. Саранск, 2005. С. 333.

[2] См.: Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1955. Т. 1. С. 465.

[3] См.: **Полин Н. В.** Промышленность Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1974. С. 3. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 47).

[4] Там же.

[5] Там же. С. 4.

[6] См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 465.

[7] См.: **Полин Н. В.** Указ. соч. С. 5.

[8] См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 466 — 467.

[9] Там же. С. 466.

[10] Там же. С. 466 – 467.

[11] См.: **Полин Н. В.** Указ. соч. С. 7.

[12] Там же. С. 6 — 7.

[13] Очерки истории Мордовской АССР. С. 466.

[14] См.: **Воронин И. Д.** Саранск. Саранск, 1961. С. 158.

[15] История Мордовии... С. 344.

[16] См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 465.

[17] См.: **Полин Н. В.** Указ. соч. С. 5.

[18] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 157.

[19] Очерки истории Мордовской АССР. С. 476.

[20] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 156.

[21] Там же.

[22] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск. 1969. Вып. 38. С. 197.

[23] Там же. С. 195.

[24] Там же. С. 205.

[25] Там же. С. 187.
[26] Там же. С. 190.
[27] Там же. С. 198.
[28] Там же. С. 199.
[29] См.: История Мордовии… С. 336.
[30] Там же. С. 336.
[31] Очерки истории Мордовской АССР. С. 469.
[32] Цит. по: История Мордовии… С. 336.
[33] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 186.
[34] История Мордовии… С. 340.
[35] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 155.
[36] См.: **Воронин И. Д., Остроумов В. П., Челмакин И. М.** Саранск — столица Мордовской АССР. Саранск, 1960. С. 18.
[37] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 155.
[38] См.: **Воронин И. Д., Остроумов В. П., Челмакин И. М.** Указ. соч. С. 18.
[39] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 155.
[40] См.: **Воронин И. Д., Остроумов В. П., Челмакин И. М.** Указ. соч. С. 16.
[41] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 156.
[42] Там же. С. 157.
[43] Там же. С. 157 — 158.
[44] См.: **Воронин И. Д., Остроумов В. П., Челмакин И. М.** Указ. соч. С. 17.
[45] См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. Саранск, 1984. С. 165.
[46] См.: История Мордовии… С. 342.
[47] Там же.
[48] Там же. С. 343.
[49] Там же. С. 344.
[50] Цит. по: История Мордовии… С 342.
[51] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 203 — 204.
[52] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны // Исследования по Мордовской АССР. Саранск, 1971. С. 159. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 40).
[53] См.: **Полин Н. В.** Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 204.
[54] Там же. С. 205.
[55] См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. С. 167.
[56] См.: История Мордовии… С. 345.
[57] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 161.
[58] Там же. С. 161 — 162.
[59] См.: **Воронин И. Д.** Указ. соч. С. 158.
[60] См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 485.
[61] См.: **Полин Н. В.** Солдаты и крестьянское движение (1914 – 1917) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 69.
[62] См.: **Ниманов И. Б.** Некоторые проблемы содержания военнопленных в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны // Российская провинция: история, культура, наука. Саранск, 1998. С. 365.

[63] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 150.
[64] См.: История Мордовии... С. 338 — 339.
[65] См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. С. 163.
[66] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 152.
[67] Там же. С. 152 — 153.
[68] ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.
[69] См.: **Полин Н. В.** Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы Первой мировой войны. С. 153.
[70] См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 478.
[71] Там же.

И. А. Юрин

КРАСНОСЛОБОДСКИЙ УЕЗД: РОССИЙСКАЯ ГЛУБИНКА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Как известно, современная территория Мордовии образовалась из Краснослободского, Инсарского, Саранского и части Наровчатского уездов Пензенской губернии; из Ардатовского уезда, волости с мордовским населением Алатырского и Карсунского уездов Симбирской губернии; Темниковского и половины Спасского уездов Тамбовской губернии; из небольшой части мордовских волостей Лукояновского и Сергачского уездов Нижегородской губернии.

Данная статья не претендует на исчерпывающее раскрытие всех вопросов многогранной жизни народа, населявшего Краснослободский уезд в сложную историческую эпоху. При ее исследовании мы опирались на имеющиеся труды, в некоторой степени освещающие положение народа в рассматриваемый период.

О социально-экономическом развитии уезда накануне Первой мировой войны наиболее полные и достоверные данные мы находим в сборнике «Подворная перепись крестьянского хозяйства. Краснослободский уезд» (Пенза, 1913). В. И. Ленин в статье «К вопросу о задачах земской статистики» дал высокую оценку материалам, опубликованным в этом сборнике: «Если пензенские статистики обследуют всю губернию по вышеуказанной программе, то собранные данные будут — без преувеличения можно сказать — близки к идеальным... В Краснослободском уезде около 30 тыс. дворов в 278 селениях, а в 19 крупнейших селениях свыше 9 тыс. дворов — вероятно, условия должны быть отличны»[1].

Некоторые особенности жизни людей рассмотрим на примерах трех сел: волостного центра, селения с русскими и селения с мордовскими корнями.

Центром *Новоямской волости* было с. *Новоямская Слобода*. Здесь в 1913 г. было 321 хозяйство и 2 110 душ обоего пола (1 073 мужского и 1 037 женского). В 148 дворах было 220 грамотных мужчин. В селе имелись земская школа, где обучались грамоте 48 учеников (37 мальчиков и 11 девочек), 1 маслобойка и просодранка, 1 шерсточесалка, 2 валяльных заведения, 1 овчинное, 1 синельное, 2 кузницы, 1 кирпичный сарай, 2 пекарни, 1 винная лавка и 1 пивная. 4 хозяйства были безземельными, а 317 дворов владели 3 201 дес. земли (от 3 до 4 дес. — 60 хозяйств, от 6 до 9 — 98, от 9 до 12 — 71, от 15 до 20 — 64, от 20 до 50 дес. — 9 хозяйств). В селе имелись 316 лошадей и 328 коров; безлошадных было 94 хозяйства, бескоровных — 71. Многие жители занимались промыслами.

В с. *Мордовское Маскино Девиченской волости* было 118 хозяйств, в которых проживали 907 чел. (467 мужского и 440 женского пола). Число детей в семьях было следующее: с 2—3 детьми — 10 семей, с 4—5 — 26, с 6—7 — 31, с 8—10 — 27, 11 и более детей насчитывалось у 24 семей. 118 дворов владели 1 048 дес. земли. От 4 до 15 дес. числилось во владении 90 хозяйств, что примерно составляло 80 %. Лошадей в селе насчитывалось 184, коров — 198, безлошадных дворов было 8, без коров — 15. С 3 — 4 лошадьми в селе имелись 15 хозяйств, с 3 — 4 коровами — 23 двора. Из 467 мужчин работали только 204, из них 23 считались грамотными. В 6 дворах учились грамоте 6 мальчиков, девочек среди учащихся не было. 85 хозяйств жили только за счет приусадебного участка, а 33 хозяйства занимались различными промыслами.

В 1913 г. в с. *Лысая Гора Старосиндровской волости* было 94 двора, в них числились 579 чел. (298 мужского и 281 женского пола). В церковно-приходскую школу в с. Новый Усад за 3 км ходили 9 мальчиков и 1 девочка. Фельдшерский пункт находился в волостном центре в 10 км от села. 94 двора владели 895 дес. земли; в селе имелись 89 лошадей и 104 коровы. Безлошадных хозяйств насчитывалось 29, бескоровных — 18. Таким образом, безлошадных в селе было 30,9 % крестьянских хозяйств, с 1 лошадью — 47,8 %, с 2 — 21,3 %. От 3 до 15 дес. земли было в распоряжении 76 дворов, т. е. около 80 % хозяйств.

Данные по уезду в целом и по волостям представлены в табл. 1 — 3.

В 1916 — 1917 гг. кустарными промыслами в уезде занимались 3 992 чел. Сюда относились те, кто ткали рогожи и кули, занимались гончарным производством, делали колеса, сбрую для лошадей и другую необходимую для хозяйства продукцию.

Большое число крестьян занималось отхожими промыслами. Так, на сезонные работы по уборке хлебов и трав в поволжские губернии уходили 3 600 чел. из Синдровской, Девиченской, Мамолаевской, Тенишевской, Краснослободской, Сивинской, Михайловской, Оброченской и Троицкой волостей.

Для работы на чугунолитейном заводе (г. Ардатов) уходили 190 чел. из Тенишевской, Новоямской, Краснослободской волостей; для

Таблица 1

Данные по уезду

Социальные группы сельского населения	Число крестьянских хозяйств	% к общему числу крестьянских хозяйств
Без земли	428	1,3
До 6 дес.	13 431	42,4
От 6 до 15 дес.	13 842	43,6
От 15 до 20 дес.	2 322	7,3
Более 20 дес.	1 663	5,2
Бескоровных	7 914	25,0
С 1 коровой	17 025	53,7
С 2 коровами	5 136	16,2
С 3 и более	1 605	5,0
Безлошадных	9 207	29,0
С 1 лошадью	15 369	48,5
С 2 лошадьми	5 561	17,5
С 3 и более	1 555	4,9

Составлена по: Подворная перепись крестьянского хозяйства : Краснослободский уезд. Пенза, 1913. Вып. 3.

работ на баржах Саратова и Астрахани — 160 крестьян (100 чел. из Введенской и 60 чел. из Б.-Дубровкой волостей); для торговли и найма в разные города России уходили 1 860 чел. из 9 волостей уезда[2].

Накануне и в годы Первой мировой войны в Краснослободском уезде имелось несколько церковно-приходских школ (ЦПШ), училищ и гимназий. По архивным данным Пензенской области, в 1916 г. только в уезде работало 127 различного типа школ: двухклассные министерские в Мамолаеве и Уреях, 3 земские двухклассные в Рыбкине, Никольском и Сивини, 50 земских одноклассных и 72 цековно-приходские одноклассные.

В уездном центре действовали:

— Краснослободское духовное училище (с 1843 г.) на 185 учащихся;

— Краснослободское городское четырехклассное училище (с 1880 г.) на 198 учащихся;

— приходское мужское одноклассное училище (1830 г.) на 163 учащихся;

— земское женское начальное училище (с 1843 г.) на 148 учащихся;

— женская шестиклассная гимназия (с 1908 г.) на 202 учащихся;

— приходское женское двухклассное училище (с 1895 г.) на 203 учащихся;

— церковно-приходская женская школа (с 1901 г.) на 71 учащуюся.

Всего в городе и волостных центрах всеми формами обучения было охвачено более 1 250 детей[3].

Значительно хуже в уезде обстояло дело с объектами здравоохранения. В 1916 г. имелись всего 3 земские больницы (в г. Краснослободске

Таблица 2

Данные по волостям

Волость	Кол-во хозяйств	Душ обоего пола	Беззе-мельных	Всего земли, дес.	Хозяйств с числом дес.			
					до 6	6—15	15—20	более 20
Аксельская	1 997	7 278	23	8 384,8	733	420	39	40
Большедубровская	1 019	5 692	23	4 133,3	818	176	6	2
Большеазясская	1 053	7 675	4	10 476,9	337	551	84	81
Введенская	1 339	8 406	10	9 087,5	780	484	39	36
Девиченская	2 692	18 676	37	23 798,5	1 123	1 243	177	112
Ельниковская	2 588	17 440	117	28 524,3	640	1 247	292	292
Краснослободская	2 281	14 456	26	17 274,6	1 088	962	82	2 326
Мамолаевская	1 559	10 795	9	17 197,6	382	798	224	147
Михайловская	1 339	8 443	8	9 244,4	737	506	49	39
Новоямская	1 109	7 550	18	9 954,0	399	543	100	49
Оброчинская	1 086	6 827	2	6 71 0,9	638	413	19	14
Пурдошанская	1 447	9 193	7	15 279,5	424	747	163	138
Рыбкинская	1 580	11 452	7	15 376,4	574	769	130	100
Сивинская	1 296	8 032	20	9 46 8,6	627	494	90	65
Синдровская	2 293	15 388	46	20 731,1	731	1 147	242	127
Сл.-Дубровская	1 010	6 529	3	7 891,7	380	547	55	25
Тенишевская	1 536	11 084	4	1 36 9,0	507	840	134	51
Троицкая	2 223	13 398	32	22 157,3	734	1 025	271	151
Урейская	1 240	7 224	30	6 052,1	821	283	28	28
Усть-Рахманская	1 699	10 169	1	12 579,6	909	647	58	84

Составлена по: Подворная перепись крестьянского хозяйства : Краснослободский уезд. Пенза, 1913. Вып. 3.

Таблица 3

Данные по волостям

Волость	Кол-во хозяйств	Всего коров	Хозяйств с кол-вом коров					Всего лошадей	Хозяйств с кол-вом лошадей				
			без коров	с 1	с 2	с 3	с 4 и более		без лошадей	с 1	с 2	с 3	с 4 и более
Аксельская	1 997	1 103	374	732	125	15	9	972	563	489	165	20	18
Большедубровская	1 019	777	363	564	83	14	1	713	488	395	121	15	6
Большеазясская	1 053	1 295	336	406	179	66	66	702	337	483	162	42	29
Введенская	1 339	1 364	347	804	142	35	10	113	495	587	192	45	20
Девиченская	2 692	2 181	511	1 539	457	119	66	2 132	560	1 429	504	132	67
Ельниковская	2 588	2 824	483	1 426	596	87	23	2 981	541	1 315	601	109	32
Краснослободская	2 281	531	1 297	1 297	371	58	24	1 975	725	1 211	288	43	14
Мамолаевская	1 559	1 883	340	760	329	85	45	1 893	265	832	352	92	18
Михайловская	1 339	1 245	400	694	204	28	13	1 314	414	616	254	39	16
Новоямская	1 109	1 236	204	635	226	37	7	1 237	270	509	270	43	17
Оброчинская	1 086	957	316	629	116	16	9	954	375	524	147	29	11
Пурдошанская	1 447	1 506	375	781	263	48	12	1 511	421	688	302	53	15
Рыбкинская	1 580	2 067	363	703	317	126	71	1 742	330	781	348	94	27
Сивинская	1 296	1 390	281	724	230	50	11	1 279	318	723	214	30	11
Синдровская	2 293	2 557	393	1 386	415	80	19	2 548	483	1 265	418	92	38
Сл.-Дубровская	1 010	890	322	533	122	24	9	890	345	476	158	26	5
Тенишевская	1 536	1 970	327	708	353	91	57	1 834	295	798	349	59	35
Троицкая	2 223	1 874	821	1 064	253	58	27	1 950	728	1 139	295	44	17
Урейская	1 240	1 057	296	732	172	26	14	978	471	536	187	41	5
Усть-Рахманская	1 699	1 493	531	909	210	35	14	1 474	783	576	234	48	58

Составлена по: Подворная перепись крестьянского хозяйства : Краснослободский уезд. Пенза, 1913. Вып. 3.

на 40 мест, в с. Урей на 8, в с. Ельники на 10 мест) и 4 фельдшерских пункта в селах Рыбкино, Сивинь, Синдрово и Селищи[4]. Одно койкоместо приходилось в среднем более чем на 3 600 жителей уезда. В связи с этим жители обращались за помощью к лекарям, повитухам и знахарям, а многие — к священнослужителям.

В уезде насчитывались 85 православных церквей, 4 часовни, 39 мечетей и 4 монастыря: Краснослободский Успенский женский, Спасо-Преображенский мужской, Троицкий Ковыляйский женский и Александро-Невский женский, в которых прислуживали 1 163 монахини и 59 монахов.

Монастыри являлись крупными собственниками земли. Спасо-Преображенский мужской монастырь владел 1 353 дес. земельных угодий, 552 дес. лугов, 634 дес. леса в Тенишевской волости; Краснослободский Успенский женский монастырь — 530 дес. земельных угодий; Троицкий Ковыляйский женский монастырь — 879 дес. земельных угодий и 500 дес. лесных угодий в Новоямской волости; Александро-Невский женский монастырь владел 642 дес. земельных угодий. Одному из крупных монастырей России — Саровскому — принадлежало более 26 тыс. дес. земли. В 1912 г. сюда приезжал поклониться святым местам император Николай II.

В городе на средства землевладельца и члена Земской управы Ненюкова содержалась богадельня, в которой находились 35 чел. (18 женщин, 10 девочек, 3 мужчины и 4 мальчика)[5].

Данные о крупных собственниках земли в уезде представлены в табл. 4.

Таблица 4

Крупные собственники земли

Собственник	Кол-во земли, дес.	Примечание
1	2	3
Андреева Варвара	70	
Бакулин Лев	401	
Бакулина Наталья	256	
Наследник Веденяпина Апполона	118	
Говятская Вера	100	
Девлет-Кильдеев	154	князь
Девлет-Кильдеева Вера	112	княгиня
Девлет-Кильдеев Петр	129	князь
Жоглевская Анна	60	вдова штабс-капитана
Жоглевский Николай, Сергей и Михаил	184	
Фон Вендрих Федор	639	
Ильшев Николай	70	генерал-майор
Наследник Кондакова Сергея	520	
Краснослободский Успенский женский монастырь	530	
Александро-Невский женский монастырь	642	
Лазарева Екатерина	82	
Лебедева Екатерина	91	
Пляцентова Мария	382	
Разумовская Ольга	63	

Окончание табл. 4

1	2	3
Сатина Наталья	193	дочь гвардии ротмистра
Тихомирова Маргарита	89	
Ковыляйский женский монастырь	879	
Чифаровская Мария и Гравина А.	131	
Янов Тихон	164	
Янов Владимир	177	
Ахметов Сябит	151	мулла
Рехметулин Вямет	148	
Валитов Хафис	75	
Сябитов Шакиржан	75	
Соловьев Василий и Глафира	379	
Наследник Митрофанова Романа	56	
Наследник Голова Ивана	187	
Головы: Алексей, Елена, Надежда и Александра	312	
Голова Екатерина	3 553	
Пономарева Елизавета	982	
Пономарев Сергей	330	
Горская Екатерина	428	
Ненюков Владимир	773	
Ненюков Николай	1 102	
Гурьев Петр	165	
Белугин Николай	212	
Гулевич Ираида	50	
Карпов Михаил	66	
Пономарев Николай	208	
Струльникова Мария	98	
Саляева Мария	75	
Кострова С.	119	
Скобликов Иван	94	
Скобликов Михаил	50	
Мещеров Абдул-Халим	174	
Гаврилов Владимир	132	
Пеньков Василий	191	
Зайцева Агафья	478	Харьков, мещанка
Болдырев Иван	96	
Акчурин Хасан и Умяр	112	
Долганина Флегонта	92	
Залетовы Петр и Герасим	62	
Микулин Егор	50	
Шахматьев Давид	114	наследница
Бахтияров Хабитулла	68	
Копылов Василий	144	
Артемовы Василий и Иван	51	
Трегулов Сябит	61	
Еникеев Шерафетдин	56	
Город Краснослободск	1 652	

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 26. Л. 43 — 44.

Первая мировая война тяжело отразилась на промышленно-кустарных предприятиях уезда. Многие мелкие предприятия уменьшили производство или совсем закрылись из-за недостатка сырья и рабочей силы (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о развитии кустарных предприятий

Наименование предприятия	1912 г.			1916 г.			1917 г.		
	Кол-во предприятий	Число рабочих	Сумма, руб.	Кол-во предприятий	Число рабочих	Сумма, руб.	Кол-во предприятий	Число рабочих	Сумма, руб.
Мыловаренные	1	2	578	1	1	1 500	1	1	1 500
Шерстобитные	63	122	31 536	59	103	28 800	2	2	1 500
Поташные	23	26	1 897	8	8	235	—	—	—
Овчинно-дубильные	24	46	35 530	8	11	1 100	6	10	1 780
Маслобойные	74	108	10 599	85	108	18 075	69	78	15 700
Солодовенные	—	—	—	5	7	1 750	4	6	3 750
Синельные	17	32	8 970	9	18	5 350	4	8	3 760
Дегтярные	30	37	1 170	25	32	3 102	20	24	5 670
Просодранки	154	177	47 730	141	141	13 680	137	137	24 630
Ветряные, водяные и паровые мельницы	252	467	246 533	235	315	199 760	226	213	82 130
Кирпичные	69	153	13 346	91	171	43 340	87	61	21 710
Гончарные	8	12	470	6	8	1 210	7	8	3 500
Винокуренные	5	131	1 056 632	5	Не работали				
Чугунолитейные	1	50	12 000	1	—	—	—	—	—
Салотопенные	1	3	690	1	—	—	—	—	—
Канатные	5	15	1 980	—	—	—	—	—	—
Табачно-махорочные	4	5	830	—	—	—	—	—	—
Итого	731	1 386	1 470 491	680	923	317 902	563	548	165 630

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 65, 89.

«Фабрик и заводов в течение 1916 г., — писал городской голова Белугин, — в г. Краснослободске вновь открыто не было, а закрыт один поташный завод. Фабрично-заводская промышленность против предыдущего года уменьшилась вследствие недостатка рабочих рук и сильного возвышения на них цен»[6].

В 1916 г. в уездном центре насчитывались 8 кустарных предприятий (1 салотопенный, 2 кожевенных, 1 маслобойное, 1 водяная мельница и 3 кирпичных), в которых трудились всего 12 рабочих, выпускавшие продукцию на 12 900 руб.

Война нанесла урон и сельскому хозяйству. Постоянные мобилизации в армию вызывали острый недостаток рабочих рук. В результате

реквизиций крестьяне лишались большого количества лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Земельный инвентарь износился, новый приобретать было негде. Все это привело к сокращению посевных площадей и поголовья скота, падению урожайности и недостатку семян. Уменьшалась валовая и товарная продукция сельского хозяйства. В сельском хозяйстве преобладал ручной труд, земля в основном обрабатывалась сохой, железные плуги и бороны имелись только у богатых. На начало посевной кампании 1914 г. в уезде было 35 744 сохи.

Если в 1913 г. в уезде было 31 995 коров и 30 192 лошади, то к весне 1918 г. осталось 29 855 коров (меньше на 2 140) и 29 900 лошадей (меньше на 209). В 1916 г. насчитывалось 89 005 овец, в 1918 г. — 72 449 (меньше на 16 656), свиней в 1916 г. — 12 054, в 1918 г. — 10 244 (меньше на 1 810 голов) и 733 козы[7].

За три года войны сократилось население уезда. Если до войны все население составляло 205 533 чел., то по переписи 1916 г., — 194 143 чел. (уменьшилось более чем на 11 тыс.), ухудшилось и соотношение мужчин и женщин. В 1916 г. мужчин было 82 203 чел., женщин — 111 940, а среди взрослого населения от 18 лет и старше это соотношение составляло 27 814 и 49 017. Среди взрослого населения лиц женского пола в 1,7 раза было больше, чем мужского. В Краснослободске проживали 8 435 чел., в заштатном городе Троицке — 7 634 жителей. В уезде было 53 090 жителей мордовской национальности и 19 554 чел. татарской. Из 278 поселений уезда мордва проживала в 123[8].

В годы Первой мировой войны в армии находились тысячи призывников из Краснослободского уезда. Многие из них остались на полях сражений, совершили героические подвиги, стали инвалидами и калеками. Проявляя храбрость и стойкость, многие воины уезда были удостоены высоких наград. Об одном из них — Федоре Лебедеве, уроженце с. Новая Карьга — писали в газете «Известия Мордовии» от 23 января 2013 г. В статье под заголовком «Грудь в крестах» отмечалось, что Федор Лебедев имел 4 ранения, был награжден 4 Георгиевскими крестами, 2 Георгиевскими медалями 4-й степени (как и кресты, они давались за храбрость) и серебряной медалью на ленте ордена Святого Станислава «За усердие». В 1917 г. Ф. Лебедеву было присвоено звание поручика, он заслужил офицерские ордена: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. После подписания Брестского мира (март 1918 г.) Ф. Лебедев служил в Красной армии.

В годы Первой мировой войны многие воины утратили трудоспособность в связи с ранениями, подлежали увольнению из армии «как совершенно к ней неспособные… так как носить оружие не может. Следовать пешком не может»[9].

В 1915 г. в уезде насчитывались 1 434 чел. инвалидов войны и труда, на их содержание было выделено 11 855 руб.; в 1916 г. — 2 490 чел., отпущено 25 387 руб. 30 коп.; в 1917 г. — 1 375 чел., выделено 411 119 руб. 50 коп. Всего же с начала войны по 1917 г.

25 461 семье было выдано 84 168 пайков на сумму более 5 млн руб.; в 1914 г. — 20 299 пайков, в 1915 г. — 26 054, в 1916 г. — 7 784, в 1917 г. — 27 111 пайков[10].

Пенсии и пособия назначались по четырем разрядам: за потерю здоровья, ранение, потерю членов семьи на фронте и в тылу. Пайки выдавались и продовольствием.

Одной из важных проблем, стоявших перед уездной властью, была проблема с беженцами, которых надо было распределить по квартирам, накормить, трудоустроить, организовать уход за больными и детьми. Так, с 1 июля по 1 октября 1917 г. в уезде их было 4 618 чел., из них 1 024 мужчин, 1 662 женщины и 1 932 ребенка в возрасте до 14 лет. Это беженцы из Волынской, Гродненской, Екатеринославской губерний. С 1 октября 1917 г. до января 1918 г. в уезде осели 3 567 беженцев (мужчин — 564, женщин — 1 199, детей — 1 804). Работоспособных мужчин было 386, женщин — 738. Более 200 чел. считались пожилыми, больными и калеками. На их содержание Губернским комитетом помощи беженцам отпускалось в месяц: для оплаты квартиры по 1 руб. 20 коп. на 1 чел., по 2 руб. на продовольственные пайки и по 10 коп. на мыло и посещение бани[11].

Первая мировая война унесла 10 млн человеческих жизней, 20 млн чел. были искалечены. Среди них и уроженцы Краснослободского уезда: рядовой О. П. Самохвалов из деревни Новое Зубарево убит в декабре 1915 г.; рядовой 1-го пехотного Невского полка (земляк Самохвалова) П. Ф. Кулагин погиб в 1915 г.; ефрейтор Т. А. Ермаков убит в 1915 г.; рядовой В. П. Печнов умер от ран в 1915 г.; И. М. Кечин умер от ран в 1915 г. в Бакинском госпитале, был призван из Мамолаевской волости; А. И. Неяскин убит в ноябре 1914 г.; рядовому 95-го пехотного полка (23 года от роду) И. М. Мелешкину ампутировали ногу в Царскосельском лазарете № 79; рядовой 538-го Медынского полка из деревни Новое Мамангино Рыбкинской волости К. П. Васькин был ранен, ему вынесено заключение: «Носить оружие не может, пешком ходить не может, к труду не способен. Контужен»[12]; И. Г. Ульянкин (19 лет) был ранен, ему отняли 4 пальца правой ноги; у рядового 1-го Сибирского Его Величества стрелкового полка, ратника ополчения Ф. Т. Ромашкина из Новоямской волости было пулевое ранение, ему вынесли заключение: «Подлежит увольнению вовсе от службы, как совершенно к ней неспособный, носить оружие не может». Ему была назначена пенсия в размере 66 руб.[13] Его земляку А. С. Большакову за ранение и потерю здоровья также назначили пенсию в размере 66 руб. и пособие продуктами.

Вдовам после гибели мужей выдавались специальные бланки Указа Его Императорского Величества, по которым они имели право свободно жить во всех городах Российской империи, им разрешалось вступать в замужество, иметь привилегии. Такими бланками были удостоены М. Ф. Кулагина[14], А. А. Гладкова, П. С. Неяскина и др.:

**По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО
и прочая, и прочая прочая**

Предъявительница сего Пензенской губернии Краснослободского уезда *Мамолаевской* волости *села Новое Зубарево* вдова *рядового Петра Федоровича Кулагина — Марья Федоровна Кулагина* — служившего в *I пехотном Невском полку,* который, как видно из *предписания Краснослободского уездного воинского начальника от 24 января 1916 г. за № 1849, в бою убит июля 9* дня *1915* года, почему на основании 238 ст. Уст. о пасп. (по прод. 1___г.) выдан ей сей вдовий вид с тем, что дозволяется ей свободно жить во всех городах и селениях Российской империи, при том вести себя честно и добропорядочно и, если пожелает, разрешается вступить в замужество, с соблюдением правил, указанных в ст. X т. части 1 закона гражд. Приметами она: росту 2 аршина 3 вершка, волосы на голове и бровях *русые*, глаза *серые,* лицо *чистое,* нос, рот и подбородок *обыкновенные*. Особые приметы *не имеет,* от роду ныне ей *двадцать* лет, вероисповедания *православного*.

Вид сей она обязана предъявлять где следует по закону; а в случае смерти ее, те лица, у которых она жила, обязаны предъявить его в ближайшее присутственное место или полицейскому начальству, для отсылки в то волостное правление, из которого он выдан, с надлежащей надписью о смерти.

Дан из *Мамолаевского* волостнаго правления Краснослободского уезда Пензенской губернии, тысяча девятьсот *шестнадцатого* года *февраля* месяца *девятого* дня и записан в книге под № *337*

Печать Мамолаевского волостного правления — Подпись волостного старшины
Подпись волостного писаря

С февраля по октябрь 1917 г. в стране происходила частая смена правительства. В уездах одновременно со столицей началось формирование новых органов власти. 7 марта 1917 г. распоряжением Временного правительства были назначены губернские и уездные комиссары. Ими в губерниях стали председатели губернских земских управ, а в уездах — председатели уездных земских управ.

Председатель Совета министров Временного правительства князь Львов по этому вопросу 7 марта на имя председателя Пензенской губернской управы князя Кугушева направил следующую телеграмму: «Придавая самое серьезное значение в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства, обеспечения безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало временно отстранить губернатора от исполнения обязанностей. Управление губернией временно возлагается на Вас в качестве губернского комиссара Временного правительства со всеми правами, представленными действующими узако-

нениями губернатору и с сохранением за вами руководительства работой земской управы. На председателей уездных земских управ возлагаются обязанности уездных комиссаров Временного правительства с сохранением за ними руководительства работой уездных земских управ. Полиция подлежит переформированию в милицию, к чему необходимо приступить местным самоуправлениям»[15].

9 марта пензенский губернский комиссар Кугушев сообщал краснослободскому уездному комиссару, что обязанности уездного комиссара Временного правительства «обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского начальника и обязанности уездного предводителя дворянства»[16].

Краснослободским уездным комиссаром Временного правительства был назначен помещик, председатель уездной земской управы Н. Латинов. В то же время произошли и «выборы» буржуазных исполкомов. Сначала образовалось два временных исполкома: по городу и уезду, потом произошло их фактическое слияние.

Чтобы закрепить за собой власть и придать ей видимость законности, буржуазия поспешила созвать уездные крестьянские съезды.

В Краснослободском уезде крестьянский съезд был созван 13 марта 1917 г., на котором был избран Исполнительный комитет в составе 103 чел.: 37 представителей от волостей, 20 — от г. Краснослободска, 1 — от г. Троицка, 36 — от кооперативов, 3 — от офицерско-солдатской организации, 3 — от учительской, 1 — от врачебно-санитарного совета, 1 — от мужской и 1 представитель от женской гимназии.

В состав Исполкома вошли все члены городской думы и члены уездного земского собрания. Был избран президиум Исполкома в составе 7 чел., в том числе: председатель — А. И. Ремеров, районный земский агроном, заместители председателя — Ф. А. Котельников, А. П. Лукшин, В. Н. Бочкарев, П. Г. Михайловский и секретари — И. П. Сушинский и А. С. Керенский[17].

Земские начальники были отстранены от исполнения судебных функций. Вместо них, согласно распоряжению Пензенского губернского комиссара, были назначены уездные судьи. Число новых судебных участков сократилось; вместо 6 судебных участков в Краснослободском уезде осталось 3. Жалованье уездных судей равнялось жалованью земского начальника. Временными судьями Краснослободского уезда были назначены А. Берингов, П. Сенин и Д. Андреев. К исполнению судебных обязанностей они приступили 19 апреля 1917 г.

В волостях были устранены волостной старшина и писарь, их функции были переданы волостному исполнительному комитету.

С февраля по октябрь 1917 г. усилилась борьба крестьян за землю. Крестьяне ждали от Временного правительства передачи им помещичьей земли, поэтому в адрес Временного правительства и его местных органов приходили письма, просьбы крестьян, в которых они излагали свои жалобы на злоупотребления помещиков и царских чиновников.

Характерным в этом отношении стало постановление общего собрания крестьян с. Булаева Урейской волости от 10 марта 1917 г.: «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне села Булаево, согласно единодушного решения лиц обоего пола... постановили просить господина комиссара Временного правительства г. Краснослободска о немедленном аресте и предании суду Льва Бакулина, как самого ярого крепостника и мучителя крестьян нашего села, десятками лет угнетавшего нас. В основу причин, побудивших нас прийти к такому решению, послужили следующие его поступки:

1. Умышленное нежелание продать нам, хотя бы за какую угодно плату, прогон, благодаря чему мы буквально изнемогаем от штрафов и арестов, которые приходилось нести за потравы, так как прогнать скот на пастбище иначе никак было невозможно.

2. Его умышленная продажа земли кулакам других сел, несмотря на неоднократные наши к нему обращения по этому вопросу.

3. Десятки лет поившего нас гнилой водой, которую он отравлял отбросами принадлежащего ему винокуренного завода реку, благодаря чему у нас в 1905 году происходили беспорядки. Часть наших братьев за это даже тюремное заключение отбывали.

4. Бакулин — ярый монархист и реакционер и как предводитель дворянства являет в своем лице типичный образец члена „Союза русского народа“, почему его пребывание на свободе в данный момент более чем вредно»[18].

Эта и другие жалобы крестьян остались без внимания. В хозяйстве землевладельца Л. Бакулина в мае 1917 г. было 401 дес. земли (у сестры — 256 дес.), 11 дойных коров, племенной бык, 28 рабочих и 6 выездных лошадей, 3 свиньи, 5 поросят, 10 овец, 80 кур, 1 винокуренный завод, 1 мельница, 7 двухлемешных плугов, 47 тыс. кирпича, 40 бочек цемента, 350 столбов и др. инвентарь[19].

С коллективной просьбой к Временному правительству обращались крестьяне сел Русское и Мордовское Маскино. Они просили приарезать им часть земли из владений купчихи Головой, помещиков Рябикина и Пономорева, которую они незаконно захватили у крестьян.

Крестьяне писали: «Мы, конечно, несколько раз поднимали этот вопрос, но под гнетом старого режима ничего хорошего добиться не могли, но в настоящее время по случаю государственного переворота имеем подняться духом и окрыленные надеждой на программу социал-демократической партии, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает своими руками, и тем более нам эта земля к делу, как говорит русская пословица, „Дорога борозда к загону”, поэтому мы все единогласно постановили ходатайствовать перед правительством возвратить нашу утерянную землю сколько ее находится в нашем плане»[20]. Эта просьба крестьян также осталась без ответа.

25 сентября 1917 г. крестьяне с. Сивинь разгромили имение помещицы Головой, отобрали и увезли у нее скот, инвентарь[21].

В деревнях и селах Краснослободского уезда, как и по всей Пензенской губернии, октябрьские дни проходили примерно по одной «схе-

ме»: выведенные из терпения долгим ожиданием земли, крестьяне приходили в помещичьи имения и сначала по-хорошему просили у помещика земли, леса и инвентарь. Получая отказ, они брали все это силой. Помещики отчаянно сопротивлялись. Они писали жалобы уездным и губернскому комиссарам и в адрес Временного правительства с просьбой защитить от «бунтующих» крестьян. Помощь оказывалась. Сначала приходили от Временного правительства и его комиссаров на места «грозные» телеграммы с требованием прекратить беспорядки. Когда телеграммы не помогали, высылали вооруженные отряды. На сопротивление помещиков крестьяне отвечали разгромом имений и «красным петухом».

Председатель Краснослободского земельного комитета Тулинов писал главному земельному комитету о крестьянском движении в уезде в октябре 1917 г.: «Движимость имения Лебедевой подвергалась расхищению и истребелению частью населения деревни Русских Парок. Погромное движение за последнее время быстро разрослось. Разрушение чисто местное, без стороннего влияния, выразилось в расхищении движимости и сожжении дома с частью скотного двора в имении Головых при селе Сивинь и сожжении корма в их же имении при селе Авгоре. За последнюю неделю расхищена в одну ночь решительно вся движимость имения Н. Ф. Ненюкова, на Уркате, в Ельниковской волости: на 150 — 200 подводах увезено окрестными крестьянами все, что можно взять: домашняя обстановка, провизия, всякие запасы, хлеб в зерне, железо с крыш, окна, двери и т. д.; скот — лошади, коровы, свиньи — все поделено и угнано; постройки все сожжены, и от хозяйственно устроенного имения остался лишь пепел...

16 числа этого месяца расхищена движимость и сожжены постройки в имении В. А. Ненюкова...

Было много мелких погромов, в том числе на казенном хуторе „Серебрянка“. На казенную лесную стражу было в лесу при порубках несколько случаев вооруженного нападения, однажды, по-видимому, были пущены в ход ручные бомбы. Самочинные действия и в казенных и прочих лесах масса.

17-го вечером начался погром казенного винного склада, стоящего в саженях в 150 от города, растаскивается водка в мелкой посуде. Сейчас погром склада снова начался в больших размерах.

Из этого короткого изложения главный земельный комитет усматривает, что анархия в уезде растет. Конца ей не видно. Местными организациями меры, конечно, принимаются, но наличные силы ничтожны и положительных результатов дать не могут»[22].

17—18 октября 1917 г. был разгромлен винный склад. На складе в момент разгрома находилось 29 000 ведер водки и 24 000 ведер спирта.

20 октября Краснослободский уезд был объявлен на военном положении. 31 октября 1917 г. краснослободский уездный комиссар сообщал пензенскому губернскому комиссару о положении в уезде за 1 неделю:

«1. При деревне Лепченки гражданами-крестьянами деревни Маскино разграблен хутор мелкого землевладельца Карпова.

2. При селе Кабанове крестьянами села Кабанова и прилегающих деревень разграблена экономия землевладельца С. И. Пономорева.

3. При селе Ворна крестьянами оного села и других разграблен хутор Александро-Невского женского монастыря, что на Флегонтовой горе.

4. В лесной даче „Остров“ Краснослободского Успенского женского монастыря крестьянами села Пальца производится массовая порубка леса.

5. Крестьянами села Сивинь в их селении разграблены и разрушены постройки землевладелицы Головой.

6. Крестьянами села Кичатово и других вырубается и расхищается казенный лес Троицкого лесничества.

7. Крестьянами деревни Тумалейки разграблено и сожжено имение землевладельца Н. И. Пономарева.

В Оброчном разграблена волостная земская управа и убиты грабителями: председатель Лобанков, член управы Кузнецов и один сторож, а второй — ранен»[23].

Таким образом, крестьяне убедились, что Временное правительство не может им дать ни мира, ни земли, что это все можно добыть только в результате вооруженного восстания.

Острое недовольство народных масс политикой Временного правительства способствовало росту влияния РСДРП(б) и большевизации советов.

24 — 25 октября 1917 г. было низложено Временное правительство, и власть перешла в руки Военно-революционного комитета. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов избрал новое правительство — Совнарком во главе с Лениным.

Весть о победе «октябрьского-Советского-переворота»,[24] — как писал об этом Ленин, — была получена в Пензе 26 октября 1917 г. и быстро пришла во все уездные центры.

Днем установления власти Советов в Краснослободском уезде является 31 января, когда начал свою работу I уездный крестьянский съезд. Работу съезда открыл член пензенского Совета рабочих и солдатских депутатов А. В. Семенов. Он рассказал о необходимости признания советской власти. В обсуждении этого вопроса были острые дискуссии. Из 286 делегатов съезда более 10 чел. выступило с разными мнениями. Особенно резкие выступления делегатов от волостей были у Малинкина, Дугарева, Курицина, Костина, Пронина, Орнатского, Андреева, Абруйкина и др., в результате чего председательствующий Семенов временно покинул помещение. Во 2-й и 3-й день работы съезда был избран уездный исполком, председателем исполкома — В. Лысов, его заместителем — Беляков.

В конце февраля были образованы коллегии по управлению и избраны их комиссары. Среди них Лысов, Беляков, Малинкин, Мечтаев, Оськин, Манин, Кирюшкин, Оленин, Сорокин, Якунин, Дугарев.

Следует отметить, что за 100 дней после провозглашения советской власти и избрания уисполкома состоялось 36 заседаний, на которых

рассматривались вопросы политики, создания революционного отряда, проведения посевной кампании, сметы расходов.

Так, в конце апреля 1918 г. комитет единогласным решением обложил контрибуцией в размере более 100 тыс. руб. В. Ненюкова, Н. Ненюкова, Е. Голову, С. Пономарева, А. Соловьева, Н. Карпова, А. Тихомирова и Д. Доронькина. Эту сумму «указанные лица должны внести не позднее 7 часов вечера 29 апреля, за неисполнение... будут применены самые строгие меры...»[25].

Вопрос о заключении Брестского мира остро стоял и на I общем собрании уездного Совета солдатских и крестьянских депутатов 27 марта 1918 г. Выступило более 10 чел. Оленин высказался против заключения Брестского мира; ему возразили Шмаков и Беляков; Васютин выступил за организацию партизанских отрядов для борьбы с немцами; Сокрыгин отметил, что трудно содержать партизанские отряды; Осечкин говорил, что Брестский мир позорный; священник Миловский — «большевики обманули нас, заключив мир. Спасение у союзников». Малинкин и Беляков были возмущены выступлением священника, который предал анафеме Совет и оскорбил большевиков.

В резолюции, принятой съездом, которую предложил Беляков, говорилось: «Отвергнув позорный мир, призываю объединиться вокруг Советов и вести войну не с трудящимся классом Германии и ее союзниками, которые сами не знают, что творят, а с империалистами всего мира...

Наш лозунг: „Долой империализм и капитализм! Да здравствует Советская Республика! Да здравствует всемирная революция!“».

Тема Брестского мира была ключевой и на III съезде крестьянских и рабочих депутатов уезда 25—28 мая 1918 г., на котором присутствовало 143 делегата от всех волостей.

Мнения делегатов по этому вопросу были разными. Так, в выступлении делегата Соляева говорилось о прокламациях в городе с призывом к свержению советской власти, об унизительных условиях мира с Германией. «Я, как участник военной кампании, — сказал выступающий, — свидетельствую, что к моменту заключения мира, армия находилась в таком положении: 80 % людей ходили на собственных подошвах; 6 пар сапог здоровых было в роте, давали $^1/_2$ фунта сухарей и щи из сухой воблы один раз в сутки. Обмундирования тоже не было... При таком состоянии продолжать войну было бы преступлением»[26].

Было принято решение о защите Советской Республики и победе всемирной революции.

Осуществление ленинского плана социалистического строительства протекало в чрезвычайно трудной обстановке. Приближалась пора весенних работ, а у крестьян не было ни семян, ни инвентаря для обработки земли. Для успешного проведения весеннего сева 1918 г. уезду требовалось 264 000 пудов овса, 847 пудов проса, 4 500 пудов гречихи и 2 000 пудов чечевицы[27].

Продовольственный кризис охватил страну. Многие семьи не имели никакой возможности приобрести семена яровых. Население многих городов голодало. В связи с этим ВЦИК и Совнарком приняли

декрет «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные излишки...». Создавались продовольственные отряды. Изъятием хлеба у кулаков и богатых занимались также комитеты деревенской бедноты (комбеды). Они избирались из 3—4 чел.: председатель, члены, секретарь. Восстания против реквизиции хлеба были в селах Большой Азясь, Баранчеевка, Синдрово, Гумны и др. В Русско-Маскинский комбед входили: С. Т. Фомкин — председатель, В. Н. Гудин — член, И. Н. Сушков — секретарь[28].

В борьбе за упрочение советской власти в уезде огромную роль сыграла РКП(б). 15 августа 1918 г. состоялось первое организационное собрание коммунистов г. Краснослободска и его уезда. Был избран руководящий партийный комитет. Председателем комитета стал Дедиков, заместителем — Бочкарев, секретарем — Лямшев, казначеем — Шитов, членами — Калинкин, Беляков, Алисов и Карпов.

По окончании выборов была единогласно принята резолюция следующего содержания: «Организационное собрание коммунистов (большевиков) Краснослободского уезда постановило: принять все меры к проповеди идей партии в уезде и общими силами, стройными рядами встать в стену борцов, чтобы, не щадя своей жизни, бороться с врагами народа за власть трудовых классов и за все завоевания Великой Октябрьской революции. Да здравствует власть трудового народа!»[29].

Окончилась Первая мировая война, началась Гражданская... Народы России, в том числе Мордовского края, переживали тяжелые испытания и трудности. В этом, на наш взгляд, немалая вина большевиков и их лидера В. И. Ленина.

Библиографические ссылки

[1] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1973. Т. 24. С. 275, 280.
[2] ЦГА РМ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 70 — 72.
[3] ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 780. Л. 4, 9.
[4] Там же. Л. 10.
[5] ЦГА РМ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.
[6] ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 765. Л. 26.
[7] ЦГА РМ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.
[8] ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 780. Л. 8.
[9] ЦГА РМ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 6. Л. 21 ; Д. 30. Л. 2.
[10] Там же. Д. 30. Л. 69 — 70.
[11] Там же. Ф. 23. Д. 4. Л. 153, 357.
[12] Там же.
[13] Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 6 ; Д. 29. Л. 2, 21.
[14] Там же. Д. 7 а. Л. 88.
[15] Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.
[16] Там же. Л. 47.
[17] Там же. Л. 47, 49.

[18] Там же. Д. 2. Л. 2.
[19] Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 85.
[20] Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
[21] Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.
[22] ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.
[23] Там же.
[24] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 36. С. 363.
[25] ЦГА РМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 10.
[26] Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 72.
[27] Там же. Ф. 201. Оп. 1. Д. 10. Л. 66, 74.
[28] Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[29] Ополчение бедноты. 1918. 1 сент.

И. Б. Стрижова

КРАСНОСЛОБОДСК: ОТВЕТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА НА ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война затронула все сферы жизни российского общества, проникла в самые отдаленные районы страны.

В первые месяцы войны многие россияне выразили единение с правительством в надежде на скорейшую победу русского оружия в войне. По стране прокатилась волна манифестаций, где выражалась готовность верой и правдой служить царю и Отечеству. 3 августа 1914 г. Краснослободское чрезвычайное уездное земское собрание в телеграмме на имя царя выразило «чувство беспредельной верноподданности» и «готовность жертвовать всем на благо родины в тяжелую годину ниспосланных испытаний»[1]. Колопинское кредитное товарищество направило телеграмму следующего содержания: «Ваше Императорское Величество. Корпорация и члены Колопинского Кредитного товарищества, Краснослободского уезда Пензенской губернии, совершив пятого октября 1914 г. Господу Богу молебствие о здравии и благоденствии Вашего Императорского Величества, Благоверного Наследника — Радости и Надежды Нашей и всей Августейшей Семьи Вашей и да венчает Всевышний оружие нашего воинства и союзных с нам держав успехом благодатным, дерзаем повергнуть к стопам Вашим чувства беспредельной верноподданности и все мы готовы отдать за Веру, Царю и Отечеству все и даже самую жизнь. Вашего Императорского Величества верноподданные сыны:

Председатель Собрания — священник Владимир Телин, председатель правления — диакон Федор Тихомиров»[2]. Благодарность императора за эту телеграмму была опубликована 5 декабря 1914 г. в «Пензенских губернских ведомостях»[3].

Неудачи на фронтах, многочисленные мобилизации, расстройство хозяйственной жизни и продовольственный кризис отразились в большей степени на крестьянских хозяйствах.

В Краснослободском уезде уже осенью 1914 г. началась мобилизация в армию. На сборочные пункты мужчин забирали с полей во время уборки урожая. К 1917 г. в Краснослободском уезде количество мобилизованных составляло почти половину от общего числа всех трудоспособных мужчин — 48,2 %[4] (рис. 1).

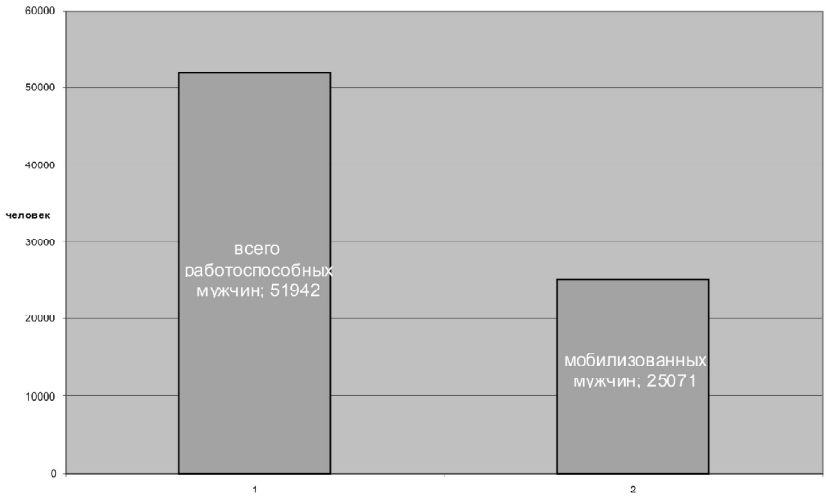


Рис. 1. Соотношение между количеством работоспособных мужчин и мобилизованных в Краснослободском уезде по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

В докладе Пензенской губернской управы, составленном в феврале 1915 г., отмечалось: «Неожиданные военные действия отозвали на театр военных действий массу рабочей силы… и уборка хлебов затянулась вплоть до морозов, некоторые хлеба остались под снегом не убранными с поля… вспашку под яровые пришлось отложить до весны»[5].

Весной 1915 г. последствия войны стали более ощутимыми: «Что же касается весенних работ текущего года», — говорилось в отчете, составленном в ответ на проведенный Министерством финансов по всей России опрос о влиянии войны на хозяйственное положение страны, — «то недостаток рабочих рук дал себя чувствовать. Неоднократный призыв военнообязанных отвлек значительное число рабочих. Уже многие семьи оказались без мужской рабочей силы. Последствием сего явилось: необычайное увеличение сдельной платы по обработке земли, так, например, стоимость вспашки земли 1 раз достигала 10 руб., вместо 3 руб. 50 коп. — 4 руб. предыдущего года, вообще стоимость рабочей силы за обработку повысилась не менее чем на 100 — 125 %»[6].

Далее отмечалось, что у сельского населения произошло значительное сокращение денежных средств из-за неурожая 1914 г. и «сокращения за призывом значительного количества по мобилизации, притока денежных заработков»[7]. Однако указывались и некоторые положительные моменты, оказавшие большое подспорье в борьбе за существование: прекращение продажи крепких напитков, благодаря чему средства шли полностью на продовольствие, и выдача казенных денежных пайков семьям призванных[8]. Однако указанные положительные явления войны быстро перестали оказывать эффект. В стране все больше нарастал продовольственный кризис. Это было связано не только с тем, что основная доля продуктов питания поставлялась на фронт. Поскольку мобилизация была прежде всего проведена среди населения, занятого в сельском хозяйстве, она повлекла за собой сокращение размеров обрабатываемых земель. В Краснослободском уезде снижение посевных площадей произошло на 28,1 %[9] — самое значительное по всей Мордовии.

Начавшийся в 1915 г. продовольственный кризис привел к подорожанию продуктов питания (таблица), а вслед за ним и рост остальных цен.

Таблица

Цены на основные продовольственные продукты

Продукты питания, пуд.	1914 г.	1915 г.
Мука ржаная	98 коп.	1 руб. 45 коп.
Мука пшеничная, 1 сорт	2 руб. 90 коп.	3 руб. 55 коп
Пшено	2 руб. 20 коп.	2 руб. 84 коп.
Овес	70 коп.	1 руб. 73 коп.
Мясо	4 руб. 40 коп.	7 руб.
Масло коровье	14 руб. 60 коп.	19 руб.
Соль	60 коп.	1 руб. 50 коп.

Составлена по: НА НИИГН. И-1407.

Из таблицы видно, что повышение цен произошло на такие необходимые продукты, как соль (почти в 3 раза), овес (в более чем 2 раза) и ржаную муку (почти в 2 раза). С 26 декабря 1916 г. по 12 января 1917 г. цены в г. Краснослободске на некоторые товары были следующими:

рожь в зерне — 1 руб. 52 коп. за пуд;

мука ржаная — 1 руб. 81 коп. за пуд;

хлеб печеный пшеничный — 12 — 15 коп. за фунт;

хлеб печеный ржаной — 6 коп. за фунт[10]. В мирное время фунт того же печеного ржаного хлеба в Краснослободске стоил 2 — 3 коп.[11]

В отчете Краснослободского земства за 1915 г. отмечалось: «Цена на хлеб и все продукты сельского хозяйства в сравнении даже с прошлым неурожайным годом сильно возросла, что облегчило сельским хозяевам тяжесть расходов, произведенных ими на дорогостоившую рабочую силу, недостаток которой, вследствие войны, ощущался в до-

вольно сильной степени»[12]. В уезде наблюдались высокие цены на продукты, недостаток рабочих рук и, как следствие, высокие цены на рабочую силу (рис. 2).

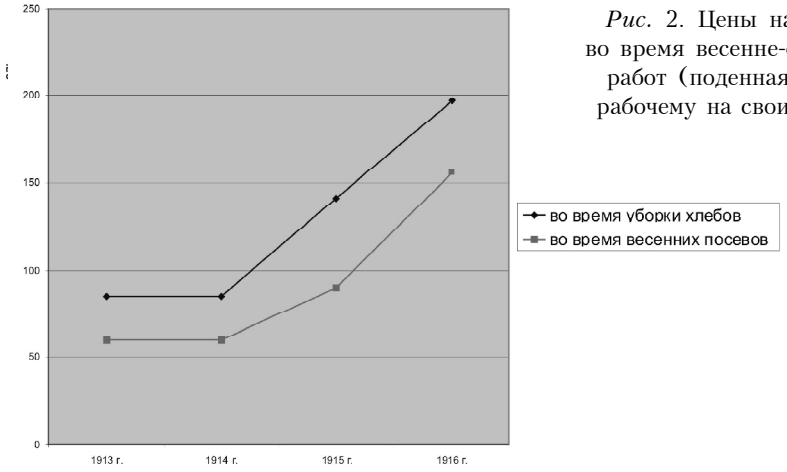


Рис. 2. Цены на рабочие руки во время весенне-осенних полевых работ (поденная плата пешему рабочему на своих харчах), коп.

Необходимо отметить, что органы власти постоянно предпринимали попытки сдерживать цены на основные продукты и по мере возможности если не преодолеть кризис полностью, то хотя бы минимизировать его проявления, обеспечив при этом выполнение планов поставки продовольствия в армию. Так, уже 22 февраля 1915 г., когда было отмечено начало роста цен на хлеб, пензенский губернатор отдал распоряжение о запрещении вывоза хлеба в другие губернии страны. После введения этого запрета цена на хлеб снизилась почти до довоенного уровня, но, когда он был отменен, она выросла снова (с 87 коп. до 1 руб. 12 коп. за пуд ржи)[13].

В 1915 г. в помощь правительству по снабжению населения продовольствием и регулированию сельского хозяйства и сельскохозяйственного рынка было учреждено Особое совещание по продовольствию с широкими полномочиями председателя и его местных уполномоченных, которые имели право на реквизицию скота, продовольствия, тары, запрещали вывоз из района, отбирали в свое распоряжение торговые и промышленные предприятия[14]. Такие правительственные заготовки почти полностью снимали все товарное зерно, сокращали свободный хлебный рынок. Однако и эти меры оказались недостаточными. С декабря 1916 г. было решено приступить к принудительной хлебной разверстке, которую проводили уездные Совещания по введению хлебной повинности. Однако уже 3 ноября 1916 г. уполномоченный по закупке хлеба для армии по Пензенской губернии отдал приказание волостным старшинам выяснить, у кого из крестьян имеются излишки хлеба[15]. В с. Слободские Дубровки рожь для реквизиции была описана у 35 чел., овес — у 11 чел. У большинства из них реквизировалось по 25 пудов зерна. Однако были и такие, у которых запасы хлеба

были значительно больше, например, у Ивана Николаевича Кошелькова было отобрано 500 пудов ржи и 200 пудов овса[16]. В с. Хлыстовка реквизиции ржи подверглись 23 хозяйства, овса — 5 хозяйств, в с. Мордовские Парки от 50 до 200 пудов ржи было описано у 30 чел.[17] Всего же по разверстке, проведенной 22 декабря уездным Совещанием по введению хлебной повинности, только в этой волости на нужды армии было собрано 8 960 пудов ржи из расчета до 4 пудов на каждую десятину земли[18].

Реквизированный хлеб свозился на так называемые ссыпные пункты, которых в уезде было несколько, в т. ч. в с. Базарные Дубровки, Засецкое, г. Краснослободске, в с. Мамолаеве. Кондиционная рожь принималась по 1 руб. 52 коп. за пуд, «натурою ниже» — по 2,5 коп. за фунт[19].

Крестьяне не спешили сдавать хлеб. По всем волостям неоднократно рассылались телеграммы, в которых уполномоченные по хлебным поставкам просили представителей местной администрации разъяснять крестьянам важность своевременного и полноценного снабжения армии продовольствием, убеждать их сдавать хлеб, требовать выполнения поставок под угрозой проведения принудительной реквизиции[20]. Добиваясь выполнения плановых показателей по заготовке хлеба, Краснослободский уездный продовольственный комитет повысил цену на рожь до 2 руб. 43 коп. за пуд[21]. Однако и эти меры не дали желаемых результатов.

В результате хлебной разверстки крестьяне оказались лишенными не только излишков хлеба, но и запасов, оставленных для собственного потребления. Например, 16 февраля 1917 г. приставу 3-го стана поступила жалоба от крестьян с. Новая Карьга, в которой указывалось, что у них нет хлеба для собственного продовольствия, и они его не могут купить, поскольку однообщественники не продают хлеб, ссылаясь на то, что он будет доставлен ими в комиссию. После проведения обследования было установлено, что у авторов жалобы «хлеб хотя и имеется, но в весьма незначительном количестве, только для посева; на свой обиход они действительно покупают хлеб у других крестьян и покупали у своих односельцев, у которых был хлеб, но таковой у них описан, частью сдан в комиссию для нужд армии, а часть осталась для себя»[22]. К началу посевной кампании 1917 г. многие крестьяне не только не могли выполнить план хлебных поставок, но и сами остро нуждались в зерне для проведения сева. Так, в с. Слободские Дубровки насчитывались 128 таких хозяйств, с. Хлыстовка — 16, в с. Мордовские Парки — 27 хозяйств[23].

Кроме хлеба, правительственные органы имели право реквизировать и скот. В марте 1917 г. в Краснослободском уезде Военное министерство реквизировало лошадей. Было установлено два сдаточных пункта: в Краснослободске и Троицке. Необходимо отметить, что за «артиллерийский сорт» лошади была установлена цена в 350 руб., за «обозный 1-го разряда» — 290 руб., за «обозный 2-го разряда» — 210 руб.[24] В мирное время цена рабочей лошади колебалась от 30 до 55 руб.[25]

Кризис в сельском хозяйстве отразился и на работе склада сельскохозяйственных орудий, шло сокращение числа приобретаемых машин. Без того слабая агрономическая организация уезда была приведена в полное расстройство. К 21 ноября 1914 г. на фронт был призван один из двух земских агрономов[26].

В годы войны сокращалось и промышленное производство. Так, в сведениях по 3-му стану Краснослободского уезда за 1916 г. отмечалось, что «вновь открытых фабрик и заводов не было. Отрасли промышленности не увеличивались, а уменьшались за недостатком рабочих рук и остановкою некоторых промышленных заведений»[27].

Мобилизации, сокращение посевных площадей, постоянные реквизиции с каждым месяцем осложняли обстановку. К зиме 1917 г. во многих городах Мордовии начался голод.

14 февраля 1917 г. городской голова Краснослободска сообщал уполномоченному Особого совещания князю Кугушеву, что городская управа «лишена всякой возможности» приобретать рожь, «вследствие чего городское население обречено на голодание». 16 февраля им же была отправлена повторная телеграмма, где он отмечал, что «обыватели города Краснослободска переживают острый кризис, не имея ржаного хлеба». Для преодоления голода городу требовалось 30 000 пудов ржи, а заготовлено было только 3 000[28]. Городская управа обращалась к уездной земской управе с просьбой об отпуске необходимого количества ржи. Земство, занимавшееся в то время выполнением нарядов военного ведомства, в отпуске необходимого количества ржи отказало и рекомендовало городской управе самой производить заготовку хлеба. «Однако у всех землевладельцев хлеб уже зарегистрирован агентами Уполномоченного или отправлены на ссыпной пункт», — жаловались городские власти. Далее сообщалось, что «необеспеченность населения г. Краснослободска ржаным хлебом усугубляется еще реквизицией уездною земскою управою ржаного хлеба на городских рынках, привозимого для продажи городскому населению»[29].

О голоде в Краснослободске говорил в своем рапорте и исправник. Он просил у губернатора разрешения для обеспечения горожан хлебом — «позаимствовать рожь у Краснослободского уездного земства, в данное время реквизирующего ее для нужд армии»[30]. С 23 по 27 февраля 1917 г. на имя уполномоченного Особого совещания и губернатора из Краснослободска поступили три телеграммы с подобной просьбой. Однако все они остались без ответа.

Как уже отмечалось, значительная доля мужского трудоспособного населения уезда была призвана в армию. В августе 1914 г. на территории Краснослободского уезда были сформированы отдельные части 534-й пешей Пензенской дружины, выступившие 28 ноября 1914 г. на Кавказ[31].

Кроме частей регулярной армии, многие жители уезда были призваны в ряды ополчения. Так, отслуживший в 1910 г. в армии, житель с. Селиши Д. М. Фомин в 1915 г. был призван в ополчение и зачислен в 43-й пехотный запасной батальон, откуда в 1916 г. был пере-

веден в 10-ю роту Финляндского стрелкового полка, где участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве летом 1916 г. 11 июня Д. М. Фомин был ранен в бою под Брестечковым[32].

С уходом на фронт работоспособных мужчин их семьи были в затруднительном положении. Им оказывалась правительственная помощь. В Краснослободском уезде мало практиковалась выдача таким семьям продовольственных пайков. Гораздо чаще выдавалось денежное пособие из расчета 1 руб. 50 коп. на 1 ребенка в возрасте до 5 лет; 3 руб. 50 коп на 1 чел. — жене и остальным неработоспособным членам семьи[33]. Размеры пособий были различны. Так, семья Е. С. Лукашкина (с. Тенишево) получала ежемесячное продовольственное пособие в размере 18 руб. 75 коп.[34], семья И. Д. Дворянчикова (д. Черногорлейка) — 26 руб. 25 коп.[35] Продовольственного пособия, выдаваемого правительством, было недостаточно. Земский начальник 2-го участка Краснослободского уезда в прошении от 31 января 1917 г. уполномоченному министра земледелия по заготовке продовольствия для армии писал, что жены призванных в армию находятся в безысходном положении из-за дороговизны продовольствия, «так как получаемого им от казны пособия оказывается иногда недостаточным на одну только покупку муки»[36].

Жители уезда оказывали поддержку армии: проводились благотворительные мероприятия, осуществлялся сбор пожертвований. В 1915 г. податные инспекторы Краснослободского уезда собрали 70 руб., члены казначейства — 13 руб. 20 коп.[37]

Вернувшимся из госпиталей солдатам, Краснослободское уездное по воинской повинности присутствие Пензенской губернии назначало пенсии. Так, в декабре 1917 г. была назначена пенсия жителю с. Тенишева Е. С. Лукашкину, лишившемуся на войне указательного пальца[38]. Младший унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка И. Д. Дворянчиков из д. Черногорлейка стал инвалидом не вследствие полученного им ранения на фронте, а после того, как зажили раны, у него развилась грыжа и сильно беспокоили рубцы на правом плече[39]. Пенсия иногда назначалась лицам, имевшим временное ограничение нетрудоспособности, например, жителю г. Краснослободска рядовому 181-й Смоленской дружины И. П. Новикову, у которого вследствие ранения была ограничена подвижность пальцев левой руки[40]. Солдаты на фронте страдали не только от ранений. Немалый ущерб их здоровью наносили условия жизни: недоедание, холодные и сырые окопы, несвоевременная медицинская помощь. В январе 1917 г. рядовой 405-го Львовского полка В. М. Лютов вернулся домой в д. Горяши с диагнозом «правостороннее хроническое воспаление плевры». Ему была назначена пенсия в 180 руб. в год[41].

С первых дней войны в Краснослободском уезде возникали лазареты, больницы, общества помощи раненым солдатам. 1 августа 1914 г. был открыт уездный комитет Всероссийского земского союза. Земское собрание выделило в пользу этого комитета 1 500 руб., в течение первого года его существования комитет собрал деньгами 2 825 руб. 38 коп.,

вещами — до 8 000 аршин холста. В 1915 г. в г. Краснослободске было организовано 4 лазарета: в доме Н. Ф. Ненюкова на 20 коек, при земской больнице — на 15, при Духовном училище — на 10, при Успенском женском монастыре — на 10 коек. Еще один лазарет на 15 коек был организован при Спасо-Преображенском мужском монастыре[42]. К октябрю 1915 г. в г. Краснослободске был размещен 51 раненый солдат[43].

Кроме раненых, в 1915 г. в город и уезд прибывали эвакуированные и беженцы из районов боевых действий. В мае 1915 г. административные власти выслали вглубь страны многих жителей Львовской губернии. Часть их осела в Синдровской волости. По данным на 1917 г., здесь было 9 чел. в возрасте от 18 до 45 лет[44]. В Краснослободске на 1 октября 1915 г. числились 386 беженцев и 329 «подданных враждующих держав», выдворенных из приграничных районов и крупных городов[45].

Число беженцев и военнопленных, размещенных в различных населенных пунктах уезда, постоянно росло. В январе 1917 г. Пензенское губернское правление направило руководству уезда запрос о том, сколько беженцев оно сможет принять в случае эвакуации в губернию 5 000 румынских подданных[46]. В ответе было сказано, что «водворение новых неприятельских подданных является затруднительным», поскольку на территории уезда уже проживают 265 военнообязанных неприятельских подданных и 4 700 беженцев, в числе которых находятся 542 иностранца[47].

В Краснослободском уезде действовали комитеты помощи беженцам. Так, по данным на 1917 г., в третьем стане (центр — с. Старое Синдрово) было 4 подобных комитета[48].

Хозяйственный кризис, неудачи на фронтах, неспособность справиться с растущими ценами и спекуляцией привели к падению авторитета власти, проявлениям народного недовольства, которые становились все более частыми. Одной из своеобразных форм проявления последнего стало самогоноварение, получившее достаточно широкое распространение после введения сухого закона. Случаи «тайного винокурения» были отмечены и на территории Краснослободского уезда. К сожалению, иногда это происходило с ведома представителей органов власти и правопорядка. 9 февраля 1917 г. Краснослободскому уездному полицейскому исправнику поступило заявление от одного из крестьян с. Старое Синдрово, в котором тот сообщал, что «носятся упорные слухи о том, что в селе Старое Синдрово широко распространено тайное курение и продажа крепких напитков, то есть вина с ведома полицейского урядника.., который буто-бы участвует в качестве кампаниона с некоторыми курившими означенный напиток...»[49]. В доказательство слов автор заявления приводил несколько фактов того, как урядник за взятки скрывал протоколы обысков, фиксировавших наличие тайно выкуренного самогона и продажи спиртных напитков в селе[50].

Однако это заявление, как и многие подобные ему документы, не вызвали никакого ответного действия со стороны органов власти, по-

скольку 1917-й год стал для страны годом больших перемен, затронувших даже самые прочные основы жизненного уклада ее населения.

После того, как в начале марта 1917 г. Николай II отрекся от престола, и власть перешла к Временному правительству, в уезде, практически одновременно со столицей началось формирование новых органов власти. 5 марта 1917 г. в г. Краснослободске был создан уездный Исполнительный комитет, на местах создавались волостные комитеты, на смену сельским старостам пришли председатели сельских комитетов[51]. Крестьяне вначале доверяли правительству. С весьма оригинальной просьбой обращались к Временному правительству крестьяне сел Мордовское Маскино и Русское Маскино в апреле 1917 г. В их письме (подписались 144 чел.) содержалась просьба о прирезке из владений купчихи Головой и помещиков Рябининых и Пономаревой части земли, ранее принадлежавшей им, но отнятой у их дедов помещиками. В доказательство правоты крестьяне приложили план Генерального межевания. Крестьяне писали: «...Мы, конечно, несколько раз поднимали этот вопрос, но под гнетом старого режима ничего хорошего добиться не могли, но в настоящее время... окрыленные надеждой на программу социал-демократической партии, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает своими руками, и тем более нам эта земля к делу... поэтому мы все единогласно постановили: ходатайствовать перед правительством возвратить нашу утерянную землю, сколько ее находится в нашем плане»[52]. Эта просьба осталась неудовлетворенной.

Неспособность новых органов оперативно решать волновавшие население проблемы, неопределенность по главному для крестьян вопросу — аграрному подорвали веру в правительство, а количество волнений и выступлений летом-осенью 1917 г. только увеличилось. Например, 30 сентября уездный Земельный комитет сообщил в губернский Земельный комитет, что крестьяне с. Сивинь не позволили помещикам Головым вырубить проданный ими лесопромышленникам лес. Они заявили, что лес этот будет принадлежать государству[53]; в д. Русские Парки было разгромлено имение помещицы Лебедевой; в с. Сивинь и Авгоры — имения помещиков Головых. Горожане совместно с крестьянами окрестных селений 18 октября разгромили казенный винный склад в г. Краснослободске и произвели массовую вырубку леса. В связи с революционными выступлениями крестьян Военное министерство с 20 октября объявило в Краснослободском уезде военное положение и прислало для «наведения порядка» эскадрон улан[34]. Однако эти меры не принесли ожидаемого результата. Относительный порядок воцарился в уезде на некоторое время лишь после того, как было получено известие о том, что в октябре в г. Петербурге снова произошла смена власти.

Таким образом, в годы Первой мировой войны Краснослободский уезд вместе со всей Россией переживал непростой период истории. Здесь происходили общие для всего государства процессы: мобилизации, заготовки для нужд армии, экономический кризис, оказание помо-

щи пострадавшим от боевых действий, формирование новых органов государственного управления и самоуправления. Жизнь населения уезда, пожалуй, более всего была затронута именно мобилизациями, поскольку в первую очередь на фронт призывали крестьян, которые, по данным переписей, составляли более 90 %. Именно массовая мобилизация вызвала сокращение посевных площадей, общий рост цен и продовольственный кризис. В связи с этим у населения сформировалось негативное отношение к власти, вылившееся в массовые беспорядки и восстания 1917 г.

Библиографические ссылки

[1] НА НИИГН. И-978. Л. 58.
[2] Там же. И-1380. Л. 62 — 62 об.
[3] Там же. Л. 62.
[4] Там же. И-977. Л. 2.
[5] Там же. Л. 6.
[6] Там же. И-163. Л. 87.
[7] Там же. Л. 93.
[8] Там же. Л. 93 — 94.
[9] Там же. И-977. Л. 22.
[10] ЦГА РМ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
[11] НА НИИГН. И-1409. Л. 332.
[12] Там же. Л. 360.
[13] Там же. И-163. Л. 82.
[14] См.: Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1955. Т. 1. С. 471.
[15] ЦГА РМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.
[16] Там же. Л. 2 — 3 об.
[17] Там же.
[18] Там же. Л. 10.
[19] Там же. Л. 13.
[20] Там же. Л. 23 — 39.
[21] Там же. Л. 49.
[22] Там же. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.
[23] Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 108. Л. 42 — 48 об.
[24] Там же. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1. Л. 61.
[25] Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 264. Л. 4.
[26] НА НИИГН. И-977. Л. 29 ; И-1409. Л. 363.
[27] ЦГА РМ. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.
[28] НА НИИГН. И-978. Л. 45 — 46.
[29] Там же. Л. 47.
[30] Там же. Л. 46.
[31] Там же. И-1380. Л. 15.
[32] ЦГА РМ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2.
[33] НА НИИГН. И-163. Л. 82.
[34] ЦГА РМ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.
[35] Там же. Д. 96. Л. 2.
[36] НА НИИГН. И-978. Л. 6.
[37] Там же. И-1380. Л. 27.

[38] ЦГА РМ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 16. Л. 2 — 2 об.
[39] Там же. Д. 96. Л. 1.
[40] Там же. Д. 39.
[41] Там же. Д. 45.
[42] НА НИИГН. И-163. Л. 32.
[43] Там же. И-1304. Л. 35 об.
[44] ЦГА РМ. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
[45] НА НИИГН. И-1304. Л. 35 об.
[46] ЦГА РМ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
[47] Там же. Л. 3.
[48] Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.
[49] Там же. Л. 47.
[50] Там же. Л. 47 — 48.
[51] Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 108. Л. 57.
[52] Цит. по: **Корсаков И. М.** Краснослободск. Саранск, 1966. С. 74.
[53] Там же. С. 75.

М. Д. Журавлева

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ОТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА К АНТИВОЕННОМУ И АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМУ ПРОТЕСТУ

Крестьянство Среднего Поволжья являлось решающей политической силой, от реакции которой зависел весь ход революционного движения. Вызвавшая значительные изменения в укладе жизни и психологии крестьянских масс империалистическая война способствовала более активному участию сельского населения в политической жизни страны. Крестьянское движение являлось, с одной стороны, наиболее многочисленным, а с другой — самым непредсказуемым.

Ухудшение положения на фронтах и усиление тягот внутри страны способствовали изменению психологии поведения крестьянского мира. Начало войны вызвало крайне противоречивые чувства среди крестьянского мира: от всеобщего приветствия и одобрения (это было связано не только с патриотизмом, но и с надеждой крестьян решить земельный вопрос) до открытого неприятия и выражения протеста.

По мере углубления общего кризиса, вызванного войной, изменялась и форма крестьянского протеста против существовавшего режима.

Выступления, носившие стихийный характер, вызывали серьезное беспокойство центральных и местных властей, так как могли служить основой для более серьезных выступлений по поводу мобилизации в будущем. Протесты крестьян начались сразу после объявления Герма-

нией войны России. Они выражались, как правило, в разгромах винных лавок и магазинов, складов и помещичьих имений.

В период мобилизации крестьянство принимало активное участие в волнениях нижних чинов, составляя уже в первую неделю мобилизации около 75 % всех призванных в армию[1]. Эти волнения наблюдались, по данным А. Б. Беркевича, в 49 губерниях России[2], что позволяет говорить о массовом характере этого явления. Подобная реакция крестьянства в основном отражала присущие его сознанию стихийность и патриархальность. Его поведение в изменившихся условиях не мог предугадать никто. Крестьянство волновало не само начало военного конфликта, а расставание с домом, родными и близкими. Это была реакция на неизвестность, которая пугала все общество.

Закрытие винных лавок в связи с введением сухого закона нарушало многовековую традицию деревенских проводов рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и психологического состояния в другое. Возможность вволю погулять рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей утраты свободы распоряжения своей жизнью. Определенную роль в поведении мобилизованных играло стремление снять стресс, нейтрализовать психологическую реакцию страха и отчаяния. Уже 20 июля 1914 г. была разгромлена казенная винная лавка в с. Атюрьеве Темниковского уезда. Местные крестьяне действовали под руководством запасных нижних чинов. Они даже напали на прибывшего сюда урядника и хотели убить его[3]. В тот же день запасные Инсарского уезда по пути на станцию в с. Ямщина совместно с местными крестьянами разгромили казенную винную лавку[4]. Погромы проходили на всем пути следования запасных нижних чинов и вызывали острую обеспокоенность военных и гражданских властей.

Проведение мобилизации в разгар летних полевых работ породило требование крестьян о выдаче пособий семьям умерших на фронте. В 1914 г. призыв в армию составил 14,9 % мужчин рабочего возраста в стране, из которых $^{3}/_{4}$ составляли крестьяне. После выделения пособий или обещания властей организовать уборку урожая за счет средств земств наступало успокоение[5], однако оно длилось недолго

Волнения крестьян сопровождались разгромом помещичьих имений, поджогами, порубками леса, потравами в их хозяйствах. Наибольшее распространение антипомещичьи акции получили в тех районах, где к социальному противостоянию примешивалась этническая рознь (западные, юго-западные, поволжские губернии), очень много пострадало помещиков с немецкими фамилиями.

Среди крестьян быстро распространились слухи, что после окончания войны земли всех немцев и подданных других государств будут переданы им, поэтому они считали собственные действия предрешающими решения властей, а значит, справедливыми. Тамбовский вице-губернатор в своем послании в Департамент полиции отмечал, что слухи

эти «вызваны не пропагандой, а мечтой крестьян иметь побольше земли и надеждой получить эту землю за свои заслуги по настоящей войне»[6].

Часто следовавшие запасные нижние чины поджигали корма и хозяйственные строения у помещиков. 23 июля 1914 г. начальник Казанского губернского жандармского управления с тревогой сообщал в Департамент полиции о случаях беспорядков, «производимых командами запасных нижних чинов. В Лаишевском уезде было сожжено сено у помещика Лебедева, сделаны повреждения в имениях Берстель, Френцаль и у некоторых других помещиков. Между этими запасными слышны разговоры: „Войну выдумали господа“»[7].

Эти противоправные действия доставляли крестьянам своеобразное удовольствие. Правительство и военные власти, обеспокоенные подобным поведением крестьян, стремились не допустить усиления крестьянского движения протеста. Большое значение придавалось подавлению в самом начале отдельных очагов недовольства и применению законов военного времени. В связи с этим начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич после получения первых сведений о росте недовольства крестьян 28 июля 1914 г. предписывал командующим округам: «Для решительного подавления в самом зародыше возникающих беспорядков предлагаю оказывать военною силою самое энергичное содействие гражданским властям»[8]. Министр внутренних дел П. А. Маклаков призывал губернаторов к решительным действиям и «использовать немедленно все средства и способы для поддержания полного спокойствия в среде обывателей во вверенной вам губернии. Серьезные нарушения общественного порядка следует пресекать в самом начале всеми возможными средствами»[9].

За предшествовавшие войне 6,5 месяцев 1914 г. было, по данным полицейских документов, 20 выступлений крестьян, направленных против помещиков, а за 5,5 военных месяцев — 65[10].

Для борьбы с волнениями крестьян и в целях их не допущения Министерство внутренних дел разработало целую программу мер, которые оно изложило в циркулярном письме губернаторам от 31 июля 1914 г., где предлагало местным властям «стать ныне в особо близкое непрестанное соприкосновение с местным сельским населением, чутко прислушиваясь к его интересам, осведомляя его, в пределах возможности, о происходящих событиях и парализуя немедленно вздорные и вредные слухи, проникающие в его среду»[11]. Одновременно предписывалось принять суровые меры против лиц, «сеящих ложные слухи среди сельского населения», а в случае беспорядков — действовать решительно и быстро. В особо беспокойных волостях предусматривалось поставить постоянную охрану из достаточной численности команд стражи[12]. Оснований для беспокойства властей было достаточно: с 17 июля до конца 1914 г. произошло 265 крестьянских волнений[13].

На социальное поведение крестьянства в первую очередь оказывало влияние крепкое убеждение крестьян в справедливом «черном переде-

ле» и в связи с этим реализации требования «земли и воли» как награды за кровь, которую проливали на фронтах войны крестьяне. При этом нежелание крестьян верить обещаниям властей свидетельствовало и о намеках на возможность новой революции как реакции на отказ правительства идти навстречу чаяниям крестьян. В целом волнения не повлияли на результаты мобилизации. В том, что большинство крестьян, несмотря на все разногласия, явилось на сборные пункты, сказывалось восприятие войны как неотвратимого бедствия, крестьянская привычка покорности властям.

Постепенно обстановка в деревне стабилизировалась. Война привела к оживлению религиозных чувств крестьян. Это отмечали в своих отчетах епархиальные архиереи. Крестьяне, среди которых вследствие мобилизации возрос удельный вес женщин и стариков, рассматривали войну как божье наказание. Сельские жители молились за призванных в армию, жертвовали храмам, усерднее исполняли церковные обряды. Параллельно с оживлением религиозных настроений крестьян происходило усиление суеверий. Их прихожане, особенно женщины, по отзывам священников, «примешивали» к христовой вере. Распространились гадания на ушедших на фронт, ворожба и заговоры[14].

Важным фактором стабилизации положения в деревне был и уход на фронт наиболее беспокойных, активных представителей мужского населения, нарушителей общественного порядка. Оздоровлению обстановки способствовало и введение сухого закона, что привело к снижению деревенской преступности. Практически прекратились кулачные бои — «стенки», когда молодежь одной улицы или деревни схватывалась в драке с другой.

Однако кардинально ситуацию изменить не удалось. Алкогольная релаксация была для крестьян единственной доступной формой отдыха и развлечения после тяжелого физического труда. В этом заключалась основная причина укорененности пьянства в крестьянской среде[15].

Несмотря на относительно благоприятную для властей обстановку в деревне, начало войны не ослабило ненависти крестьян к помещикам и их стремления к решению земельного вопроса. Наоборот, многие крестьяне рассчитывали, что после войны этот вопрос разрешится в их пользу.

Между тем антипомещичья направленность крестьянских выступления во второй половине 1914 г. осталась главной. Участились случаи порубок леса и поджогов имений. Сильные волнения были в Пензенской губернии. В Керенском уезде крестьяне в имении фон Флотто в с. Большой Буртас выступили с требованием продать им земли. Получив отказ, они сожгли два стога сена. На следующий день они собрались у дома управляющего, говоря: «Мы пришли не покупать землю, а взять ее». Для разгона крестьян были вызваны отряды полиции и полурота солдат. После этих событий 18 чел. было арестовано и подвергнуто трехмесячному тюремному заключению[16].

Почти одновременно с волнениями в Большом Буртасе произошли события в имении М. П. Мальберг в с. Похвисневка Чембарского уезда,

где около 50 чел. напало на усадьбу. Сначала крестьяне разгромили сад в имении, сломали молотильную машину, а затем напали на дома управляющего хутором и экономического старосты. Дом управляющего был сожжен. По данному делу 27 чел. были заключены в Чембарскую тюрьму[17]. Причиной недовольства крестьян был земельный вопрос. В донесении прокурора Пензенского окружного суда отмечалось: «Крестьяне села Похвисневки наделены землею скудно (всего по 1 десятине)»[18].

Не прекращались самовольные порубки леса. Вопрос о наделении крестьян лесом являлся одним из основных в их взаимоотношениях с помещиками, и они были убеждены, что после окончания войны он будет решен в их пользу. 23 — 24 июля крестьяне с. Мокрого Мичкаса Нижнеломовского уезда группами по 15 — 20 чел. производили самовольную порубку леса в имении Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка. 50 нарушителей были подвергнуты трехмесячному аресту[19].

Формы крестьянского протеста были самыми разнообразными. Иногда они сочетали различные способы, чтобы добиться желаемого результата. Так, крестьяне Кирсановского уезда Тамбовской губернии сначала отказались арендовать землю у помещика Андреевского, ссылаясь на тяжелые условия аренды, а затем подожгли несколько скирд ржаной соломы и сена. Ущерб от пожара был значительным. В огне сгорело 3 500 копен[20].

В годы войны не прекращались выступления крестьян-общинников. Несмотря на неуклонное снижение в годы войны (по сравнению с довоенным периодом) количества желавших выделиться из общины домохозяев, число столкновений общинников с землеустроителями, хуторянами и отрубниками, по данным Г. А. Герасименко, в первой половине 1915 г. увеличилось. В 1914 г. для подавления крестьян, выступавших против реформы, власти 36 раз применяли силу, а в 1915 г. — 55[21]. Это свидетельствует об обострении реакции крестьян на выделение из общины, что, в свою очередь, было следствием возросшей внутриобщинной консолидации на базе традиционных принципов совместного выживания, нежеланием общины решать столь важные вопросы в отсутствие части домохозяев[22].

Особую роль в движении против выделения из общины и сокращения общинного земельного фонда сыграли солдатки, следовавшие не только общему настроению большинства членов крестьянской общины, но и указаниям мужей в письмах с фронта. Активизация сопротивления была чревата подрывом внутренней стабильности, которая представляла особую опасность в условиях войны. Поэтому правительство летом и осенью 1914 г. предписало губернаторам проводить землеустроительные работы только с согласия общинников, а поскольку конфликты не прекратились, то весной 1915 г. фактически отказалось от дальнейшего проведения реформы. Начальник Симбирского жандармского управления в августе 1915 г. сообщал в Департамент полиции: «Среди крестьянского населения в Сенгилеевском уезде распространялись слухи об общем переделе земли по окончании войны, благодаря которым солдатские жены

враждебно относятся к работам землеустроительных комиссий по выделению из общинного пользования надельных участков»[23].

На сходах крестьяне выносили постановления о прекращении работ, связанных с наделением землей крестьян-отрубников, об уничтожении поставленных ранее межевых знаков. Так, 4 августа 1914 г. крестьяне с. Курмачкасы и Новая Пуза Ардатовского уезда Симбирской губернии выступили против нарезки отрубных участков, уничтожили межевые знаки, изгнали землемеров из села[24]. Уездный исправник просил губернатора о наложении строгого административного взыскания на руководителей в наказание другим крестьянам этих сел, чтобы подобные действия не повторялись в будущем[25]. 18 февраля 1915 г. крестьяне-отрубники с. Шувары Инсарского уезда вынуждены были написать жалобу пензенскому губернатору, в которой говорилось, что крестьяне «восстают против нас, собственников, за то, что мы укрепили свою землю в личную собственность, сильно нас обижают и делают угрозы, не дают проезжать по общественным дорогам... при этом называют нас „столыпинские земельники“»[26].

Усиление в 1915 — 1916 гг. государственного нажима на деревню в целях перераспределения сельскохозяйственной продукции вызвало растущее сопротивление крестьян. После испытания на себе первых последствий войны в ходе посевной кампании крестьяне стали активнее протестовать против проведения землеустроительных работ, что приводило к ожесточению противостояния в деревне между крестьянами-общинниками и выделявшимися крестьянами. Крайне напряженная ситуация была в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. 17 апреля 1915 г. в с. Наруксове крестьяне-общинники (до 500 чел.) грозились избить отрубников и уничтожить бумаги землемера[27]. 24 апреля в с. Ильинском крестьяне (до 150 чел.) отправились на поле и уничтожили межевые знаки, ограничивавшие участки отрубников. На следующий день поломали заборы и выбили стекла в домах выделяющихся[28]. Начальник Нижегородского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции, что население Лукояновского уезда и раньше отрицательно относилось к закону о выделении на отруб, и наблюдалась борьба между общественниками и хуторянами. Война обостряла эту борьбу[29].

В конце апреля 1915 г. произошли крупные волнения в с. Сырятине. Крестьяне (до 400 чел.), вооруженные кольями и палками, напали сначала на стражника, а затем разгромили дома хуторян. Волнения продолжались и на следующий день. Число участников выступлений увеличилось до 500 чел. Во время разгона крестьян становому приставу нанесли удар по голове. Власти вынуждены были арестовать 61 чел., 33 из которых женщины[30]. 28 апреля в селе Кочкурове солдатки хотели воспрепятствовать проведению землеустроительных работ[31].

Из Лукояновского уезда солдатки отправили телеграмму на имя Верховного главнокомандующего «с ходатайством приостановить выход на отруба и закрепления наделов до окончания войны»[32].

Одновременно с волнениями в Нижегородской губернии происходили выступления крестьян и в Тамбовской губернии. На сходе (около 200 чел.) в с. Чигорак солдатки путем угроз заставили отказаться выделяющихся от закрепления наделов до окончания войны. В с. Никольском и Архангельском солдатки не допустили раздела земли, оказав сопротивление землемеру и земскому начальнику. В с. Сергеевка были избиты отрубники[33].

Выступления крестьян против земельной политики правительства охватили не только Среднее Поволжье, но и всю Россию. В мае 1915 г. Главное управление земледелия и землеустройства издало циркулярное распоряжение о приостановке землеустроительных работ. Хотя циркуляр о приостановлении работ был принят, землеустроительные работы продолжались. Недовольство продолжением старой земельной политики лежало в основе выступлений крестьян, закончившихся столкновением с землемерами и полицией в Ядринском уезде Казанской губернии[34].

В октябре 1915 г. 55 женщин-крестьянок с. Четвертакова Ардатовского уезда Симбирской губернии в виде протеста против намечавшихся землемерных работ по выделу земельных участков (в единоличную собственность в отсутствии их мужей) выбили окна в доме сельского старшины и поломали заборы вокруг двора. События закончились походом в Ардатов. Участницы погромов были арестованы (от 10 до 15 сут.), на некоторых наложен штраф (от 25 до 50 руб.)[35].

Крайне обеспокоенный происходившими изменениями в социальном поведении крестьянского населения начальник Пензенского жандармского управления отмечал, что, «в виду малоземелья этот вопрос является более обостренным. В настоящее время крестьяне высказывают твердое убеждение, это в награду за их участие в войне и понесенные жертвы они будут наделены землей. Если же правительство не даст им земли добровольно, тогда, по их словам, начнутся большие беспорядки»[36].

Постепенно под воздействием экономических, социальных факторов и крахом мировоззренческих установок менялось социальное поведение крестьянства Среднего Поволжья. В 1915 г. здесь не происходили крупные антипомещичьи выступления, хотя это направление крестьянского движения сохранялось. В ноябре 1915 г. нижегородский вице-губернатор сообщал о «нескольких случаях самовольных порубок леса и двух случаях поджога крестьянами помещичьих построек и хлеба в скирдах»[37].

В мае 1915 г. был арестован крестьянин Мочалов за антивоенную агитацию в с. Хилкове Спасского уезда. Он проводил беседы с солдатками о получаемых ими пособиях, о страданиях их мужей на войне, об измене начальства[38].

Антивоенные настроения овладевали большим числом крестьянского населения Среднего Поволжья. Это беспокоило губернаторов. В августе тамбовский губернатор отмечал, что в связи с последними неудачами армии «усиливалось антивоенное настроение населения

Темниковского уезда. На него также повлияли и раненые, которые по прибытию домой рассказывали о тяжелом положении на фронтах войны»[39]. В сентябре 1915 г. обстановка в Тамбовской губернии ухудшилась. Губернатор писал в Департамент полиции, что в губернии «наблюдается сильное недовольство правительством, его действиями по снабжению армии необходимыми припасами, снаряжением и вообще правительственной политикой, особенно же в отношении роспуска Государственной думы. Замечаются враждебные отношения к чинам полиции»[40]. О сложной ситуации в губернии говорил и симбирский губернатор: «Благодаря тяжким событиям последнего года возбудимость крестьянства, рабочего люда, а, пожалуй, и других сословий, представляется ныне чрезвычайно повышенной. Наблюдается исключительная нервность и восприимчивость ко всяким внешним влияниям. Нелепые слухи о наделении землей всех участников войны из крестьян, прибытие сюда громадного количества беженцев, непомерная дороговизна жизни, все это вместе взятое заставляет с тревогой смотреть в будущее»[41].

В 1915 г. в деревнях и селах Среднего Поволжья усилилась агитация среди крестьян. Для агитационной работы почва была крайне благодатной. Начальник Симбирского губернского жандармского управления писал в Департамент полиции, что хотя «крестьянское население и прервало всякую связь с революцией, тем не менее со стороны бывших во время освободительного движения пропагандистов оставлены следы в среде крестьянского населения в лице крестьян левого направления, составляющих оппозиции на сходах крестьян, так и по проведению в жизнь закона 9 ноября 1906 г.»[42].

События второй половины 1915 г. свидетельствовали о том, что в Среднем Поволжье, как и в целом по стране, к осени возник революционный кризис. Сложное экономическое положение одновременно с неудачами русской армии на фронтах и неспособностью правительства исправить создавшуюся ситуацию вызвало глубокое разочарование всего населения в будущем.

1916-й год углубил разразившийся революционный кризис. Весной и летом 1916 г. вновь усилилось в целом по стране крестьянское движение. За год в России было отмечено 294 выступления, 91 раз правительство применяло силу[43]. Разраставшийся в России продовольственный кризис, растущая дороговизна вносили новые черты в социальное поведение крестьянства. В целом по стране размах крестьянского движения заметно вырос с 177 выступлений в 1915 г. до 294 в 1916 г. Однако в Среднем Поволжье число крестьянских выступлений несколько снизилось: с 30 в 1915 г. до 21 в 1916 г[44].

Снижение числа крестьянских выступлений в Среднем Поволжье объясняется, на наш взгляд, значительным снижением землеустроительных работ в тот период. В то же время велась борьба крестьян-общинников с теми, кто продолжал укреплять землю в частную собственность. В с. Тарханове Ардатовского уезда крестьяне упорно противодействовали сначала пахотным работам, а затем не допускали скот выделившихся

крестьян на выгон. Они устраивали поджоги, оказали сопротивление приставу со стражниками, когда тот прибыл для ареста организаторов движения. Сюда прибыл симбирский губернатор, по распоряжению которого были арестованы 20 крестьян и солдаток, они были посажены в уездную тюрьму на три месяца[45]. В июле 1916 г. крестьяне-отрубники отправили телеграмму министру внутренних дел А. Н. Хвостову и министру земледелия А. Н. Наумову о том, что их «к владению лугами и вагонам общество не допускает»[46].

В октябре 1916 г. упорная борьба разразилась в с. Курташки Краснослободского уезда Пензенской губернии. Местные крестьяне просили отложить отрез земли до окончания войны. Получив отказ, они перешли к более решительным действиям. Около 300 чел. (в основном солдатки) пришли к Оброчинскому управлению, где, встретив одну из выделяющихся, избили ее, а на обратном пути разгромили и дома, одну крестьянку заставили отказаться от выдела земли. На следующий день крестьяне (уже около 400 чел.) повторили свой поход к Оброчнинскому волостному управлению. В отчете Департамента полиции отмечалось, «что население села Курташки — мордва, которая и до войны враждебно относилась к выделяющимся на отрубные участки»[47].

В июле 1916 г. крестьяне с. Таджева Ардатовского уезда оказали сопротивление развертыванию земель, принадлежавших крестьянскому банку. Под воздействием угроз со стороны крестьян землемер вынужден был прекратить работы в селе. Исправник доносил губернатору, что «означенное проявление есть дерзкая разнузданность, самоуправство, не могущее оставаться безнаказанным»[48].

Тамбовский губернатор доносил в Департамент полиции: «Среди крестьян Кирсановского уезда продолжает существовать убеждение, что после войны вся земля будет разделена между ними. Вопрос этот больше всего затрагивался нижними чинами, прибывшими из армии, которые говорили: „Мы теперь знаем как взять землю“»[49].

Напряженность в отношениях с помещиками усилилась из-за использования ими более дешевого труда военнопленных. «Для землевладельцев единственный выход заключается в привлечении труда военнопленных. Что касается крестьянского населения, то оно подходит к вопросу о привлечении труда пленных весьма осторожно и даже с опаской. Крестьяне не представляют себе взаимоотношений между ними и пленниками»[50]. «Кроме этого в сельской жизни вызвало разговоры появление у землевладельцев военнопленных, к чему крестьяне относятся отрицательно, опасаясь конкуренции и следовательно лишение заработка, поджогов и близких отношений с девушками и женщинами, особенно с солдатками, те же крестьяне злорадствуют, когда пленные объявляют забастовку и предъявляют невыполнимые требования, причем заявляют: „Если с немцами справиться не могут, то и нам ничего не сделают“»[51].

Причиной столкновений крестьян с помещиками было повышение арендных цен, что ставило под угрозу выработанную практику хозяйственных взаимоотношений, наносило ущерб интересам крестьян. Об-

щина нередко регламентировала отношения своих членов с помещиками, определяя на сходах порядок и предельную стоимость аренды земли и найма рабочей силы, формы борьбы с землевладельцами[52].

Признание крестьянами своих претензий на помещичьи земли нашло своеобразное отражение в солдатско-крестьянской трактовке причин войны, распространившейся к тому времени. Офицер 16-й роты 497-го Белецкого полка в марте 1916 г. писал: «Я уже несколько раз натыкался на такое солдатское мнение, что в России большие господа, лучше сказать, крупные помещики, затеяли войну, дабы истребить мужиков, чтобы избавиться, так как мужики посягают на помещичью землю»[53]. Многие солдаты в своих письмах объясняли подобными причинами начало и затяжной характер войны[54].

Борьба крестьян с помещиками продолжалась. В октябре 1916 г. крестьяне сожгли деревянный двухэтажный амбар в имении помещика Дурасова в Тамбовской губернии. В своей жалобе он отмечал: «Мужики и бабы не только не ходят ко мне на работу, но, когда приходят рабочие из соседних сел, не допускают работать»[55].

Особое недовольство у сельского населения вызывал продовольственный кризис, на фоне которого развивалась безудержная спекуляция товарами первой необходимости. Большинство выступлений было направлено против дороговизны и приняло форму разгрома сельских лавок и магазинов (рубль обесценился к началу 1917 г. до 60 коп)[56]. Из 288 массовых выступлений против дороговизны в 1916 г. в России 235 приходилось на долю крестьян[57].

Значительный размах приобрели столкновения крестьян с местными властями. Их выступления против реквизиций хлеба из хлебозапасных магазинов по твердым ценам, а также рабочего скота, повозок, овса и т. п. сопровождались стычками с земскими служащими и полицией.

Мотивом таких действий крестьян был не только протест против низких заготовительных цен и насильственных реквизиций, но и широко распространившееся среди них убеждение, что хлеб пойдет не на фронт, а рабочим оборонных заводов, укрывавшимся, по их мнению, от мобилизации, а также земскому начальству, которое перепродает хлеб частным скупщикам.

Основания для слухов были: в 1916 г. правительство включило в круг централизованно снабжаемых хлебом потребителей (помимо армии), работавших на оборону; реально существовали факты перепродажи заготовленного у крестьян хлеба. В нежелании крестьян продавать хлеб по твердым ценам рабочим, получавшим заработную плату и освобожденным от призыва, проявились традиционная (усилившаяся в период индустриализации конца XIX — начала XX в.) «ревность» деревни к городу, живущему за счет деревни и лучше (легче) нее и реально обострившиеся в период войны экономические противоречия между городом и деревней[58].

Участились случаи погромов лавок торговцев и базаров. Возмущенные дороговизной крестьяне, приехавшие на базар в с. Большое

Маресьево Лукояновского уезда Нижегородской губернии 11 июля 1916 г., разграбили мануфактурный товар с лотков и частью с возов. Во время погромов было задержано 18 чел.[59] Аналогичные случаи происходили и в уездах Казанской губернии[60].

Обеспокоенный ростом недовольства населения на почве дороговизны и недостатком товаров нижегородский губернатор писал: «Население, привыкшее к различным невзгодам за два года войны, не может примириться с ростом спекуляции. Население склонно думать, что правительство или бессильно, или не желает умерить аппетита торговцев. Поэтому совершенно естественно, что вспышки были и будут, если торговля и дальше будет идти в сторону повышения цен»[61].

Отрицательное отношение крестьянства вызывали постоянные мобилизации. Во время уборочной кампании население Ардатовского уезда Симбирской губернии требовало отсрочки мобилизационного призыва в связи с недостатком рабочих рук и срывом уборки урожая. Исправник доносил губернатору: «Солдатские жены под влиянием времени и тайного подстрекательства, ведут себя невыдержанно, при обстоятельствах, касающихся общественных и личных, склонив на разнузданное выступление и проявление недовольства»[62].

Волнения возникали также на почве возросшей в войну задолженности крестьян. Бесчисленные налоги ложились тяжким бременем на бедное население деревни. Особое возмущение населения вызывало то обстоятельство, что солдатки вынуждены были платить все налоги. В 1916 г. Тамбовские жандармы писали: «Налоги платят и солдатки, бедственное положение которых все более и более ухудшается. На почве описи самоваров и прочей рухляди в уплату недоимок растет недовольство и происходят столкновения с сельскими властями. За солдаток вступают квартирующиеся по деревням нижние чины»[63].

Одной из причин, вызвавших волнение крестьян и усиление их антиправительственных настроений, были частые реквизиции скота. Они проводились часто с грубейшими нарушениями. Так, начальник Пензенского жандармского управления доносил в Департамент полиции: «В последних числах апреля во время реквизиции скота в Чембарском уезде в волостях, близ ст. Воейково возникло неудовольствие среди крестьян, которые 23 апреля телеграфировали г. губернатору, прося защитить их от неправильной реквизиции»[64].

Несмотря на некоторое снижение числа крестьянских выступлений в 1916 г. выросло антиправительственное настроение населения. Недовольство властью и продолжавшейся войной, стихийная жажда мира и справедливости становились доминантами общественного сознания и социального поведения крестьянского населения страны. «Патриотический подъем среди сельского и городского населения сильно упал, и стало замечаться разочарование и усталость войной. Вместо прежней убежденности довести войну до победного конца стали высказываться мнения, что следовало бы прекратить эту войну»[65].

В докладе Петроградского охранного отделения говорилось: «Причем, настроение деревни стало резко оппозиционным не только по

отношению к правительству, но даже и к другим классам населения, рабочим, чиновникам, духовенству»[66].

К осени 1916 г. произошли заметные изменения в социальном поведении крестьянского мира Среднего Поволжья. Выросла его революционность. В сводке начальника Петроградского губернского железнодорожного управления отмечалось: «По словам уполномоченного, вернувшегося из поездки в Поволжье, „в деревнях наблюдается революционное брожение". Крестьянство, несомненно, окажется весьма действенным участником нового и неизбежного движения. Движение, которое вначале было чисто экономическим, ныне стало политическим»[67].

Усилению политической направленности способствовала работа различных политических партий. Придававшие крестьянству большое значение большевики, социалисты-революционеры пытались наладить агитационную работу среди сельского населения.

Необходимо отметить, что в средневолжском регионе деятельность партий в условиях войны была затруднена тем, что партийные организации существовали почти исключительно в губернских центрах. Поэтому крестьянское движение в регионе протекало под относительно слабым воздействием различных политических сил. В 1916 г. в с. Жадовка Карсунского уезда Симбирской губернии была обнаружена листовка: «Граждане, когда, наконец, проснетесь ото сна?» с разоблачением антинародной сущности войны и призывами к усилению революционного движения[68].

По мере углубления революционного кризиса в стране усиливался антиправительственный, политический характер крестьянских выступлений. Движение протеста крестьянства принимало различные формы и возникало по разным причинам, наиболее серьезной из которых было недовольство крестьян земельной политикой.

Таким образом, Первая мировая война явилась тем событием российской истории, которое оказало влияние не только на экономическую, социальную и политическую жизнь страны, но и на изменение социальной психологии крестьянского мира. Изменения в социальном поведении крестьянства Среднего Поволжья оказались нежелательными и губительными для правительства. Тяготы и лишения, выпавшие на долю крестьянского мира, окончательно подорвали рабскую психологию российского крестьянства и способствовали формированию у крестьянского населения качественно иной психологии — активных борцов за изменение существующего положения.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Поршнева О. С.** Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Социальная история. М., 2000. С. 63.

[2] См.: **Беркевич А. Б.** Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 14.

[3] См.: **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Мордовия в годы трех народных революций (Хроника революционных событий). Саранск, 1957. С. 164 — 165.
[4] Там же. С. 165.
[5] См.: **Поршнева О. С.** Указ. соч. С. 64.
[6] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 108 ; ч. 72. Л. 12.
[7] Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. М. ; Л., 1965. С. 73.
[8] Там же. С. 43.
[9] Там же. С. 44 — 45.
[10] См.: **Анфимов А. М.** Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962. С. 348.
[11] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 9 — 10.
[12] Там же.
[13] См.: Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 513 — 514.
[14] См.: **Поршнева О. С.** Указ. соч. С. 66.
[15] Там же. С. 67.
[16] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 49. Л. 2 — 3.
[17] См.: Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 108 — 109.
[18] Там же. С. 109.
[19] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 49. Л. 7.
[20] Там же. Д. 108. Л. 10 — 10 об.
[21] См.: **Герасименко Г. А.** Противодействие крестьян Столыпинской аграрной политике // История СССР. 1984. № 3. С. 139.
[22] См.: **Поршнева О. С.** Указ. соч. С. 73.
[23] **Кабытов П.** Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999. С. 124.
[24] См.: **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 166.
[25] Там же. С. 166 — 167.
[26] **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 167.
[27] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 108. Л. 5.
[28] См.: Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 204.
[29] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 43 ; ч. 1. Л. 2.
[30] Там же. Л. 3.
[31] Там же. Л. 5 об.
[32] Там же. Л. 4.
[33] См.: Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 330 — 331.
[34] См.: **Шестаков А. В.** Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927. С. 114.
[35] См.: Волж. вести. 1915. 15 нояб.
[36] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 167 ; ч. 55. Л. 2 — 3.
[37] Там же. Оп. 125. Д. 108. Ч. 43. Л. 14.
[38] См.: **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 168.
[39] Там же.
[40] Там же. С. 169.
[41] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 108. Л. 7.
[42] **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 170.
[43] См.: Крестьянское движение в России 1914 г. — 1917 гг. С. 514.
[44] Там же. С. 513 — 514.
[45] **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 172 — 173.
[46] Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 371.
[47] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 126. Д. 49. Л. 1 — 5.

[48] **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 175 — 176.
[49] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 126. Д. 108. Л. 1.
[50] Волж. вести. 1915. 25 февр.
[51] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 108. Л. 5 об.
[52] См.: **Кабытов П. С.** Формирование антивоенных настроений в российской деревне в период Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // Социально-экономическое положение и классовая борьба в поволжской деревне в период капитализма. Куйбышев, 1988. С. 114.
[53] Солдатские письма в годы мировой войны (1915 — 1917 гг.) // Красный архив. М., 1934. Т. 4 — 5. С. 158.
[54] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 10. Л. 323, 359, 521.
[55] Цит. по: Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 381.
[56] См.: Россия в мировой войне 1914 — 1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 6.
[57] См.: **Кирьянов Ю. И.** Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отеч. история. 1993. № 3. С. 9.
[58] См.: **Поршнева О. С.** Указ. соч. С. 81.
[59] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 126. Д. 43 ; ч. 3. Л. 55 — 56.
[60] Там же. Д. 5 ; ч. 28. Л. 7.
[61] **Захаркина А. Е., Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 176 — 177.
[62] Там же. С. 177.
[63] **Шестаков А. В.** Указ. соч. С. 107 — 108.
[64] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916. Д. 167. Л. 11 — 11 об.
[65] Там же. Л. 13.
[66] Красный архив. М., 1926. Т. 17. С. 20.
[67] Буржуазия накануне Февральской революции. М. ; Л., 1927. С. 134 — 135.
[68] Крестьянское движение в России в 1914 — 1917 гг. С. 372.

Л. Г. Филатов, С. Ю. Фирсов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УСЛОВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Первая мировая война открыла новую страницу в истории рабочего движения. Социально-экономическое развитие России в данный период, в ходе которого шел процесс абсолютного обнищания пролетариата, явилось одной из главных причин роста революционной активности рабочих, возникновения и развития революционной ситуации.

Классовые сражения охватили всю страну, в том числе регионы с относительно слабым промышленным развитием. Одним из таких регионов было Среднее Поволжье, включавшее в себя территории Самарской, Симбирской и Пензенской губерний.

Рабочее движение в Среднем Поволжье было своеобразным связующим звеном в борьбе крупных отрядов пролетариата Москвы, Петер-

бурга и промышленного Урала. Вместе с общими закономерностями и характерными чертами, свойственными рабочему движению страны в целом, оно имело в средневолжских губерниях свои особенности. К ним необходимо отнести вовлечение в революционное движение новых сил, в частности железнодорожного пролетариата. Выступив застрельщиками Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г., железнодорожники зарекомендовали себя как передовой отряд еще в годы Первой русской революции[1].

Однако следует сказать, что рабочее движение железнодорожников в годы войны сталкивалось с большими трудностями. Исходя прежде всего из той важной роли, которую играл железнодорожный транспорт в экономике государства, правительство ввело на дорогах казарменную дисциплину. Исключением не стали даже те, которые были удалены от мест военных действий и находились в тылу. Так, уже 20 июля 1914 г. на Рязано-Уральской железной дороге, пересекавшей Пензенскую губернию, было введено положение о чрейзвычайной охране. С этого времени вступили в силу Правила, изложенные в высочайшем указе от 14 декабря 1905 г. За бунт против власти и государственную измену, за устройство стачек и возбуждение к ним виновные подлежали военному суду и наказаниям по законам военного времени[2]. Позднее военное положение было введено на Самаро-Златоустовской и на Московско-Казанской железных дорогах.

Железнодорожные забастовки были категорически запрещены. Тем не менее на случай борьбы с ними на каждой дороге было организовано по 3 — 4 летучих отряда. Это специальные поезда, комплектовавшиеся из воинских подразделений и имевшие в своем распоряжении как технические силы для возобновления движения, так и военные (вплоть до кавалерии и орудий). Летучие отряды пускались в дело по требованию губернатора и Особого комитета при управлении дороги[3].

26 сентября 1915 г. штабом Казанского военного округа было издано распоряжение о назначении воинских частей на случай вызова по требованию начальников жандармских управлений. Оно предусматривало направить на станцию Рузаевка полуроту (60 чел.), Тимирязево — 1 взвод (30 чел.) из 101-й и 243-й пехотных запасных батальонов; Симбирск — полуроту; Инза — 1 взвод из 96-й, 97-й и 142-й пехотных запасных батальонов; Казань — 1 взвод; Пенза — 1 взвод; на станцию Алатырь — полуроту из 160-го пехотного запасного батальона[4]. Дополнительным указанием секретного циркуляра штаба округа от 4 октября 1915 г. воинские части были установлены на небольших станциях Московско-Казанской железной дороги: Батраки, Барыш, Базарная и т. д.[5]

Под особую охрану брались мосты, переезды и другие важные железнодорожные объекты. Только для охраны мостов через реки Инсар, Сура на станциях Саранск, Архангельское Голицино и Алатырь было задействовано более 60 чел[6].

Соблюдение правил борьбы с железнодорожными забастовками в губернских центрах (Самаре, Пензе, Симбирске) было возложено на

специальные жандармско-полицейские управления. В их подчинении находились отделения, которые распространяли служебные функции на определенные участки дорог.

Значительно усиливались и репрессивные меры к участникам забастовок: администрациями предприятий и управлениями дорог применялись массовые увольнения, локауты, практиковались отправки военнообязанных на фронт и т. п. Бывали и такие случаи, когда при приеме на работу с рабочих и служащих брали подписку об отказе от антиправительственной деятельности.

В 1915 г. Особым комитетом при Управлении Московско-Казанской железной дороги были дополнены Правила для борьбы с железнодорожными забастовками в зависимости от местных условий. Приказом № 114 объявлялся порядок приема рабочих и служащих на Московско-Казанскую железную дорогу. Вот некоторые параграфы из этого приказа:

«§ 8. Начальники Ж.П.У. должны обращать особое внимание на подбор служащих в важных пунктах дороги и сразу докладывать свои соображения по сему предмету железнодорожному начальству.

§ 9. Начальники Ж.П.У. должны наблюдать, чтобы железнодорожные служащие не принадлежали ни к каким противозаконным политическим организациям.

§ 25. В случае возникновения беспорядков в железнодорожных мастерских... последние могут быть закрыты на срок или без срока с увольнением мастеровых и рабочих»[7].

В начале войны жесткая карательная политика властей оказывала определенное сдерживающее влияние на рабочее движение. Однако по мере увеличения тягот войны нарастало революционное настроение трудящихся масс, и карательные мероприятия объективно становились толчком, способствующим к развитию и обострению революционной ситуации на железнодорожном транспорте. Уже весной 1915 г. железнодорожников Среднего Поволжья, как и всей страны, охватило недовольство, вызванное тяжелым экономическим положением. Они требовали повышения заработной платы, отмены сверхурочных работ, установления дополнительных пособий в связи с растущей дороговизной, отмены военного режима на железных дорогах и т. д.

Мощная волна протеста прокатилась в феврале 1916 г. в рабочем коллективе самарских железнодорожных мастерских. Через выборных представителей мастеровые неоднократно обращались к начальникам мастерских, а затем и к начальнику Службы тяги с просьбой об увеличении расценок на отдельные виды работ, которые были предельно низкими в большинстве цехов. Однако на просьбы рабочих администрация не обращала внимания. Только после предупреждения мастеровых о проведении забастовки в случае невыполнения их требований, расценки были частично повышены[8].

В июле 1916 г. возник конфликт в железнодорожном депо г. Сызрани. Суть его заключалась в том, что прикомандированные на Сызранско-Вяземскую железную дорогу 123 рабочих-беженца с Привислинских

железных дорог должны были получать двойную зарплату: прежнюю и новую, по месту командирования. В июле им отказали в выдаче прежней зарплаты. Тогда рабочие заявили, что с 1 августа они не выйдут на работу, если не будет выплачена прежняя зарплата. Для усмирения недовольных начальник депо вызвал отряд полиции. В итоге 8 рабочих подверглись аресту, 11 — отправлены к коменданту.

Революционные волнения происходили на железнодорожных станциях Пенза, Казань и Алатырь[9]. Соединяясь в единый поток, борьба рабочих-железнодорожников представляла грозную революционную силу в крае.

Вместе с тем рабочее движение железнодорожников Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны являлось частью общероссийской классовой борьбы пролетариата. Оно было неразрывно связано с ней и характеризовалось сочетанием легальной и нелегальной работы большевиков среди рабочих и служащих, нарастанием числа стачек и количества их участников по мере приближения революции и др.

Динамика коллективных форм борьбы работников железнодорожного транспорта прослеживалась следующим образом: подача прошений и предъявление требований владельцам, а также редкие случаи забастовок в начале войны; оживление рабочего движения; коллективные требования все чаще сопровождались предупреждением о забастовке; число последних стало особенно расти со второй половины 1915 г.

В 1916 — 1917 гг. классовые противоречия обострились сильнее, борьба стала упорнее и бескомпромисснее. Массовые стачки трудящихся чаще завершались успехом; количество забастовок с компромиссным исходом значительно снизилось. Владельцы предприятий и администрация регулярно обращались за помощью к государственному аппарату, в задачу которого входила защита интересов господствующих классов.

Это, в свою очередь, способствовало политической консолидации борющихся сил. Пролетариат Среднего Поволжья объединил свои усилия с подобными массами соседних регионов, а также крупных городов и железнодорожных узлов.

При этом рабочее движение в Самаре, Пензе, Симбирске и Сызрани (не говоря уже о губерниях) отставало от движения в промышленных центрах по размаху борьбы и характеру требований, по упорству и остроте выступлений.

К тому же, не все отряды рабочих Среднего Поволжья активно участвовали в революционной борьбе, особенно это касалось пищевиков, строителей, сезонников, сельскохозяйственных рабочих и т. д. Отмеченная характерная черта явилась результатом проявления общей закономерности соотношения авангарда и остальной части рабочего класса.

Таким авангардом в крае, как считают многие исследователи[10], являлся фабрично-заводской пролетариат, концентрировавшийся на нескольких крупных предприятиях, например, на Самарском трубочном заводе, заводе братьев Алафузовых в Казани и др.

Что касается железнодорожников, то однозначно определить их место в революционном движении достаточно сложно. Пестрота социальной и профессиональной структуры данного отряда наложило на него отпечаток противоречивого участия в революционной борьбе: в этой борьбе впереди шли рабочие железнодорожных мастерских и депо; меньшей активностью отличались служащие, работники управления движением и т. п. Однако даже при всей противоречивости и неоднозначности своего положения железнодорожники Среднего Поволжья в годы войны равнялись на передовые отряды рабочих крупных промышленных центров и по мере приближения революции подтягивались к ним. Железнодорожный пролетариат стал политически более просвещенным и выдвигал новых организаторов классовых битв.

Важной политической предпосылкой и необходимым условием для организованного и целенаправленного рабочего движения в годы войны явилась деятельность большевистской партии. Руководимая Лениным РСДРП(б) дала принципиальную оценку характеру Первой мировой войны. В отличие от буржуазных и мелкобуржуазных партий она отвергла возможность классового мира до окончания войны. Главную идею об отношении к империалистической войне Ленин сформулировал еще до объявления всеобщей мобилизации: «Лучшая война с войной — революция». Впоследствии вождь российского пролетариата развернул эту идею в стройную теорию, которая нашла отражение в Манифесте ЦК РСДРП, опубликованном 1 ноября 1914 г. в центральном органе партии — газете «Социал-демократ».

Железнодорожники Среднего Поволжья, несмотря на то, что губернские комитеты РСДРП(б) накануне войны были разгромлены, были знакомы с основными положениями стратегии и тактики большевиков. Этому способствовала деятельность партийных групп, ячеек и отдельных большевиков, которые проводили большую пропагандистскую, агитационную и организационную работу на крупных железнодорожных узлах района, мастерских и депо. Характерным в этом отношении был приезд в Сызрань в ноябре 1913 г. А. Н. Никифоровой. Это была активная и опытная работница, член социал-демократической организации Петербурсгкого городского района большевиков-ленинцев, организатор и член подпольной организации Красного Креста помощи ссыльным и заключенным.

В «Записке Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице» на имя директора Департамента полиции 30 ноября 1913 г. сообщалось: «По полученным агентурным сведениям в настоящее время в г. Сызране проживает высланная в текущем году из С-Петербурга социал-демократка Анна Никифоровна Никифорова, 22 года, которая ныне состоит секретарем в больничной кассе какого-то завода или фабрики в Сызрани и является агентом Центрального комитета Российской социал-демократической партии для городов Сызрани, Симбирска и Самары»[11].

В Дневнике агентурных сведений по г. Сызрани за 1913 г. сделана следующая запись: «29. XI. В последнее время в Сызрань из Пе-

тербурга прибыла на жительство А. Н. Никифорова, выписана она через социал-демократическую фракцию Государственной Думы специально заведовать больничной кассой и состоит в правлении общей больничной кассы сызранских мукомолов секретаршей. Никифорова — убежденная эс-дечка, годна как ораторша на митингах и собраниях. Правлением получается из С-Петербурга эс-дековская газета под названием „За правду“, которую лица, стоящие близко к правлению, стремятся распространять между рабочими. Вообще надо полагать, что под флагом правления больничной кассы скрывается пропаганда рабочих в будущем»[12].

В результате активной деятельности А. Н. Никифоровой и группы местных большевиков К. Г. Мяскова, В. Я. Зубцова, Н. Н. Федорова, Н. Д. Воздвиженского и др. был образован подпольный кружок[13]. В его работе наряду с рабочими-мукомолами, приказчиками принимали участие и железнодорожники. Рабочим сызранского железнодорожного узла как основному костяку пролетарской массы города члены кружка уделяли особое внимание. Среди железнодорожников большевики широко распространяли не только газеты «Правда», «Заря Поволжья», различную нелегальную литературу, но и листовки, прокламации, отпечатанные на собственном гектографе. Так, 28 и 30 апреля полиция обнаружила 18 прокламаций, посвященных 1 Мая, которые были разбросаны в трех местах у депо Сызранско-Вяземской железной дороги. Напоминая о Первомае как о всеобщем рабочем празднике, прокламация призывала: «Сплотитесь, товарищи, и скажите: „Долой тиранов, прочь оковы. Страшись, трепещи, венценосный палач, проклятьем страны заклейменный. Только тогда настанет година свободы, сгинет ложь, сгинет ложь навсегда и сольются в одно все народы в вольном царстве святого труда“». «Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует рабочая солидарность!»[14].

В средневолжские губернии часто высылались за участие в революционном движении или направлялись на работу целые группы рабочих. Так возникали и крепли в Среднем Поволжье прочные связи между рабочими различных национальностей.

Нельзя не отметить и тот факт, что железнодорожники своей борьбой оказывали влияние на выступления крестьян, большой процент которых являлся постоянным источником пополнения рабочей силы на железных дорогах, и вообще на рост демократических настроений широких слоев населения Самарской, Пензенской и Симбирской губерний. Именно в ходе этих процессов и складывались социально-политические предпосылки революционных преобразований в крае.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Филатов Л. Г.** Положение рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги накануне Первой русской революции // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1961. Вып. 21. С. 102.

[2] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8880. Л. 1, 5.

[3] ЦГАОР. Ф. 6865. Оп. 1. Д. 280. Л. 1.
[4] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 164. Л. 30 — 31.
[5] Там же. Л. 32.
[6] Там же. Д. 217. Л. 218.
[7] ЦГАОР. Ф. 59. Оп. 1. Д. 209. Л. 337 — 341 об.
[8] См.: **Басин С. Г.** Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1967. С. 9.
[9] ЦГАОР. Ф. 6865. Оп. 1. Д. 280. Л. 28 ; НАРТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1617. Л. 1.
[10] См.: **Басин С. Г.** Самарский пролетариат в годы Первой мировой войны : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Куйбышев, 1946 ; **Валеев Р. К.** Революционное движение в Среднем Поволжье в период назревания общенационального кризиса (июль — октябрь 1917 г.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Казань, 1968.
[11] ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1166. Л. 47.
[12] Там же. Л. 41 — 41.
[13] См.: **Томарев В. И.** Революционная работа большевиков Поволжья в период I мировой войны // История партийных организаций Поволжья. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 7.
[14] ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2 — 3, 7.

С. В. Белоусов

«...НАШИ ПИСЬМА СОЛДАТСКИЕ ВСЕ ПРОВЕРЯЮТ ЧИНОВНИКИ НА ПОЧТАХ...»: ПИСЬМА СОЛДАТ — УРОЖЕНЦЕВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ С ФРОНТОВ

В последние годы заметно возрос интерес к изучению событий Первой мировой войны и, в частности, к анализу поведения российских солдат в военной обстановке, их восприятию войны и реакции на нее[1].

Перлюстрация военной корреспонденции в русской армии практиковалась задолго до Первой мировой войны. Наряду с изучением настроений солдат и офицеров введение военной цензуры вне театра военных действий преследовало и иную цель, «чтобы некоторые известия о ходе наших операций не приобретали преждевременно всеобщей гласности и не могли таким образом сделаться достоянием и наших неприятелей...»[2].

Военное руководство, безусловно, доводило до военнослужащих приказы о запрещении сообщать в письмах сведения, составлявшие военную тайну. Солдаты и офицеры, конечно, понимали, что их корреспонденция просматривается цензорами, и поэтому старались «не доверять бумаге» откровения и размышления: «*...у нас нового, конечно, много, которое по приезде, если буду жив, расскажу. А то теперь писать никак*

нельзя, законом воспрещено…»[3]; «*…хотел немного пооткровенничать относительно войны, но боюсь, что знаменитый корнет Спицын [военный цензор г. Пензы в 1914 г. — С. Б.] не пропустит. Хотя он совершенно прав, потому что наши офицеры пишут много лишнего, иногда непроверенного…*»[4].Часто военнослужащие даже обвиняли военных цензоров в задержке корреспонденции: «*…наши письма солдатские все проверяют чиновники на почтах и если найдут что в них неправильно, то их рвут. Вот почему, наверно, наши письма мало доходят…*»[5]; «*…ты меня сегодня удивила сообщением, что писем от меня не имеешь уже почти две недели. Да что же это значит. Ведь я тебе пишу методично каждый день. Это моя святая обязанность, и я ее выполняю честно. Значит, они где-либо валяются или в этом милом учреждении, называемом цензурным ведомством, созданным для того, чтобы отравлять последние светлые места в разбитой душе человека…*»[6].

Доля просмотренной военными цензорами корреспонденции была достаточно велика. Так, по нашим подсчетам, Пензенским военно-цензурным комитетом с 17 мая по 15 августа 1915 г. (за 13 недель) было просмотрено 24,63 % писем, полученных из армии (табл. 1). Большой объем перлюстрированной корреспонденции, высокий образовательный уровень цензоров и довольно основательно подготовленные отчеты делают материалы военной цензуры важным источником для изучения настроений и поведения военнослужащих в годы Первой мировой войны.

Таблица 1

Количество полученной и просмотренной Пензенским военно-цензурным комитетом корреспонденции

Наименование корреспонденции	Получено	%	Просмотрено	%	Пропущено без цензуры	%
Телеграммы	667	0,19	667	100	—	—
Письма:						
заказные	2 361	0,66	2 361	100	—	—
простые	6 865	1,92	6 269	91,32	596	8,68
из действующей армии	273 355	76,60	67 318	24,63	206 037	75,37
военнопленных	53 027	14,86	48 443	91,36	4 584	8,64
военнообязанных	19 975	5,60	19 052	95,38	923	4,62
Пресса:						
телеграммы агентств	169	0,05	169	100	—	—
газеты и журналы	96	0,03	96	100	—	—
Посылки	358	0,09	358	100	—	—
Итого	56 873	100	14 4733	40,56	—	—

Составлена по: ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2.

В отчетах военные цензоры отмечали моральный дух русских солдат, их патриотизм и боевой настрой, отношение к вопросу об окончании войны, жалобы военнослужащих на что-либо, разглашение ими

военной тайны (табл. 2). На протяжении войны цензура неизменно отмечала высокую степень патриотизма русской армии. Так, вплоть до января 1915 г. процент корреспонденции патриотической направленности всегда был выше 50 %, достигая порой 70 — 80 %. Цензоры отмечали, что письма с позиций *«полны воодушевления, энергии», «ярко бросается в глаза твердая уверенность в победе над врагом».* Солдатам казалось, что война должна закончиться быстро и обязательно победоносно. Поэтому первые неудачи русской армии и то, что война приняла затяжной характер, уже в феврале — марте 1915 г. привели к временному резкому снижению патриотических настроений (до 28,8 %). Однако затем доля писем патриотической направленности вновь увеличивалась и не снижалась вплоть до 1917 г.

Таблица 2

Содержание писем, просмотренных Пензенским военно-цензурным комитетом с 15 февраля по 14 марта 1915 г.

Тема	Количество писем	% от общего числа просмотренных писем
Патриотический подъем и осознание необходимости выполнить свой долг перед Родиной	7 042	28,80
Пожелание скорого окончания войны	15 684	64,14
Жалобы на что-либо (пищу, одежду и т. п.)	271	1,11
Сообщение сведений, распространение которых запрещено (в основном о местонахождении и передвижении части)	954	3,90
Всего просмотрено писем	23 951	

Составлена по: ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2.

Патриотизм, высказывавшийся в письмах солдат с фронта, выражался по-разному и был связан с традиционным крестьянским менталитетом*. Патриотический мотив сводился к борьбе за правое дело, за свободу братьев-славян, к защите Родины и православной веры от посягательств немецкого агрессора. *«...А ты очень не журись об нас,* — писал в Пензу один из солдат-артиллеристов. — *Умру около своего 5-го орудия за Царя и Отечество и за Русь, Святую Веру. Русский солдат духом не падает никогда. Молись только об нас Богу, чтоб Господь дал здоровья...»*[7]. Защита Отечества обычно ассоциировалась у солдат с защитой царя. В этом, очевидно, кроется причина патриотического воодушевления в армии при посещении воинских частей Николаем II.

* Перед войной русская армия состояла на 84 — 88 % из крестьян. В годы войны из-за больших потерь кадрового состава в результате мобилизации большого количества необученных «солдат-крестьян» этот процент еще возрос, что повлекло за собой привнесение на фронт сугубо деревенского образа мышления и поведения (см.: **Асташов А. Б.** Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечеств. история. 2003. № 2. С. 73 — 75).

Вот как описывает это событие солдат 1-го Сибирского корпуса: *«В прошлое воскресенье был у нас сам Государь Император. Как рады все стрелки. Радость неописуема. Все Его видели, все Его встречали громким „ура!" От железной дороги ехал он 40 верст в автомобиле, и была метелица. Приехал радостный и веселый к славным войскам нашего корпуса в простой солдатской шинели и сапогах. Солдаты говорят: „Теперь еще можно воевать два года". Вот как рады, что увидели своего Главного Вождя. Сохрани Его Господь для всех нас...»*[8].

Военная служба санкционировалась «волей Божьей» и воспринималась большинством военнослужащих как фатальная неизбежность. Георгиевский кавалер Кузьма Родиков, призванный из с. Базарная Кеньша Городищенского уезда, писал своей жене: *«Затем прошу Вас, Дуняша, не падай духом. Может быть, останемся и живым, Бог даст. Что же делать, надо же защищать родину и Царя-Батюшку»*[9].

Однако солдатский патриотизм оказался под влиянием техногенного характера войны. Вой артиллерийских снарядов, ядовитые газы, аэропланы действовали на солдат удручающе, вызывали панические настроения. Неведомая разрушительная сила оружия, которая поражала на расстоянии, война, на которой подчас даже не было видно врага, приводили к потере всякой мотивации сражаться, росту пессимизма, апатии, ощущению *«своей никчемности»* на войне и ожиданию наступления конца света. *«У нас был бой с 8-го числа марта до 15-го. Семь суток беспрерывно,* — писал солдат пулеметной команды 239-го пехотного Константиноградского полка в с. Скрябине Саранского уезда. — *Орудия гремели, даже от звука и грохота стены каменные валились... Прямо это был ад кромешный или светопреставление. Говорят, еще таких боев и не было, как этот был гром. Снаряды вырывали ямы, как погреба. От этого снаряда и спастись никак нельзя и негде...»*[10]. *«Прошу я вас, сроднички,* — обращался в письме к родным, проживавшим в д. Потловке Пензенского уезда, солдат 25-го пехотного Смоленского полка Егор Макарчев, — *не поминайте меня лихом, и простите меня, и благословите меня заочно идти в матушку сырую землю, и ожидает меня на брани поля боя братская большая могила, но неизвестно где, а иначе этого не минуешь. Пока стоишь на отдыхе и живой, а как в бой пойдешь, так и конец будет...»*[11]. Похожие мысли высказывал и неизвестный солдат в письме к М. И. Петрунину в д. Валяевку Пензенского уезда: *«Это не Русско-турецкая война. Что тогда было? Одни ружья да орудия. Даже пулеметов мало было. А в настоящую войну посмотри: дальнобойные крупного калибра, пулеметов очень много, бомбометы, разные гранаты, ручные бомбы, аэропланы, дирижабли, цеппелины, ракеты, прожекторы, воздушные шары. Сколько автомобилей, велосипедов, так что мало увидишь из офицеров, едущих на лошадях, а все на автомобилях. Посмотришь, по дороге одни автомобили и велосипеды едут с позиции на позицию. Есть бронированные автомобили и бронированные поезда, т. е. бронею обложены, непробиваемые. На море подводные лодки, мины. Так что эта война идет на земле, на воде, и под водой, и в воздухе. Нет спасения нигде.*

Да, братие, надо подумать об этом побольше. Так что, настало то время, которое читалось в Евангелии, что придет время, Господь накажет, будут местами голод и ссоры, брат на брата, отец на сына, а сын на отца. Вот оно и пришло...»[12].

В новых условиях войны менялся и традиционный облик врага. Исчезал ранее сложившийся стереотип, что солдат противника обязательно должен быть «нехристем», иноверцем. На деле же немцы оказались христианами, а многие из австрийцев даже православными. Вражеские солдаты воспринимались русскими такими же несчастными, посланными на бессмысленную бойню, как и они сами. Именно в этом многие исследователи видят истоки так называемых братаний*, получивших на фронте широкое распространение с весны — лета 1915 г.[13] На факты братаний, которые встречались в просмотренной корреспонденции из армии, неоднократно указывала военная цензура. Так, солдат 40-го пехотного Устюжского кн. Багратиона полка в 1915 г. писал сестре в Пензу: *«Наши в начале мая завели с немцами дружбу. Сходятся между своими и вражескими окопами, подают друг другу руки, угощают друг друга: наши сахаром, а они печеньем, папиросами и т. п.»*[14]. Братания особенно усиливались в дни религиозных праздников (на Рождество и на Пасху). *«На первый день праздника* (Пасхи. — *С. Б.*) *вышли все солдаты наверх, наши и австрийцы,* — сообщал другу в Пензу солдат И. А. Кулагин, — *и потом пошло поздравление с праздником. А потом начали сходиться друг с другом, наши к ним, они к нам в гости. У них даже снимали наших на карточки и хотели передать обратно дня через три. Водкой поили многих, а наши им давали хлеба и менялись с ними чем попало: кольцами, карточками и деньгами, словом всем, что у кого сколько было. Они обещали не стрелять в праздники. Ну и верно, вот уже три дня ружейной стрельбы не было, ни одного выстрела...»*[15].

Вину за неудачи на фронте солдаты пытались списать на предательство генералов-немцев, пособничество противнику со стороны «жидов», бездеятельность правительства. *«Кругом у нас немцы и кругом предательство»,* — писал жене офицер прожекторной роты 16-го саперного батальона Никольский[16]. Похожие мысли высказывал и солдат 1-й батареи 15-й артиллерийской бригады С. Осипов: *«У нас мало осталось войска, снарядов нет, потому что большая часть начальства не русские, а из генералов почти все немцы. Вот нам потому и плохо»*[17].

Военная цензура отмечала встречавшиеся в солдатских письмах факты негативного восприятия войны, жалобы и всякого рода недостатки. Возраставшие расходы в боеприпасах и вооружении при их недоста-

---

* Братания чаще происходили на Юго-Западном фронте, где нашим войскам противостояли солдаты австро-венгерской армии, многие из которых были православные. Братания были символом религиозного всепрощения, стремлением пойти на мировую и неким подобием мира (см.: **Асташов А. Б.** Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечеств. история. 2003. № 2. С. 79).

точном производстве на промышленных предприятиях уже в конце 1914 г. привели к кризису боевого снабжения армии. *«Нам невозможно немца сдержать. Стрелять у нас нечем»,* — жаловались солдаты в своих письмах домой[18].

К 1915 г. фактически полностью оказался выбитым кадровый состав армии. Войска приходилось комплектовать резервистами, ополченцами, малообученными молодыми солдатами, что, естественно, отрицательно сказывалось на боеспособности воинских частей. *«Тебе известно, какое войско идет на войну?* — спрашивал брата солдат 6-й роты 22-го пехотного Нижегородского полка. — *Подержат их в запасном батальоне 2 или 3 недели. Они даже винтовку в руке не умеют держать. Вместо того, чтобы нам отдохнуть, приходится их учить...»*[19]. *«Плохо без старых солдат,*— сетовал некий Иван из пулеметной команды 47-го пехотного Украинского полка. — *Если враг наступает, то ополченцы вскидывают белые платки и сдаются в плен»*[20]. *«Старых солдат совсем нет и нет молодых. Пригоняют ратников, как бараны, ружья держать не умеют»*[21]. Да и сами новобранцы, прекрасно осознавали, какую «грозную силу» они представляли. Молодой солдат писал свояку в Пензу: *«С 11 июня нахожусь в строю на позиции без всякого строевого образования. Выдали винтовку, из которой я сроду не стрелял. Да, положение мое стало незавидное...»*[22].

В отчетах цензоры отмечали и усиление недовольства нижних чинов офицерским составом. *«Командуют вперед „Ура!". Сами во ржи сидят или где-либо в скрытом месте»*[23]. *«У нас начальство не с врагом воюет, со своими солдатами,* — жаловался солдат 6-й роты 407-го пехотного Саранского полка. — *За малое дело секут и честь им отдавай на позиции... Еще на позицию нагнали одних прапорщиков. Поручики и штабс-капитаны, и капитаны в тылу армии по разным интендантствам и нестроевым ротам...»*[24].

Солдаты с передовой весьма негативно воспринимали деятельность тыловых служб, порицали приспособленчество и стремление некоторых военнослужащих найти «теплое местечко» где-нибудь в тылу. *«Могу вот написать, как проводят войну наши чиновники. Во-первых, самое существенное, стол имеют такой, какого не имели дома. Тянут, несмотря ни на что, водочку, получают усиленное жалованье и, вдобавок, выписали недавно себе жен. Им, конечно, война сбоку»*[25]. *«Эти тыловые учреждения действующей армии — это язва и притоны всяких темных личностей. У нас их просто называют нестроевой сволочью»*[26]. Чувство самосохранения толкало солдат к тому, что при первой же возможности старались *«удрать с передовой»,* перейти на службу писарем в штаб, санитаром в лазарет или обозным — одним словом, быть подальше от опасностей войны. Солдат нестроевой роты 318-го пехотного Черноярского полка С. Н. Артюшин писал жене в с. Мастиновка: *«...делов на каждый день по самую шею. Правлю две должности: каптенармусом и исполняю должность писаря. Но как ни трудно, а в тысячу раз лучше, чем быть на позиции. Я был там 11 месяцев и видел всего: много слез и горя. Господи! Не приведи быть еще там»*[27].

«Я знаю, что тебе не сладка служба, — поучал товарища ефрейтор Пыров. — *Так вот тебе мой совет. Останься как-нибудь денщиком у какого-нибудь прапорщика или писарем. Добивайся во что бы то ни стало куда-нибудь в обоз или конюхом. Знай, что здесь в тысячу раз солней, чем там. Здесь всего увидишь и каждую минуту. Я на что уж стальной и то другой раз дрожишь и невольно берет робость. Я был все время в разведках… Сейчас ефрейтор и жду крест»*[28].

Кадровые солдаты часто сетовали на несправедливость награждения: *«…кресты дают тем, кто подпрапорщику подарит шапку, того и представят к кресту. Это я тебе пишу явный факт…»; «вот несправедливости в войсках: обозные получают кресты и медали, а нам, участникам, ничего не дают»*[29].

Нередко в своих письмах военнослужащие жаловались на трудности окопной жизни, холод, плохую одежду и голод: *«сидишь в окопах, руки и ноги мерзнут, сильная дрожь, зуб на зуб не попадает»*[30]; *«у нас в окопах очень грязно, все измазались в глине, и вши нас заели»*[31]; *«штаны у всех порвались, у меня теперь уже штаны австрийские»*[32]; *«многие наши солдаты ходят буквально без сапог, навертывают на ноги разные мешки, изображая собой мохноногих петухов»*[33]; *«скверно нас кормят, один раз в сутки, а иногда ни разу, кашу забыли, когда ели… Едва все живы»*[34]; *«пища у нас очень плохая. Варят суп, 10 ведер льют воды и кладут 5 фунтов перловой крупы и 5 золотников мяса. Это варят все на 200 человек. И дают 1 фунт черного хлеба. Вот пища наша»*[35]; *«жизнь моя плохая, хлеба не хватает, в обед пообедаешь, в ужин чуть-чуть, а по утру завсегда до обеда голодный»*[36].

Таким образом, среди солдат росло недовольство невыносимыми условиями службы, что фиксировалось военными цензорами, а затяжной характер войны лишь усугублял это недовольство. Среди солдат наблюдались усталость, апатия, стремление к скорейшему окончанию войны, нежелание сражаться. *«Дней несколько назад было приказание всем некоторым ротам идти в наступление, но стрелки, договорившись, не пошли, а продолжали сидеть в окопах»*[37]. *«Все солдаты начинают роптать и между собой поговаривают не очень хорошо относительно начальства. Не знаю, что будет, а хорошего мало»*[38]. Недовольство офицерским составом, деятельностью тыловых служб, неудовлетворительное снабжение армии обмундированием и питанием, неудачи на фронте приводили к озлобленности солдат, поиску внутреннего врага, усиливали их готовность к открытым выступлениям против тех, кого считали виновником неудач русской армии.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Сенявская Е. С.** Человек на войне : историко-психол. очерки. М., 1997 ; **Поршнева О. С.** Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — 1918). Екатеринбург, 2000 ; **Асташов А. Б.** Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечеств. история. 2003. № 2. С. 72 — 86.

[2] ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. Д. 8. Л. 170.
[6] Там же. Л. 206 — 206 об.
[7] Там же. Д. 2. Л. 62 об.
[8] Там же. Д. 8. Л. 44 об.
[9] Там же. Д. 2. Л. 684.
[10] Там же. Д. 8. Л. 66 об. — 67.
[11] Там же. Л. 11.
[12] Там же. Л. 42.
[13] См. например: **Асташов А. Б.** Указ. соч. С. 79 — 80.
[14] ГАПО. Д. 2. Л. 341 — 341 об.
[15] Там же. Д. 8. Л. 93 об. ; Д. 2. Л. 212 об — 213.
[16] Там же. Д. 2. Л. 274 об.
[17] Там же. Л. 455.
[18] Там же. Л. 456.
[19] Там же. Л. 437 об.
[20] Там же. Л. 468 об.
[21] Там же.
[22] Там же. Л. 415 об.
[23] Там же. Л. 467 об.
[24] Там же. Л. 737 об.
[25] Там же. Л. 685 об. — 686.
[26] Там же. Л. 135.
[27] Там же. Д. 8. Л. 184.
[28] Там же. Л. 88 — 88 об.
[29] Там же. Д. 2. Л. 453.
[30] Там же. Д. 2. Л. 75 об.
[31] Там же. Л. 384 об.
[32] Там же. Л. 437.
[33] Там же. Л. 195 — 195 об.
[34] Там же. Л. 453.
[35] Там же. Л. 731.
[36] Там же. Д. 8. Л. 14.
[37] Там же. Д. 2. Л. 294 об.
[38] Там же. Л. 336.

И. Б. Ниманов

СОДЕРЖАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПОВОЛЖЬЕ

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., впервые так резко обозначила проблему военного плена. Ведущие капиталистические державы, участвовавшие в войне, оказались не готовы к принятию и размещению на своих территориях огромной массы военнопленных.

Плен в годы войны стал проявлением стихийного протеста против дальнейшего бесцельного уничтожения народов. Солдаты предпочитали сдаться в плен вместо того, чтобы быть убитыми на полях сражений. Уже в 1914 г. австрийское командование донесло императору о массовой измене чехов, сербов, итальянцев и эльзас-лотарингцев и их переходе к противнику целыми полками[1]. В одном из писем с фронта в Пензу в марте 1915 г. сообщалось: «Многие австрийские солдаты просили, чтобы лучше подобру брали их в плен, а они будут сдаваться»[2]. Русское командование агитировало вражеских солдат переходить на их сторону. «У нас в плену 700 000 австрийцев, 300 000 германцев и 100 000 турок, и все они веселы и довольны жизнью у нас, пищей и обращением», — говорилось в одной из прокламаций летом 1913 г.[3] Однако военнопленных в России ожидали значительные трудности. Они исходили, с одной стороны, из особенностей России: значительная территория и связанные с этим перевозки военнопленных на огромные расстояния, суровость русского климата и т. д.; с другой — отношение русского правительства к военнопленным и неоднозначное отношение к ним со стороны населения.

Установить точное число иностранных военнопленных на территории России трудно. Авторы работ по военному плену, используя разные источники, приводят достаточно противоречивые цифры о количестве военнопленных (от 1,9 млн до 2,4 млн чел.).

Подсчетом числа военнопленных занимались различные государственные и военные ведомства России, центральных держав, а также Международное общество Красного Креста. В связи с этим можно выделить три группы источников, содержащих данные о количестве находившихся в русском плену неприятельских солдат и офицеров.

Согласно постановлениям Гаагских конвенций, военнопленные должны были подлежать точной регистрации. В России этот пункт не всегда соблюдался. Военные учреждения, на которые была возложена обязанность регистрировать военнопленных, часто отказывались от составления списков военнопленных и от отправки соответствующих сведений в Центральное справочное бюро. В связи с этим партии военнопленных направлялись в лагеря без именных списков. Регистрация на местах затруднялась из-за отсутствия людей, знавших иностранные языки. Военнопленные в одном лагере надолго не задерживались. Часто их перемещали из лагеря в лагерь, что также затрудняло их точный учет.

Согласно Положению о военнопленных от 7(20) октября 1914 г., учет военнопленных проводился Центральным справочным бюро[4]. Оно получало от военных властей и других правительственных и общественных установлений необходимые сведения относительно водворения, перемещения, обмена, побега, поступления в госпитали и смерти военнопленных. Все это заносилось на именные регистрационные карточки. Отсутствие четкой регистрации ставило военнопленных в затруднительное положение.

Учет военнопленных проводили также Главный штаб, Штаб Московского военного округа и Центральный комитет по делам военнопленных Российского общества Красного Креста. В материалах последней организации зарегистрированы 1 782 966 чел. военнопленных. Однако эта цифра не может быть признана точной, так как этот комитет не учитывал некоторые группы военнопленных[5].

В сборнике «Россия в мировой войне (1914 — 1918 гг.) в цифрах» приведены данные Главного управления Генерального штаба — 1 961 333 чел. Эти данные ограничивались периодом до 1 сентября 1917 г. Они базировались на уже готовых сведениях, которые не проверялись и не уточнялись[6].

Согласно декрету СНК РСФСР от 24 апреля 1918 г., была создана Центральная коллегия по делам пленных и беженцев — Центропленбеж. В распоряжение справочно-статистического отдела коллегии поступали все материалы российских органов, занимавшихся учетом военнопленных. Однако и данные Центропленбежа в исторических изданиях расходятся. Авторы сборника «Интернационалисты», ссылаясь на книгу Н. Жданова, привели следующую цифру — 2 328 540 чел[7].

Однако Н. Жданов говорил о 2 200 000 чел[8]. При этом автор опирался на протокол заседания Научно-исторической комиссии от 27 января 1920 г., хотя 6 августа 1919 г. данная комиссия определяла, что действительное число военнопленных равнялось 2 400 000 чел[9]. Н. Жданов учитывал и картотеки Центрального справочного бюро и Штаба Московского военного округа. Однако в справочно-статистическом отделе имелась и картотека на 116 500 карточек по переписи Главного управления Генерального штаба[10]. Авторы работ по военнопленным ссылаются на данные, приводимые в работе Н. Жданова, не проверяя их. Там имеются некоторые ошибки о количестве вложенных карточек. На 1 октября 1920 г. картотека Центрального справочного бюро насчитывала 2 130 529 карточек[11]. Если учитывать 7,5 % дубликатов, то число оригинальных карточек картотеки составило 1 970 739 (вместо 1 950 113 — у Н. Жданова)[12]. Таким образом, общее число военнопленных увеличилось более чем на 20 000 чел. и составило 2 349 076 чел. Здесь необходимо иметь в виду тот факт, что количество карточек постоянно изменялось.

По документам и публикациям правительственных и военных учреждений центральных держав с августа 1914 г. по октябрь 1918 г. в русском плену находились 2 111 101 чел. австро-венгерской армии,

177 104 — германской и 1 473 чел. — болгарской армии (по другим данным — 1 633 чел)[13].

Многие авторы ссылаются на сведения, содержащиеся в материалах Международного общества Красного Креста, и опубликованные в книге сотрудницы одной из его миссий Э. Брендстрем. Согласно этим данным, в русском плену находились 2 342 378 чел., из них 187 082 — германской армии, 2 104 146 — австро-венгерской, 50 950 — турецкой и 200 чел. — болгарской армии[14] . Эти данные составители сборника «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции» считают не полными и приводят другую цифру — около 2 500 000 чел.[15]

Таким образом, число военнопленных в России составляло от 2 200 000 до 2 234 850 чел. Многие авторы не приводят точного числа иностранных военнопленных по объективным причинам, поэтому ограничиваются определенными числовыми промежутками[16].

Военнопленные в России были размещены в 410 лагерях[17]. Большое количество пленных было сосредоточено в поволжских губерниях, которые входили в состав Казанского и Московского военных округов. По данным Генерального штаба, из 285 376 военнопленных, состоявших в Казанском военном округе, 259 162 чел. находились на сельскохозяйственных работах; в Московском военном округе из 252 081 военнопленного на сельскохозяйственных работах были 216 269 чел.[18]

Пленные находились в распоряжении уездных воинских начальников. 17 марта 1915 г. они были переведены в ведение земств, а при работах на частных предприятиях подчинены надзору фабричных инспекторов. В январе 1916 г. в Алатыре размещались 1 320 военнопленных, Саранске — 900, Ардатове — 751, Буинске — 843, Тетюшах — 645, в Чебоксарах — 425 чел.[19]

Военное командование требовало от местных властей «безусловной необходимости размещения военнопленных исключительно казарменным порядком, с установлением строжайшего за пленными надзора»[20].

Уездные центры Поволжья к концу 1915 г. были переполнены военнопленными. Остро стал ощущаться недостаток помещений для их размещения. 25 октября 1915 г. командующий Казанского округа телеграфировал: «Вследствие переполнения Казанского округа пленными, прошу о прекращении их отправки в округ»[21]. Однако поток военнопленных в округ продолжался.

В сельские хозяйства требовались новые партии военнопленных. Их использовали там в качестве дешевой рабочей силы. В газете «Тамбовский край» с нескрываемой радостью писали, что русская армия «сделала весьма приятный сюрприз и специально для сельских хозяйств», пленя 266 тыс. австрийцев, «и отрадно, что этот беспрерывный поток серо-синих австрийских мундиров уже растекается бесчисленными ручьями по многочисленным сельскохозяйственным экономиям и усадьбам»[22].

В Поволжье, как и во всей стране, из-за такого переполнения сложилась угроза распространения эпидемий. Осматривавшие лагеря военнопленных в России осенью 1915 и зимой 1916 г. Тормейер и Феррьер, представители Женевского Международного общества Красного Креста, отмечали: «Внутри России военнопленные первоначально водворялись в казармах, освобождавшихся вследствие перевода войск на театр военных действий. Затем стали приспосабливать для размещения военнопленных различные здания (Столыпинский институт в Самаре и т. п.). Когда же приток военнопленных сделался значительным, для них стали устраивать специальные лагерные помещения.

Обычно лагеря военнопленных устраивались по барачной системе. Бараки имели в среднем около 20 сажен в длину, 6 сажен в ширину и 2 сажени в высоту и были рассчитаны на 250 — 300 военнопленных. В некоторых местах помещения для военнопленных устраивались и в виде землянок, мало пригодных для жилья в сырую погоду года. Внутри бараков устанавливались сплошные двухэтажные (а иногда и трехэтажные) нары вдоль стен с широким проходом посередине барака. Места для лежания на нарах ничем не разделялись, но фактически обычно каждому военнопленному отводилось место шириною около одного аршина. Никаких постельных принадлежностей пленным не полагалось»[23]. «Русский солдат спит на жестком. Пленные часто жаловались на этот суровый обычай, к которому они с трудом привыкли. В этом деле были испробованы разнообразные улучшения. В некоторых лагерях дали солому. Через несколько дней этот материал, обламываясь и стираясь, обращался в пыль, которая, проникая в рот и нос спящих, делалась очагом заболеваний. Часть соломы, падая на пол, образовывала на нем все увеличивающийся слой подстилки, при котором не достигла цели никакая чистка помещения.

На койку люди ложатся одетые. Имеющие верхнее платье покрываются им; не имеющие — обходятся без прикрытия. Вопрос об одеялах — один из тех, который вызвал наиболее жалоб. Его обсуждали, но не пришли ни к какому результату. Русскому солдату одеяло не дается. Он укрывается ночью своей шинелью. Правительство не считает себя обязанным доставлять военнопленным то, чего не полагается в его собственных войсках. И все-таки в этих-то одеялах всего более нуждаются пленные»[24].

Аналогичное положение было во многих лагерях Российской империи. В начале июня 1916 г. член Особого комитета помощи военнопленным Батюшков посетил лагерь военнопленных в г. Ардатове Симбирской губернии. В отчете он отмечал: «42 человека офицеров содержатся в 2-этажном доме. Слишком тесен для такого количества офицеров. Вентиляция недостаточна, а со времени побега 2 офицеров запрещено открывать окна»[25]. «На станции Балашейка МКЖД 40 человек военнопленных находились в очень тесном помещении с одним окном, спали на двухэтажных нарах и на полу под нарами, пища готовилась в одном небольшом котле, на всех не хватало. К чаю сахару или чего-то другого не выдавалось, чашек, ложек и столов не имелось. Военноплен-

ные предъявляли претензии о недостатке пищи, обмундировании и помещения. Среди военнопленных были агрономы, юристы, учителя, студенты, охотники, один артист и чиновники банков — все чехи»[26].

12 августа 1916 г. для осмотра германских и австрийских военнопленных в г. Симбирск прибыла делегация в составе статского советника А. С. Романовского, представителя от Дании В. Л. Штейна, германской сестры милосердия Э. Фон-Пассов и представителя от Штаба Казанского военного округа прапорщика Б. А. Ритчера. За время пребывания делегация осмотрела военнопленных в ряде мест. В доме Волкова, где помещали 12 чел., обслуживавших городские фонари, было замечено, что нижние чины не имели спального белья, почему делегация передала деньги в городскую управу на покупку одеял[27]. В городском доме, где помещались 66 чел., обслуживавших городской водопровод и городские улицы, было замечено отсутствие рукомойников[28]. При посещении 92-го эвакуационного военного госпиталя было обращено внимание на то, что он переполнен больными, и что заразные больные не отделены от прочих[29]. При посещении нижних чинов карцер оказался очень тесным, в котором, по словам делегатов, можно только стоять и сидеть[30]. Примерный план лагеря для военнопленных представлен в таблице.

Таблица

План Новоспасского лагеря в Симбирской губернии

Название помещения	Размер площади	Количество ламп		
		3-линейные	5-линейные	9-линейные
1	2	3	4	5
Бараки № 1 — 7, 11	15 — 5,25 саж.		48	
Умывальная комната	6 — 3 арш.		8	
Комната фельфебеля	3 — 3 арш.	8		
Барак № 10	5 — 5,25 саж.		4	
Помещение для санитарной команды	5 — 5,25 саж.		4	
Амбулатория	3 — 3 саж.		2	
Аптека	2 — 2 саж.		2	
Канцелярия	2 — 1 саж.			2
Помещение аптекаря	2 — 1 саж.		1	
Две комнаты фельдшеров	1 — 1 саж.		2	
Ванная	1 — 1 саж.		1	
Кухня лагеря	1,5 — 1,5 саж.		1	
Барак № 8. Лазарет	15 — 5 саж.		8	
Комната врача	2 — 1 саж.		1	
Комната санитаров	2 — 1 саж.		1	
Ванная	2 — 1 саж.		1	
Отхожее место	1,5 — 1,5 саж.	1		
Барак № 9 для военнопленных офицеров	10 — 5,25 саж.		6	
Комната старших офицеров	1 — 1 саж.		1	

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Буфет	2 — 2 саж.		1	
Комната денщиков	3,2 — 2 саж.		2	
Отхожее место	3 — 1 саж.	2		
Умывальня	2 — 2 саж.		1	
Кухня	3 — 3 саж.		2	
Верхняя баня	4 — 6 саж.		4	
Прачечная	2 — 6 саж.		2	
Нижняя баня	4 — 6 саж.		4	
Прачечная	2 — 6 саж.		2	
Новая хлебопекарня	5 — 5 саж.		4	
Старая хлебопекарня	6 — 3 саж.		3	
Кухня	10 — 5 саж.		7	
Обозное помещение	3 — 2 саж.		2	
Конюшня	15 — 6 саж.	4		
Караульное помещение	4 — 3 саж.		2	
Наружное отхожее место	6 — 3 саж.	4		
Наружное отхожее место	6 — 3 саж.	4		
Канцелярия	4 — 3 саж.		1	4
При ней помещений — 5	4 — 3 саж.		5	
2 отхожих места		2		
Помещение начальника лагеря — 6 комнат	6 — 6 саж.		6	
Отхожее место		1		
Помещение зав. охраной и заведования военнопленными	10 — 5 саж.		8	
2 отхожих места		2		
Помещение лагерного врача	4 — 3 саж.		4	
Помещение зав. хозяйством лагеря и зав. канцелярией 2 отхожих места	8 — 8 саж.	2	8	

Составлена по: ГАУО. Ф. Р-3080. Оп. 1. Д. 1 Л. 8 — 9.

На апрель 1918 г. в этом лагере насчитывались 1 597 военнопленных[31].

24 июня 1916 г. вышел приказ командующего Казанским военным округом № 753 «Правила содержания военнопленных нижних чинов в пунктах водворения округа». Он состоял из 10 разделов и 148 статей. В правилах предлагалось строгое разделение военнопленных по национальности. Первую группу составляли славяне, вторую — немцы, венгры, турки и евреи. Славяне должны были содержаться в лучших условиях. По числу военнопленных полагались соломенные матрацы. Все надписи и списки были на русском языке. Военнопленные нижних чинов гуляли под строгой охраной. Общение военнопленных нижних чинов с офицерами не допускалось. В город пленные не выходили,

2 раза в месяц мылись в бане. Для поддержания чистоты в казармах на 300 чел. предлагалось тратить более 1, 5 коп. и менее 1 коп. на 1 чел. в месяц[32].

Один из крупных лагерей военнопленных в Европейской России располагался в с. Тоцк Бузулукского уезда Самарской губернии. В начале 1915 г. в 45 бараках насчитывалось около 17 000 чел. «Бараки, составляющие лагерь в Тоцком, построены из дерева. В каждом из них, по вычислению, должно помещаться до 600 чел. Внутри бараков нет никакой обстановки, кроме нар в 3 яруса вдоль стен, на которых спят военнопленные. Нет ни тюфяков, ни соломы, ни подушек, ни одеял. Вследствие этого военнопленные страдают от того, что им приходится лежать на твердых досках, а главным образом от того, что они не могут раздеться на ночь и вынуждены оставаться в платьях. Как ни неправдоподобно это звучит, но факт остается фактом, что военнопленные, которые до сих пор каким-то чудом ушли от смерти, за все время своего пребывания в Тоцком, т. е. от марта 1915 г., еще ни разу не раздевались. Лишнее распространяться, в какой степени это обстоятельство благоприятствует появлению и развитию эпидемий, в особенности, если принять во внимание, что военнопленные и больные имеют только то белье, которое носят на себе. Военнопленные все без исключения покрыты вшами, этими общепризнанными распространителями инфекционных болезней.

Бараки освещаются керосином. Это антисанитарно и сопряжено с опасностью пожара. Не понятно, почему употребляется керосин для освещения бараков, когда в лагере имеется электрическая станция, но электричество проведено только в канцелярию и помещение русских офицеров и врачей.

Клозеты, хотя неудовлетворительно и примитивно устроенные, имеются почти во всем лагере (один на два барака), и нет их по какой-то странной случайности в бараках, которые предназначены для помещения больных.

В лагере находятся два колодца, из которых один почти всегда испорчен, из другого же воды еле-еле хватает для кухонных надобностей. Вследствие этого пленные пили летом воду из Самарки, зимою утоляют жажду, глотая снег.

Осенью 1915 г. в каждом бараке установили по четыре печки, но этих печек, не исключая и бараков для больных, ни одного раза не топили в течение всей зимы, хотя временами морозы доходили до — 30° С. Но и при меньших морозах и из-за сильных ветров холод в бараках прямо невыносимый. Вода в бараках замерзает, замерзают чернила в будке, построенной для санитарной службы, но, несмотря на это, помещение не отапливается. Вследствие низкой температуры все чаще и чаше повторяются случаи отморожения конечностей у пленных, и все чаще и чаще наступает гангрена»[33].

Отдельные столовые устраивались не во всех лагерях. Во многих из них военнопленные получали пищу в бараках и потребляли ее, сидя на нарах.

Положение здоровых военнопленных было в отдельных лагерях катастрофическим, но положение больных в эпидемических бараках было еще хуже. В Тоцком лагере пищу пленные приносили из кухни сами. Они отправлялись за ней, и каждый приносил порцию для себя и четырех товарищей в одном сосуде. В бараках для больных никто не следил за тем, чтобы больные регулярно питались. «Эти бараки считаются убежищем смерти, некому заботиться о попавших туда, и повторяется сплошь и рядом, что больные, истощенные болезнью, умирают от голода. Бывает, что 2 — 3 дня они не получают совершенно пищи и готовы руки целовать за кусок черного хлеба. Кроме того, в бараках для здоровых, имея деньги, он может получить сверх своего пайка что-нибудь съедобное, в бараках для больных у него этой возможности нет»[34]. Военнопленные часто болели воспалением легких, плевритом, бронхитом и другими формами заболеваний дыхательных путей. Только с декабря 1915 г. в Тоцком лагере разделили больных по заболеваниям.

Смертность в Тоцком лагере была крайне высокой. «Приблизительно можно сказать, что до конца октября 1915 г. умирало средним числом ежедневно по 80 человек и, таким образом, с апреля до конца октября, т. е. за 7 месяцев, умерло около 6 000 чел. Что же касается трех месяцев: ноября и декабря 1915 г. и января 1916 г., то среднее число смертных случаев поднялось до 120 ежедневно, так что число умерших за эти месяцы составляет 11 000, а всего вместе было 17 000 случаев смерти. Число это на первый взгляд кажется нам невероятным и не имеющим объяснения, если даже примем во внимание, что почти все пленные подвергаются сыпному тифу, и что процент смертности представляет 40. Сначала мы сказали, что в Тоцком поместили около 17 000 здоровых пленных, а если из этого числа умерло 17 000, то, собственно, в Тоцком не должно быть ни одного пленного. Однако там еще находится до 10 000 здоровых и больных. Как объяснить это противоречие? Если верить слухам, то объяснение этой загадки не менее страшно, чем все то, что мы до сих пор слышали о Тоцком. Молва гласит, что еще до ноября 1915 г. направляли в Тоцкое свежие транспорты пленных, приговоренных, таким образом, к смерти, как их предшественники. С уходом Туберозова условия в Тоцком несколько изменились к лучшему. Выстроили 16 лазаретов по 50 коек в каждом, поставили в них печи, устроили ванную комнату, клозеты, ввели некоторую чистоту в палатах, а больные (возможно, что и здоровые) получили смену белья»[35].

В августе 1917 г. Временное правительство вынуждено было провести специальное расследование причин и последствий эпидемии тифа в Тоцком лагере. В связи с этим открылись некоторые обстоятельства этой трагедии. Комиссия установила, что столь длительная эпидемия (почти 1 год) была связана с крайне неудовлетворительными санитарными условиями, недостатком питания и одежды, перегруженности бараков. За год в лагере умерло почти до 8 000 чел. Министерство иностранных дел с тревогой писало в Главное управление Генерального штаба о том, что в свидетельствах о смерти военнопленных

«в подавляющем большинстве случаев отмечается брюшной и сыпной тиф». Подобное медицинское заключение могло вызвать международный скандал по поводу несоблюдения санитарных норм. В связи с этим начальник Генерального штаба 3 сентября 1915 г. отдал распоряжение, чтобы впредь в свидетельствах «приводились причины смерти без указания на тиф, а просто на желудочные заболевания с обозначением их колитом и энтеритом»[36]. Лишь категорический протест рядовых русских врачей, приложивших героические усилия для ликвидации эпидемии, заставил военное ведомство в феврале 1916 г. отменить это распоряжение.

Такое положение дел было не только в Тоцком, но и в других лагерях для военнопленных. Из-за переполненности бараков военнопленные страдали от насекомых: «Нет ничего труднее, как уничтожить насекомых в бараках, раз они в нем заведутся. Пленные от них очень страдают. И в этом отношении особенно достойны сожаления те, которые у себя дома привыкли к образцовой чистоте. То, что для большинства является лишь неудобством, неприятностью, обращается в настоящую пытку для только что указанного меньшинства»[37]. Во время эпидемий смертность среди военнопленных увеличилась. И. Шнейдер отмечал, что в годы войны от эпидемий полностью вымерло 52 лагеря[38].

В сборнике «Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции» приводились сведения, что в 1915 г. эпидемии вспыхнули в 40 лагерях, в 1916 — в 25, а в 1917 г. — в 33[39]. Зимой 1916 г. только в Ардатовском лагере от эпидемий погибло 200 чел. из 600[40].

Часто эпидемии в лагерях возникали по вине начальства. Симбирский губернатор вынужден был доложить о злоупотреблениях воинского уездного начальника полковника Вищинского по отношению к размещенным в Ардатове военнопленным, так как среди них развился сыпной тиф, перешедший и на население города. «Прибывшие осенью 1915 г. военнопленные были оборваны, некоторые были без шинелей в лаптях, без портянок. При прибытии пленных был делопроизводитель воинского начальника, и пленные обратились к нему с просьбой, чтобы им готовили обед, говоря: „Мы вторые сутки ничего не ели“. Делопроизводитель ответил им, что о прибытии их не был осведомлен, почему для них не был приготовлен обед. Военнопленные размещались в Ардатове в школах во время сильных морозов, были без шинелей, и у некоторых даже одеял не было, и они ходили в лаптях на босу ногу, пищу выдавали половинную часть... Некоторые конвойные обращаются с пленными хуже, чем с собакой, бьют их прикладами, и если к пленным приставлен снисходительный конвой, то воинский начальник убирает его. В виду голода пленные по ночам просят конвойных выйти из помещения и ходить по городу и просить милостыню, их отпускали, и пленные ходили по городу и собирали по городским жителям. Бывали случаи, что пленные приходили в некоторые дворы и из помойной ямы выбирали картофельную скорлупу и ели, сосали от мяса грязные кости. Кроме того, прибывшие в октябре 1915 г.

в сильные морозы были помещены в нежилой амбар купца Шмелева. Не имея обогрева, пленные, как дети, ревели от холода, не давая ночью покоя ближайшим жителям»[41].

Несколько австрийских пленных делали для нового дома воинского начальника оконные рамы, шкафы, двери и мебель, выкрасили два его дома снаружи и внутри, и за все лето за эту работу он заплатил пленным по 9 коп. каждому на чай, а в выкрашенные дома поместил 90 пленных офицеров, и с каждого офицера брал за квартиру по 12 руб. в месяц и высчитывал из получаемого ими жалованья за дрова и освещение[42]. Помещения Управления воинского начальника, где помещалась часть нижних чинов военнопленных, до того имели жалкий вид, «что пленные падали с нар, и вшей было до того так много, что ими был усыпан весь пол и нары, отчего и получилась зараза сыпным тифом»[43]. Больные сыпным и брюшным тифом были размещены в центре города около базара. Закрыли мужскую и женскую гимназии, городское и высшее начальное училища. Среди жителей Ардатова была паника[44].

Однако обращение губернатора не возымело действия, и А. С. Ключарев вынужден был обратиться вторично по поводу «печальной картины содержания ардатовским воинским начальником военнопленных и появлением среди них и населения сыпного тифа. Сыпной тиф занесен в Алатырский, Ардтовский, Буинский уезды. Среди пленных, присылаемых из Алатыря в Буинск, 1 — больной натуральной оспой и 2 — брюшным тифом, что указывает на отправку этой партии без предохранительных прививок. Истинное положение дел в местах водворения военнопленных служит постоянной угрозой санитарному благополучию населения»[45].

2 июля 1916 г. из Главного управления Генерального штаба на имя командующего войсками Казанского военного округа поступила телеграмма «О неудовлетворительной постановке как санитарной, так и продовольственной частей содержания военнопленных». «Теснота размещения, неприспособленность самих помещений для жилья. С другой стороны, по-видимому, существуют злоупотребления низших начальствующих в лагерях чинов в отношении продовольствия военнопленных»[46].

В Симбирском лагере в мае — июне 1918 г. состояло от 1 330 до 1 720 военнопленных. Для удовлетворения потребностей военнопленных из их числа в качестве пекарей работали 26 чел., кашеваров — 6, жарщик кофе — 1; 22 чел. обслуживали обоз и еще 17 чел. работали разнорабочими[47]. В зависимости от должности военнопленные получали жалованье от 20 до 40 руб.

Неслучайно главное Управление Генерального штаба направило циркуляр командующему Казанского военного округа с просьбой «принять самые энергичные меры к сбережению этого ценного рабочего материала от эпидемических заболеваний»[48]. Опасность эпидемических заболеваний среди военнопленных создавалась еще и потому, что многие из них заболевали во время транспортировки. В газете «Пензенские губернские ведомости» писали, что «в течение нескольких дней

мимо Пензы прошло много поездов с пленными турками, имеющими жалкий вид», среди которых очень большая смертность[49]. В начале января 1915 г. из Пензы в Алатырь были отправлены военнопленные турки, около 50 чел. из них умерло в пути. В Алатырь в ночь на 10 января прибыли 399 чел. Все они были крайне истощены и большинство из них больные. За пять дней от сыпного тифа и дизентерии скончались 28 чел., а с 15 по 18 января от тифа умерли еще 17 военнопленных[50]. К началу февраля 1915 г. из 399 чел. турецких военнопленных умерли еще 160 чел. Кроме того, 89 чел. находились в таком состоянии, что из-за болезни и слабости не могли быть отправлены из города[51].

В январе 1915 г. в Сызрани находились 537 больных пленных турок[52].

Из Тамбовской губернии в начале 1915 г. передавали следующее: «На станциях железной дороги, находящихся в пределах Тамбовской губернии, за последнее время было снято с поездов более 50 трупов (на почве перемены климата и крайнего истощения за время пребывания в турецкой армии)[53].

В ноябре в г. Ардатове вновь вспыхнула эпидемия сыпного тифа. «Среди австрийских военнопленных, расположенных в г. Ардатове, в текущем месяце распространилась эпидемия сыпного тифа. Заболело около 200 человек, из них 60 человек умерло. Умер и врач Иванов. Ардатовский уездный воинский начальник полковник Вищинский старался скрывать об эпидемии среди пленных и число умерших»[54].

В газете «Pester Lloyd» в 1916 г. была опубликована статья об отношении российских чиновников к военнопленным: «Семьсот пленных турок были забыты в поезде, который вез их в Пензу. До прихода в Пензу этот поезд находился двенадцать дней, и никто не позаботился об этих семистах пленных. В Пензе семьсот трупов отравляли воздух, но вагоны не открывали, пока не пришло разрешение из Петрограда. Когда их открыли, пришлось убрать семьсот уже разложившихся трупов. Итак, семьсот человек погибли вследствие забывчивости русского чиновника. В этом сказывается вся беспросветная русская система»[55].

Таким образом, перед местными властями стояла сложная задача — создание определенных условий для сохранения рабочей силы, нужда в которой, по мере того как затягивалась война, все более обострялась.

Первая мировая война впервые так остро обозначила проблему военнопленных как экономического фактора, призванного помочь воевавшим странам решить трудности в связи с непрерывным оттоком трудоспособного мужского населения.

В России значительная часть трудоспособного мужского населения была призвана в вооруженные силы, а другая — была привлечена к работам на непосредственные нужды войны. Из 1 000 трудоспособных мужчин 474 чел. были призваны в армию. Из каждых 100 хозяйств на войну было взято 60 мужчин[56]. На смену мобилизованным приходили женщины, дети и старики, т. е. наиболее неквалифицированные кадры, вынужденные в условиях военного времени решать несвойствен-

ные для них проблемы обеспечения страны и армии необходимыми продуктами и товарами повседневного спроса. В этих условиях роль военного плена как экономической составляющей неизмеримо возрастала в каждой из воевавших стран. Ранее других это осознала Германия, которая на другой же день после объявления войны приступила к осуществлению государственной регламентации производства и потребления и к проведению в жизнь начал трудовой повинности населения. С течением времени, когда война приняла затяжной характер, это стало очевидным и для России. Оказавшиеся в стране огромные массы военнопленных, состоявшие в большинстве своем из крестьян и рабочих, привыкших к производительному труду, естественно, были привлечены в качестве дешевой рабочей силы.

Постановления Гаагской конвенции о том, чтобы работы военнопленных не были для них обременительными, не соблюдались ни в одном из воевавших государств[57].

Военнопленные работали в разгрузочных командах, в подземных копях и рудниках. Они привлекались к труду по устройству шоссейных и железных дорог. Сотни тысяч военнопленных были направлены на сельскохозяйственные работы, имевшие во время войны главное значение для удовлетворения потребностей российской армии, другие — на фабрики и заводы или на другие тяжелые физические работы. Насколько важна была рабочая сила военнопленных, свидетельствовал тот факт, что, несмотря на прекращение войны с Россией, трудоспособные русские военнопленные задерживались в Германии в течение целого года, до победы германской революции, и наоборот, германские пленные задерживались союзниками в течение продолжительного времени после окончания войны.

В условиях возраставшего значения военнопленных как экономического фактора фактически не могло быть осуществлено и постановление Гаагской конвенции о том, чтобы работы военнопленных не имели никакого отношения к военным действиям[58].

Однако неумолимо царившая над всеми сферами государственной и экономической жизни народов мира военная необходимость властно принуждала воевавшие страны к широкому применению труда военнопленных, в том числе к работам военного характера.

В России труд военнопленных широко был использован и на военных заводах, и на работах по укреплению фронта. На происходивших во время войны международных конференциях представители враждебных стран, обычно выдвигавшие друг против друга многочисленные обвинения в разнообразных нарушениях международно-правовых постановлений об условиях содержания военнопленных, вопрос о привлечении военнопленных на военные работы обходили стороной, несмотря на то, что у каждого из них, несомненно, имелись по этому вопросу бесспорные доказательства виновности противоположной стороны. Это может быть объяснено только тем, что воевавшие государства в равной мере использовали труд военнопленных для военных целей, и вследствие этого как бы «молчаливым» соглашением между

собой и внутренними законодательными актами отменили на время Первой мировой войны действие международно-правовых норм, запрещавших привлекать пленных к военным работам, и тем самым унижать их чувства долга по отношению к родной стране.

В первые годы войны враждовавшие страны, в том числе и Россия, ставили вопрос о необходимости разгрузки переполненных лагерей военнопленных и использования их на сельскохозяйственных и промышленных работах.

Как и по всей стране, в Поволжье экономический фактор оказал влияние на широкое применение военнопленных в качестве рабочей силы. Они работали на сельскохозяйственных, лесных, промышленных, железнодорожных работах.

По данным Генерального штаба, из 285 376 военнопленных, состоявших в Казанском военном округе, 259 162 чел. находились на сельскохозяйственных работах; в Московском военном округе из 252 081 чел. на сельскохозяйственных работах были заняты 216 269 военнопленных[59].

Наибольшие тяготы в результате сокращения рабочих рук выпали на сельское хозяйство. К весне 1915 г. из Нижегородской губернии было мобилизовано от 48,1 % всех трудоспособных мужчин, из Пензенской — 45,8 %[60].

От мобилизации больше страдали бедняцкие хозяйства. В Инсарском, Краснослободском и Саранском уездах в результате мобилизации в армию без рабочих рук осталось 79,2 % хозяйств бедняков, 15,8 — середняков и только 5,4 % — кулаков[61].

Полевые работы весной 1915 г. в Среднем Поволжье проходили в очень сложных условиях, когда в деревне практически не осталось трудоспособных мужчин. «Пашня была тяжелой. В рабочих людях недостаток. Впервые начали пахать женщины, а старики только рассевали. Цены на землю сильно упали. Цена на работу повысилась», — сообщалось из Зыковской волости Саранского уезда[62]. В таких условиях применение труда военнопленных стало для землевладельцев жизненно необходимой потребностью. Помещики и зажиточная часть деревни видели в этом выход. Во-первых, это было решение вопроса об обеспечении сельскохозяйственной экономики рабочими руками, во-вторых, военнопленный обходился хозяевам в несколько раз дешевле, чем найм рабочей силы. В 1915 г. плата за труд военнопленных составляла 3 руб. в месяц, с 15 июня — 5 руб. в месяц в 25 рабочих дней. Суточное содержание было следующее: 3 фунта черного хлеба, $^1/_2$ фунта мяса, $^1/_2$ фунта крупы и пшена и прочего привара на 5 коп. в день[63]. Такие цены держались и в 1916 г. Хозяева стремились даже к снижению расценок и уменьшению продовольственного довольствия. В то время как военнопленный обходился хозяевам в 3 — 5 руб. в месяц, цены на рабочие руки летом 1916 г. в Алатыре составляли: косец — 4 руб. 50 коп. в день, женщина с граблями 70 — 90 коп[64]. Это была открытая эксплуатация дешевого труда военнопленных. Осознав выгоду, сельские хозяева шире применяли труд военнопленных. «Вскоре миллионы беженцев, военнопленных и даже рабочие из

Китая и Кореи стали источником дешевого труда»[65]. Отношение крестьянского населения к труду военнопленных было неоднозначное. В газете «Волжские вести» в феврале 1915 г. отмечалось следующее: «Для землевладельцев единственный выход заключается в привлечении труда военнопленных. Что касается крестьянского населения, то оно подходит к вопросу о привлечении труда пленных весьма осторожно и даже с опаской»[66].

На 25 августа 1916 г. на полевых работах в Тамбовской губернии из 4 480 военнопленных в крестьянских хозяйствах работали 520 чел., в частновладельческих — до 200 дес. земли — 350, от 200 — 1 000 дес. земли — 1 000, свыше 1 000 дес. — 1 800[67]. Из с. Ключарева Инсарского уезда сообщалось: «В имениях окрестных помещиков работают военнопленные, но у нас в селе это как-то не привилось»[68]. В 1916 г. Главное управление Генерального штаба сообщало командующему Казанским военным округом, что «отпуск военнопленных является ныне особо важной государственной задачей»[69]. Русское командование стремилось полнее удовлетворять требования сельских хозяев об увеличении числа военнопленных, отпускаемых на сельскохозяйственные работы. Постепенно дело дошло до того, что даже больные, признанные ранее негодными к использованию на физических работах, переосвидетельствовались и отправлялись па полевые работы. В одной из директив Генерального штаба говорилось: «Прошу отдать распоряжение в том, дабы которые будут неспособны по состоянию здоровья к разным тяжелого характера работам, могут быть, тем не менее, признаны годными для исполнения работ более легких (полевых работ)»[70]. Аналогичные распоряжения исходили от командующего Казанским военным округом: «Ни один военнопленный сколь-нибудь трудоспособный не оставался в лагере без назначения, и все было бы отдано сельским хозяевам. В местах расквартирования оставались лишь те пленные, которые по состоянию своего здоровья, совершенно непригодны ни к какой работе»[71]. Однако и этого числа военнопленных оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить нужды сельского хозяйства и промышленности. По распоряжению Генерального штаба «в случае недостатка пленных на работы могут назначаться пленные интеллигентных профессий и специалисты, но лишь в пределах своих губерний»[72].

Рамки применения труда военнопленных в годы войны были чрезвычайно широки. Вслед за вышедшими в феврале 1915 г. Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы в мае вышли Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств. В поволжских губерниях военнопленные широко использовались на лесных работах, например, в Тамбовской губернии к сентябрю 1916 г. подобные работы выполняли 830 чел.[73] Они работали на самых трудных участках, на тех видах работ, которые неохотно выполняли вольнонаемные рабочие. В 1916 г. Посольство США сообщило Министерству иностранных дел об отчаянном положении гер-

манских и австро-венгерских военнопленных, работавших в лесах в Костромской губернии: «Они вынуждены работать в болоте, нет платья для перемены, когда возвращаются в мокрой одежде, живут в бараках совершенно незащищенных от непогоды, пища очень плохая по качеству и недостаточна для поддержания жизни»[74]. Практически 160 000 военнопленных, работавших на лесных и земляных работах, жили в таких условиях.

В годы войны недостаток рабочих рук остро ощущался и на железных дорогах. Железнодорожное ведомство предприняло много усилий, чтобы получить дешевую рабочую силу, необходимую при выполнении работ по постройке новых и ремонту старых железных дорог. Через поволжский регион проходили важные железнодорожные магистрали: Московско-Казанская, Сызранско-Вяземская, Рязано-Уральская и др., от нормальной эксплуатации которых зависела экономика всей страны, а также своевременная перевозка воинских частей к местам военных действий. Тысячи военнопленных превратились в железнодорожных рабочих, выполнявших самую тяжелую работу за мизерную заработную плату. Военнопленные тщательно охранялись. «При работах военнопленных на самом полотне и вблизи главной магистрали охрана должна быть вверена или воинским чинам, или особой железнодорожной вооруженной страже. Численность стражи — один человек на десять военнопленных», — было записано в журнале Главного комитета по охране железных дорог в марте 1916 г.[75] Для выполнения работ в этой отрасли требовалось, по расчетам министерства, 54 650 чел. военнопленных, помимо тех, которые уже работали. В начале 1916 г. только на Московско-Казанской железной дороге работали 2 512 чел., среди которых: немцев — 200 чел., австрийцев — 2 108, славян — 159, румын — 42, военнопленных турецкой армии (христиан) — 9 чел.[76] Министерство, в свою очередь, определило необходимое число военнопленных для этой железной дороги в 6 500 чел. В Пензенской губернии к началу 1917 г. на участке Сызранско-Вяземской железной дороги трудился 751 военнопленный[77]. Всего на постройке железных дорог и каналов в России были заняты 160 000 военнопленных[78].

Военнопленные привлекались и к выполнению городских и земских работ, за которые не брались вольнонаемные рабочие. Часто в губернских и уездных городах военнопленные использовались на ассенизационных работах. В Пензе городской ассенизационный обоз обслуживался военнопленными австрийцами[79]. Казанская губернская земская управа просила штаб округа для подобных работ дополнительно «150 военнопленных, из коих около 40 должно быть специалистов: кузнецов и бондарей»[80].

Для местных властей оказалось выгодным применение труда военнопленных на строительных работах. «Летом 1915 года руками военнопленных австрийцев в Инсаре земство устроило высокую земляную насыпь-гать, желая поднять дорогу и делать ее не затопляемой»[81]. Предоставленная в распоряжение Симбирского уездного земства партия

военнопленных из 100 чел. (93 румына, 6 венгров и 1 серб) в 1915 г. работала на строительстве шоссе[82]. В Симбирске 300 чел. австрийцев работали на подходах к мосту, 24 июня 1915 г. еще 100 чел. прибыли для выполнения работ по строительству дорог и мостов[83].

В военное время во многих городах, уездных центрах Среднего Поволжья располагались значительные воинские соединения. Военные гарнизоны были переполнены, для размещения военнопленных не хватало помещений. При осмотре запасных пехотных батальонов, расквартированных в г. Саранске, оказалось: «Два батальона, при среднем „наличном“ составе нижних чинов 7 827 человек занимают помещения пехотного полка по мирному положению, т. е. рассчитанные на 2 000 человек. Но число людей в батальонах нередко удваивается, тогда теснота достигает крайних пределов»[84]. Земские и городские управы привлекали военнопленных на строительство помещений для войсковых частей. В апреле 1916 г. Инсарская уездная земская управа просила штаб округа «оставить в Инсаре предложенных к отправке 50 военнопленных. Они крайне необходимы городу для постройки военных бараков»[85]. В Симбирске военнопленные в марте 1915 г. провели водопровод по Полевой улице протяженностью св. 100 саж.[86] В Тамбовской губернии на земских и городских работах на 1 января 1916 г. находились 1 421 чел. военнопленных, почти в 2 раза больше, чем на лесных работах в этой же губернии[87].

Война оказала значительное влияние на состояние промышленности. Особенно сильно страдала экономика Среднего Поволжья, где, главным образом, были сосредоточены мелкие предприятия разных (винокуренная, лесная) отраслей промышленности. В лучшем положении были предприятия, работавшие на оборону. Они располагались в губернских центрах. В Поволжском регионе таких насчитывалось 354: Казанская губерния — 93, Нижегородская — 305, Пензенская — 52, Симбирская — 105, Тамбовская губерния — 108[88]. Промышленность Поволжья страдала, с одной стороны, от различных кризисов, возникавших во время войны, с другой — из-за недостатка рабочих рук. Применение труда военнопленных давало возможность владельцам промышленных предприятий компенсировать отток рабочих рук и снижать заработную плату рабочим по найму. С 1915 г. пленные отпускались на предприятия партиями не менее 25 чел., не более 15 % от общего числа рабочих на предприятиях. «Вознаграждение — на том же основании, что и рабочим, но на руки выдавать не более 20 копеек в день на улучшение пищи»[89]. Правила работы военнопленных на предприятиях не соблюдались. На винокуренном заводе Пукалова в с. Большие Березники Карсунского уезда из 15 рабочих 7 чел. были военнопленные (46,6 %). На Мукомольной мельнице Киселева на ст. Чамзинка Московско-Казанской железной дороги с октября 1916 г. по январь 1917 г. работали 16 чел. рабочих, из них 12 — военнопленные (75,0 %)[90].

Большая партия военнопленных работала на первом цементном заводе близ г. Сенгилея Симбирской губернии. 350 чел. получали

заработную плату — 30 коп. в день (сравнительно хорошая для военнопленных)[91].

На мельнице Арапова из 150 рабочих 50 чел. были военнопленные. Большие партии военнопленных работали на заводах товарищества Попова и К°[92]. Таким образом, использование принудительного труда военнопленных в Среднем Поволжье в годы войны приняло широкий размах во многих отраслях экономики.

Военнопленные являлись самой бесправной категорией рабочих. Отношение к «ценному рабочему материалу» было очень часто бесчеловечным. Мало внимания уделялось местными властями размещению и организации питания военнопленных. Такое содержание военнопленных являлось нарушением международных норм. Во многих местах постоянного размещения военнопленных они были подвергнуты не только постоянному окарауливанию, но и заключению на длительные сроки. В связи с этим свобода военнопленных подвергалась излишним стеснениям. Военные власти на месте стремились к изоляции пленных, не допущению контактов с населением. В Инсаре военнопленные размещались «в казармах сборного пункта при управлении воинского начальника. Казармы эти совершенно изолированы от городских построек и обнесены высоким забором, пленные нижних чинов увольняются со двора только в случае крайней необходимости с ведома уездного воинского начальника и под наблюдением нижних чинов команды при управлении»[93].

Большие нарушения допускались и по части продовольственного довольствия для военнопленных. В Гаагской конвенции отмечалось: «Если между воюющими не заключено особого соглашения, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен» (ст. 8)[94].

Российское военное ведомство несколько раз меняло правила продовольственного снабжения военнопленных. Война требовала в первую очередь снабжения армии. В России не хватало тех или иных продуктов питания. 10 марта 1916 г. Военный совет установил для военнопленных нижних чинов одну постоянную продовольственную дачу в следующем размере: хлеб — 2,5 фунта, крупа — 24 золотника, мясо или рыба — $^1/_4$ фунта, соль — 11 золотников, свежие овощи — 60 золотников, сушеные овощи — 4 золотника, масло или сало — 5 золотников, чай $^1/_2$ золотника, сахар — 6 золотников. При условии довольствия их два раза в неделю обязательно кормили постной пищей[95]. Как правило, пленные получали меньше установленной нормы, а военные власти не могли и не хотели следить за выполнением принятых ими правил. Только в крайних случаях центральное воинское ведомство обращало внимание на злоупотребления на местах в отношении к военнопленным. Летом 1916 г. Главное управление Генерального штаба обратилось с телеграммой к командующему войсками Казанского военного округа «о неудовлетворительной постановке как санитарной, так и продовольственных частей содержания военнопленных», в которой отмечалось, с одной стороны, «теснота

размещения, неприспособленность самих помещений для жилья», с другой — «существующие злоупотребления низших начальствующих в лагерях чинов в отношении продовольствия военнопленных»[96].

Со второй половины 1916 г. продовольственное снабжение военнопленных, находившихся в России, заметно ухудшилось. На страну обрушился продовольственный кризис. Чрезвычайные меры, предпринимаемые правительством, желаемых результатов не принесли. В июле 1916 г. правительство приняло закон о мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов, который разрешал продажу мяса только 3 раза в неделю[97]. Этот закон непосредственно распространился и на военнопленных. Для них разрешалось продавать мясо и мясопродукты 1 раз в неделю по понедельникам — 1,5 фунта на 1 чел., из расчета $^1/_2$ фунта в день 3 раза в неделю[98]. Австрийский военнопленный Павел Кноппе 30 августа 1916 г. писал на родину: «Я не думаю, чтобы другим военнопленным приходилось так худо, как нам в России. Мы должны получать в неделю 14 ф. черного хлеба, 7 ф. белого хлеба, коробку спичек, 3 листа бумаги, 1 ф. сахара. 3 $^1/_2$ ф. мяса, 10 ф. картофеля, $^1/_4$ ф. чая и 30 копеек в день. Сейчас получаем: 1 $^1/_2$ ф. мяса с пятнами и червями, картофеля не получаем, $^3/_4$ ф. сахару, $^1/_2$ ф. чая, прогоркшее масло. Три недели нет белого хлеба»[99]. Правила продовольственного довольствия пленных менялись. В апреле 1915 г. по Московскому военному округу вышло распоряжение, в котором говорилось: «В тех местах, где мясо вздорожало или приобретение его затруднительно, составить новую раскладку довольствия с тем расчетом, чтобы мясо давать им (пленным. — *И. Н.*) реже, заменив его овощами и рыбой»[100]. По постановлению Военного совета от 10 ноября 1916 г. норма потребления сахара снизилась до 3 золотников в день[101].

Было бы неправильно полагать, что в России во всех местах содержание военнопленных было одинаковым. Несмотря на постоянные требования военных властей об ужесточении надзора за военнопленными и условиями их содержания (многие эти меры были приняты в ответ на поступавшие в Россию сведения об ужасном положении русских военнопленных в некоторых лагерях Германии), в отдельных местах были созданы условия, вполне соответствовавшие международным правилам.

Уполномоченный Галицко-русского общества И. Р. Белик, посетивший несколько лагерей военнопленных славян, писал, что «нам нужно различать две категории. Положение военнопленных офицеров и положение военнопленных нижних чинов. Положение материальное первых во всех отношениях было хорошее. Материальное положение нижних чинов опять не везде одинаково»[102]. О хорошем содержании военнопленных в Буинском уезде сообщалось в газете «Симбирянин»: «Пленные австрийцы размещаются в бараках: помещение теплое и светлое. Пища хорошая. Хлеб пекут сами и очень хорошо. Утром чай, в обед щи и каша, вечером суп. Вид у всех здоровый и бодрый...»[103].

Командование Московского военного округа было даже обеспокоено недостаточно жесткими условиями содержания военнопленных, тем, что «пленные далеко не чувствуют тех неизбежных стеснений, которые должны чувствовать в силу своего положения как военнопленные»[104].

Корреспондент английской газеты «Times» сообщал: «Все партии военнопленных, проследовавшие через Пензу из азиатской части России, выглядели довольными и здоровыми. Они все считали условия их содержания в России достаточно хорошими»[105].

Однако основная масса военнопленных находилась в тяжелом положении, в полной мере испытала на себе тяготы войны. Ужасные условия содержания многих из них, жестокое обращение со стороны военных и гражданских властей, постоянное ухудшение продовольственного довольствия и, наконец, безудержная эксплуатация и стремление за счет военнопленных решить трудности, вызванные оттоком рабочей силы, вынуждали военнопленных становиться на путь революционной борьбы.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Шипек Д.** Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне // Война и революция. 1928. № 2. С. 64 — 65.

[2] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 13. Д. 10. Л. 220.

[3] Там же. Л. 456.

[4] Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1063. Л. 13.

[5] См.: **Жданов Н.** Русские военнопленные в мировой войне 1914 — 1918. М., 1920. С. 281.

[6] См.: Россия в мировой войне (1914 — 1918 гг.) в цифрах. М., 1925. С. 41.

[7] См.: Интернационалисты. М., 1987. С. 32.

[8] См.: **Жданов Н.** Указ. соч. С. 282.

[9] ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 19. Д. 1. Л. 46, 335.

[10] Там же. Оп. 6. Д. 11. Л. 77.

[11] Там же. Л. 407.

[12] См.: **Жданов Н.** Указ. соч. С. 281.

[13] См.: Интернационалисты. С. 32.

[14] См.: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959. С. 22.

[15] Там же.

[16] См.: **Клеванский А.** Военнопленные центральных держав в царской и революционной России (1914 — 1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 23 ; **Попов Н. А.** Революционные выступления военнопленных в годы Первой мировой войны // Вопр. истории. 1963. № 3. С. 77.

[17] См.: **Шнейдер И.** Революционное движение среди военнопленных в России (1915 — 1919 гг.) // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54.

[18] См.: Россия в мировой войне... С. 40 — 41.

[19] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 182. Л. 1.

[20] Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 615. Л. 319.

[21] Там же. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 280. Л. 5.

[22] Тамбовский край. 1916. 1 июля.

[23] Цит. по: **Жданов Н.** Указ. соч. С. 288 — 289.
[24] Там же. С. 289.
[25] АВПРИ. Ф. 160. Д. 360. Л. 3.
[26] ГАУО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 1025. Л. 183.
[27] Там же. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1469. Л. 32.
[28] Там же.
[29] Там же. Л. 32 об.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 5.
[32] ГАРФ. Ф. ПО. Оп. 4. Д. 4051. Л. 554 — 560.
[33] **Жданов Н.** Указ. соч. С. 294 — 295.
[34] Там же. С. 296.
[35] Там же. С. 298 — 299.
[36] См.: **Клеванский А.** Указ. соч. С. 28.
[37] **Жданов Н.** Указ. соч. С. 290.
[38] См.: **Шнейдер И.** Указ. соч. С. 56.
[39] См.: Венгерские интернационалисты... С. 22.
[40] АВПРИ. Ф. 160. Д. 360. Л. 3.
[41] ГАУО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 1325. Л. 22.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1271. Л. 209.
[45] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 340, 348.
[46] Там же. Л. 363.
[47] ГАУО. Ф. Р-3080. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
[48] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 9.
[49] См.: Пензен. губерн. ведомости. 1915. 9 янв.
[50] ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1271. Л. 17, 25.
[51] Там же. Л. 69.
[52] Там же. Л. 28.
[53] Тамбов. листок. 1915. 13 янв.
[54] ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1271. Л. 284.
[55] Pester Lloyd. 1916. 7 мая.
[56] См.: Россия в мировой войне... С. 4.
[57] См.: Ведение боевых действий : сб. Гаагских конвенций и иных соглашений. М., 1995. С. 18.
[58] Там же.
[59] См.: Россия в мировой войне... С. 40 — 41.
[60] Там же. С. 21.
[61] См.: **Филатов Л. Г., Юрченков В. А.** Мифы и реальность. Саранск, 1989. С. 196.
[62] Пензен. губерн. ведомости. 1915. 5 июня.
[63] См.: Симбирянин. 1915. 19 апр.
[64] Там же. 1916. 23 июля.
[65] **Bruce L. W.** Passage through Armageddon : The Russians in war and revolution. 1914 — 1917. New York, 1986. P. 107.
[66] Волж. вести. 1915. 25 февр.
[67] См.: Тамбов. земский вестн. 1916. 2 сент.
[68] Чернозем. 1916. 16 февр.

[69] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 8.
[70] Там же. Л. 3.
[71] Там же. Л. 19.
[72] Там же. Л. 43.
[73] См.: Тамбов. земский вестн. 7 сент.
[74] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1069. Л. 152.
[75] Там же. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 355. Л. 21.
[76] Там же. Оп. 2. Д. 185. Л. 17.
[77] См.: Чернозем. 1917. 27 янв.
[78] См.: **Шнейдер И.** Указ. соч. С. 55.
[79] См.: Чернозем. 1916. 19 марта.
[80] РГВИА. Ф 1720. Оп. 5. Д. 71. Л. 246.
[81] Пензен. губерн. ведомости. 1915. 11 сент.
[82] См.: Симбирянин. 4 июля.
[83] Там же. 26 июня.
[84] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 181. Л. 11.
[85] Там же. Д. 185. Л. 158.
[86] См.: Волж. вести. 11 марта.
[87] См.: Тамбов. край. 1916. 20 янв.
[88] См.: Россия в мировой войне... С. 66.
[89] Тамбов. листок. 1915. 26 апр.
[90] См.: **Полин Н. В.** Указ. соч. С. 5.
[91] См.: Симбирянин. 6 авг.
[92] См.: **Полин Н. В.** Указ. соч. С. 5.
[93] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 163. Л. 25.
[94] **Жданов Н.** Указ. соч. С. 24.
[95] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 185. Л. 151.
[96] Там же. Л. 363.
[97] См.: Волж. вести. 1916. 24 июля.
[98] См.: Тамбов. земский вестн. 1916. 9 авг.
[99] ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 246. Д. 329. Л. 15.
[100] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 615. Л. 21.
[101] Там же. Ф. 1720. Оп. 5. Д. 71. Л. 152.
[102] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 373 / 221. Л. 2, 4.
[103] Симбирянин. 1916. 10 февр.
[104] РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1069. Л. 110.
[105] Times. 1936. 28 Oct.

Е. Е. Резепов

ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО ЖЕНЩИНА

«Когда я был в 1956 году в Советском Союзе, то получил письмо от товарища, с которым подружился еще в 1916 году, работая в селе Каласеве Ардатовского уезда. Его звали Гараем. Хороший парень! Интересно было бы посетить все эти места, посмотреть», — задумчиво говорит товарищ Тито корреспонденту.

Из интервью Президента Югославии Иосипа Броз Тито корреспонденту журнала «Огонек» Генриху Боровику. 1957 г.

Бабушке Агутке постучали в окно. Сквозь двойную раму, которую не торопились убрать, так как весна еще только начиналась, был виден открытый рот, который что-то кричал. Она испугалась, потому что именно такими она видела человеческие рты, когда горела улица. Она посмотрела за плечи женщины — за ее спиной уже собирались сельские дети, сбежавшие из школы. За ними стояли старики и даже несколько бродячих собак. Даже старые дома, казалось, придвинулись ближе. Наконец до нее дошел крик, и она тут же задернула занавески, которые во всем Каласеве были самые большие и двойные. Она повесила их из-за 30-летней дочери, которая была больна головой с детства и боялась одного вида улицы, чужих людей и особенно мужчин... Но сейчас и сама Агафья готова была бы спрятаться за железными ставнями... Агафья смотрела в лицо глупой взрослой женщины, которая была ее дочерью, и понимала, что сама сходит с ума. Ее ясный и рассудительный ум, которым она славилась на все Каласево, изменял ей.

Через дверь кричали по-мордовски: «Агутка, чего сидишь, муж твой едет!».

А все они знали, что своего мужа Лаврентия она схоронила восемь лет назад. Он лежит под трухлявым крестом. Все были приглашены на поминки, и даже есть на стене черно-белая фотография с похорон. Правда, она давно не навещала его могилу. Ну что это за злая шутка? Старуха хотела крикнуть соседке: «Патяй, зачем смеешься, мой муж умер!». Но зажала себе рот рукой. Она вспомнила! Совсем недавно ее другая дочь, Шура, которая работала на военном арсенале в городе Алатырь, рассказывала необыкновенную историю о том, как ее вызвал начальник и сказал, что ее разыскивает папа. Шура ответила, что ее с кем-то путают, а ее родной папа давно в могилке. Но ее мать сразу поняла, о ком шла речь. Это был он! И она знала, о какой дочери идет речь.

Агафья одернула юбку и не заметила, что одела ее разрезом вперед. Юбка была армейская, предназначенная для военнослужащих женщин.

Ее прислал старший сын, который заведовал складами готового обмундирования в городе Новороссийске. Такую зеленую юбку носила только она одна в деревне. Пальцы застегнули пуговицы со звездочками, так как пиджак тоже был из того же посылочного ящика. Этим посылкам завидовало все Каласево, потому что никому из всего села дети не присылали каждый месяц на протяжении десятилетий посылки. Так что по своему виду Агафья напоминала либо жену военнослужащего, либо его мать. И только чистейший белый платок, обернутый вокруг головы, говорил всем о том, что сама Агафья считает себя, несмотря на преклонный возраст, по-прежнему привлекательной и интересной женщиной, на которую все смотрят. Ее по-девичьи стройную фигуру не может изуродовать суконный пиджак, а годы, которые разрушили даже каменные жернова водяной мельницы на окраине Каласева, оставили нетронутыми яблочки на ее щеках и ограничились редкими морщинками, которые может разглядеть только придирчивый взгляд некоторых злых соседок по улице. Своим гостям, которые дивятся на Агафью, они шепчут, что та первый лодырь в селе и за всю жизнь не подняла ни одной охапки соломы и не была в поле… Идущие наперевес с коромыслами соседки не раз слышали от нее слова: «Я потому так долго живу, что ни разу ведра не подняла!».

И достаточно им еще раз взглянуть на ее белые неисколотые руки, послушать рассказы дочери о ее стройных не по-старушечьи ногах, чтобы понять, что, к сожалению, это так. Но соседки, живущие с ней почти сотню лет рядом, и без того знают, что это чистейшая правда. И знают, в чем тут причина.

Это ее любящий муж, который работал на нее как раб, дочь сестры мужа, а когда они все умерли, то их места заняла последняя дочь Агафьи глупая Тоня. Она переболела в детстве менингитом, не училась в школе, не знает грамоты, а может выполнять только тяжелую и грязную работу. И никто из них никогда не жаловался на нее, а все словно соревновались в выражении любви и преданности к Агафье, и главное место среди них занимал муж. Когда старший сын, тот, который присылал подарки, приезжал, то муж Лаврентий позволял себе выпить на радостях, потом он скидывал резиновые ботики и голыми пятками отбивал дробь прямо на земле. Его танцы ужасны, так как одна нога его покалечена, с нее постоянно течет гной, который всем виден. В такие минуты Агафья забывала обо всех достоинствах своего мужа-труженника, а невольно вспоминала, как несколько раз уезжала от него вместе с детьми. Посмотрев на Лаврентия, она шла в дом, чтобы в очередной раз за день сменить белый платок на голове на свежий и надеть другую юбку.

Юбок у Агафьи много, она их меняет по несколько раз в день, потому что в Каласеве глубокая грязь не высыхает даже в самую жаркую погоду. А допустить грязное пятно на своей одежде она боится, как греха. Но еще более она боится разговоров, в которых могут трепать ее имя, и потому приветлива и ласкова со всеми.

Всего у Агафьи восемь детей, и потому одна она никогда не остается. У нее было время ездить к детям в другие города и жить там

месяцами, а когда она жила в деревенском доме, то частенько отправлялась к дочери в село Кечушево.

Дорога идет в сторону соседнего села Безводное, которое стоит выше Каласева на холме. Она ходит в Кечушево не только из материнских чувств к дочери, но и посмотреть телевизор к другой дочери, чей муж работает портным. Да и телевизор у них лучше показывает картинку, а это для Агафьи важно. Возле села Безводное исстари каласевцы прощались с гостями и родственниками, отправлявшимися в дальний путь. Когда-то давно там, на холме, Агафья простилась навсегда с человеком, которого по-настоящему любила… Он донес ее туда на руках из самого Каласева, потому что под сердцем девушки жил его ребенок. Не чета ее лохматому Лаврентию, с которым ее заставила сойтись нужда. Это был сильный мужчина с широкими плечами и самый умный человек, которого только знало Каласево, и до сих пор его там почитают и будут почитать во все времена. В мешке за его плечами была огромная стопка толстых книг. Он поклялся не забывать и обязательно вернуться за Агуткой, как ее тогда называли. Имя этого человека знает весь мир… Именно его лицо глаза Агафьи высматривают в новостных программах, а делать это на глазах соседей в их домах она стыдится — засмеют.

Кап-кап — сыпятся из глаз старухи соленые слезы.

И ребенок, который родился от того мужчины, был прекрасен, не как эта дура рядом с нею. Ни поговорить с ней нельзя, ни поведать свои мысли. Агафья садится на землю и трогает руками землю, с которой за 50 лет дожди и снега смыли его следы… Но постепенно ласка пропадает, и ее пальцы начинают царапать и рыть эту землю, загребая в горсти, и бросать вперед перед собою в воздух… Глупая дочь с улыбкой смотрит в такие минуты на страдания старухи-матери и начинает повторять ее движения, думая что с ней играют. Это безумие заставляет Агафью забыть о своем, и она, поправив свой белый платок и одернув армейскую юбку, тащит глупую дочь с проклятого места дальше… И сейчас, вспоминая все это, Агафья не могла сдвинуться с места, ни пошевелиться, а через дверь продолжали кричать: «Агутка, муж твой едет!». И без подглядывания в окно она могла догадаться, что там собрался народ. Успокаивает ее окрик другой дочери, явившейся на помощь матери: «Не было у них ничего, детей не было, чего пришли!». «Как так не было», — думает Агафья, уж она-то знает, но рука все равно зажимает рот и заставляет молчать. Да, надо молчать, они живут в деревне… Такого не говорят. Молчала же она столько лет!

Кузьма Алексеевич Бекшаев, первый секретарь Ардатовского райкома партии, уже несколько лет занимал самую большую должность в районе, пережил всякое, но находился в растерянности. Минуту назад ему позвонил руководитель Мордовии — первый секретарь областного комитета партии Георгий Иванович Осипов и сообщил невероятную новость. В Ардатовский район, в село Каласево просит разрешения приехать президент Югославии Иосип Броз Тито, один из великих диктаторов мира и XX века. Кузьма Алексеевич унял вол-

нение, выпил воды из графина и все-таки взял себя в руки... Когда-то это должно было случиться. Не раз заходили разговоры о возможном приезде Тито в Ардатовский район. Бекшаев много раз слышал рассказы о том, что после Первой мировой войны неизвестный тогда никому хорват Иосип Броз был прислан в Ардатов в качестве пленного, использовался как хороший механик на знаменитой Тургеневской мельнице. А потом его взял к себе работать зажиточный крестьянин из дальнего села Каласева, который на паях с соседями завел водяную мельницу.

Бекшаеву старики в селе даже показывали полусгнившие сваи, оставшиеся возле берега реки Алатыря. Потом этот военнопленный стал президентом Югославии, и весть об этом, естественно, вызвала большой перепелох в умах ардатовцев.

Кузьма Алексеевич не так часто навещал это дальнее село, потому что туда была на редкость отвратительная дорога, вся в ямах и лужах. Каласево было раньше в Ардатовском районе, потом его передавали в Козловский район, ликвидировав его, село снова вернули Ардатову, а дорога оставалась плохой и никому не нужной. По ней даже небеременная женщина если поедет, то от тряски родит...

А само село? Многие крыши оставались соломенными, в домах присутствовал земляной пол, а грязь в Каласеве была такая, что коровы тонули в ней по брюхо... По сути, никаких перемен в селе за все годы советской власти не произошло. А Тито, судя по всему, хотелось взглянуть на те места, куда его упекли в молодости. Бекшаев вспомнил все рассказы про Тито в Каласеве. Он прилежно работал, играл на гармони, вокруг него девки вились, и одна солдатка, чей муж был на фронте, родила от него дочь. Все это рассказывал ему Баринов Михаил Васильевич, секретарь партийной организации Каласева. Он даже утверждал, что между Иосипом и солдаткой было горячее и серьезное чувство. Женщина после уезда его жила спокойно, никому не мешала.

Но о том, что в его районе живет бывшая любовница сегодняшнего президента Югославии, знал Бекшаев с самого начала. И хочет приехать Тито не только для того, чтобы взглянуть на красивые пойменные луга Алатыря, а главное — увидеться с ней в этом самом грязном селе Каласеве. Кузьме Алексеевичу стало дурно. Добром это не кончится.

Вместе с президентом приедут сотни сопровождающих, а сколько будет журналистов, и хотя он уже дал команду приводить в какой-никакой порядок дорогу и белить конюшни в колхозе, все это было бесполезно. Никакие усилия не скроют вековую грязь и отсталость мордовского села. Все это Тито показывать было никак нельзя.

Нужно дорогу до Каласева засыпать и залить асфальтом, а это обошлось бы в 20 млн руб., пришлось бы делать все на скорую руку. А куда денешь село и его бедных жителей, которые высыпят поглазеть на Тито? Бекшаев помнил, что руководитель республики Осипов бывал в Каласеве и знает, какая туда дрянная дорога. К тому же, он знал Ге-

оргия Ивановича как человека очень осторожного. И потому он знал, что ему ответить в следующий сеанс связи по телефону.

— Ну, как, Кузьма Алексеевич? Примешь товарища Броз Тито? Уж так он рвется в Каласево!

— Георгий Иванович, чтобы принять товарища Тито, надо построить двадцать километров дороги, надо двадцать миллионов рублей! Где мы их возьмем! И даже если найдем, то придется все строить на быструю руку! Деньги пропадут! С ним будет целая свита, журналисты увидят наше бездорожье, грязь и распишут наш район и Мордовию на всю страну и мир, осрамят! Такому гостю проехать туда фактически нельзя! Я туда на уазике с трудом проезжал и тот переворачивался! Давайте откажем!

Осипов помолчал и ответил ардатовскому секретарю: «Кузьма Алексеевич, я вообще-то уже позвонил в Москву и дал категорический отказ ЦК». Все было решено и без Кузьмы Алексеевича! Но об отказе республики принять Тито Бекшаев никому более не сказал, чтобы не вызывать волнений.

Была весна, ветер ломал льдины на реке Алатыре, распустилась верба. А по селу Каласеву еще долго бегали маленькие девочки и мальчики с новостью: «Броз Тито едет, Броз Тито!». Все они от родителей и бабушек знали, что рядом с ними живет его жена мордовка Агафья. Все они бегали посмотреть на нее, сидящую в покорном ожидании в белом платке на скамейке перед домом. И когда перед ней останавливался прохожий, то она вставала, вежливо здоровалась и смело говорила в ответ на вопрос: «Вот приедет он, и увидите, какой он Броз Тито!». И всю свою долгую жизнь Агафья Афанасьевна жила наперекор всему мечтой о встрече с Иосипом Броз Тито.

По грязной улице ардатовского села Каласева шел человек с мешком, из которого раздавались дикие крики. За человеком бежала стая собак, изрядно охрипшая от лая… От этих воплей из мешка и собачьих голосов прятались в тень своих домов не только люди, но и прижимались к человеческим ногам, обутым в лапти, кошки. На дворе стоял далекий 1916-й год… Когда крики становились совсем невыносимыми даже для головы, о шею которой терся узел, то крепкая рука встряхивала мешок, била по нему кулаком, и вопли на некоторое время умолкали… На этой руке виднелись кровоточащие ссадины и глубокие царапины. После посещения очередного дома крики в мешке возобновлялись с удвоенной силой, а хозяева смотрели вслед спине с мешком, не скрывая откровенной насмешки. Собаки хватали носителя мешка за сапоги, а одна маленькая шавка даже прыгнула, но промахнулась и повисла на плече… Поэтому человек поднял палку, чтобы разгонять деревенских псов. Толпа мужчин и баб подсмеивалась над возникшим представлением. Если хозяин мешка начинал ругаться на собак, то получалось так смешно, будто пытался говорить немой. Язык как-то не слушался этого человека. А среди толпы улыбалось и личико самой красивой девушки села Агафьи Бирюковой. И это носителю мешка было неприятно, так как личико ему нравилось. Он хмуро отворачивался и

шагал еще быстрее. Со своей палкой он расставался только возле новой водяной мельницы на берегу реки Алатырь. Тут собак уже отгоняли работники, а мешок падал в сарае. Из развязанной горловины вылетали бешеные кошки, которые первым делом начинали зализывать полученные в тесноте кровавые раны от когтей подруг. Уже давно хозяева мельницы страдали от многочисленных крыс и мышей, портящих мешки с зерном. Принесенные из собственных домов кошки были или ленивы, или слабы против многочисленного врага, а потому решили собирать по селу других. Выбрали на эту презренную работу человека, самого последнего по социальному положению, к тому же, для всех чужого и не знающего русского языка, как тут говорили, басурмана. Его даже за человека не считали и поручали самую грязную и тяжелую работу. Два года шла война с германцами, и месяц назад из уездного города Ардатова привезли несколько чужеземцев, так называемых военнопленных, чтобы они, как рабы, трудились в хозяйствах зажиточных крестьян. Хотя хорват Иосип был прекрасным механиком и слесарем, собирать кошек по селу посылали все-таки его. Кому же хочется выставлять себя в таком невыгодном свете? Тем более, он уже занимался этим, когда работал на большой мельнице в другом ардатовском селе Тургеневе. И даже единственный друг пленного Иосипа Герасим Эрзянкин не мог оградить своего приятеля от этой унизительной роли. Правда, он помогал ему топить котят от плодившихся на мельнице кошек, а вместе с ними и тех охотниц, которые постарели или потеряли глаз в схватке с соперницами. Герасим был один из редких жителей села, у которого имелась лодка. На ней они выгребали на середину реки, и Герасим сам сбрасывал мешки в воду, так как замечал у своего друга ненужные слезы… «А еще на фронте был!» — смеялся мордвин. Потом они вместе удили рыбу и любовались на красивые закаты над рекой Алатырь. Герасим угощал пленника ухой, подкармливал его своими продуктами и даже отдавал свою подушку, когда их вдвоем оставляли дежурить на мельнице.

Не нравилось Герасиму в Иосипе только одно. Он даже ради смеха хотел в мешке утопить книги, которые его друг беспрерывно читал днем и ночью, как только выпадала свободная минутка, и даже за едой! Герасиму казалось глупым тратить столько времени на какие-то типографские знаки, когда вокруг для глаз столько приятного: река, луга, зелень лесов и главное — нарядные мордовские юбки мордовских девок… А у некоторых из них и мужья на фронте давно пропали. Герасим несколько раз подзуживал своего приятеля обратить внимание на красивую Агафью. Ему было страшно интересен результат этой связи. Герасим слыл в Каласеве мужиком чудаковатым. Он и с пленным Иосипом стал дружить только потому, что никогда в Каласево пленных не присылали, и никто более на такие отношения с иноземной птицей, попавшей сюда почему-то, а может и из страха перед властями, не отваживался.

Сидя в лодке с удочками над рекой, Герасим часто объяснял Иосипу и словами, и на пальцах, что Агафья девка хорошая, и до мужа,

который пропал на фронте, у нее тоже были мужчины, и что она... Но однажды Иосип, подняв рубаху, показал своему приятелю на спине царапины, которые оставили отнюдь не кошки, а существо более сильное и с когтями покрупнее, а, судя по довольной улыбке мужчины, ему было приятнее общение с ним, чем с хвостатыми тварями. Герасим порадовался успехам друга у самой красивой женщины села, хлопнул его по плечу и поклялся на нательном кресте, что никогда никому на свете не расскажет об их дружбе. Тем не менее скоро о близких отношениях пленного Иосипа и Агафьи знало все село. Разве что может укрыться от его всевидящих глаз? Герасим давал им ключи от сарая, где хранилась его лодка, и даже позволял себе уверенно говорить подружке приятеля, что, когда его друг вернется к себе на родину, то югославский король разрешит своему верному солдату выписать из России и жену, которую он там себе нашел. Герасим так думал потому, что его друг Иосип, увлеченный местной красоткой, уже давно не вытаскивал из котомки своих любимых книг, без которых прежде и жить не мог. Но понятно, что из всех этих трех сердец на такой чудесный исход могло надеяться только самое глупое — женское.

А ровно через два года самая красивая тогда девка Каласева Агафья вышла замуж за самого невзрачного, ниже себя ростом, с больной ногой мужика Лаврентия Сарайкина, у которого недавно умерла жена при родах. А перед этим у него была еще одна жена и тоже как-то странно слегла... И невестящиеся девки двойного вдовца будущим мужем уже больше не считали. Лаврентий взял себе хоть и местную красавицу, но с ребенком, прекрасно понимая, что женщина его не любит, а выходит замуж только для того, чтобы устроить свою жизнь и навсегда закрыть злые разговоры об отце своей маленькой дочери и порвать с прошлым. Все это Лаврентий тоже знал. Не удержали Агафью и уговоры Герасима все-таки дождаться Иосипа или вестей о нем. Агафье был слишком памятен тот день, когда пленного Иосипа вызвали в Ардатов, и он клятвенно обещал провожавшей его Агафье написать и вернуться за ней. Его плечо, наверное, до самого города не высохло от ее слез, так она обильно поливала его. Но с тех пор на водяной мельнице на реке Алатырь вблизи села Каласева смолотили столько урожаев, что ей уже не верилось, чтобы за такое время не нашлось никакой возможности... Злые бабки стали называть ее женой «кошатника». Родившуюся без отца дочь назвала она Нюрой, и когда Герасим приходил поиграть с девочкой, то всегда отмечал сходство между нею и ее отцом, своим навсегда пропавшим приятелем. Герасим всем твердил про это! И Герасим никак не мог поверить, что человек, не способный утопить в реке котят, забудет о своей дочери. Ведь он же оставил девку с животом! Законный муж Агафьи казался Герасиму по сравнению с Иосипом полным ничтожеством, и не раз, будучи разгоряченным от самогона, он стращал несчастного Лаврентия приездом своего друга, сравнивал их достоинства и приходил к неприятным для его собеседника выводам. Эти разговоры о возможном возвращении Иосипа не прошли бесследно для воображения Лаврентия, искренне влюбленного в

свою красивую жену, и он подготовил Герасиму неожиданный сюрприз. Большой замок на двери и заколоченные окна встретили его, когда он пришел с гостинцем для дочки своего приятеля Иосипа. Лаврентий всю семью, в том числе и своих детей, которых родила ему Агафья, вывез в Туркмению, чтобы никогда больше не слышать никаких разговоров об Иосипе. И там они жили 16 лет. В то время, как большинство семей отправлялось в дальний путь под гнетом властей, семья Лаврентия Сарайкина бежала от другой напасти. Лаврентий трудился на железной дороге под палящим солнцем, даже получил солнечный удар, Агафья шила халаты и тюбетейки, торговала чаем, который привезла из Каласева.

Дома у нее оставалась пятистенная изба и большой амбар, принадлежавшие ее родителям. Не раз она собиралась вернуться на родину, но муж пускал ее в Мордовию только на побывку. Так продолжалось долго, пока вдруг Агафья не собрала детей и не уехала. Два года Лаврентий не приезжал за ней после этой ссоры, а потом все-таки явился. Приехал он сердитый, ругался с женою, но она твердо отказалась возвращаться в Туркмению.

Лаврентий по-прежнему не хотел жить в Каласеве, где, несмотря на прошедшие годы, еще оставались живые свидетели грехов молодости жены, а уж разговоры, как он справедливо думал, будут и вовсе вечными. Обижало его и холодное отношение к нему Агафьи, где он тоже видел причину в том же Иосипе. А когда супруга в бане родила ему дочь, в то время как Лаврентий ждал мальчика, чтобы получить на мужчину надел земли, он не сдержался и крикнул: «Фу! Не могла человека родить!». И надрался самогону, чего с ним обычно не бывало. Спасение пришло к Лаврентию в образе вербовщика, который вербовал народ на жительство в Челябинскую область, на Урал. Тут, кстати, случился пожар, который уничтожил в Каласеве целую улицу, в том числе и их избу. На Урале они жили в землянке, вскоре им обещали выделить и квартиру в доме, но они не дождались. Здоровье Агафьи пошатнулось от чужого климата. И как ни уговаривал ее Лаврентий, как ни стращал, что придется возвращать подъемные деньги, им пришлось вернуться снова в то же Каласево, имея на руках справку, подписанную доктором, что Агафье вреден климат Уральских гор. Водяная мельница в Каласеве уже давно не работала. Друг Иосипа, Герасим Эрзянкин, ковал колхозных лошадей и за отсутствием Агафьи вел разговоры о бывшем военнопленном хорвате с его юной дочерью Нюрой.

Дело в том, что старшая дочь Агафьи, Нюра, отказалась принимать участие в странствиях своих родителей еще с той поры, когда они жили в Туркмении и иногда приезжали проведать родственников в Каласево. Один из таких приездов совпал с тяжелой болезнью матери Агафьи, Ольги Афанасьевны Бирюковой. Богомольная старушка, не желая брать с собою грех в иной мир, призвала к себе старшую внучку, какой была Нюра, и исповедовалась перед ней в юношеских грехах ее матери. Девочка зарыдала. Она долго не могла поверить в такую правду. Оказывается, все ее братья и сестры ей родные только по матери! Как

такое может быть? Тогда старуха призвала свидетелей, среди них был и Герасим. Эти разоблачения не прошли бесследно для 12-летней Нюры, она напрочь отказалась возвращаться вместе с родителями в Туркмению и решила остаться рядом с бабушкой, требуя от нее новых подробностей о ее настоящем отце. Агафья отказалась ей что-либо говорить, ссылаясь на то, что главным ее желанием было предать все бывшее забвению и сохранить все навсегда в тайне. Дочь набросилась на мать с упреками, но еще больше досталось от нее ее отчиму, Лаврентию. Тот безуспешно пытался задобрить девочку подарками и лаской. Она не подошла к нему даже близко после увещеваний умирающей бабки, которая призвала Нюру все же почитать Лаврентия как родного отца. Для сестер и братьев Нюры открытие, которое произошло, тоже стало событием. Слова умирающей бабушки: «Твой настоящий отец в Югославии, и он вернется за тобою», — передавались из уст в уста. От этого возвращения ждали каких-то чудес!

А скоро и мужчины стали обращать особое внимание на внешность и манеры Нюры, которая заметно отличалась от всех других детей Агафьи вежливостью и воспитанностью. Как и мать, ее тоже считали красавицей, а ее загадочное происхождение только добавляло интереса к ней. Обида на мать за скрытую тайну, желание жить самостоятельно толкнули Нюру на раннее замужество — в 16-летнем возрасте! Несмотря на бедность ее родителей, недостатка в кавалерах не было. Но первым среди них оказался тоже самый красивый парень Каласева Михаил Архипов. Он служил охранником в городской тюрьме города Казани, откуда приезжал в родное село в отпуск. Нюра устроилась к мужу в Казань. Когда она приезжала навестить своих родных, то часто брала младшую сестру Шурочку и шла с нею в соседнее село Пилесево купить корзину вишни, которую потом везла в Казань. Красивая, высокая, добродушная, чисто говорящая по-русски, мало походившая на мордовку, она ждала от жизни, конечно же, счастья. А может, мечтала увидеть когда-нибудь и отца?

Ее второму ребенку Рае не было года, когда Нюра неожиданно вдруг приехала из Казани в Каласево и попросила мать подержать малыша у себя несколько дней. Агафья очень удивилась такому неожиданному визиту, тем более, что ребенка надо было еще кормить грудью, а в поле шла уборка, на которую сгоняли всех колхозников. Нюра клятвенно пообещала вернуться через неделю, и мать вместе с сыном, Николаем, проводила ее до села Безводного, до того самого места, где она когда-то простилась с Иосипом. Нюра помахала рукой и ушла в сторону железнодорожной станции. Через неделю она не вернулась.

А еще через несколько дней приехала какая-то женщина из Казани и передала, что Нюра лежит в больнице и умирает от сильного кровотечения. Остановить его нельзя. Агафья приехала в Казань ко гробу дочери. Нюра, оказывается, чтобы избавиться от нежелательной беременности, решилась на криминальный аборт, так как официальные тогда запрещались. Вышли осложнения, в казанской больнице Нюру, дочь военнопленного Иосипа, не спасли… Агафья падала без памяти несколь-

ко раз, и когда несли, и когда гроб опускали в землю, и на поминках. Из Казани Агафья привезла всю одежду своей самой любимой дочери и ее большой портрет, который повесила на стену. Много раз овдовевший муж Нюры просил его отдать, но Агафья отказывала ему, так как она ему уже отдавала одежду Нюры, а тот передал ее жене своего брата, которая ее растрепала. И всю жизнь каждый год Агафья Сарайкина в день смерти своей дочери Нюры, которая умерла 12 сентября 1938 г., делала по ней поминки.

Дочери Нюры, Лиза и Рая, жили у Агафьи, пока одну из них, Раю, не забрал к себе на воспитание старший сын Агафьи, Александр, и не увез в Новороссийск. Он увидел ее грязную, стоявшую в углу, одетую в лохмотья. Отец, Михаил Архипов, отдал дочь в чужие руки без разговоров, после Нюры он уже подыскал себе новую жену. Агафья проводила внучку Иосипа со слезами, а потом, когда ей присылали фотографии повзрослевшей Раи, не уставала удивляться, как Рая похожа на Иосипа. Но об этом она никому не говорила ни слова. К этому времени уже все знали, что военнопленный, бывший в их селе, стал после войны президентом Югославии и назывался теперь именем, гремевшим на весь мир — Иосип Броз Тито.

Супругу первого секретаря Мордовского обкома партии Василия Закурдаева огорошили страшным вопросом. Она читала лекции в партшколе. Сейчас это здание географического факультета. Ее лекции пользовались успехом и обычно сопровождались тишиной, большую роль в которой играла и должность мужа преподавательницы. Студенты прознали, что в Мордовию собирается приехать президент Югославии Иосип Броз Тито. В конце 40-х годов прошлого века Иосип Броз Тито стал проводить для своей страны политику, независимую от Советского Союза и перестал прислушиваться к советам руководителя СССР Иосифа Сталина. Разъяренный диктатор предал Тито анафеме, и долгие годы в шапках советских газет стояло: «Банда Тито». Отношения с Югославией были разорваны. Но с приходом к власти нового лидера Никиты Хрущева отношения восстановили, Иосип Броз Тито стал бывать в Москве с визитами. Начались разговоры о его возможном приезде на мордовскую землю, чтобы посетить те места, где он отбывал наказание. И вот все население стало свидетелями того, как в 1957 г. срочно начали ремонтировать дорогу в сторону города Ардатова, посыпать песком лужайки и белить дома у обочины. И Александру Михайловну, зная ее как человека честного, спросили: «Правильно ли перед приездом Тито наводить порядок в одном районе, когда вся республика не обустроена?» Женщина была умной. Смысл ее ответа был таков. Если бы это приезжал любой руководитель из Советского Союза, такая встреча абсолютно неправильная. Но, учитывая, что за годы социализма сделано что-то, а Тито верил в будущее социализма, и видел Каласево при царе, надо показать, что хоть что-то за эти годы сделано!

А там по-прежнему на крышах желтела солома…

Сначала каласевская любовница Иосипа Агафья и его друг Герасим в Каласеве благоразумно молчали о своих близких отношениях с во-

еннопленным. Младшую дочь Нюры, Раю, взял жить в свою семью старший сын Агафьи, Александр, который не имел детей. Другая дочь Нюры, Лиза, так и жила в Каласеве, пока не окончила школу и не уехала в Казань. Она не сошлась характером с детьми Агафьи от ее брака с Лаврентием. А он продолжал мучиться прохладным отношением к себе своей жены. Дети не раз были свидетелями его редких, но горьких упреков своей Агафье, которая только улыбалась в ответ на его слова. Вся тяжелая работа по дому, естественно, ложилась на мужчину. В эти тяжелые послевоенные годы он, как и все, вынужден был, чтобы прокормить семью, ходить в поле воровать колоски, где не раз его спину обжигала плеть полевого объездчика. И если его не посадили как других в тюрьму, то только потому, что его старший сын был офицером Красной армии. В семье было восемь детей, а его по-прежнему молодящаяся жена служила украшением любой деревенской вечеринки или посиделки. Многим мужчинам она по-прежнему нравилась, и даже ее собственные дети замечали, как односельчане по всяким надуманным поводам заглядывали к ним домой, например, попросить напиться воды или спросить какую-то незначащую мелочь. Но все эти предлоги не могли скрыть их жадного интереса к стройной фигуре и приятному голосу матери стольких-то детей! Такие посещения соседские женщины не оставили без внимания. Агафье высказывались язвительные упреки, а ее самую младшую дочь объявили рожденной не от Лаврентия, а от соседского мужика, с которым Агафью часто видели на огородах и в других местах. В тех случаях, когда Агафья вынуждена была все-таки, несмотря на свой миролюбивый характер, вступить в спор из-за пастбища или захваченного соседями куска огорода, в вину ставили ее прошлое увлечение: «Да ты с Тито таскалась!». Эти обвинения в связи с другим мужчиной, попреки военнопленным Иосипом были ужасны и для Агафьи, и для ее мужа. Накопленную обиду в таких случаях обычно срывают на детях, ей под руку попался самый маленький ребенок Агафьи, Тоня. В тот момент, когда Агафья занималась шитьем на машинке, девочка в своем любопытстве к занятию матери зашла далеко и попала под удар матери. Тоня упала и так повредила голову, что с таким умом ее не взяли в школу. Всем было сказано, что Тоню напугал старик с черной бородой, который вошел в избу попросить милостыни. В деревне такому объяснению поверили без всяких сомнений. Теперь у Агафьи появился третий слуга, в чем-то такой же больной на голову, как и два остальных. Первый был ее муж, а второй — дочь сестры мужа, которая осталась сиротой и вынуждена была искать крышу над головой у своего дяди. Но в его доме всем распоряжалась супруга. И практически всю жизнь, сначала девушка, а потом женщина, она прожила в доме Агафьи на положении безмолвной работницы, выполняя всю тяжелую и грязную работу по хозяйству. В то время, когда даже 12-летние дети выходили трудиться на колхозные поля, Агафья оставалась дома, отговариваясь многочисленными заботами, на что соседки прямо в ее улыбчивые глаза говорили: «У тебя дома три раба есть, а ты лодыря гоняешь!». Не раз можно было видеть, как из соседней Коз-

ловки, которая находилась в 15 километрах от Каласева, один мужчина и две женщины, впрягшись вместо лошадей, тащат на себе повозку с соломой к крыльцу Агафьи. Но скоро в этой тройке остались только две лошади. И тут тоже помогло имя военнопленного Иосипа… В 1957 г. впервые начался разговор о возможном приезде Тито в Ардатовский район, в Каласево… Над Лаврентием, который обычно уклонялся от совместной выпивки с колхозными скотниками, среди которых он и сам работал, стали подсмеиваться. Тут снова раздавался веселый голос Герасима Эрзянкина, приятеля Тито, когда тот был в Каласеве. Герасим уже полностью вошел в роль друга югославского президента, рассказывал обо всех его привычках и манерах, которые только он мог вспомнить многочисленным московским гостям. Собственный дом Герасима разваливался, и он мечтал, что Тито даст ему средства на постройку нового. «А своих внучат может и пристроит у себя на родине, — говорил он и подмигивал Лаврентию, — а может и Агафью не оставит в этой грязи…». Насчет Агафьи Герасим уже явно загибал, но слушать такое было бы невыносимо для любого мужчины. Имя Иосипа стало проклятием всей его жизни! Лаврентий не мог уже бесконечно выносить этой непосильной работы и откровенного многолетнего невнимания своей супруги. Он даже пуговицы на рубашку пришивал себе сам, сам вязал себе рукавицы, хотя обычно в Каласеве — это работа для женских рук. Его ни разу не видели курящим или пьяным, или ссорящимся с кем-то… Накануне религиозных праздников он не спал ночью и делал из соломы жуков, которых развешивал по стенам на потеху детишкам. А в свободную минуту он латал валенки детям и внукам, прилипая полуослепшими глазами к самой пятке. Иногда от усталости он и засыпал на валенке. Однажды, когда щеку Лаврентия насильно оторвали от этой подушки, глаза уже не открывались, как ни трясли его седую голову. Теперь он навсегда перестал бояться приезда Иосипа. Никто не догадался закрыть Лаврентию руки в гробу, и все видели навсегда скрюченные черные мужские пальцы, словно они и мертвые сжимают вилы.

Тито не приехал в Каласево, муж умер. Агафья, естественно, плакала, так как все-таки привыкла к присутствию Лаврентия в своей жизни, но после его смерти она заметно помолодела и ожила, как обычно бывает со всеми сельскими вдовами. Она перестала сидеть безвылазно в селе. Ее женское обаяние и человеческая общительность были настолько велики, что позволяли ей, неграмотной деревенской женщине, одной добираться до Новороссийска и Ленинграда и ни разу не попасть впросак. Дети ее обожали! «Если б я умела писать, вы бы каждый день от меня письма получали!» — говорила она им. Через два года после смерти Лаврентия умер от болезни и последний прямой свидетель отношений Агафьи с пленным Иосипом Герасим Эрзянкин. Денег от Тито на постройку нового дома он не дождался. Главным свидетелем и специалистом по пребыванию Тито в Ардатовском районе стала Агафья. За ней окончательно закрепилась слава мордовской жены Тито, и даже некоторые сыновья Лаврентия в пьяном угаре, предавая память отца,

намекали на свою кровную связь с великим югославским диктатором. В селе Тургеневе, где Иосип тоже находился короткий период, нашелся старый мельник Сомов, хранящий на память о хорвате стул и стол, но все равно весь пробуждающийся интерес сосредотачивался на женщине из Каласева и ее дочери. После того, как все дети разъехались, с Агафьей осталась ее младшая глупая дочь, выполнявшая для матери всю тяжелую работу по дому. В 1969 г. Агафью Сарайкину срочно пригласили к телефону. Из разговора с сотрудником югославского посольства она узнала о приглашении в Москву для встречи с Тито. Это было спустя два года после того, как югославскому президенту отказали в визите в Мордовию. Агафья ехать одна в Москву побоялась, а дочь Александра, жившая в соседнем селе, отказалась сопровождать мать. К Александре дети из Хабаровска привезли больного внука и оставить его было не на кого. Не подействовали на дочь и слезы, и увещевания, в конце концов-то речь все-таки шла о любовнике матери, с которым она сходилась еще до замужества и отношения с которым лежали на семье темным пятном. А в селе распространился слух, что Агафья сама отказала Тито во встрече, памятуя его неверность и не желая ворошить прошлое. Спустя три года к ней снова пожаловали гости договариваться о новом визите Броз Тито. В 1972 г. неожиданно в Ардатов приехал председатель Президиума Верховного Совета Мордовии И. П. Астайкин и заявил, что все руководство района выгонят с работы, а его отправят на пенсию, потому что сюда приедет Броз Тито, а при его встрече обязательно случится что-то плохое. И. П. Астайкин осмотрел маршрут движения и решил, что везти Тито следует поездом до Ардатова, а до Каласева — на вертолете, и дал распоряжение готовить для него площадку. Но кругом была такая грязь, а станция выглядела столь плохо, что И. П. Астайкин еще раз выразил желание, что лучше все это высокому гостю не видеть. Потом в самом селе он встретился с Агафьей и проговорил с ней два с половиной часа. А через неделю из МИДа позвонили в Саранск и сказали, что визит Тито снова отменяется. Стали расползаться слухи, что его визиту воспротивилась его молодая, деспотичная, и притом пятая по счету, супруга, имевшая на Иосипа большое влияние. Также говорилось о том, что Тито хотел приехать в Каласево, где его помнили грязным и оборванным пленником, во всем сиянии маршальского мундира, который он любил носить, в сопровождении большого эскорта, но такую встречу ему никак не могли устроить. И все-таки Тито увидел еще раз Каласево.

Перед 80-летним юбилеем Тито из Югославии приехала группа кинематографистов, которые снимали большой документальный фильм для телевидения о своем президенте. На каждый его год жизни снималось по серии, и одна серия должна была быть посвящена ардатовскому периоду. Перед приездом иностранцев спецслужбы предупредили местные власти, что надо по возможности предотвратить их посещение Каласева. Киношники приехали в момент разлива Алатыря, река затопила пойму, проехать было невозможно, воды много. Югославов специально возили по лесу, но так и ни разу не подвезли к мосту, по кото-

рому все-таки можно было пробраться к Каласеву. Множество людей стояло на каласевском берегу и видели, как югославы разглядывают в бинокли село, где некогда жил их вождь Тито, и снимают на кинокамеры сельские крыши, специально для того покрытые железом… Конечно, было желание увидеть и Агафью. Она уже сидит дома, одевшись во все лучшее. Напрасное ожидание! Иностранцев угостили в ардатовском ресторане водкой, которую они выпили за здоровье великого Тито, и в тот же день уехали. После этой последней попытки Иосипа увидеть Агафью ничего нового не последовало. В 1980 г. он умер на 86 году жизни. Агафья узнала об этом по телевидению и теперь почувствовала себя по-настоящему вдовой. Вот тут она уже никому не нужна. Агафья впервые перестала следить за собою так тщательно, как раньше, даже перестала делать замечания своей глупой дочери Тоне, которая часто ходит грязная. Ее жизнь уже больше ничем не отмечена, и единственное ее желание, как у всякой сельской женщины, удержать своих сыновей от пьянства, а дочерей — от ссор друг с другом. Каждый вечер она сидит перед своим домом на скамеечке и смотрит на прохожих. Но до самой смерти она сохраняет ясную память, интерес к политике и способность пересказать своим домашним главную суть политического доклада руководителя страны, услышанного по радио! Запись о смерти Агафьи Афанасьевны Сарайкиной в расходно-приходной книге Каласевского сельсовета появилась 12 марта 1992 г. Она прожила 96 лет и перед смертью просила не оставлять ее глупую дочь Тоню.

Двойные занавески не пропускают свет, а многочисленные запоры стерегут старую женщину, которую все считают больной на голову.

Она знает имена лиц на портретах, висящих на стене, но они ничего не говорят ей. В эту грязную клеть столько лет стремился попасть президент другой страны… Жизнь идет мимо Антонины. Она сидит взаперти дома, так как больше всего боится подпустить к себе мужчину. Они для нее первые враги. Это единственное, чему за долгие дни одиночества научила ее умная и красивая мать.

ВОСПОМИНАНИЯ

Гордей Степанович Баранов

Уроженец с. Медаева ныне Чамзинского района РМ. Член ВКП(б) с 1927 г. Участник Первой мировой войны. В 1924 — 1925 гг. — инструктор Мордовской секции ЦК ВКП(б) (г. Москва); 1927 — 1928 гг. — ответственный секретарь Мордовской секции Ульяновского губкомитета ВКП(б); 1928 — 1930 гг. — преподаватель истории классовой борьбы Мордовской краевой совпартшколы (г. Саранск); 1931 — 1934 — слушатель Института красной профессуры истории народов СССР (г. Москва); в 1936 — 1937 — зав. отделом печати и издательств Мордовского обкома ВКП(б), начальник Управления по делам искусств при СНК МАССР. Репрессирован. Воспоминания были записаны в 1969 г. Рукопись хранится в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (И-725, Л. 8 — 18).

На Румынском фронте

Весть о свержении царя и его правительства я впервые услышал на Румынском фронте. Там воевала наша 3-я Туркестанская стрелковая дивизия: 9-й, 10-й, 20-й и 21-й Туркестанские полки. Я был телефонистом штаба дивизии.

Об этой потрясающей народной революции мы, телефонисты, узнали быстро помимо начальства. Со штабом дивизии связь держали телеграфисты 9-й армии, а они держали связь со штабом Румынского фронта и имели связь с городами России.

Дежуря ночами на телефонной станции дивизии, мы сравнительно подробно были в курсе революционных событий, происходящих в столице. О свержении царя и его правительства солдатам долго не сообщали. Центральные газеты на фронт не пропускали, получали только от приезжающих. Все революционные новости мы, телефонисты дивизии, передавали полковым телефонистам, а они быстро сообщали по ротам и командам.

Наша телефонная команда была небольшая, около 40 человек, но ребята все были дружные, среди нас были участники революционных боев 1905 — 1907 гг., были участники восстания против царизма на Ташкентской железной дороге (Фирсов, Дроздов, Шитов и др., все были грамотные, большинство были жители городов).

Таким образом, командование дивизии и полков было поставлено перед свершившимся фактом. Из 26-го корпуса и 9-й армии официально никаких указаний и сообщений о свержении царского режима не было, а солдаты уже знали. Это было большим козырем в руках большевиков.

Изнурительная четырехлетняя война надоела. Весть о свержении царя и его правительства солдаты восприняли с большой радостью. Среди солдат поднялись волнения, начались споры, брожения. Но власть царских офицеров надломлена еще не была, военная дисциплина, присяга за веру в царя и отечество имели силу. Среди солдат было много отсталых, забитых, неграмотных людей, они спорили: «Как это можно жить и кончить войну без царя, он помазанник божий, он бог на земле».

Среди этих солдат в окопах и землянках передовые люди быстро провели разъяснительную работу. Так как царская империалистическая война всем опротивела, измучила, разорила, многие семьи солдат остались без хлеба и топлива, то почва для агитации большевиков была подготовлена. Нужно было поднимать народ на свержение царизма в столице, в тылу и на фронте. Винтовки, пулеметы и пушки в руках солдат, в руках народа. С вооруженным народом, во главе с большевиками, сила и власть царских офицеров трещала и скрипела, как старое немазаное колесо.

Я должен сказать немного о прошлом. В 1911 г., работая на строительстве Амурской железной дороги, активное участие принимал в большой забастовке строительных рабочих, среди них было много эрзи и мокши Ардатовского, Саранского уездов и Саратовской губернии.

Забастовка была экономическая, но много было разговоров против царя и помещиков.

В 1913 г., работая ремонтным рабочим на Кругобайкальской железной дороге, я состоял в рабочем кружке участников Читинского и Иркутского вооруженного восстания 1905 — 1906 гг. Среди рабочих были очевидцы зверской расправы над рабочими царскими карательными экспедициями генералов Реннекамфа и Меллера-Закомельского.

Участие в забастовке и рабочий кружок для меня были большой школой политической и классовой борьбы. Я стал понимать нужды и чаяния рабочего класса и крестьянства. Это облегчило мне с первых дней Февральской революции занять правильную классовую линию.

В середине февраля месяца 1917 г. штаб нашей дивизии стоял в Румынии, в селе Берсанешти. 18 февраля я дежурил в ночной смене, на центральной станции. Коммутатор поставить еще не успели. Поэтому на лавке в крестьянской избе стояли 7 — 8 одинаковых телефонных аппаратов в деревянном футляре.

Проверяя исправность телефонной связи с полками, я в 1 час 15 минут ночи ошибочно нажал кнопку аппарата, связанного с квартирой начальника дивизии, генерала-лейтенанта Тумского. Он — помещик Кирсановского уезда Тамбовской губернии. К нему мы должны были звонить только в исключительных случаях, тем более ночью. Я быстро догадался, но было уже поздно. Должен честно сказать, что от испуга я задрожал. Генерал-помещик взял трубку и спрашивает меня: «Кто вызывает и спрашивает меня?» Я отвечаю: «Ваше превосходительство, я допустил ошибку, вместо полка позвонил Вам».

— Как твоя фамилия?

— Баранов, Ваше превосходительство!

Генерал начал меня оскорблять, обзывать, как грубый босяк.

— Баран!

Я быстро отвечаю: «Так точно, Ваше превосходительство!»

— Осел!

— Так точно, Ваше превосходительство!

— Чурбан!

— Так точно, Ваше превосходительство!

— Вызови из команды смену, — говорит деспот-генерал, — доложи начальнику штаба, чтобы он сейчас же ночью отправил тебя в полк.

Иду к начальнику штаба. Темная румынская ночь. На небе ни одной звездочки. Иду как будто бы под землей. Думаю: «Какую я вину сделал, что это за преступление? На фронте льется солдатская кровь. Я проверяю исправность телефонной связи с войсковыми частями. Это очень нужное дело. Отвечаю за свой участок, выполняю военный долг, случайно допустил ошибку и за эту ошибку получил тяжелое оскорбление. Вот оно рабство царизма».

Начальник штаба генерал Пневский — великодушный человек, он с первых же дней Советской власти примкнул к народу, работал в Генеральном штабе Красной армии. Он вместе с капитаном Генерального штаба Гаевским ночью сидел за столом в крестьянской избе. На столе полно бумаг и военные карты.

Генерал Пневский посмотрел на меня и тепло улыбнулся. Это на меня подействовало, как валидол для больного грудной жабой.

— Иди, говорит, в команду. Начальнику дивизии на глаза не попадайся, будешь дежурить только на промежуточных станциях.

По-солдатски повернулся кругом, вышел из избы и с облегченным сердцем вдохнул свежий ночной воздух.

Для справедливости должен сказать, что генерал Тумский, оскорбляя меня, матом не обругал, но от этого и деспотом он не стал, никогда с солдатами не разговаривал, в глазах солдат он был чучелом в генеральской форме.

25 марта по дивизии был издан приказ о принятии присяги на верность Временному правительству, буржуазии и помещикам.

Воинские части и команды были построены в виде «каре». В середине была построена трибуна и поставлен большой стол. Поп 20-го полка

в парадном одеянии отслужил торжественный молебен, офицеров окропил святой водой.

Начальник дивизии генерал Тумский произнес речь: «Войну мы должны довести до победного конца, разбить немецкую армию, получить от них контрибуцию».

По команде офицеров солдаты три раза крикнули «Ура!». Представителям солдат слова не дали, говорил только сам начальник дивизии, и неистово орал во время молебна долгогривый поп.

С присяги наша команда вернулась. Еще по дороге солдаты говорили: «Значит, войне конца нет. Царя нет, а воевать по-прежнему».

Телефонисты, придя с парада, поели, и каждый занялся своим делом. Команда была размещена в большом крестьянском доме, спали на глиняном полу, вещевые мешки и шинели сложили у стены, скамеек не было. Одни начали писать письма домой, другие чинить одежду, третьи ловили вшей. Солдаты называли это «разведкой».

Вошел к нам поручик Кознов, его сразу не заметили, он простоял у двери не больше полминуты. Увидел его младший унтер-офицер, гусар, каменщик Шитов Михаил. Он быстро скомандовал: «Встать! Смирно!». Поручик, сын кулака села Усолье бывшего Сызранского уезда, обиделся и решил научить солдат, как нужно любить свободу. Команду построили в избе, передний ряд на 4 шага вперед, кругом, и мы унылые, задавленные смотрим друг на друга, а деспот Кознов ходит между нами и каждому тыкает кулаком в рыло, поговаривая: «Вы почувствовали свободу, царя нет, значит, почета и дисциплины для офицеров нет? Я вас научу, как надо свободу любить!». Он около часа издевался над нами и сделал распоряжение фельдфебелю: всех по 2 часа поставить под ружье против его квартиры. Ставить под ружье начали по 4 человека.

В первую смену попал я, тов. Синельников Антон, пекарь из г. Самары, любимец всей команды, и еще 2 человека. Отстояли смирно 2 часа при полной амуниции, с карабинами на плечах. Ноги одеревенели, отекли, плечи от груза стали словно парализованные. Пришел фельдфебель Агабеков, торговец пиломатериалами из г. Ташкента, скомандовал: «Слушайте мою команду! В ноги! Три шага вперед!». Мы, три человека, команде подчинились, а Антон Синельников нет, он продолжал стоять. Фельдфебель скомандовал еще раз, но Антон стоит. Фельдфебель доложил об этом начальнику команды поручику Кознову.

Кознов и на вид, и по душе был зверь, а не человек. Лицо длинное, угрястое, длинные усы стоят, как козьи рога, голосом злой. Вышел к Синельникову и говорит: «Слушай мою команду! К ноге!». Так скомандовал два раза, Антон стоит. «Устанешь, послушаешь, мерзавец», — сказал ему Кознов. Синельников продолжал стоять.

Румынское село Берсенешти большое, здесь стоят все команды штаба дивизии, комендантская рота, сотня казаков, саперная рота, тяжелый артиллерийский дивизион. Весть о подвиге Синельникова быстро дошла до всех частей.

Команда наша вся взбудоражилась, все возмутились против черносотенной части офицеров. В саперной роте было много рабочих мастеровых, со всех частей шли к нам посланцы и призывали к восстанию.

Офицеры поодиночке начали присылать к нам своих денщиков, чтобы незаметно узнать, что делается у нас в команде. Денщики-холуи сообщали своим офицерам о смятении в команде. Поручик Кознов снова вышел к Синельникову и скомандовал, но Антон не подчинился. Тогда Кознов спросил: «Что тебе, Синельников, нужно?».

Синельников говорит: «Я, георгиевский кавалер, имею на груди все четыре Георгиевских креста и 3 медали. Вы обязаны меня ставить под ружье и снимать со знаменем полка, с духовым оркестром. Вы же попираете все военные законы».

«Мы этого сделать не можем, — говорит Кознов, — полки и оркестры находятся далеко». У Кознова длинные усы начали обвисать, офицеры узнали, что солдаты взбудоражены, возмущены во всех частях, те, спасая свои шкуры, потребовали от Кознова ликвидировать конфликт и предотвратить возможность восстания. Синельников стоит уже больше пяти часов. Саперы и артиллеристы говорят: «Передайте Синельникову — держаться до вечера». Вечером учинили погром всех офицеров — черносотенцев и деспотов, уничтожили как собак.

Поручик Кознов доложил о Синельникове и о настроениях солдат начальнику штаба дивизии генерал-майору Пневскому. Тот подошел к Синельникову, взял его под руки и повел с ним либеральные речи, осуждая действия Кознова.

Антон простоял больше пяти часов, ноги стали подкашиваться. Мягкие ласковые слова генерала вызвали плач тов. Синельникова. На другой день Антона Синельникова отправили в полк, в роту. Но стоячая забастовка рабочего Синельникова оставила глубокий след в сердцах солдат. Телефонная команда стала революционной, активные и передовые люди начали создавать солдатские комитеты. Я был избран в состав солдатского комитета, вместе со мной был избран рабочий из Владимирской губернии, каменщик, гусар Шитов Михаил. Мы с товарищами были организаторами солдатских комитетов в частях дивизии.

Большевистские газеты на Румынский фронт не пропускали, мы их получали от приезжих.

Наша телефонная команда через голову офицеров целыми ночами узнавала, что делается в Ленинграде и в соседних частях и полках дивизии, и все это по телефону передавали по полкам, а полковые телефонисты передавали по ротам и командам.

Буржуазный патриотический угар быстро начал проходить. Мы настояли вернуть тов. Синельникова в команду.

Это была большая победа большевиков.

После присяги на верность Временному правительству, буржуазии и помещикам помещик Тамбовской губернии, начальник дивизии генерал Тумский пошел на позицию по ротам поднимать патриотический дух солдат, проповедовать продолжение войны до разгрома немецкой

армии. Мы, телефонисты штаба, предупредили встретить Тумского по-солдатски.

В окопах уборных не было, солдаты испражнялись тут же в окопах и своей шанцевой лопаткой выбрасывали испражнения наружу. После кратких бесед Тумский и его небольшая свита уходили по окопу дальше, а за ним с маленьких солдатских лопаток летели солдатские «гостинцы». Солдаты облепили его и его свиту достаточно. Следствие по делу не дало никаких результатов, солдаты все заявили, что ничего не знают. Таков был солдатский ответ на намерение продолжать империалистическую войну до победного конца. Чучело в генеральском мундире Тумский не перенес солдатский ответ и сбежал из дивизии, слухи были, что он уехал во Францию.

Части 3-й Туркестанской дивизии с первых дней Февральской народной революции были на стороне революции. Слова «большевик», «Ленин», «долой войну», «братание на фронте», «землю крестьянам», «власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» с каждым днем завоевывали сердца солдат и передовых офицеров.

Оскорбление генерала Тумского, стоячая забастовка рабочего пекаря Антона Синельникова, мое участие в забастовке в 1911 г., пребывание в рабочем кружке на Кругобайкальской железной дороге помогли мне стать стойким большевиком, верным ленинцем с первых же дней Февральской революции.

Неправ был Сталин в своей статье «Об успехах и победах русской революции», что «Провинция ограничилась восприятием плодов победы и выражением доверия Временному правительству» (газета «Правда» от 31 марта 1917 г. и «Комсомольская правда» от 12 марта 1937 г.).

Армия и провинция быстро и единодушно сплотились воедино и начали громить царских сатрапов: губернаторов, исправников, жандармерию, полицию и черносотенных царских офицеров, «...под сокрушительными ударами революционных народных масс рухнули устои самодержавия, и сам народ стал хозяином своей судьбы, своей страны, своего будущего» (передовица «Правды» 7 января 1962 г.).

В силу слабости партии большевиков, отсутствия В. И. Ленина с первых дней Февральской революции (он был еще в эмиграции) государственную власть в России временно захватили буржуазия и помещики, а эсеры и меньшевики им в этом помогли.

Провинция, рабочие, крестьяне, передовая интеллигенция и солдаты на фронте и в тылу активно, дружно, решительно помогли питерским рабочим закрепить свержение царского строя и двигать революцию вперед.

Повсеместно в стране началось бурное революционное творчество народа, начали создавать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзы, рабочие дружины, красногвардейские отряды и т. д.

Сталин-Джугашвили занимал неправильную, небольшевистскую позицию в отношении контрреволюционного буржуазного Временного правительства по вопросу об империалистической войне 1914 — 1918 гг.

Сталин и Каменев поддерживали буржуазное Временное правительство, они не призывали рабочих и солдат на его свержение, они ждали милости от правительства буржуазии и помещиков. «Прежде всего несомненно, что голый лозунг „Долой войну!“ совершенно непригоден, — писал товарищ Сталин. — Выход — путь давления на Временное правительство с требованием изъявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры»*.

Ленинский лозунг «Долой империалистическую войну!» и братание на фронте Каменев и Сталин заменили меньшевистским лозунгом просить начать мирные переговоры.

Нам, сознательным активистам солдатских комитетов, на фронте ленинские лозунги о Временном правительстве и об империалистической войне были по душе, близки и понятны. Мы решительно боролись за них.

*Цитирую по газете «Правда» от 12 / III — 1962 г.

Иван Васильевич Болдин

Уроженец д. Высокая ныне Кадошкинского района РМ. Член РКП(б) с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн. С апреля 1945 г. был заместителем командующего войсками 3-го Украинского фронта. В 1945 — 1951 гг. возглавлял советскую военную администрацию в Веймаре, командовал армией, затем войсками Восточно-Сибирского округа (март 1951 г. — апрель 1953 г.), был первым заместителем командующего Киевским военным округом и начальником гарнизона г. Киева (октябрь 1953 г. — май 1958 г.). С 1958 входил в группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Литературная запись воспоминаний И. В. Болдина была опубликована в 1961 г. (Страницы жизни. М., 1961. С. 7 — 10).

Страницы жизни

Наступил 1914-й год. Началась Первая империалистическая война. Тем же летом меня призвали в армию. Прощаясь с отцовским домом, я и не предполагал, какие испытания готовит мне судьба.

В Инсар, в 23-й стрелковый полк я прибыл с другом детства, одногодком Василием Криворотовым. Пробыли там всего пару месяцев, а затем полк погрузили в эшелоны и отправили на Турецкий фронт.

За два месяца в казарме и за долгие дни, проведенные в теплушке, я со многими сдружился. Особенно близко сошелся с сормовичом Соколовым, рабочим парнем с волжских затонов, потомственным пролетарием. Человек грамотный, общительный, даже веселый, он был осторожным. Такая же у него подобралась и компания — ребята дружные, насмешливые, однако без гонору. Многие к ним тянулись, а они, как я заметил, друзей привлекали к себе с разбором. Познакомившись с Соколовым, попал и я в их сплоченную компанию.

Как-то еще в казарме рассказал ребятам про беседу дяди Ивана с отцом, про свои раздумья после нее. Не знал я, что нужно делать народу, чтобы стать хозяином своей жизни, но понимал, что война еще больше разорит обездоленных людей.

— И почему, — спрашивал я у друзей, — почему офицеры нам говорят, что воевать — это наше счастье? Не хочу такого счастья.

— Так, так, Ваня, — усмехнулся Соколов, — не желаешь, значит, за бога и царя кровь проливать?

— Что они мне дали, чтобы я за них воевал?

— А вот и дали, — с ехидцей заметил сормович. — За это мы их должны благодарить.

— Мели, Емеля, твоя неделя, — ответил я поговоркой.

— Да вот посуди сам. Кто землицей Столыпина вашего наградил, чтоб ты на ней хребет гнул? Царь-батюшка. А кто меня заставлял до седьмого поту работать за кусок хлеба? Опять же он — самодержец наш. Кому спасибо за то, что твой дружок Васька двадцать лет прожил, а в грамоте, как баран, ничего не смыслит? Конечно, царю. Сроду мы, кроме лаптей да опорок, ничего не носили. А теперь, глядишь, в казенные сапоги обулись, в серое суконце оделись. Кому за это низкий поклон? Еще раз — царю. Будет у нас и покой, будет и землица — по три аршина на брата. Тоже от бога, тоже от царя. А ты за них помирать не хочешь, от счастья отказываешься. Эх ты, темнота, черная кость, неблагодарная душа.

Все, конечно, хохотали, но разумели, что за этими шутками кроются серьезные мысли. Соколов к себе располагал особым чувством справедливости и какими-то новыми знаниями. Слушали мы его охотно, хотя многого не понимали. Он нам объяснял, что такое самодержавие и капитализм, рабочий класс и крестьянство. От него мы впервые услышали о революционерах, большевиках.

Эшелон шел медленно, иногда долго стоял на станциях, но наконец мы добрались до фронта и сразу же попали в Саракомыш, обложенный турками. Началась тяжелая окопная жизнь. За три года пришлось участвовать во многих сражениях. Особенно памятны бои за первоклассную по тому времени крепость Эрзерум. Был я и в Карсе, был и на других участках фронта. Немало товарищей полегло, к смерти и крови мы пригляделись вдоволь. Не пощадила и меня вражеская пуля — ранила в руку.

Но где бы ни приходилось бывать, я всюду встречал если не самого Соколова, то таких же людей, как и он. Они всегда знали не только то, что делается на нашем и других фронтах, но и в глубоком тылу. Они доставали газеты, получали особые письма и листовки. И обо всем, что узнавали, старались поведать каждому солдату.

Следует сказать, что характерное для других фронтов было и у нас. Все острее становились протесты против войны, все чаще повторялись случаи дезертирства. Некоторые части отказывались стрелять, ходить в атаку. Как всюду, так и у нас происходило братание солдат. В частях и соединениях появились солдатские комитеты. В бурной горячке предреволюционных дней избрали и меня в полковой комитет, а затем и в дивизионный.

Весть о Февральской революции пришла к нам внезапно, как приходит ледолом, когда речной панцирь долго буреет, вздувается, пучится, а потом вдруг дыбится, взрывается и могучим вешним потоком уносится в небытие. Падение самодержавия было встречено у нас ликованием. И не только солдатской массой, но и большинством офицерства. Появились красные флаги, красные банты. Созывались митинги, произносились речи. Но каждый задавал себе вопрос: что же будет дальше? Война до победы или немедленный мир? И снова в вихре событий столкнулись классовые интересы двух противоположных сил.

Месяц за месяцем уходил, а войне все еще не видно было конца. Гневом кипел фронт, тревожные письма получали солдаты из дому. И, несмотря на угрозы офицеров, дезертирство усилилось.

К осени наш полк попал на переформировку. Командовал им в то время подполковник Лабунский. Это был помещик средней руки, незлой и неглупый. Он превосходно знал настроения солдат и в это опасное время пытался играть роль демократа. Бывало, зайдет в казарму и непременно скажет:

— Революция революцией, братцы, а воинскую присягу и долг свой не забывайте!

Это была его любимая фраза. Однажды, беседуя с солдатами о событиях в Питере, Лабунский сказал:

— Всякая власть держится на кончике вашего штыка.

— Это верно, — ответил ему Синицын, о котором, как и о Соколове, говорили, что он «в большевиках ходит». — Дело только в том, куда этот кончик повернуть. Мы вот думаем не о вашей, а о своей, народной власти. Ради нее и стоит штыки держать острыми.

Послышались слова одобрения. А подполковник рассеянно посмотрел вокруг и заспешил к выходу:

— Мои уши сейчас ничего не слышали.

— Напрасно, — бросил вдогонку солдат. — Только народная власть! Иначе и быть не может!

Когда дверь казармы закрылась за подполковником, Синицын спросил у солдат:

— Известно ли вам, что сейчас в Питере творится? Нет? Так слушайте. Рабочие, солдаты и матросы хотят сами взять власть в свои руки. Ими руководит Ленин — вождь большевиков. Он стоит за мир и свободу. Чтобы помещиков и фабрикантов долой, землю отдать крестьянам, заводы — рабочим.

Мы слушали как завороженные. Но сомнение тревожило сердце: удастся ли совершить такой переворот? Ведь Россия огромна, а много ли у Ленина сил? Правда, само слово «большевик» рисовало Владимира Ильича гигантом, могучим и бесстрашным богатырем.

Вскоре из части в часть по всему фронту промчалось новое сообщение: в Петрограде и Москве победила социалистическая революция и покатилась лавиной по всей стране.

Это известие несказанно обрадовало нас: наконец-то наступит долгожданный мир, а трудящиеся получат свободу. По примеру других солдат и я явился к Лабунскому с рапортом об отпуске. Командир полка прекрасно понимал, что отпускники назад на фронт уже не вернутся. Однако ссориться с нами он тоже боялся. Подполковник посмотрел на меня, повертел рапорт в руках, подумал и отрубил:

— Ладно, поезжай!

Так в декабре 1917 года я возвращался с фронта.

Павел Дружинин

Русский поэт. Начал печататься в 1910 г. В 1911 — 1914 гг. служил в 180-м Виндавском пехотном полку, размещавшемся в Саранске. Здесь им был написан цикл стихов «Приказная окрошка». Публиковался в альманахе «Литературная Мордовия» (Саранск, 1950. № 3 (7). С. 135 — 146) и в сборнике «Записки о Саранске. XVIII — XX вв.» (Саранск, 1991. С. 138 — 140).

Через тридцать лет

В Союзе советских писателей, в Москве, я получил командировку в Саранск. В этом городе я был лет тридцать с лишним назад. И вот, уже сидя в вагоне поезда, я отдался некоторым воспоминаниям. Я представил себе саранские улицы: плохонькие деревянные тротуары с провалившимися досками, приземистые кирпичные дома вперемежку с деревянными домиками, лабазы, пыль, грязь незамощенных улиц и сверх меры захламленную базарную площадь с пожарной каланчой и городской полицейской управой. Через дорогу, на спуске к мосту, против самой управы возник в моем воображении саранский собор. Далее — внизу, за Саранкой — Пушкинский сад, площадь конного базара, церковь Успения, улицы, идущие к казармам...

В обычные дни в городе царствует сонная саранская тишина. Изредка простучит каблуками по деревянным настилам солдат-вестовой, протренькает шпорами офицерик в щегольском кителе, пройдут две-три бабы с котомками, барыня из саранских купчих, в широкодонном суконном картузе владелец какой-нибудь «бакалеи», протарахтит одинокий тарантас, телега...

Я пробую представить Саранск в базарный день. Передо мной возникает лес оглобель, поднятых вверх в виде стволов зениток над телегами, возле которых лениво прожевывают корм крестьянские лошадки, а меж телег снует взад и вперед толпа мужиков в армяках, в лаптях, в драных картузах и шапчонках, бабы в широких сарафанах, мордовки в белых расшитых рубахах и пулаях, в сапогах «гармошкой» или в лаптях и белых шерстяных онучах, высоко и толсто намотанных на ноги — независимо ни от какой погоды. Здесь же мелькают засаленные пиджаки и картузы барышников, чернобородых цыган, кокарды чиновников, цветные зонтики офицерских жен, прибывших на базар за провизией в сопровождении расторопных денщиков. Все это скопище телег, тарантасов, людей утопает в крике, в ругани, в лошадином ржанье, в поросячьем визге и в облаках душной летней пыли.

Именно таким я знал Саранск (в 1912, 1913 и 1914 года), когда служил в 180-м пехотном Виндавском полку. В этом роде мне привелось побывать еще раз в 1917 году.

Среди уездных городов Пензенской губернии Саранск до революции значился первым по численности населения, по застроенности, а также, видимо, и по культуре. Здесь были женская гимназия, реальное училище и впоследствии — учительская семинария. Конечно, эти учебные заведения в то время строились на очень ограниченный круг учащихся из семей богатых и привилегированных людей. Из доступной культуры для народа в Саранске имелось два небольших кинематографа, которые эксплуатировались частными лицами. Но в этих кинематографах показывались картины, главным образом, любовного содержания, рассчитанные на вкус мещанского обывателя. На экранах мелькали затянутые в узкие платья и фраки выплощенные фигуры героев и героинь бульварных романов, изображающих или скучающих от безделья «аристократов», или ловких дельцов наживы.

Для развлечения простонародья в Саранск во время ярмарок наезжали балаганы и карусели. В балаганах можно было увидеть за десять копеек чудо природы — женщину с рыбьим хвостом, женщину с окладистой бородой, маленьких людей-лилипутов, фокусников, плясунов, глотателей шпаг и горящей пакли. Впрочем, эти народные развлечения посещались и «чистой» публикой. Только «чистая» публика, вроде исправника, уездного предводителя дворянства и чиновников с их женами и домочадцами, появлялись в балаганах уже на вечерних представлениях, которые давались по усиленной «грандиозной» программе. В это время, помимо фокусников, шпагоглотателей и паклеедов, на подмостках балагана можно было увидеть несколько дополнительных номеров какой-нибудь клоунады и в заключение русский хор. В русском хоре, кроме самого хозяина балагана, обычно выступало несколько подозрительных субъектов с пропойными голосами. Наряжены они были в облинявшие кафтаны, плисовые шаровары, а женщины — в холщовые, с цветами ручной набойки, сарафаны и высокие, отделанные стеклярусом кокошники.

Бедно выглядел летний театр в Пушкинском саду. Это было нечто вроде досчатого сарая с земляным полом, с рядами примитивно устроенных скамеек на «столбушках», врытых в землю. Здесь давались спектакли заезжими труппами гастролирующих и провинциальных актеров.

В саду играла духовая музыка. Сад заполнялся местной интеллигенцией, гимназистками, офицерами и чиновниками с их женами и любовницами. Нижним чинам посещать сад не разрешалось, как, впрочем, не разрешалось вводить в сад и собак. Однако, несмотря на эти строгие собачьи правила, некоторые солдаты из нестроевых, из денщиков, как более «привилегированные» и менее всего дисциплинированные, свободно пробирались в сад через забор. Я служил писарем в полковой канцелярии и тоже иногда пользовался этими неписаными правилами посещения Пушкинского сада.

Сейчас, через тридцать с лишним лет, я вижу другой, новый, советский Саранск, столицу Мордовской республики. Тридцать лет для человека – это большой срок. За это время утекло немало воды даже в такой речке, как Саранка. Но, что в сущности, могло бы измениться в

облике Саранска при прежних условиях его существования? Не произойди Октябрьская революция, не установись в России советская власть, — странно было бы даже предположить, что в Саранске вообще когда-нибудь появятся многоэтажные правительственные здания, институты, большая, столичного типа гостиница, жилые благоустроенные дома с водопроводом, электричеством, канализацией; замостятся, заасфальтируются и озеленятся деревьями улицы города, площади и скверы украсятся памятниками, раскинутся новые скверы и парки, в частности старый маленький Пушкинский садик увеличится до размеров большого, настоящего Парка культуры и отдыха трудящихся с хорошим летним театром, с открытой сценой для концертов и спектаклей, с летним кино, с аттракционами, с читальнями, с детскими площадками и т. д. и т. п., а в самом городе возникнет надобность в постройке больших заводов, стадиона для спортивных соревнований, образуется издательство, которое будет издавать книги на трех языках, альманахи, журналы, появятся несколько редакций газет и организуется Союз советских писателей Мордовии.

А между тем все это сейчас в Саранске есть. Но не только это. Мы, советские люди, давно уже перестали удивляться таким простым вещам, как строительство новых городов, фабрик, заводов, железных дорог, вокзалов и особенно театров, школ, санаториев, детских домов, колхозных клубов, потому, что слишком велики масштабы строительства в нашей стране, слишком огромны в этом наши достижения. Мы привыкли и к тому, что народ у нас весь поголовно стал грамотным, что среднее и высшее образование у нас в Советском Союзе доступно всем и каждому. Мы только знаем одно, что все это очень хорошо, но мы к этому привыкли, потому что вся эта культура приходит к нам на наших глазах, и мы часто и вполне естественно не удовлетворяемся тем, что у нас имеется, нам хочется большего. И эта неудовлетворенность и жажда большего тоже понятны, так как они являются главным стимулом к прогрессу, к движению вперед, к коммунизму.

Но вот случается так, когда не видишь, как застраивается город, а видишь его через десятки лет застроенным, и начинаешь сравнивать с тем, чем он был до этого, тогда невольно, как бы в растерянности, оглядываясь назад, снова как-то свежее, ярче и более полнее ощущаешь весь размах социалистического строительства и всю созидательную силу советского народа.

Иван Семенович Евстафьев

Участник Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. в Петрограде. Во время Гражданской войны в составе Красной армии воевал на Восточном фронте, с августа 1920 г. — на Южном (против войск Врангеля). В 1921 — 1923 гг. был начальником продотряда в Челябинской и Свердловской областях. В 1935 г. был переведен на работу в Саранск, где до 1941 г. занимал должность председателя Обкома союза леса и сплава. Воспоминания были записаны в 1961 г. Рукопись хранится в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (И-832. Л. 4 —12).

«Воевали мы плохо...»

Осенью 1913 г. был призван в старую армию и служил до 20 июля 1917 г. Все время был с 1914 г. на фронтах империалистической войны — на Австрийском фронте. Сначала в Галиции, затем уже на Карпатских высотах. В старой армии получил звание старшего унтер-офицера и награды — Георгиевский крест 1-й — 2-й степени. Воевали мы плохо, часто не хватало патронов и для артиллерии снарядов. Плохой был командный состав, даже у нас командир дивизии был немец Фельдман. Была и измена, благодаря которой все сначала нами завоеванное отдали обратно австрийцам, и отошли мы за свои старые границы. Если бы командный состав был бы такой у нас как во 2-ю Отечественную войну, мы бы тогда с Германией разделались.

А в марте в России совершилась буржуазно-демократическая революция, было свергнуто царское правительство во главе с его царем. Это известие охватило радостью всех в армии — на фронте и в тылу. Солдаты стали уже понимать, что ведущаяся старым царским правительством эта империалистическая война является бесполезной и даже для власти она была вредной и губительной. По всей армии солдаты стали отказываться идти в наступление, в частях не хватало патронов, снарядов и продовольствия для солдат армии. Снабжение оружием и продовольствием было очень плохое, в армии стало большое недовольство и брожение. Кроме того, старое царское офицерство тоже было в заблуждении, они обманывали массу солдат, что нужно выбрать нового царя — то Михаила, то Николая Николаевича, то какой-либо парламент, но не народную власть. Вот поэтому офицерство потеряло всякое доверие солдат армии. Солдаты требовали немедленного мира, свободы, народу — хлеба, продовольствия, а не возврата старой власти или буржуазного правительства. Солдаты уже не верили офицерству за их обман. Русские войска прекратили на фронте наступление. И оно по всему фронту перешло в сильное революционное брожение. С центра

на фронт правильных сведений не поступало, офицеры всячески старались все скрывать от солдат, гнать на фронт в наступление против немецких войск. А царя де будем выбирать нового, хорошего, за то их стали выгонять и вместо них выбирать своих командиров из младшего комсостава унтер-офицеров из грамотных и лучших. Вторые ставили во всех полках и дивизиях для правильного руководства солдатской массой свои полковые и дивизионные комитеты, из более революционно настроенных и грамотных младших командиров и хорошо развитых солдат. Вот уже эти новые революционные комитеты привели революционное движение солдат в правильное положение и правильное освещение всех происходящих событий на фронте и в центре, городах, в селах и деревнях в тылу. Наши комитеты должны были знать, а что делается в центре революции — в Петрограде и по всей России, городах и селах, деревнях. Они стали для этого посылать из числа своих комитетов членов, из частей по 1 и 2 человека для связи с центром в Петрограде. Вот я в том числе был послан как член комитета. Нас из части послали двоих. И вот, когда мы приехали в Петроград, нас уже таких оказалось много. Нас поместили в казарму, что за Невой, в новые, хорошие казармы, организовали из нас роту, назначили к нам командиром роты поручика уже раненого на фронте Петрушина П., который уже был на фронте. Он сразу нам объяснил, что весь Петроградский гарнизон против войны, и на фронт они не хотят ехать. Так сообщайте всем частям.

А дальше мы уже сами ознакомились с положением и бытом революции, в центре Петрограда и в тылу, городах и селах. Стали правильно сообщать в свои части. Свободно ходили по городу, бывали в воинских частях Петроградского гарнизона, на заводах и фабриках, где мы стали больше узнавать правду о дальнейшем бытие. В то время мы больше узнавали на заводах, фабриках, больше выступали большевики, которые говорили за власть советов, за социалистическую революцию, против существующей войны, за немедленный мир, долой войну, за хлеб. Для крестьян — всю землю, для всех — свободу, за власть рабочих, крестьян, долой Временное правительство Керенского, да здравствует Социалистическая революция, да здравствует Великий Ленин и его Коммунистическая партия большевиков!

К нам в роту много приходило ораторов, но они все были не наши: меньшевики, эсеры и разные военные монархисты и анархисты. Но нас они уже не удовлетворяли. И мы даже часто и не слушали. На задаваемые им нами вопросы они не отвечали. Они опирались только на будущее Учредительное собрание, что оно соберется и все вопросы разрешит. Это были представители Временного буржуазного правительства, которое и не думало какие-либо требуемые вопросы народом и солдатами разрешать.

Но вот к нам пришел рабочий, это был большевик, который рассказал нам о себе и показал свои документы. Вот он нам подробно рассказал о положении в стране, о революции в центре и на местах и за что партия большевиков в данное время борется. Мы ему много зада-

вали вопросов о мире, земле, хлебе и власти. Он нам ответил, что вот мы, наша партия за это и борется <...>.

В следующий раз они к нам пришли вдвоем <...>. Они нам сообщили, что в городе с 1 по 5 июля будут проходить демонстрации, митинги рабочих, войсковых частей наших. Выйдут рабочие всех заводов города и революционные воинские части. С лозунгами: «Вся власть советам!», «Долой войну!», «Мир, хлеба, свободу!». И вам выйти бы не мешало по охране нашей рабочей колонны. Но вот мы всей ротой дали наше согласие выйти к ним на демонстрацию по охране этой рабочей колонны со 2 по 5 июля 1917 г. в полном боевом вооруженном порядке. Мы, посоветовавшись, приняли свое решение. В связи с тем, что наш командир роты, ввиду его инвалидности, не может идти с нами, он нам предложил избрать своего командира роты и к нему заместителя и политрука и им поручить подготовить роту в полную боевую готовность. И ждать прихода за нами командира колонны. Я в то время был в старой армии старшим унтер-офицером. Вот они, солдаты, и избрали меня командиром роты, мне они приказали быть всегда роте к бою готовой — к выходу к колонне. Мы роту хорошо подготовили, нашли в казармах склад с оружием, и что было нам нужно, мы взяли.

И полностью вооружились винтовками, гранатами, наганами и револьверами, кому что понравилось, а мне дали наган и шашку офицерскую. В складе были разные системы кинжалов и бомбы. А об оставшемся оружии мы доложили командиру колонны, который все это оружие увез на их завод. А нас очень за это поблагодарил. И все они, их комитет был нам очень благодарен, что у них есть теперь свое оружие с боеприпасами.

Федор Григорьевич Матюшкин

Уроженец с. Кузоватова ныне Кузоватовского района Ульяновской области. Член ВКП(б) с 1925 г. В 1909 — 1916 гг. — рабочий лесозавода станции Кузоватово; 1916 — 1917 гг. — рядовой солдат, заместитель младшего унтер-офицера 137-го запасного полка (г. Пенза). После службы в Красной армии (1923 г.) работал грузчиком артели, заместителем директора лесозавода сельскохозяйственного товарищества, затем заведующим Ура-Тюбинской стройконторы (Таджикская АССР), начальником заставы 47-го пограничного отряда на афганистанской границе, преподавателем высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, штатным консультантом, заведующим отделом агитации и пропаганды Саранского ГК ВКП(б), первым секретарем Лямбирского, секретарем Саранского РК ВКП(б), начальником политотдела Рузаевской МТС; заведующим организационно-инстукторским отделом СМ МАССР. Награжден 2 орденами Красного Знамени, Отечественной войны 3-й степени. Рукопись воспоминаний хранится в ЦГА РМ (Ф. 5977-П. Оп. 2. Д. 19. Л. 2 — 103).

Воспоминания

Призыв в солдаты

Когда началась империалистическая война в 1914 г., мне исполнилось 17 лет. В то время я работал на железной дороге, а перед призывом — на лесопильном заводе. До войны в царскую армию призывали людей в возрасте 21 года, и я никак не мог подумать, что придется в скором времени попасть на фронт. Но война затянулась, и она требовала колоссальные материальные и людские резервы.

Чтобы своевременно пополнить потери людского состава на фронте, царское правительство беспрерывно проводило мобилизацию людских резервов: в январе 1915 г. проводилась мобилизация мужчин 1895 года рождения, в августе — 1896 года рождения, а в мае месяце 1916 года — 1897 года рождения. Кроме молодых возрастов за это время проводилась мобилизация белобилетников, ратников, ополченцев и т. д.

В мае месяце 1916 г. и я был мобилизован в царскую армию. О мобилизации нашего возраста было объявлено за месяц раньше до призыва. Нас, рекрутов, в селе было сорок девять человек, конечно, кулацкие сынки сразу же после объявления о мобилизации начали гулять, каждый день проходили с гармошками вдоль улиц села, распевая похабные частушки, но нам, рабочим, батракам и беднякам, было не до гулянья, потому что не хватало средств на пропитание, и мы вынуждены были работать до самого дня призыва.

Правда, молодой возраст бывает один раз в жизни, но мы его не смогли использовать так, как живет молодое поколение при советской власти. Мы были безграмотными, постоянно жили в нужде, получали мизерную заработную плату, 35 — 45 коп. за рабочий день, а продолжительность рабочего дня достигала 12 — 15 ч, а у батраков, которые работали на кулаков, — от зари до зари. Была неимоверная дороговизна на продукты питания и на другие товары народного потребления.

Хотя мы и переживали все эти трудности, но по воскресным дням, а иногда и по вечерам хороводничали с девчатами. Молодость, она свое требует, хочется поговорить с хорошенькой девочкой, обласкать ее, а таких мордовочек в селе было немало, а тут идет кровопролитная война, и задумаешься: скоро призыв, а там — в солдаты, угонят на фронт, может и не вернешься в живых, на фронте всякое бывает: и калечат, и убивают. Уговоришь своих товарищей гармошку в руки [взять], и с песнями [ходим] вдоль улицы. Девушки нам сочувствовали и даже жалели нас. В то время про новобранцев девчата сочинили частушки. Вот некоторые из них:

Рекрутики, рекрута,
Майские цветочки.
Вы гуляйте, рекрута,
Последние денечки.
Вас погонят новобранцев,
На германскую войну.
И покосят новобранцев,
Как зеленую траву.

А вот и сами новобранцы сочинили:

У большой дороженьки,
Стоит круглая сосна.
А под этой под сосенкой,
Плачет милая моя.
Ты не плачь, моя милая.
Ты не плачь-ка обо мне.
Ведь не каждого солдата,
Убивают на войне.

Обычно в то время в деревнях во время прогулки рекруты собирались на площадях села или же возле девушек, пели вместе с ними песни, играли на гармошке, а иногда и пускались в пляс, а вокруг них собралось много граждан, особенно детворы.

После жалобных и трогательных песен и частушек у многих женщин появлялись на глазах слезы. Да и на самом деле не было такой семьи, чтобы кто-нибудь из родных не находился на фронте. Кроме

того, каждый день получали вести с фронта об убитых, без вести пропавших и искалеченных.

Помню, был такой случай.

В День престольного праздника Николы, 9-го мая по старому стилю, мы собрались на церковной площади, для того, чтобы вместе идти с девчатами в лес Инелейку. Так было принято: в этот праздник вся молодежь ходила на массовые гулянья.

Пока собиралась молодежь, мы пели песни, играли на гармошке, народу собралось очень много, и вот вдруг около почтового отделения, которое находилось недалеко от церковной площади, поднялся шум, женские вопли с криками: «У-би-ли! Убили!! Убили!!!». Мы все побежали туда. Начальник почтового отделения читал извещение, полученное с фронта, в котором указывалось, что христолюбимый воин из села Кузоватова Сенгилеевского уезда Симбирской губернии Бояркин Дмитрий Денисович на поле брани живот свой положил за веру, царя и Отечество против иноземных врагов. Дети его до совершеннолетнего возраста будут обеспечены пенсией от государя самодержца всея Руси. В этот же день такие аналогичные извещения были получены и на других крестьян. Эти извещения произвели на нас ошеломляющее впечатление. Наши песни и гармошка замолкли, ребята приуныли. Но среди присутствующих находились раненые, вернувшиеся из военного лазарета. Они подошли к нам и крикнули: «А ну, будущие вояки, что приуныли? Не робей, волков бояться — в лес не ходить, давай, пошли на Инелейку». Так по-мордовски называется речушка, которая впадает в реку Свиягу. После недолгих колебаний все же массовый поход в лес состоялся.

Огромные человеческие жертвы, палочная дисциплина, мордобитие, оскорбление и унижение, про которое рассказывали старые солдаты, служившие в рядах царской армии, не радовали нас, новобранцев. В конце мая месяца 1916 г. нас отправили в уездный город Сенгилей. Ехали мы туда на перекладных подводах. После приезда, на второй день, прошли призывную комиссию. Во время прохождения призывной комиссии, как на грех, на меня напал сильный кашель. Когда меня вызвали ближе к столу, где сидели члены призывной комиссии, я снова начал кашлять. Подошел ко мне один из членов комиссии в военной форме, схватил меня за плечо и крикнул на меня: «Ты чего так кашляешь? Наелся чего-нибудь перед тем, как идти на комиссию, неохота тебе защищать веру, царя и Отечество». Затем он схватил меня за локоть и оттолкнул от стола, одновременно крикнул: «Годен на военною службу!». И я тут же вышел из призывной комиссии, вот себе думаю: «Нахалы! Зачем назначают комиссии, когда не спрашивают о состоянии здоровья?». Тут мои товарищи стали спрашивать меня: «Ну как, Федор?» Я им ответил: «Зайдете туда и узнаете». Сам показал рукой на дверь.

На второй день после прохождения комиссии нас собрали около воинского присутствия и сделали проверку, а на третий день в походном порядке отправили в город Симбирск. Там нас разделили по роду

войск: артиллеристов — в Казань, кавалеристов — в Сызрань, а пехотинцев — в Пензу. Я попал в пехоту, и в тот же день, вечером, с эшелоном нас отправили в Пензу, в 137-й запасной полк. Следует заметить, что на пензенском вокзале нас встречали с военным оркестром, который сопровождал нас до расположения полка.

Военная служба в царской армии

Военная служба в царской армии, а особенно в период войны, была очень тяжелая, солдат был всегда под угрозой, он не имел никаких прав, его били, наказывали дисциплинарными взысканиями, его оскорбляли и унижали. Особенно трудно было солдатам из нацменьшинств. Солдат мог отвечать на вопрос своих командиров только так: «Слушаюсь!», «Так точно!», «Никак нет!», «Извиняюсь!». Больше он не имел никаких прав разговаривать с начальством. Вот поэтому и произошла солдатская поговорка, кто такой солдат. Солдат есть полковая лошадь. Лошади не разговаривают со своими хозяевами, следовательно, и солдат не должен много разговаривать со своими офицерами.

Дисциплинарные взыскания были для солдат очень тяжелые, за малейший проступок он подвергался жестокому наказанию: под винтовку, на гауптвахту и плюс к этому получал пощечину. Кроме всего этого его всячески оскорбляли и унижали, особенно солдат нерусских национальностей. Их называли инородцами, давали им оскорбительные клички: противная твоя мордовская морда, татарская рожа, слепая чувашская образина, башкир называли потомками Чингисхана, украинцев — хохлами, евреев — жидами и т. д. Даже по месту жительства солдат носил кличку. Так, например, солдата из Симбирской губернии называли лапотником, Пензенской — толстопятым, Тамбовской — труболетом, Курской — соловьем, Владимирской — богомазом, Рязанской — толстобрюхом и т. д. Все эти клички создавали у солдат большую ненависть к царскому режиму.

После двухнедельного карантина нас зачислили в стрелковые роты. Вот здесь и началась моя военная служба в старой роте.

В ротах ежедневно, кроме воскресных дней и религиозных праздников, проводились усиленные занятия по 12 — 15 ч, из них, как правило, больше половины времени уделяли на строевые занятия (муштровка), большое время также уделяли на словесность, совершенно мало времени было на стрелковое дело и на тактические занятия.

Нам, солдатам нерусской национальности, очень тяжело было заниматься по словесности. Трудно усваивали титулование царя, его членов семьи, каждого в отдельности и всю придворную сволочь во главе с чудовищным Распутиным. Нужно было изучить титулования от своего командира отделения до командующего военным округом и т. д. и т. п. Надо было также изучить, кому и как отдавать честь, кому встать во время приветствия во фронт.

Срок обучения новобранцев был установлен около двух месяцев, но больше всего срок обучения зависел от военных событий на фронте.

Затем отправляли их на фронт. За такой короткий срок обучения многие солдаты не осваивали элементарные знания военного дела, что необходимо знать солдату в боевой обстановке. Даже материальную часть винтовки, а это было личное оружие солдата, не могли освоить, как это положено. Да и не хватало их, так как на каждый стрелковый взвод выдавали по одной трехлинейной винтовке русского образца, а остальное оружие было заграничной марки (Гра, Виттерли, японки и наши старые берданки). В роте, где я находился, солдаты были разных национальностей: мордва, чуваши, татары, украинцы и других национальностей, над которыми издевались больше всех. В нашей роте был такой случай: на занятие по словесности пришел ротный командир, штабс-капитан Янковский, он особенно отличался рукоприкладством, для него ударить солдата [было] большое удовольствие, особенно он был свиреп, когда находился в нетрезвом состоянии или же с похмелья. От него не отставал и фельдфебель роты Ласточкин. Занятия проводились в поле, на солнцепеке, как говорили солдаты, по отделениям. В отделениях в то время насчитывалось до 20 солдат. Когда он подходил к нам, командир отделения подал команду: «Смирно!» и сам подбежал к нему с рапортом. Янковский принял рапорт, затем подошел к нам, с нами он не здоровался, а мы не очень-то и нуждались, чтобы он с нами здоровался, подошел к одному из солдат, по национальности он был татарин, и крикнул на него во всю горло:

— Что мотаешь головой, как лошадь, татарская твоя рожа?

Мы все точно замерли и стояли неподвижно. Солдат молчал, зашевелил своими губами, но ничего не ответил. Тогда Янковский ударил его в висок. Солдат еле удержался на ногах. Затем Янковский снова спросил его:

— Кто является командующим Казанским военным округом?

— Его благородие андыс мондыс Сондятский, — ответил солдат.

— Как, как? А ну, повтори.

Сюбкаев повторил то, что сказал раньше.

— Сволочь, татарская мурза, что ты хулиганишь?

Янковский спросил рядом стоящего солдата:

— А ну, ты скажи, кто является командующим Казанским военным округом?

— Командующим Казанским военным округом является Его высокопревосходительство генерал от инфантерии (пехоты) Сандетский, — ответил солдат.

Янковский снова обращается к Сюбкаеву и спрашивает его:

— Слыхал, как надо титуловать командующего?

Сюбкаев молчит.

— А ну, мулла татарская, повтори.

Сюбкаев снова путает титулования командующего.

— Дурак, — крикнул Янковский на Сюбкаева.

Сюбкаев снова молчит. Янковский подходит вплотную к Сюбкаеву и заставляет кричать словами: «Рядовой солдат Сюбкаев — дурак».

— Дурак, — ответил Сюбкаев.

— Кто дурак?

— Сондэтской.

Тут Янковский в буквальном смысле рассвирепел и ударил Сюбкаева по переносице кулаком, тот не удержался на ногах и упал на землю, из носа у него пошла кровь. Янковский приказал отделенному командиру Романенко, чтобы вечером Сюбкаева поставили на два часа под винтовку, а сам ушел в другой взвод.

После ухода Янковского Романенко прочитал нам хорошую нотацию.

Вечером Сюбкаева поставили под винтовку с полной выкладкой.

На второй день во время вечерней проверки мне тоже попало, как следует. После переклички начали петь гимн «Боже, царя храни», а я о чем-то задумался и не пел и даже не обратил внимания. Фельдфебель Ласточкин находился около меня, а он, по-видимому, заметил, что я рот не разевал. После окончания гимна он скомандовал:

— С-ми-р-но!

Вся рота онемела, затем он спросил Романенко, как моя фамилия. Тот сообщил, после чего Ласточкин на весь плац скомандовал:

— С-ми-р-но! Рядовой солдат Матюшкин, выйти из строя!

Я тут же вышел, но почему-то я не сразу понял свой поступок, который я совершил.

— Ты почему не пел? — спросил меня Ласточкин.

— Горло болит, — ответил я ему, — у меня ангина.

— Ах ангина! Четыре часа под ружье, да с полной выкладкой.

Так и пришлось мне отстоять четыре часа под ружьем за «Боже, царя храни».

Я уже указывал, что большое внимание обращали на отдание чести, на что отводили больше времени, чем стрелковой подготовке и тактическим занятиям. Эти занятия проводились больше всего на практике. Здесь муштровали, как надо подходить к офицерам и как обратиться к своему непосредственному начальнику, при присутствии старшего начальника, как надо отдавать честь на ходу, когда встречаешься с офицером или же с генералом, нужно было знать, какие знаки различия носят офицерские, штаб-офицерские и генеральские чины. При встрече с офицером надо проходить строевым шагом и, не доходя трех шагов, руку приложить к головному убору, перед генералом стать во фронт, затем руку приложить к головному убору, и когда он скажет вольно, тогда опустить руку от головного убора и продолжать идти.

И вот случился со мной такой неприятный конфуз, о котором даже и писать неудобно, но все же придется написать. Случился со мной этот конфуз после месячной военной подготовки. Приехали к нам из деревни родные. Ко мне приехала мать. К кулацким и зажиточным сынкам приезжали родные с деньгами и с хорошими подарками, с вокзала нанимали легковых извозчиков и ехали в расположение части с большим комфортом, быстро находили хорошие квартиры, преподносили подарки унтер-офицерскому составу, а офицерскому составу накрывали приличные столы и давали взятки за то, чтобы их сынки не попали на фронт. Те охотно соглашались. Но наш брат этого сделать

не мог, потому что к нам родные приезжали с сухарями. Когда мне сообщили, что ко мне приехала мать и ждет меня на вокзале, я даже напугался, потому что бедным солдатам очень трудно найти в городе квартиру. Кроме того, за квартиру надо платить деньги, а их взять негде. Больших трудов стоило получить увольнительную записку. Но раз приехала мать, а мать есть мать, надо действовать. Я обратился к своему непосредственному начальнику, отделенному командиру с просьбой, чтобы мне дали увольнительную записку на пассажирский вокзал для встречи с матерью. Нужно отдать справедливость командиру отделения, который вошел с ходатайством по команде, и я получил просимое, т. е. увольнительную записку. Поблагодарив своего командира отделения, я тут же побежал на вокзал. Мне нужно было идти не по центральной улице, а по захолустьям, но я от радости не обдумал это и пошел по центральной. Время было летнее, погода жаркая, вечерело. По тротуарам проходило много горожан, среди которых было много гуляющих офицеров. Дело у меня шло хорошо. Офицерам, которых я встречал, отдавал честь так, как нас учили. На мое приветствие некоторые офицеры прикладывали руку к головным уборам, другие, вроде нашего Янковского, внимания не обращали на мое приветствие. Вот, думаю, сволочи какие! Я им отдаю честь по всем правилам, как нас учили, а они на мое приветствие никакого внимания не обращают. А не приветствовать — они сейчас же тебя отправят на гауптвахту. Только я так замечтался, как смотрю, навстречу мне идет один из офицеров. На нем все обмундирование блестело, брюки с лампасами, на левом боку серебряная шашка, а на правом — в кобуре пистолет, погоны против солнышка сверкают, как зеркало, фуражка набекрень, из-под фуражки был виден курчавый черный чуб. Ну, думаю, это идет генерал, конечно, я еще генералов в лицо не видел, а запомнил, как нам объясняли на словесности, что из себя представляет генерал. Как только он стал подходить ближе ко мне, я дал строевой шаг и, не доходя до него три шага, стал во фронт и приложил руку к головному убору, а он на меня не обратил никакого внимания и зашел в магазин, который находился тут же, где я встал во фронт. И вот стою на месте, как чучело гороховое, руку держу у головного убора, потому что нас так учили, не уходить с места до тех пор, пока генерал не скажет вольно. Я в таком положении простоял, наверно, около двух — трех минут, горожане проходили мимо меня и удивлялись, а у меня даже устала правая рука. Наконец, смотрю, он выходит из магазина и тут же подходит ко мне вплотную, глаза у него сверкают, как у бешеного волка. Я сразу испугался, аж поджилки мои затряслись, ну, думаю, пропал, наверное, честь отдал не по правилу устава внутренней службы. А он как крикнет на меня:

— Ты, оболтус, что стоишь, как пензенская статуя, город срамишь? Прочь отсюда, болван.

И дал мне такого леща, что у меня в глазах потемнело, и я тут же побежал на вокзал, но только не по центральной улице, а повернул к закоулкам. Оказывается, это был не генерал, а казачий офицер, которого впоследствии видел в кавалерийском полку. Кавалерийский полк разме-

щался рядом с нашим полком. Иду на вокзал и думаю: «Какой я недогадливый дурак, зачем я стоял так, надо было мне, как только он зашел в магазин, дать ходу, но, как говорят, после драки кулаками не машут».

На вокзал пришел уже вечером, разыскал мать. Она, бедная, как увидела меня, так и заслезилась. Поздоровались мы с ней, я взял ее узелок, где были подарочки (сухари) для сына, и ушли в расположение полка. Недалеко от воинских казарм находился поселок, где нашли в полуподвальном помещении квартиру для матери. Когда мы с ней шли в расположение части, она меня спросила:

— Сыночек, почему мы идем не по хорошей улице города, а глухими переулками?

— Здесь, мама, идти намного ближе, — ответил я ей, — и народу меньше.

Но не говорил ей, что по центральной улице можно нарваться на неприятность, как это было недавно со мной.

Моя мать была скромная женщина, как и многие другие матери-мордовки. Нас было у матери шестеро. Мы ее любили и уважали, всегда ей помогали по хозяйству, она воспитывала нас, как птица своих птенцов. Жили мы очень бедно, были случаи, когда в доме не было куска хлеба. Она выходила из этого тяжелого положения. Пойдет, бывало, к кулакам, и за счет будущей работы займет хлеба, а будущая работа была прополка, жатва, молотьба и другие виды работ в кулацком хозяйстве. Она учила и воспитывала нас уважать и почитать старших, не хулиганить, вести себя на людях скромно, и мы материнское поучение всегда выполняли. Даже соседи завидовали. Они всегда говорили своим детям, чтобы те брали пример с нас. И вот мы, четыре брата и две сестры, воспитанные такой матерью, стали настоящими людьми и гордимся ей всю жизнь. Когда мы выросли, не забыли материнские труды, и до самой смерти она получала от нас материальную поддержку. Молодому поколению нельзя забывать народное поучение, которое гласит, что у матери было много забот с тобой. Когда ты родился, она много месяцев носила тебя на руках, ты держал во рту ее грудь. У нее не было отвращения, когда она убирала за тобой...

Когда ты станешь большой и женишься, создашь себе материальные условия, не забывай о матери, обрати свой взор на нее и вспомни, что она родила тебя и вырастила. Пусть никогда она ни в чем не упрекнет тебя.

Царская служба не служба была, а настоящая каторга. Кто служил при царском режиме, тот до самой смерти не забудет.

Когда над солдатом издеваются среди своих солдат, это еще ничего, потому что в царской армии так было принято, но когда над тобой издеваются в присутствии своих родных или же знакомых (я имею в виду не военных), это — страшное унижение и создает ненависть к проклятому царскому режиму. Каждый солдат мечтал только об одном, когда придет час возмездия этому проклятому режиму.

Однажды, во время обеденного перерыва, дневальный сообщил одному солдату, что к нему приехала из деревни жена и ждет его

у сторожевой будки. Тот, не знаю с радости, не знаю с испуга, забыл надеть на голову фуражку и побежал к жене. Не доходя до сторожевой будки, навстречу ему шел фельдфебель Ласточкин, который остановил солдата и спросил его:

— Ты куда без головного убора бежишь, как ишак?

— Господин фельдфебель, ко мне приехала жена и ждет возле сторожевой будки, — ответил солдат.

— Я тебе, сволочь, дам такую жену, что ты и не очухаешься.

И ударил солдата по лицу. Жена заметила это издевательство над мужем и крикнула:

— За что Вы бьете его?

И сама со слезами на глазах хотела броситься на фельдфебеля, но тут ее задержал дневальный, стоявший на посту у сторожевой будки.

Если над товарищем издеваются, бьют его, каждый должен молчать и не смеяться, потому что и тебе придет такая участь.

На боевых стрельбищах был еще такой случай. Один из солдат нашей роты Зальцман, по национальности был еврей, при стрельбе из трехлинейной винтовки неплотно прижимал приклад к плечу. При выстреле винтовка дала большую отдачу, вследствие этого получилось рассеивание и, конечно, пули не могли попасть в цель. Когда он производил стрельбу, за ним наблюдал взводный офицер, который не мог не заметить, что Зальцман делает при стрельбе большой недостаток и не сделал ему никакого замечания. Но когда смена отстрелялась, сигналист заиграл отбой, показчики вышли из укрытия, подошли к мишеням и стали показывать результат стрельбы. Вот они подошли к мишени, по которой стрелял Зальцман, но у Зальцмана мишень оказалась не пораженной ни одной пулей, и показчики замахали указками через мишень. После этого взводный офицер подошел к Зальцману и ехидно спросил его:

— Ты что, голубчик, так и на фронте будешь стрелять? Кто тебя так учил, жидовская морда?

Зальцман молчал. Тогда офицер изо всей силы ударил Зальцмана по затылку. Зальцман, как срубленное дерево, упал на землю. Затем офицер еще несколько раз пнул его ногой.

Глядя на это зверство, мы, односельчане, вспомнили песню, которая повествует о проводах рекрутов на военную службу:

Пойду выйду на кладбище,
Разбужу я мать родную.
Ты вставай-ка, моя мать,
Со мной горе горевать.
Со мной горе горевать,
Во солдаты провожать...

Был в нашем полку один офицер по фамилии, как сейчас помню, Зюмберг, немец. Он прижигал горящей папиросой своим солдатам щеки и носы. За что он был убит своими же солдатами во время буржуазно-

демократической революции в 1917 г. Об этом мы узнали на фронте из уст солдат, прибывших с пополнением к нам на фронт.

Был у нас во взводе рядовой солдат Ковальчук, по национальности украинец, среднего роста, круглолицый, с черными глазами, на левой щеке была маленькая родинка, в общем, солдат был, как говорят, бравый. Был очень вежлив, всегда любил шутить, хорошо играл на двухрядной гармошке, замечательно пел украинские песни. Родители его жили раньше в Волынской губернии, но из-за малоземелья переехали в Верхнесвияжскую пойму Симбирской губернии (ныне Ульяновская область). Мы были с ним очень хорошими товарищами. Находились в одном отделении, помогали друг другу по военной учебе. Он хорошо осваивал занятия по словесности и оказывал помощь другим солдатам. Писали вместе неграмотным солдатам письма их родным.

Однажды вечером, в воскресный день, мы с Ковальчуком пошли на опушку рощи, которая находилась в расположении полка, сели на лужайку и завели разговор о домашних делах, о солдатской жизни и т. д. После задушевного разговора Ковальчук задал мне такой вопрос:

— А что, если я брошу военную службу и удеру к своему брату? Осточертела мне вся эта военная муштра, только и жди, когда тебе заедут по плевательнице, как Зальцману на стрельбище.

— А где у тебя находится брат? — спросил я его.

— Он живет в Иркутской губернии.

— А как же ты туда доберешься? Пешком туда очень далеко, а поездом тебя могут задержать и будут судить военно-полевым судом, чего доброго, могут и расстрелять, как дезертира. Давай эти мысли брось в сторону. Вот мне говорили, что скоро будут набирать в учебную команду, не мешало бы и нам туда попасть. Срок обучения там шесть месяцев, а за это время, может быть, и война кончится.

Ковальчук со мной был согласен. Затем он промолвил:

— Мы с тобой вряд ли туда попадем. Туда подбирают только кулацких сынков и сынков зажиточных. Наш разговор был прерван сигналом на ужин.

Время протекало очень быстро, во всех ротах заканчивались сроки обучения молодых солдат. Стрелковые роты получили маршевые номера. Началась подготовка к принятию военной присяги. Текст присяги заставляли зазубривать наизусть. Особенно эта зубрежка была отвратительна татарам. Они были не православные, и это не освобождало их от принятия присяги. Их заставляли ходить в церковь, петь молитвы перед принятием пищи, после утренней и вечерней проверок. Даже насильно заставляли их вместе с православными говеть.

В августе мы приняли военную присягу. Каждая рота принимала присягу отдельно от других рот. При принятии присяги рота стояла на коленях, полковой священник читал текст присяги, а мы всей ротой повторяли этот текст за священником, только рядовой солдат Сюбкаев, находившийся рядом со мной, молчал. После принятия присяги муштровка и солдафонство до некоторой степени было ослаблено, стали

больше давать увольнительных записок в город. Солдатам, которые жили недалеко от города, давали на 3 — 5 дней отпуск. Это делалось обычно перед отправкой на фронт.

За несколько дней перед отправкой молодых солдат на фронт меня назначили в учебную команду, а моего задушевного товарища Ковальчука взяли денщиком к командиру батальона подполковнику Фонбраткину. Впоследствии мы с ним очень часто встречались, и он мне оказывал большую помощь питанием.

Учебная команда

Я не мог ожидать, чтобы меня назначили в учебную команду, потому что туда, как правило, назначали кулацких и зажиточных сынков. Так, например, из числа молодых солдат из нашего села был зачислен в учебную команду Поськин И. И. Его старший брат был старшиной волости и не раз приезжал в Пензу для того, чтобы устроить своего брата в учебную команду. Нашему брату трудно было попасть туда, несмотря на то, что отличников по военной подготовке было немало. Я в роте считался отличным стрелком и хорошо метал ручные гранаты, не на плохом счету числился по строевой подготовке и по словесности. Стрелковое дело я любил потому, что дома в свободное время занимался охотой за дичью. В учебную команду я попал случайно. Во время прохождения последнего упражнения боевой стрельбы наш полуротный командир и офицер с другой роты поспорили, чьи солдаты лучше стреляют из винтовки. После этого полуротный вызвал к себе нашего отделенного командира и спросил его, кто в отделении лучше всех стреляет из винтовки. Тот указал на меня. Полуротный тут же приказал ему прислать меня к нему. Вернувшись в отделение, Романенко послал меня к поручику, но мне он не сказал, зачем я понадобился поручику. Только когда стал уходить, предупредил меня, чтобы я не подкачал. Подбежал я к группе офицеров, где находился и сам наш командир роты, у которого спросил разрешение, чтобы обратиться к полуротному. Тот разрешил, и я обратился к поручику:

— Ваше благородие, рядовой солдат Матюшкин по Вашему приказанию явился.

Он посмотрел на меня с усмешкой и спросил:

— Ну как, хорошо ты стреляешь из трехлинейки?

— Неплохо, — ответил я ему.

— Если ты выполнишь мое задание, получишь от меня вознаграждение, — сказал поручик. — Не выполнишь — набью тебе морду.

Все присутствующие офицеры захохотали. Я ему ответил:

— Постараюсь выполнить Ваше задание, Ваше благородие.

Один из офицеров спросил поручика:

— Ты этого долговязого выбрал себе, он не подведет тебя?

Наш командир роты добавил:

— Эта мордовская образина не подведет, он у нас хорошо выполняет задания по стрельбе.

Но я не знал, какое задание предстоит мне выполнить. Только тогда, когда мы с полуротным отошли от группы офицеров, он мне сообщил суть дела. Сначала я затужил, потом мелькнуло у меня в голове: «Я же охотник, кроме того, из трехлинейки стреляю все время хорошо, главное — не волноваться и задание будет выполнено».

Пришли мы с поручиком к линии огня. Условия стрельбы были таковы: из пятидесяти возможных очков нужно было выбить сорок пять. Расстояние от линии огня до мишеней было 200 шагов. Время для стрельбы было неограниченно. Тут же меня познакомили с солдатом из другой роты, с которым я должен соревноваться. Когда нас ознакомили с условиями стрельбы и выдали нам положенное количество боевых патронов, раздался сигнал горниста: «На-ве-ди до гру-ди, по-па-ди, по-па-ди!».

Старший унтер-офицер, который руководил стрельбищем, подал команду, и мы не торопясь начали производить стрельбу. После того, как кончили стрельбу, сигналист дал отбой, показчики вышли из укрытия и показали нам результаты соревнования. Результаты были таковы: я выбил сорок пять очков из пятидесяти возможных, а мой партнер — сорок очков. Следовательно, победа была на моей стороне. Тут же подошел ко мне поручик Нестеров, похлопал меня по плечу и сказал:

— Молодец, Матюшкин!

— Рад стараться, Ваше благородие, — ответил я ему.

Затем он дал мне в руки десятирублевую бумажку. Я отблагодарил его и с его разрешения побежал в роту, где я доложил своему отделенному командиру Романенко о выполнении задания поручика Нестерова. На второй день с разрешения полуротного я пошел на почту и пять рублей послал матери, а пять рублей оставил себе на курево. Вот поручик Нестеров и настоял перед командиром роты, чтобы меня назначили в учебную команду. Так я и избавился, хотя и временно, от фронта.

Военная служба в учебной команде у меня протекала неплохо, я бы сказал, даже хорошо. Унтер-офицерский состав своего взвода относился ко мне с уважением, хотя дисциплина была тоже строгая, но почти отсутствовало мордобитие и личное оскорбление, только иногда попадало от фельдфебеля Заедалова. Кормили гораздо лучше, чем в ротах. Занятия проходили строго по расписанию. Стрелковое дело, топографию, инженерное дело, тактику преподавали офицеры. Кроме того, здесь изучали станковый пулемет системы «Максим». Занятия больше всего проходили на практике. Если в ротах не проводили гимнастику, то здесь на это дело обращали большое внимание.

Офицерский состав в учебной команде был совершенно другого уклада, за исключением отдельных лиц, чем в ротах. Начальник учебной команды капитан Власов, можно сказать, был душой команды, его все солдаты уважали. Он никогда ни на кого не нападал. Это был самый культурный и образованный офицер полка. Сам он участник первых боев в Восточной Пруссии в армии генерала Самсонова, был ранен, чуть не попал в плен к немцам. Как он сам рассказывал нам, его

выручили казаки, и после выздоровления его направили в Пензу в 137-й запасной полк на должность начальника учебной команды. Преподаватель по тактике, штабс-капитан Орлов, всеми силами старался дать нам те тактические звания, которые были получены им в ходе Первой мировой войны. Сам он участник Брусиловского прорыва на Юго-Западном фронте. Во время первых дней прорыва был ранен, после выздоровления был назначен в наш полк в учебную команду. Он нам много рассказывал о Брусиловском прорыве, и мы эти рассказы слушали с большим вниманием. Взводный офицер Карпухин, бывший народный учитель, постоянно находился с нами, любил шутить с солдатами, рассказывал нам, как он учил детей в школе, страшно ненавидел духовенство и презирал их. Однажды, во время строевой подготовки, мимо нас прошел полковой священник, он нам тихонько шепнул:

— Ребята, смотрите, идет отец Есаул, как египетский фараон с набалдашником в руках.

Мы все засмеялись.

В один из вечеров прапорщик Карпухин вызвал меня и Самсонова к себе на квартиру, чтобы мы помогли ему перетащить вещи на другую квартиру. В назначенное время мы пришли к нему, попросили у хозяйки разрешения, чтобы войти в комнату. Она нас проводила, где живет прапорщик, и указала на электрический звонок. Мы позвонили, к нам вышел сам Карпухин и позвал нас к себе на квартиру. На квартире у него находился какой-то важный гражданин и читал какую-то газету. Через некоторое время мы взяли вещи и все вместе, вчетвером, пошли на новую квартиру. Когда мы переставили всю мебель по вкусу прапорщика, он нас пригласил сесть за стол. Мы сначала постеснялись, но по его настоянию пришлось сесть за стол. Он нас угостил чаем с печеньями. Во время угощения завязался разговор про военные действия на фронте. Человек в штатской форме был настроен пораженчески и все время доказывал прапорщику, что рано или поздно война приведет к поражению правительства, что простой народ не доволен войной, ему нужен мир, а мир может дать только рабочая революция. Карпухин сначала доказывал, что этого никогда не случится, но после долгих споров он согласился с ним. Мы очень внимательно слушали их разговор. Правда, я еще тогда не имел представления о рабочей революции, но Самсонов был до некоторой степени политически грамотный солдат, да и годами он был постарше меня. Через некоторое время мы поблагодарили прапорщика за угощение и стали уходить. Перед уходом он крепко предупредил нас, чтобы мы не распространяли среди солдат их разговор. Мы, конечно, заверили его, что об этом никому не будем говорить. Эти офицеры были настроены против самодержавного строя, это было видно по их настроениям и разговорам. Они относились к солдатам по-человечески, и солдаты уважали их. Но таких офицеров в полку было очень мало. Взять, например, командира полка полковника Стельмашенко. Это был реак-

ционный офицер. Особенно свирепым и ярым реакционером был начальник гарнизона генерал Бем, которого солдаты во время Февральской революции 1917 г. вытащили из квартиры и убили на площади города. Об этом мы узнали на фронте.

Через две недели, после назначения меня в учебную команду, молодых солдат, с которыми я призывался, отправили на фронт. Провожать своих земляков отпросился и я. Погрузка в эшелоны производилась на Рязано-Уральском вокзале. Когда мы с товарищами пришли на вокзал, погрузка уже была закончена. Только мы успели попрощаться со своими земляками, горнист заиграл сбор, и через несколько минут эшелон медленно стал отходить от вокзала. Когда горнист затрубил сбор, солдаты из одного вагона запели прощальную песню:

Скоро, скоро поезд грянет,
Свисток унылый загудит.
Кого-то больше здесь не будет,
Кого-то поезд увезет...

Иду я в расположение части и думаю: «Увезли моих земляков на фронт, не знаю, кто из них вернется к своим родным, а я все же счастливый — попал в учебную команду, закончу ее, а там видно будет, может быть, к этому времени и война кончится».

Через несколько дней после отправки молодых солдат на фронт в полк стал прибывать новый контингент мобилизованных людей. Это были белобилетники, ратники и ополченцы, раненые из выздоравливающих команд и другие. Они были разных возрастов от девятнадцати и до пятидесяти лет.

Военные занятия с новым пополнением проводить было гораздо труднее, чем с новобранцами. У этих людей дома остались семьи, хозяйство и т. д. Командный состав всячески старался поднять их настроение. Заставляли их петь песни, проводить строевые занятия под военный духовой оркестр, но из этого ничего не вышло. Занимались они очень вяло, лица у них были хмурые и еле-еле таскали ноги. Офицеры принимали всякие меры, чтобы заставить их стричь бороды, но и это им не удалось. Разве можно было в то время заставить деревенского мужика расстаться со своей бородой? Он считал это большим унижением и оскорблением. Некоторые из них говорили: «Вот когда командир полка Стельмашенко острижет себе бороду, тогда мы еще подумаем».

Если над молодыми солдатами офицерский и унтер-офицерский состав издевались так, как это позволял произвол царского режима, и все это происходило гладко и безнаказанно, то с новым пополнением солдафонство приняло иной оборот. Были случаи, когда солдат-бородач давал сдачу своему унтеру и даже офицеру, если тот или другой позволяли заниматься рукоприкладством. Правда, за это солдата судили военно-полевым судом и отправляли на каторжные работы и штрафные роты. Однако эти факты имели место.

Надо только подумать, когда тот же мужицкий унтер или негодяй прапор бьет своего отца, а спрашивается, за что, а за то, что он не может быстро овладеть ружейными приемами, за то, что ему очень трудно привыкнуть ходить в ногу. Во время тактических учений он не может быстро преодолевать разные препятствия и примениться к местности и т. д. Все эти издевательства создавали у солдат ненависть к командному составу и царскому режиму.

Как-то в воскресный день пришел ко мне Ковальчук. Мы всегда были очень рады друг другу, переберемся в солдатский лесок, усядемся и поговорим обо всем. Я рассказывал про учебу, а он рассказывал, как обслуживает своих господ. На этот раз он был не в духах, жаловался на то, что жена командира батальона издевается над ним, даже иногда пощечины дает.

— Об этом издевательстве доложу барину, — говорит Ковальчук. Она отвечает: «Попробуй, доложи, тогда тебя со света сживу». Она такая дура, что таких женщин я никогда не встречал, а считаются еще культурными людьми! Что я не сделаю, все не так! Как только проходит мимо меня, обязательно заденет или шепнет, называет меня деревенским недотепой, что я ничего не кумекаю. Недавно сам Фонбраткин ездил в Казань. Я думал, что она с ума сойдет, ни с того ни с сего начинает визжать, хохотать, а потом вызовет меня и кричит: «Я тебя выучу, как жить на свете!». А чего меня учить, бог ее знает. Если бы она учила меня культурной жизни, тогда бы дело другое. Через три дня, после отъезда барина, рано утром вызывает меня к себе в спальню. Я зашел в переднюю, подошел к двери спальни и ответил ей, что в спальню заходить мне неудобно, а она как крикнет на меня: «Ах, ты осел! Не хочешь слушать меня? А ну быстро заходи, иначе я тебя сейчас же велю отправить в маршевую роту!». Конечно, легче зайти к ней в спальню, чем ехать на фронт, вот и пришлось зайти к ней. Когда я зашел в ее спальню, так и растерялся. Она лежала на койке, подушки и одеяло покрыты в шелках, а она лежит как русалка в одной сорочке. У нас в деревне женщины такие сорочки не носят. У нее вся сорочка без рукавов, грудь открытая. Как посмотрел я на нее, меня аж жаром охватило, глаза почему-то были мутные, лицо бледное. Про себя думаю: «Она, наверное, заболела». Стою я около ее койки, а она не смотрит на меня, а смотрит в потолок. Спустя несколько секунд она повернула лицо в мою сторону и спросила меня: «Терентий, у тебя в деревне есть девушка?». Я не понял как следует заданного мне вопроса и брякнул: «Какая у меня жена, когда я неженатый».

— Я тебя спрашиваю про девушку, за которой ты, наверное, ухаживал до военной службы, а [ты] мелешь, не знаю что, — заговорила она.

— Я, барыня, не понял Вашего вопроса.

— А ты вообще ничего не понимаешь. Когда мы тебя брали к себе денщиком, тогда ты мне показался очень приятным солдатом. Я думала, что из тебя выйдет толк, но вышло наоборот, я прогадала, придется заменить тебя другим солдатом, который обслуживал бы так, чтобы я была довольна им.

Я ей говорю: «Барыня, а чем Вы мною не довольны?». Она как крикнет на меня: «Убирайся вон отсюда, скотина!». Я повернулся и стал уходить. В это время она встала с постели, схватила со стены висевшую женскую стеклянную кружку и бросила мне вслед. В меня она не попала, упала на пол и разбилась. Я быстро успел проскочить на кухню, она снова позвала к себе и заставила убирать с пола стекляшки, а сама лежала в постели и что-то ворчала про себя. Я, не говоря ни слова, убрал стекляшки и вышел на кухню, где в это время сидел кучер Петруха.

— Вы что там делаете с барыней? — спросил меня Петруха.

— Барыня не в духах, наверно, ей скучно без мужа, — ответил я ему.

После этого случая она совсем обнаглела, и я боялся с ней встречаться.

— Слушай, Терентий, скажи мне, у тебя барыня молодая или как сам Фонбраткин? — спросил я его.

— Ты что, ей не более двадцати восьми лет, а он уже пожилой, ему, наверное, под пятьдесят, а то и более лет, правда, я на крестинах у него не был, но, говорят, так.

— Ну вот, — сказал я ему, — весь секрет в том и состоит, что ей надо хорошего солдата, как ты, надо тебе действовать по всем правилам солдатской настойчивости. Тогда она не будет к тебе так относиться, по-моему, твоя барыня этого и ожидает от тебя, а ты нюни распускаешь. Ясно тебе или нет?

— Это ты мне рекомендуешь, чтобы я себе голову сломал преждевременно, а, может быть, тогда и на фронт, и меня этот немец пристрелит.

— А кто будет знать?

— Шило в мешке не утаишь.

— Нет, Терентий, если ты сумеешь обработать свою барыню, тогда на фронт ты не поедешь, конечно, надо остерегаться этого немца, такие дела бывают. Помнишь, как в прошлый раз рассказывал нам вольноопределяющийся Новиков, как его дядя служил денщиком у одного полковника и жил с его женой, как она обеспечивала его, он даже дом себе построил. Ты сам посуди: она молодая, а он уже старик, детей у них нет, не работает, живет хорошо, ни в чем не нуждается, значит, она бесится от жира. Это, брат ты мой, вполне закономерно. Надо действовать, как только подвернется подходящий случай, действуй по-солдатски, дальше фронта не угонят.

В дальнейшем мы с Ковальчуком встречались очень редко, и при встречах он уже мало говорил о барыне, разговоры велись больше всего о событиях на фронте и о тех трудностях, которые переживали наши родители в деревне.

Как-то перед вечером в воскресный день пришел ко мне Ковальчук и стал приглашать к себе в гости. Я сначала отказывался, ссылаясь на то, что только сменился с дежурства. Но он настоял на своем, и мы пошли к нему на квартиру. Дорогой он мне сообщил, что хозяева уехали на дачу и прибудут только завтра. Петруха отвез их утром, и

хозяин велел ему приехать за ними завтра к девяти часам утра. Когда мы пришли на квартиру, кучер Петруха находился дома. Я поздоровался с ним, затем они меня пригласили на террасу, где у них было приготовлено кушанье и даже бутылка вина. Когда все сели за стол, Ковальчук проговорил, что собрались друзья из разных наций: хохол, кацап и мордвин, а поэтому следует по стопочке выпить, чтобы дома не журили и не тужили по нам.

— Петруха, не тужи, никто у тебя не отобьет старуху, так что будь покоен.

— А ты не болтай что не надо, — сказал Петруха, — тебе хорошо рассуждать разные небылицы, а у меня дома осталось четверо, сама старуха пятая. Урожай в нынешнем году очень плохой. Читал ты мое письмо? Лошаденку продали за бесценок. Эх, проклятая война разом разорит, сколько калек приезжает с фронта, сколько сирот остается, а спрашивается, за что люди свою кровь проливают? Что, нам земли не хватает? Вот у нас в деревне у помещика до полутора тысяч десятин земли. Что, он сам обрабатывает эту землю? Ничего подобного, эту землю обрабатывают мужики, а помещик получает только готовый хлеб. Отдай эту землю мужикам, и нам хватит. А сколько помещиков по всей России? В прошлый раз идет один железнодорожник, наверное, выпивши был, или же человек от недостатка пел какую-то песню про царя. Я только мог припомнить слова: «Николай вином торгует, а Россия голодует...». Хорошо, что поблизости не было царского сатрапа, а то бы его сразу забрали в тюрьму.

— Ну, ладно, Петруха, давайте выпьем по стопочке, — сказал Ковальчук.

Петруха взял стопку, перекрестился и опрокинул ее. Мы тоже выпили. Затем молча принялись закусывать. Через некоторое время снова выпили по стопке. Остальное вино кучер взял себе, вышел из террасы и куда-то спрятал.

— Зачем ты спрятал вино? — спросили мы его, — что, тебе жалко, что ли? Если ты не хочешь пить, то мы сами выпьем.

— Хватит, хорошего помаленьку, — примолвил кучер, — давайте хорошенько подзакусим господского.

Все мы принялись закусывать и, когда хорошо подзаправились, мы спросили Петруху:

— Ты бы рассказал нам что-нибудь, а то скучно сидеть. Только хорошего, что-нибудь повеселее, а то ты все время рассказываешь про свое горе. Нам все это давно известно. Люди вон на фронте страдают и то не унывают, а нам тут житуха.

— Житуха, житуха, на какой черт мне такая житуха, когда дома голодают. Тебе, Ковальчук, хорошо, у тебя одна голова, а у меня дома семья.

— Ладно Вам, дядь Петруха, расстраиваться, — вмешался я в их разговор, — может, скоро кончится война, и вы снова заживете, а сейчас расскажи что-нибудь. Вы человек бывалый, у Вас есть что и послушать.

Петруха встал из-за стола и вышел из террасы, но спустя несколько минут он снова вернулся к нам и принес с собой недопитую бутылку вина, которую поставил на стол и крикнул:

— Давайте выпьем за православный народ российский и за христолюбивое воинство!

— Фабриканты и помещики тоже православные, — сказал Ковальчук, —значит, и за них выпьем?

— Ну их к дьяволу, этих кровопийц.

Когда мы выпили по стопочке, наш кучер повеселел, взял свою трубку, закурил и начал нам рассказывать про своего барина и его жену.

— Служу я у Фонбраткина вот уже второй год. Правда, он для меня мужик неплохой, уважает меня, иногда дает на чай, когда четвертак, а при хорошем настроении — полтинник. У нас только барыня гадкая, все время злится на меня. Что ей только от меня надо? Все ее указания выполняю аккуратно, но все равно не угодишь ей, видно, уж такой ее мать родила.

За время моей службы у барина сменилось, как бы вам не соврать, не менее пяти денщиков, только вот холуй Ковальчук не знаю когда уйдет в роту. Если только с барыней не поладится, то не миновать ему фронта. А знаете, почему они менялись? Все из-за этой клячи, прости меня господи. Не понравится ей человек, уходи в роту. Были замечательные люди, можно сказать, грамотные, но поживет месяц-другой, только привыкнешь к человеку, а его обратно отправляют в роту. Приехал барин из Казани, привез ей какой-то гостинец. Ей, наверное, не понравилось. Слышу, в передней она начала кричать на барина: «Что это ты купил? Только собаке на хвост привязать, а я человек, жена знатного офицера». Потом как заревет благим голосом, а барин только успокаивает: «Зиночка, моя ласточка, успокойся, не нравится подарочек — передай сестре, а я тебе куплю другой, только успокойся». Если бы моя жена так издевалась надо мной, я бы ей таких пилюль надавал, она была бы шелковая. А это, значит, у господ да еще и у офицеров так бесятся жены. Нас они называют темными, некультурными мужиками, даже однажды она меня назвала ослом. Вот, думаю, дослужился. Все надо терпеть, ничего не поделаешь — их власть. Мне думается, что ей чего-то не хватает от мужа, она из-за этого и бесится.

— А ты, Петруха, спроси ее, что не хватает от мужа, — сказал Ковальчук, — может быть, второго мужа, как у мусульман в Средней Азии.

— Эх, какой ты гусь, возьми да спроси, ты больше соприкасаешься с ней, чем я. Слушайте дальше. Летом прошлого года барин ездил на фронт сопровождать маршевиков. Он очень долго не приезжал домой. Вы думаете, что она скучала за ним? Ничего подобного. Это не как наши жены. Бывало, на пахоте или на другой какой-либо работе опоздаешь домой, она, бедная, начнет беспокоиться, спрашивает соседей, почему так долго не едет Петруха, может, что случилось с ним. А это что ж? Муж уехал, а она нашла себе такого хахаля, где твой подполковник, во сто крат лучше. Я их несколько раз возил на дачу. Тогда она со мной обращалась по-человечески, даже на чай давала, когда двадцать

пять копеек, а когда и больше. Что только она делала с этим полюбовником! Даже от меня не стыдилась. Тогда я ей хорош был, а сейчас я осел.

Вот что я вам скажу, ребята, женщины — они хитрый народ, но их надо перехитрить, особенно тех, которые хитрят, как наша барыня. Я женщин разделяю на скромных и на распутных. К скромным относятся женщины, которые работают на заводах и на фабриках, в крестьянском хозяйстве и т. д. Этим женщинам некогда заниматься распутными делами.

— Какие эти распутные дела? — спросил Ковальчук.

— Ты не перебивай меня, а слушай, что говорят. Так вот, значит, те женщины, которые работают, а работают они по двенадцати и более часов в сутки. Они, бедные, кончают работу, а дома ждет их другая работа: надо приготовить пищу, убрать квартиру, постирать белье и воспитывать детей. Разве мало вокруг дома работы, а в крестьянском хозяйстве надо, кроме всего этого, ухаживать за скотинешкой. Да что там говорить, женщина — это рабыня.

Вторая категория женщин — это гулящие женщины, такие, как наша барыня. Вот они и занимаются распутными делами. Им ведь делать нечего, только и думают об этом. Но есть еще среди женщин и такие люди, которых называют сплетницами. Как известно, этот народ очень языковатый, их хлебом не корми, они тебе не только правду расскажут, но и соврут сколько угодно. И если попадется тебе сплетница, то, брат, держись, она наплетет тебе семь верст до небес и все лесом, только слушай ее.

После этого рассказа я поблагодарил их за угощение, попрощался с ними и не спеша вернулся в казарму.

Однажды я видел жену Фонбраткина. Действительно, она женщина красивая была, молодая, стройная, среднего роста, круглолицая, с черными бровями.

* * *

Успех летнего наступления Брусиловской армии на Юго-Западном фронте до некоторой степени воодушевил солдат и офицеров запасных полков, тем более нашего полка, который давал пополнение в 52-ю Стальную дивизию, находившуюся в составе Брусиловской армии. Взводные офицеры проводили с нами специальные беседы об успехах летнего наступления на Юго-Западном фронте. Среди нас были такие солдаты, которые политически были хорошо развиты и не верили, что успех Брусиловской армии может создать перелом на всем протяжении австро-германского фронта в пользу русских.

Был у нас во взводе рядовой солдат Самсонов, о котором я уже рассказывал. Родом он был из Орехова-Зуева. До мобилизации в армию работал на фабрике слесарем. После одной из таких бесед, придя в казарму на обед и после принятия пищи, он завел разговор о наступлении Брусиловской армии на Юго-Западном фронте.

— Наступление на австрийском фронте является временным явлением, потому что таких генералов, как Брусилов, на фронте очень мало, а больше всего армиями командуют генералы-немцы или же шкурники, которые наживаются за счет солдатской крови. Вот я был на фронте, где командующим армией был генерал Эверт. Он, наверное, и сейчас командует армией. Про него не только солдаты, но и офицеры говорили, что он связан с германским командованием. Его армия с начала войны не имела никакого успеха, кроме поражения и неисчислимых человеческих жертв. Но им доверяют и даже награждают высшими наградами, а это все происходит потому, что сама Алиса (царица) — немка. Во время этого разговора вокруг него собрался почти весь взвод.

— А вот другой пример, — продолжал свой разговор Самсонов, — где бы солдат не находился, на фронте или же в тылу, над ним везде издеваются. Его бьют и оскорбляют, даже на фронте за малейший проступок солдата ставят под ружье на бруствер. А если подумать как следует, на ком лежит тяжесть войны? На солдатах. Солдат терпит все фронтовые трудности и лишения. Он часто бывает голодный, раздетый и разутый, его заедают вши, потому что нет смены белья. Даже индивидуальный, санитарный пакет выдается на два человека. Если товарища ранили, его перевяжут, а если тебя ранят, то истекай кровью, потому что другого бинта нет. А как живут наши рабочие, которые работают по 12 — 16 ч в сутки? Я бы сказал, они полуголодные, а живут в подвальных и полуподвальных помещениях или же в ветхих бараках и даже в землянках, а все они работают на фабриках и на заводах для нужд фронта, но на них никто не обращает никакого внимания. Если рабочие будут требовать от своих хозяев улучшения своих бытовых условий, то хозяева увольняют тех рабочих.

Когда я ехал сюда из выздоравливающей команды, один из солдат с иронией сказал поездному кондуктору:

— Крути, Гаврила.

Тот ему ответил:

— Воюй, дурила. Возить буду!

Вот вам цена солдата... Дальнейшая беседа была прервана приходом помощника командира взвода, старшего унтер-офицера Янина. Когда мы заметили, что к нам подходит Янин, Самсонов сменил тему разговора на анекдоты, присутствующие сразу захохотали.

— Ты, Самсонов, обратно что-то мелишь, — проговорил Янин. — Сколько раз я тебя предупреждал, чтобы ты прекратил свои сборища, а ты все продолжаешь.

Самсонов быстро соскочил с нар, подошел к Янину и отрапортовал:

— Я, господин взводный, анекдоты рассказываю, чтобы солдатам веселее было.

— Знаю твои анекдоты. А ну, разойдись по своим местам! — скомандовал Янин. — А тебе Самсонов — два часа под винтовку, и предупреждаю, что если еще раз замечу тебя, то пеняй сам на себя.

Самсонов что-то хотел сказать, но Янин крикнул на него, и тот замолчал. Все мы разошлись по своим местам.

Впоследствии кто-то из присутствующих солдат об этой беседе рассказал Янину. Тот доложил фельдфебелю Заедалову, и через три дня Самсонова отправили на гауптвахту. На гауптвахте он просидел 15 суток, затем его с маршевой ротой отправили на фронт.

Вечером, накануне ареста Самсонова, был произведен повальный обыск, перерыли все наши сундучки и чемоданчики, но ни у кого ничего не нашли, и мы даже не знали, что они искали. Больше всех беспокоился в отношении ареста Самсонова прапорщик Карпухин. Он дважды назначал меня на гауптвахту, чтобы я передавал пищу Самсонову и одновременно давал задание спросить Самсонова, не спрашивали ли его во время допроса о связях с прапорщиком, но этого не случилось.

После ареста Самсонова дисциплина в учебной команде стала намного строже, даже в течение месяца никому не давали увольнительные записки в город, а фельдфебель Заедалов буквально озверел, сделался как жандарм, особенно он был жесток для нашего взвода. Однажды после вечерней проверки построил наш взвод и муштровал нас до поздней ночи. Солдаты выбивались из сил, некоторые падали на землю, а он, злодей, подбегал к ним, расстегивал свой поясной ремень и медной бляхой бил их. Обзывал нас христопродавцами, хотя Самсонов был по национальности не еврей, а русский, упрекал нас за то, что мы не доносили о «проделках» Самсонова.

Время в учебной команде проходило очень быстро. Наступили дни подготовки к зачетам. Занятия проводились усиленными темпами. Начали повторять пройденный материал за весь учебный процесс. Наступили дни зачетов. На экзамены приехал сам начальник гарнизона, генерал Бем. Во время сдачи зачетов на все предметы я отвечал на хорошо, а по стрелковому делу — на отлично. В процессе учения я очень любил стрелковое дело и упорно занимался по этому предмету, хотя нам и внушали некоторые офицеры Суворовское поучение: «Пуля дура, штык молодец». Но старые солдаты, побывавшие на фронте, нам говорили, что надо поражать противника метким огнем, а когда он обессилит, тогда его надо добивать штыком. Суворовские времена ушли в прошлое.

Последним предметом сдавал станковый пулемет системы «Максим». За столом сидел сам генерал Бем с командиром полка, полковником Стельмашенко. Вот очередь подходит до меня, я не знал, конечно, знал ли генерал подробности пулемета, но вопрос задал мне очень щепетильный. Следует заметить, что я и не особенно курносый, но все же почему-то и на этот раз генерал назвал меня курносым.

— Ну, курносый! Для чего служит спусковая тяга станкового пулемета? — спросил меня генерал.

Я ему ответил:

— Спусковая тяга у станкового пулемета системы «Максим» служит для вывода шептала с нижнего спуска из-под боевого взвода ладышки.

Генерал покосился на меня и крикнул:

— Молодец!

Я вытянулся по всем правилам и крикнул:
— Рад стараться, Ваше со-ко-дит-с-т-во!
Больше вопросов мне генерал не задавал.
На этом я и закончил курс обучения в учебной команде.

На Юго-Западный фронт

После окончания учебной команды в ноябре месяце 1916 г. в большинстве своем выпускников назначили по кадровым ротам. Меня и еще 18 человек из нашего взвода направили в 118-ю маршевую роту как неблагонадежных или же, по выражению фельдфебеля Заедалова, христопродавцов. Маршевая рота готовилась к отправке на Юго-Западный фронт.

По прибытию в маршевую роту командир роты, штабс-капитан Сухобоков, прочитал нам приказ по 137-му запасному полку, где говорилось, что окончившие учебную команду солдаты — Матюшкин Ф. и другие произведены младшими унтер-офицерами и направляются в маршевую роту на должность отделенными командирами. В этот же день нас определили по взводам. Я был назначен командиром 2-го отделения 1-го взвода, этому соответствовал мой рост. В отделении, которое я принял, люди были разных национальностей: сам я мордвин, были русские, украинцы, татары, чуваши и других национальностей, а также и возрастной состав был разный: от 19 до 45 лет.

Следует сказать, что в маршевых ротах мордобитие почти не наблюдалось, по-видимому, унтер-офицерский и офицерский состав побаивались солдат, как бы что не вышло, когда они вместе с солдатами будут на фронте.

Сам командир роты Сухобоков, на мой взгляд, был настроен против войны и режима, который существовал в царской армии, с солдатами был очень вежлив. Я и сейчас вспоминаю слова нашего взводного офицера, прапорщика Гусева, который однажды в беседе с нами сказал, что штабс-капитан Сухобоков попал в маршевую роту за свой длинный язык. Он высказывался против мордобойства и солдафонства. Проводил унтер-офицерские совещания, а это при царском режиме было запрещено. На этих совещаниях давал указания, как надо обучать солдат военному делу, обучать без рукоприкладства. Большое внимание уделял тактическим занятиям, подготовке солдат к практической стрельбе из трехлинейной винтовки, метанию ручных гранат и штыковому бою.

Наступил долгожданный день, когда был объявлен приказ об отправке маршевых рот на фронт. Солдаты приводили в порядок свое обмундирование, лишние вещи продавали на «толкучке», писали письма своим родным. В них сообщали, что скоро будут воевать с германцами. Старые солдаты, побывшие на фронте, рассказывали нам об ужасах войны, о преимуществе германской военной техники и о том, что много погибает солдат от отравляющих веществ.

На второй день после объявления приказа, в 10 ч утра, все маршевые роты были выстроены на плацу. Командир полка Стельмашенко

произнес напутственную речь. После этого военный оркестр заиграл походный марш, и мы все двинулись на Рязано-Уральский вокзал, где производилась посадка в военные эшелоны.

На вокзал многих пришли провожать родные и знакомые. У многих на глазах виднелись слезы. Они хорошо знали, куда провожали своих детей, мужей, родных и знакомых — на кровавую мясорубку, откуда вряд ли кто может вернуться живым к своим родным. Меня тоже пришли провожать товарищи: Ковальчук, Петруха и мой односельчанин, младший унтер-офицер Адаев С. Г.

И вот наступила минута прощания, горнист приложил свой рожок к губам, надул щеки и заиграл сбор. Раздалась команда дежурного по эшелону: «По ва-го-нам!».

Дежурный по станции дал третий звонок, машинист паровоза дал свисток, и мы тронулись.

— Куда?

— На фронт.

Несмотря на то, что на улице стоял сильный мороз, двери вагонов были открыты, каждому солдату хотелось посмотреть на провожающих. Из вагонов были слышны голоса: «До свидания, родные! До свидания, Пенза!». Паровоз набирал скорость, солдаты позакрывали двери, и мы были в пути.

Чтобы отвлечь внимание солдат от грустных проводов, мы с командиром отделения запели нашу любимую песню:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Все солдаты дружно подхватили эту песню, и в вагоне стало веселее. На второй день пути я был назначен дежурным по офицерскому вагону. Ночью начался спор между офицерами. Я хорошо слышал, как штабс-капитан Сухобоков высмеивал Николая II как главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

— Кто назначил царя главковерхом? Конечно, сам Распутин, — на весь вагон кричал Сухобоков, — этот авантюрист и темный делец пользуется большим влиянием при дворце. Для чего он отправил Николая в отставку? Для того, чтобы Николай не мешал ему творить темные дела, управлять Россией так, как ему захочется. А какой главнокомандующий выйдет из Николая? Если его дядя Николай не мог командовать всеми вооруженными силами, то царь тем более не справится с этой большой и ответственной задачей. Он же мало разбирается в военном искусстве. Офицеры еле-еле успокоили штабс-капитана.

Я тогда еще почти не знал о Распутине и с большим интересом слушал разговор командира роты. Весь офицерский состав был крепко выпившим. Утром, когда я отдавал рапорт командиру роты, он меня предупредил, чтобы я держал язык за зубами и никому не говорил.

* * *

На станции Конотоп перед отправлением эшелона подошел к нашему вагону мужчина средних лет, на нем был полушубок. Он попросил нас, чтобы мы его посадили в вагон, чтобы доехать с нами до станции Нежин. В воинский эшелон строго воспрещалось сажать посторонних лиц, тем более вольных граждан. Нас в вагоне было 38 человек. Я как старший по вагону разрешил ему доехать с нами до станции Нежин.

Мы очень много новостей узнали от этого гражданина. Он нам рассказал о событиях на фронте и в тылу, почему царская армия терпит поражение на фронте. Бывший военный министр Сухомлинов являлся немецким шпионом. Он вместе с женой Николая II и другими придворными чиновниками работали в пользу германского командования, срывали снабжение армии боеприпасами и продовольствием, что обрекало русскую армию на поражение, а сотни тысяч солдат на гибель. Вот почему прошлый год Сухомлинов под давлением правительственных кругов и общественного мнения союзников Англии и Франции был снят с поста военного министра и был заключен в Петропавловскую крепость, но, по настоянию Распутина и царицы, его перевели под домашний арест. При царском дворце орудует пройдоха Гришка Распутин, под влиянием которого находится и сам Николай II.

Здесь я вспомнил и понял, почему наш командир роты прошлый раз высмеивал царя и ругал Распутина.

— Положение рабочего и трудового крестьянина становится катастрофическим, — продолжал свой рассказ наш попутчик. — В городах не хватает хлеба, большие площади земель крестьяне не засевают из-за нехватки рабочей и тягловой силы. Кто затеял войну? Войну затеяли не русские и немецкие рабочие и крестьяне, а русские, немецкие, англо-французские капиталисты и помещики. Они на солдатской крови наживают огромные барыши. Эта война готовилась на протяжении десятков лет. А разве может наш рабочий класс быть внутренним врагом, как это внушают вам и называют его бунтовщиком. Наш рабочий класс борется против несправедливого царского режима, который веками угнетал и угнетает рабочих и крестьян, он борется за свободу и против кровопролитной бойни, за мир. В заключение я должен вот что сказать. Придет время, когда русские солдаты повернут свои штыки против своих буржуев и помещиков, против царя и его правительства, а немецкие солдаты против своей буржуазии и против кайзеровского правительства, тогда установится как в России, так и в Германии народная власть, и кончится эта братоубийственная война, установится справедливый мир.

Рассказ постороннего человека нас всех буквально ошеломил. Нам стало даже боязно, потому что такие разговоры мы нигде и никогда не слышали. Некоторые солдаты даже просили, чтобы на первой остановке эшелона мы его высадили. Если узнает об этом разговоре начальство, нас всех могут арестовать как изменников веры, царя и Отечества.

— Если из вас никто не донесет начальству, — сказал наш пассажир, — а только будете передавать слышимое от меня своим товарищам, никто об этом не узнает, а на следующей остановке я сам уйду от вас, раз вы боитесь.

Действительно, на очередной остановке Бахмач он попрощался с нами и вышел из нашего вагона. На всем пути следования между солдатами только и был разговор о том, что нам рассказывал неизвестный гражданин. Только рядовой солдат Забиров (татарин) не боялся, для него, как говорят, трава не расти. Когда гражданин сошел с вагона, Забиров заявил:

— Царь сам давал войну, народ война не хотел, надо кончать война и домой ехать. Дома жена есть, дети есть, а кушать нет, одежа нет. Хорошей человек он, говорил хорошо, а твоя испугал, — указывает на солдата, который говорил, чтобы мы высадили постороннего на очередной остановке.

Через шесть суток пути мы прибыли на станцию Проскурово. С Проскурова нас в походном порядке отправили в район Станислава (Западная Украина), где находился 205-й Шемахинский полк на переформировании после беспрерывных боев. Через пять дней мы дошли до места назначения. Полк располагался в одном из крупных населенных пунктов этого района. Ночевать нам пришлось в клунях (сараи для кормов). Хотя снега не было, но все же в клунях ночевать было холодно. На другой день после завтрака нас построили на площади около церкви, куда верхом на лошади приехал командир полка, полковник Осипов. Он был высокого роста, седая борода покрывала ему грудь почти до пояса. Впоследствии я узнал, что ему было 65 лет, но на вид он выглядел довольно бодрым. Поздоровавшись с нами, осмотрел роту, затем спросил солдат, какие у них имеются жалобы или претензии. Вот тут-то я и напугался, меня взяла дрожь, еле-еле овладел собой. Думаю, вот кто-нибудь из солдат, которые ехали вместе со мной в одном вагоне, расскажут, что я разрешил ехать в вагоне постороннему человеку, который рассказывал солдатам о несправедливой войне и против царя, но никто из солдат об этом не говорил. После всего этого унтерофицерский состав взяли в штаб полка, где я получил назначение помощником командира взвода в первую роту. Через несколько часов вся наша маршевая рота была распределена по несколько солдат в роты. Командир первой роты, подпоручик Благовидов, повел нас в свою роту, и я тут же принял взвод. Был очень доволен тем, что рядовой солдат Забиров попал вместе со мной. Через несколько дней полк выступил на передовую, сменив Новобаязетский полк. Командир маршевой роты, штабс-капитан Сухобоков, был назначен командором батальона Ларийского полка. Так началась для меня новая фронтовая жизнь.

Смена частей на передовой линии прошла без всяких приключений, немцы почему-то молчали, по-видимому, не знали, что происходила смена частей, но зато ракет не жалели. Правее нас, за лесом, били полевые орудия и промежутками, потрясая до самой глубины земли, бухала германская тяжелая артиллерия. Я спросил командира отделения (ста-

рого фронтовика), ефрейтора Синеглазова, чья эта артиллерия ухает? Он мне ответил, что полевые орудия бьют наши, а из тяжелых стреляют германцы. Они каждый раз в это время бьют из тяжелых по нашим тылам.

Фронтовая жизнь

В первые дни фронтовой жизни нам приходилось унижаться перед старыми фронтовиками. Нас называли молодыми, необстрелянными, не нюхавшими пороху и т. д., но мы на это не обижались. Правда, иногда на это огрызался Забиров, когда его называли необстрелянным, он на это отвечал:

— Если твоя обстрелян германом, душа твой давно аллахом пошел, твоя здесь не был, земле лежал, голова твой мал-мал не работает анан...

Забиров был моим земляком, оба мы были из одной губернии, я из села Кузоватова, а он — из села Тюмошкина, только он был старше меня на 12 лет. Мы с ним познакомились, когда я пришел в маршевую роту, он был совсем неграмотным. Все письма, которые ему писали родные, читал ему я, я же ему писал и письма на родину его родным.

Забиров был очень честным и добросовестным солдатом. Он любил справедливость и презирал тех, кто нечестно вел себя среди товарищей. На него всегда можно было положиться. Если он находится в секрете или несет дозорную службу, знай, что все будет в порядке, и германец не пройдет. Принимая во внимание его честность и добросовестность, взвод назначил его раздатчиком хлеба, сахара, табака и т. д.

Однажды в полевой походной кухне кашевар Жеребкин (его солдаты называли жеребцом) неправильно разливал суп: одним наливал густой, другим — жидкий. Забиров заметил это и сделал повару замечание. Тот на замечание Забирова ответил:

— Не твое дело, гололобый.

— Как не мое дело! — ответил повышенным тоном Забиров, — почему твоя не ровно наливает похлебка, кому картошка, кому вода, наливай правильно!

— Молчи, бусурман! — огрызнулся повар.

Забиров выскочил из очереди, подбежал к повару, выхватил у него черпак и хотел ударить им повара, но повар успел выскочить из походной полевой кухни. Удар черпаком был произведен о кухню настолько сильный, что черпак был смят, как лепешка. Все присутствующие так и ахнули, а повар так испугался, даже стал заикаться. Узнав об этом, командир роты вызвал к себе в землянку повара и Забирова. Разобрался со случившимся: Забирова оправдал, а повара на — передовую. Этот случай быстро облетел весь полк. Особенно на это обратили внимание повара остальных рот и команд.

Приказом по полку была поставлена задача захватить «языка» (пленного противника), где указывалось, что за выполнение этой задачи солдаты будут награждены Георгиевскими крестами. Согласно этому приказу, задача была возложена на нашу роту. Командир роты возложил

эту задачу на меня. Я подобрал себе группу боевых солдат, в числе которых был и Забиров. Германские окопы от нашей передовой линии находились примерно около 300 метров, впереди окопов было четыре ряда проволочных заграждений. Перед нашими окопами также было проволочное заграждение (в два ряда рогаки). Между проволочными заграждениями местность была болотистая, и кое-где рос кустарник, снега почти не было, но погода была холодная. Задача была нелегкая, особенно при позиционной войне, когда воюющие стороны зарывались в землю, и все подступы к противнику были взяты им под перекрестный огонь, а в особо опасных местах противник выставлял пулеметы для флангового и кинжального огня.

Для того, чтобы приступить к выполнению приказа, нужно было в первую очередь выяснить, где противник в ночное время выставляет секреты и в какое время проводится их смена. С этого мы и начали. В течение трех суток днем и ночью производили тщательное наблюдение за противником, изучали местность, где можно скрытно подползти к расположению часовых противника. В ночное время мы подползали до проволочного заграждения неприятеля и наблюдали за действиями дозоров и сменой секретов немцев. Главным образом нужно было найти места расположения часовых и засечь время их смены.

Наблюдения дали хорошие результаты. В ночь с 5 на 6 января 1917 г., накануне религиозного праздника Крещения, поэтому мне и припоминается дата, мы вышли на выполнение боевого задания. Кроме личного оружия и ручных гранат взяли с собой специальные ножницы для резки проволочного заграждения противника. Было условлено, что когда мы подползем до проволочного заграждения, наши два бомбомета, находившиеся в расположения роты, и один взвод стрелков будут производить обстрел противника. А это производилось в течение трех ночей, перед тем, как идти на выполнение задачи, этим самым отвлекалось внимание противника. Все было приготовлено и обусловлено. В 23.00 ч мы выступили. Как только доползли до проволочного заграждения немцев, открыли огонь бомбометы и стрелки. Спустя некоторое время было выпущено несколько снарядов из трехдюймовых орудий, их снаряды разрывались в том месте, где располагались немецкие часовые, на которых было намечено нападение. Мы думали, что наши артиллеристы сорвут выполнение боевой задачи.

Во время обстрела немецких позиций мы сделали себе проход под проволочным заграждением противника. Следует заметить, когда мы ползли до проволочного заграждения, нам очень помог ветер, который шелестел травой и кустарником. Нужно признаться, мы очень волновались. Нам казалось, что противник следит за нами и вот-вот схватит нас в плен. Но артиллерийская и ружейная стрельба подняла наше настроение. Пройдя шагов 50 — 70 вдоль проволочного заграждения, по направлению немецких часовых, мы спрятались под кустарник, лежали как мертвые, и вдруг, смотрим, идут немцы прямо на нас, мы насторожились, но они нас не заметили и прошли мимо, буквально рядом с нами. Забирову чуть на голову не наступили, если была бы

лунная ночь, то нам пришлось бы столкнуться с ними и вряд ли мы могли бы выполнить задачу. А это шла смена часовых. Огонь с нашей стороны то затихал, то усиливался. Затем снова грохот орудий, мы сначала не могли понять, чья батарея бьет, потому что снаряды ложились буквально рядом с нами, но когда снаряды начали рваться в глубине обороны противника, тогда только поняли, что эта работа наших артиллеристов. В ответ на наш артиллерийский огонь начала ухать немецкая батарея. Смена часовых почему-то задерживалась. Спустя несколько времени немцы возвратились обратно, не доходя до кустов, где мы лежали, повернули в сторону и ушли к своим окопам. Это происходила смена часовых, после этого мы подползли до расположения немецких часовых. Один из часовых наблюдал в сторону расположения наших окопов, а другой что-то делал в окопчике. Мгновенно мы поднялись на ноги и направили винтовки на них. Они не оказали никакого сопротивления, подняли руки вверх, а один из них шепнул:

— Русс плен, не стреляй.

Забиров быстро обыскал их, затем забрали их оружие и ручные гранаты, и мы вернулись в расположение роты. Пленных увели от нас в расположение штаба полка.

За выполнение боевой задачи мы были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени. В начале февраля месяца наш батальон производил разведку с боем. Эта разведка для нашего батальона обошлась очень-очень дорого. Почти половину состава мы оставили на поле боя. Причина провала разведки с боем заключалась в том, что командование полка не было осведомлено, что впереди нашего полка стояли не австрийские части, а германские, которые заменили австрийцев. Кроме того, была очень слабая артиллерийская подготовка. Вследствие этого не были подавлены и уничтожены основные огневые точки противника, я имею в виду пулеметные. В результате чего батальон дошел только до проволочного заграждения противника и залег под губительным пулеметным и артиллерийским огнем противника, и только с наступлением ночи отошел обратно к своим окопам. На следующей день немцы при поддержке сильного артиллерийского огня предприняли яростные атаки на занимаемый нами рубеж обороны и после ожесточенного боя наш полк вынужден был отойти на вторую линию окопов. На второй день, на рассвете, немцы возобновили свое наступление. К этому времени из резерва подошли на поддержку два батальона Новобаязетского полка, и мы с этими свежими силами пошли в контратаку, и немцы были отброшены на свои исходные рубежи с большими для них потерями. Мы снова заняли передовую линию нашей обороны. С нашей стороны потери тоже были большие. После этого наш полк был отведен в резерв для пополнения. Настроение у солдат было подавленное, многие солдаты открыто заявляли свое недовольство офицерскому составу. Они говорили, что погнали нас, как баранов, на убой, а толку никакого, только сотни людей за эти три дня потеряли убитыми и ранеными. Небось, сами офицеры не участвовали в боях, а соизволили отсиживаться в своих блиндажах. Взять командира нашего батальона,

штабс-капитана Астальского. Его во время боев с огнем не сыщешь. Недаром солдаты про таких офицеров пели частушки:

Наши унтер-офицеры руководили полком,
А «герои» офицеры пили водку за бугром.

А про Сухомлинова пели такие прибаутки:

Сухомлинов — наш отец,
Он и сукин сын, и подлец.
Он военным был министром,
Немцам всюду помогал,
Срывал армию снабжением,
За что взятки получал…

Перед Февральской буржуазно-демократической революцией в 1917 г. среди солдат часто можно было слышать вопросы: «Скоро ли кончится эта проклятая война? За что мы проливаем кровь? Когда наступит мир?». Были попытки братания с немецкими солдатами, но офицерский состав запрещал это делать. Даже были случаи, когда солдаты обоих сторон собирались между проволочными заграждениями для братания. Реакционно настроенные офицеры давали артиллеристам приказания открывать огонь из орудий по тем местам, где солдаты собирались для братаний.

К тяжелому кошмару кровопролитной войны присоединились и материальные лишения. В окопах у солдат изнашивалось обмундирование, часто отсутствовала горячая пища, не хватало хлеба и т. д. Все эти ужасы войны и дикий произвол офицерского состава порождали дезертирство… Некоторые солдаты бежали с фронта, сдавались в плен, производили самострелы, чтобы попасть в лазарет.

Тяжелое положение солдат становилось невыносимее из-за самодурства офицеров. Мордобой и угроза преследовали солдат на каждом шагу. На фронте были даже такие случаи, когда за малейшую провинность офицеры ставили солдат под ружье на бруствер, и немцы не стреляли по ним. Они знали, что на бруствере стоит солдат под ружьем за провинность. Среди солдат появились слухи, что при царском дворце убили Распутина, некоторые солдаты говорили, что Распутина убил сам царь из-за ревности к царице, другие говорили, что его убили придворные князья, якобы он ухаживал за их женами, третьи говорили, если Распутна убили, значит, скоро кончится война. Все эти слухи о Распутине доходили до солдат через офицерских денщиков.

В последних числах февраля месяца 1917 г. на фронте среди офицерского состава происходило что-то невероятное. В ночное время они начали посещать передовые линии окопов, некоторые из них беседовали с солдатами, спрашивали их о том, что пишут родные, какие новости слышат от своих товарищей. Эти беседы проводились для того, чтобы узнать настроение солдат. А шило в мешке не утаишь, хотя наши окопы были далеко от Петербурга, но слухи дошли и до нас, что

Николай II, якобы, передал царствование своему брату Михаилу Романову. Немцы по вечерам кричали нам: «Русс революцион!». Но мы не могли их понять, в чем дело, так как окопы наши и немецкие находились на расстоянии около 300 шагов.

Офицерский состав хорошо знал, что в Петербурге произошла революция, но нам об этом не говорили. Дисциплина стала еще строже. Солдафонство со стороны реакционных офицеров продолжалось вплоть до Февральской революции. Особенно со стороны командира батальона Астальского и полуротного командира Егорова, которые за малейшие проступки наказывали солдат мордобитием и нередко ставили солдат под винтовку на бруствер.

Весть о свержении самодержавия в Петербурге мы узнали только 5 марта 1917 г.

Февральскую революцию мы встретили с большим восторгом. За фронтовой полосой проводились митинги, на этих митингах присутствовали представители и от частей, находившиеся на передовых позициях. Эти представители по прибытию в окопы рассказывали нам о свержении царского самодержавия и установлении в стране демократического строя во главе с Временным правительством. Многие солдаты говорили: «Раз царя свергли, значит, скоро будет мир с Германией, разъедемся по домам к своим родным, получим землю и будем жить лучше, чем при царском режиме. Кроме того, установится мир на земле». Но были солдаты с отсталым настроением, которые доказывали, что без царя жить нельзя, что царь — это земной бог. Бог на небе, а царь на земле. Но все эти враки были рассеяны, так как среди нас были политически грамотные товарищи, которые им доказывали, что царь — это война и нищета, тюрьма и ссылка, а война и нищета — смерть нашему брату, вот и выбирай, что лучше. Ненависть к царскому строю и его проклятому режиму распространяла партия большевиков.

Офицерский состав вел себя так, как и при царском режиме, как будто в стране ничего не произошло. Когда был избран полковой комитет, он получил приказ Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов об отмене титулования офицеров (Ваше превосходительство, благородие и т. п.) и замене их на «господин генерал», «господин полковник» и т. д. В приказе были и другие пункты, которые облегчили положение солдат при невыносимом военном режиме. Тогда офицеры стали относиться к солдатами помягче, особенно после того, когда солдаты в некоторых частях стали убивать реакционно настроенных офицеров. Такой случай был и в нашем полку, где был убит штабс-капитан Астальский.

Убийство командира батальона Астальскго явилось для офицерского состава дивизии совершенно неожиданным, потому что такой случай в дивизии был впервые. Реакционно настроенные офицеры требовали сурового наказания убийц, но сколько не искали виновников, так и не нашли. Только после Октябрьской социалистической революции участники убийства сами сознались и рассказали солдатам причину убийства. Его убили два сибиряка, один являлся денщиком самого Астальского, а другим был ефрейтор Кондратьев.

Причину убийства ефрейтор Кондратьев нам рассказал:

— Накануне Нового 1917 г. мой односельчанин Пахомов, тогда он служил денщиком у этого реакционного офицера, пригласил меня к себе в гости. Я по разрешению своего командира отделения вечером, накануне Нового года, пришел к нему. Самого Астальского не было в землянке, он уезжал встречать Новый год в штаб полка. Новый год мы с земляком встречали неплохо. Была у нас офицерская закуска и выпивка. Правда, на другой день похмелялись очень плохо, так похмеляться не дай бог лихому татарину. Когда у нас вышли запасы, я стал собираться уходить. Вдруг врывается в землянку сам хозяин. Налетев на меня, он ударил меня кулаком по лицу. Тут и так у меня кружилась голова от выпитого вина, а он еще добавил мне своими кулачищами. Тут я уже совсем «пьяный» стал. Затем он набросился на своего холуя. Я только хотел уходить, он крикнул на меня: «Куда ты, сволочь паршивый!». Подбежал ко мне и дал такого пинка, что я вместе с дверью землянки вылетел на улицу и побежал по ходу сообщения в свою роту. Иду я в роту и ругаю себя: «Зачем я дурак пошел встречать Новый год к своему земляку, лучше бы сидел на передовой вместе с солдатами». На другой день рано утром приходит ко мне мой земляк Пахомов, лицо его все было опухшее, в синяках. Я ему говорю: «Ну, брат, тебя и разукрасил твой барин, плевательница у тебя вся расколота. Это как мой дед отца опохмелил, когда он однажды напился пьяным, проснулся утром и стал у дедушки просить денег, чтобы опохмелиться, а дед взял свою кривую палку и давай его колотить куда попало, даже с оговоркой: „Сукин ты сын, пьешь, пропиваешь трудовые деньги, у тебя семеро детей, вот тебе похмелье“. Отец побежал на улицу, дед за ним. Так вот и тебя твой барин опохмелил».

— Это все пройдет, Кондратьев, — проговорил Пахомов, — но беда-то впереди. Мой барин дал приказание командиру роты, чтобы нас с тобой поставили под винтовку с полной выкладкой на бруствер.

— Да этого можно было ожидать от этого негодяя. Он на все способен, — ответил я ему.

— Нужно признаться, — продолжал свой рассказ Кондратьев, — я очень сдрейфил, под винтовкой стоять где-нибудь в тылу и то неприятно, а стоять на бруствере перед своим противником — очень страшно, и, наверняка, смерть. Хотя я слышал, что таких солдат германцы не расстреливали, но офицер немецкий может взять на мушку. Сначала мы с Пахомовым хотели улизнуть с передовой, но куда? В другую часть, оттуда могут прислать обратно в свою часть, тогда нам будет еще хуже. Бежать в тыл, поймают как дезертира и будут судить военно-полевым судом и могут даже расстрелять как изменников. После долгих размышлений мы решили: пусть будем лучше стоять под винтовкой на бруствере, может быть, германцы помилуют, не будут стрелять в нас невинных. Через некоторое время нас повели к полуротному командиру, тот передал нам приказ Астальского. Мы попрощались с Пахомовым, обнялись и поцеловали друг друга. Тут я заметил на глазах у моего земляка слезы. Ведь это равносильно идти

на верную смерть. «Не страшна смерть в бою, а страшна без боя», — так говорится в солдатской пословице. Затем мы с Пахомовым вышли из окопа наверх, т. е. на бруствер, взяли винтовки на плечо. Когда мы выходили из окопа наружу, германцы заметили нас и сделали несколько выстрелов из винтовок. Их пули просвистели мимо наших ушей, а когда мы стали под винтовку, германцы прекратили стрельбу. Так мы простояли примерно около часа. Снега было хотя мало, но холод дал о себе знать, руки онемели, особенно кисть левой руки, потому что все время пришлось держать винтовку левой рукой. Спрашивается, за что этот мерзавец дал нам такое бесчеловечное наказание. По-видимому, у него была какая-то неприятность, и всю свою злобу он свалил на нас. Когда выполнили это ужасное наказание, мы с Пахомовым договорились, во что бы то ни стало отомстить этому кровопийцу за его бесчеловечное обращение. Мы думали, что после такого наказания Астальский пошлет Пахомова на передовую, т. е. в роту, однако, Пахомов остался служить на старом месте, т. е. холуем у своего старого барина.

После Февральской революции мы с Пахомовым договорились отомстить этому гаду — уничтожить его во что бы то ни стало. Землянка его находилась у опушки леса, в шагах 30 от землянки была его уборная, Астальский обыкновенно пользовался ею в раннее утро. И вот мы решили его уничтожить, когда он будет выходить после естественной надобности из уборной. Мартовские утренники были темные и ненастные, а это было в нашу пользу. Примерно в два часа ночи ушел с передовой, без всякого на то разрешения. Земляночка, где я находился с товарищем, осталась пустой, так как мой товарищ в это время находился на посту (в секрете). Добрался я до уборной, когда было еще совсем темно, постояв немного позади уборной, вдруг слышу шорох. Я притаился, кто-то зашел в уборную, думаю: «Может быть другой зашел туда». Смотрю, зажегся карманный фонарик, тут я понял, что это он. Мне раньше говорил Пахомов, что его барин ходит в уборную с карманным фонариком. Как он только стал выходить из уборной, я его ударил по голове саперной киркой, он даже не успел и ахнуть и тут же свалился с ног. Я его еще раз ударил по голове и отошел в сторону. В это время подошел ко мне Пахомов, мы с ним оттащили труп к оврагу, заросшему кустарником, а кирку выбросил в другое место, затем я убежал на передовую. Нужно заметить, что меня никто не видел, пришел в свою земляночку и только что лег отдохнуть, как пришел с наряда мой товарищ. Труп Астального нашли на третий день саперы, которые искали место для строительства землянки артиллерийским наблюдателям.

По делу убийства штабс-капитана Астальского были привлечены несколько человек, главным образом те солдаты, на которых Астальский накладывал дисциплинарные взыскания. Были арестованы Пахомов, Кондратьев и другие. Следствие вели недолго, по требованию полкового комитета и солдатской массы все арестованные были освобождены.

Февральская революция 1917 г. не принесла народу мир с Германией и Австро-Венгрией, но солдаты на фронте не хотели воевать. Когда части стояли в резерве или же на переформировании, возникали стихийные собрания и митинги, особенно в тех частях, куда прибывало пополнение из центральной России. Из числа солдат, прибывающих на фронт, были большевистские агитаторы и революционно настроенные солдаты. Они выступали на этих собраниях и митингах. В своих выступлениях рассказывали фронтовикам о тяжелых последствиях войны, о развале промышленности, о разрухе транспорта, разорении сельского хозяйства, голоде и т. д.

Офицерский состав всячески старался доказывать солдатам, что Временное правительство в кратчайший срок выправит положение в тылу и на фронте и при помощи наших союзников Россия поставит Германию на колени. Но солдаты больше верили большевистским агитаторам, которые были одеты в солдатские шинели, чем офицерам.

Полк наш стоял в резерве. Через несколько дней мы получили пополнение из города Пензы, Москвы, Екатеринбурга. Перед тем, как выступить на передовую линию фронта, полковым комитетом был созван митинг. Следует сказать, что сама погода благоприятствовала проведению полкового митинга. Кругом была зелень, погода была теплая, слышно было пение жаворонков. Крестьяне, переодевшиеся в солдатские шинели, поговаривали, что сейчас, в такую погоду нужно было пахать да сеять хлеб, а не воевать и не ждать, пока тебя германец убьет. Эх! Проклятая война. Кто ее затеял, тот пусть бы и воевал. Убьют, останутся сиротами детишки, жалко их, кто их будет кормить и воспитывать.

Вот послышались слова с трибуны председателя полкового комитета, младшего унтер-офицера Безрукова.

— Господа офицеры и товарищи солдаты! Полковой митинг, по требованию большинства солдат, объявляю открытым. Слушайте, сейчас будет говорить присланный к нам из дивизии господин капитан Марков.

— Господа офицеры и солдаты! — начал свою речь капитан Марков, — мы сейчас свободный народ, царя свергли, его правительство тоже. Вместо их сформировалось Временное правительство, правительство народа.

— Какого народа? — послышались голоса солдат.

— Такого народа, как мы с вами, — продолжал Марков, — прошу не перебивать, а слушать, что вам говорят.

— Говори, говори, — ответили солдаты.

— Так вот, правительство у нас сейчас не царское, а народное, у нас сейчас равенство и братство. Скоро в Петербурге соберется Учредительное собрание, где представители народа будут решать все важнейшие государственные вопросы. На это собрание и вы пошлете своих представителей. Сейчас перед фронтовиками стоит большая задача, разгромить германцев и остановить мир. Вас крепко будут поддерживать наши союзники. Английские и французские солдаты ожидают наше

наступление. Как только мы начнем наступать, они тоже двинутся в наступление. Мы начали получать пополнение, ваш полк уже получил пополнение. Америка обещает дать нам большое количество оружия и боеприпасов, а самое главное — мы будем иметь достаточное количество пушек и снарядов.

— А продовольствие, обмундирование? — спросили солдаты.

Сначала капитан замялся, а затем ответил:

— Продовольствие и обмундирование тоже будем получать. Сейчас у нас такой лозунг: «Война до победного конца!».

— Нам нужен мир, а не продолжение войны!

В конце своего выступления капитан сказал:

— Солдаты! Не верьте тем людям, которые распространяют клевету против политики Временного правительства и разлагают военную дисциплину в армии, слушают и поддерживают политику немецкого шпиона Ленина, присланного немцами к нам в запломбированном вагоне.

Вставали и другие ораторы. Одни говорили за продолжение войны, другие — против войны. Слово попросил один рядовой солдат из второй роты — Лямин, ему разрешил председатель полкового комитета. Солдат был среднего роста, на вид был не молод, а лет 35 — 40, с хорошей солдатской выправкой, сапоги на нем были вычищены, шинельная скатка, вещевой мешок, палатка с колышками, противогаз, малая лопата, котелок и фляга хорошо были пригнаны к его корпусу, вместо папахи на голове у него была железная каска, каски носили и другие солдаты, но очень немногие. Поднялся он на трибуну. Окинул взглядом солдат, снял с головы каску, правой рукой держал винтовку и начал говорить:

— Товарищи солдаты, я очень внимательно слушал капитана Маркова, который здесь говорил. По его словам, конца войны не видать. Он призывает нас к разгрому Германии, но он забывает, что солдаты устали от этой кровопролитной войны, которая продолжается третий год. Они хотят мира, а не войны (возгласы: «Правильно!»). Он говорил, что нам будет помогать Америка вооружением и продовольствием. Эти обещания мы давно слышим, а на деле этого нет. Пусть американские солдаты приедут из-за океана воевать против Германии, а мы им будем помогать, как они нам помогают (возгласы: «Правильно»). Весна в полном разгаре, а на нас зимнее обмундирование: шубу летом, а накидку зимой, так выходит, господин капитан.

— Товарищи солдаты! Временное правительство является не от представителей трудящихся масс, а представителей буржуазии и помещиков. Вот поэтому они и кричат: «Война до победного конца!». Нам не надо войны, нам нужен мир! И еще раз мир! Нам надо восьмичасовой рабочий день для рабочих и конфискация помещичьих и церковно-монастырских земель в пользу трудового крестьянства. Вот что нам надо, товарищи солдаты.

— Правильно! Ура! — кричали солдаты.

Офицеры, которые находились возле трибуны, что-то между собой говорили и не обращали внимания на оратора, но когда оратор начал

говорить о прекращении войны, о восьмичасовом рабочем дне и о конфискации помещичьих земель, они сразу прекратили разговоры и обратили внимание на оратора и требовали прекращения его выступления. Солдаты подняли вверх свои винтовки и кричали:

— Пусть продолжает свою речь оратор, давай говори.

Председательствующий разрешил Лямину продолжать выступление.

— Здесь господин капитан, — продолжал свою речь Лямин, — говорил, что Ленин является немецким шпионом. Это ложь и клевета. Ленин является организатором и руководителем большевистской партии и защитником интересов рабочих и трудящихся масс крестьянства, а не немецким шпионом. Немецким шпионом являлся ваш бывший военный министр Сухомлинов. Ленин приехал в Петербург действительно через Германию и не в запломбированном вагоне. С Лениным приехали и другие эмигранты, жившие за границей в Швейцарии. Они были вынуждены эмигрировать из России из-за преследования царского правительства, а что касается приезда Ленина через Германию, то была договоренность с германскими властями о пропуске русских эмигрантов через Германию с условием взамен немецкими военнопленными, в таком же количестве. По приезду в Россию Ленин выдвинул требование немедленного прекращения войны, перехода рабочих на восьмичасовой рабочий день и конфискации помещичьих земель в пользу крестьянства, а не так, как говорил здесь господин капитан Марков, что земельный вопрос может разрешить только Учредительное собрание. Надо немедленно решать этот вопрос, как указывал неоднократно Ленин.

— Правильно! Так и надо решать. Ура! — кричали солдаты.

После Лямина слово представили прапорщику, но его мы ни разу не видели в полку, он говорил охрипшим голосом, ровно с похмелья, обрушился на Лямина и назвал его провокатором и немецким шпионом, требовал немедленного ареста его и предания военно-полевому суду. Но один из солдат без всякого разрешения начальства вышел из строя и пошел к трибуне, оттуда крикнул на прапорщика:

— Брось арапу заправлять! Врешь! Рядовой солдат Лямин провокатором и немецким шпионом никогда не был. Мы с ним вместе несколько лет работали на литейном заводе в Екатеринбурге, вместе нас мобилизовали в армию, вместе обучали нас военному делу и вместе приехали на фронт. Товарищи солдаты, не верьте ему, он сам, наверное, провокатор, только не немецкий, а чистокровный русский, который предавал царским палачам рабочих-революционеров!

— Долой провокатора-прапорщика с трибуны! — кричали солдаты в один голос.

— Слово представляется командиру полка, полковнику Осипову, — сказал Безруков.

— Я хочу вот что сказать, — начал свое выступление полковник, — надо иметь спокойствие и терпение, не заниматься политикой. Мы люди военные, пусть политикой занимаются там, в Петербурге, а наше дело солдатское, и мы должны защищать интересы народа.

— Какого народа! — кто-то крикнул из солдат.

— Только честного православного русского народа.

— А интересы других народов, проживающих в России?

На этот вопрос полковник не ответил, обратился он к председателю полкового комитета Безрукову и с иронией сказал:

— Закройте митинг, а то солдаты выберут какое-нибудь другое правительство.

На этом митинг был закрыт. Даже не дали высказаться полковому священнику Богоявлескому, который очень обиделся на командира полка.

Через несколько дней наш полк был дислоцирован на новое место расположения. Поход продолжался в течение двух дней. Заранее были высланы квартирьеры. Ночью прямо с похода мы сменили одну из потрепанных частей. Из сменившейся части солдаты нам рассказывали, что за прошлую неделю противник несколько раз предпринимал яростные атаки, но все они были отбиты, и обе стороны понесли большие потери, наши потери были главным образом от артиллерийского огня противника.

Когда происходила смена частей, немцы об этом не знали. Поэтому смена происходила без всякого приключения. Ваш полк пришел на передовую в полном составе. Кроме того, полк дополнительно получил три станковых пулемета системы «Максим». Если раньше полк имел только два станковых пулемета, то теперь их стало пять, а пять станковых пулеметов в то время представляли большую огневую мощь, плюс на этом участке обороны полка было сосредоточено три батареи трехдюймовых пушек (12 орудий).

Как только произвели смену, на вторую ночь начали усовершенствование пулеметных гнезд, бойниц для стрелков, строили козырьки от шрапнельного огня и укрытия от фугасных снарядов, саперы строили впереди окопов проволочные заграждения (рогатки). Все эти сооружения хорошо маскировались от противника. Немецкие окопы находились от нашей передовой линии на расстоянии примерно около 200 шагов. Все работы по сооружению оборонительных укреплений производились в ночное время.

Однажды во время ночных работ пришел к нам вестовой и сообщил, что меня вызывает к себе командир роты. Я тут же вместе с вестовым пошел в землянку командира роты. Вне хода сообщения идти было опасно, так как немцы вели методический обстрел из орудий по расположению обороны полка. Дойдя до землянки, я постучал в дверь. Из землянки распылался голос: «Войдите!». Я открыл дверь, вошел в землянку и доложил командиру роты:

— Младший унтер-офицер Матюшкин по Вашему приказанию явился, господин подпоручик.

— Хорошо, — ответил он.

На столике горела семилинейная керосиновая лампа. За столиком сидел еще один офицер, лицо которого мне было как будто знакомо, но сразу я не мог вспомнить, где его встречал.

— Матюшкин! Здравствуй! Не узнаешь, забыл?

Он встал, подошел ко мне, подал руку и обнял меня.

— Вот гора с горой не сходится, а человек с человеком сходятся, — проговорил он, — ну что ты молчишь, или не узнаешь.

— Ваше благородие...

— Я теперь не Ваше благородие, а господин...

Все засмеялись. Это был Карпухин, только он был уже не прапорщик, а подпоручик.

— Вы что, земляки? — спросил Благовидов Карпухина.

— Нет, не земляки, а хорошие друзья, — ответил Карпухин.

— Матюшкин, ты не знаешь, где Самсонов? Не встречался с ним? — спросил меня он.

— Нет, не встречался, господин подпоручик.

Я слышал, что он находится в Новобоязетском полку, нам надо его разыскать. Он солдатом был у нас в учебной команде, очень хороший.

— Господин подпоручик, с Вами из Пензы много прибыло солдат? — спросил я Карпухина.

— Целая рота.

— А Вас куда назначили, господин подпоручик?

— К вам командиром роты.

— Ну вот, вместе будете воевать, — сказал Благовидов.

— Завтра к нам в роту прибудет человек десять пензяков, — сказал Карпухин, может быть, из них есть тебе знакомые. Как только они прибудут, я тебя позову. А сейчас идите к себе во взвод.

Подпоручик Карпухин был назначен к нам командиром роты, а Благовидов был назначен командиром роты разведки при штабе дивизии.

На второй день, когда прибыли пензяки к нам в роту, Карпухин вызвал меня к себе. Не доходя до землянки командира роты, я увидел сидящих на лужайке солдат. К моему удивлению я увидел среди них Ковальчука (бывшего денщика Фонбраткина). Увидев меня, он очень обрадовался, мы обнялись, расцеловали друг друга.

В это время подошел к нам Карпухин. Я поздоровался с ним и стал просить, чтобы Ковальчука направил в наш взвод.

— А что, Ковальчук твой земляк или родня? — спросил меня Карпухин.

— Так точно, господин подпоручик, земляк он мне, — ответил я ему.

Он вызвал ротного писаря и дал ему приказание, чтобы Ковальчука направили к нам в первый взвод. Затем Карпухин пригласил меня к себе в землянку и угостил крепким чаем с печеньями! За стаканом чая мы вспоминали минувшие дни в учебной команде. Поблагодарив его, я вышел из землянки. Прибывшие солдаты в это время были распределены по взводам. Ковальчук ждал меня. С ним были еще два солдата. Я всех троих повел к себе во взвод.

Вечером пришел ко мне Ковальчук, и мы с ним беседовали почти всю ночь. Он мне рассказал все подробности о событиях, проходивших во время Февральской революции в г. Пензе.

— Когда получили весть о свержении царского самодержавия, — начал свой рассказ Ковальчук, — рабочие города вышли на демонстрацию с красными флагами, с пением революционных песен. К рабочим присоединились солдаты всего гарнизона. Центральная улица, начиная от Вязьминского пассажирского вокзала и до конца, вся была переполнена демонстрантами. На щепном ряду был митинг, где выступали представители рабочих и солдат. Очень хорошо выступала одна пожилая женщина. Когда она говорила, у многих солдат на глазах появились слезы. Ее мужа пытками уничтожили царские палачи в тюрьме, сама она тоже пять лет находилась в центральной тюрьме в Сибири. Когда ее забрали в тюрьму, то малолетний ее сын остался на произвол судьбы, и она не знала, где он сейчас проживает. Все ораторы говорили: «Долой войну! Да здравствует мир!». А один из рабочих говорил: «Нам надо установить восьмичасовой рабочий день, а крестьянам передать на вечное пользование все помещичьи земли». Когда он говорил, все солдаты и рабочие кричали: «Правильно! Ура!». Слушай дальше. В этот же день демонстранты направились в тюрьму и освободили всех заключенных. А что творилось возле квартиры начальника гарнизона генерала Бем[а]. Там стояла охрана. Сначала охранники не пускали и даже свои винтовки взяли на изготовку против солдат. Тогда какой-то капитан вышел из толпы солдат, вызвал к себе личного адъютанта генерала и приказал убрать охрану генерала, «иначе и тебе плохо будет». Тот говорил, что генерала нет дома. Солдаты настаивали немедленно убрать охрану. Адъютант видит, что дело принимает серьезный оборот, снял охрану и вместе с охраной удалился от квартиры. Когда сняли охрану, человек 20 солдат ворвались в квартиру и вытащили генерала на улицу. Солдаты в один голос кричали: «Смерть царским палачам!». Этот же капитан, который требовал снять охрану, подошел к генералу и крикнул: «Узнаешь, немецкая сволочь?». Генерал успел вымолвить: «Узнаю, капитан». Капитан выхватил из своей кобуры пистолет и со всего размаха ударил генерала по голове. Генерал как сноп свалился на мостовую, после этого солдаты прикончили генерала.

— А как твой барин жив остался? — спросил я Ковальчука.

— Улизнул куда-то.

— Надо бы и ему надеть петлю на шею.

— Надели бы обязательно, но он куда-то скрылся. Теперь слушай дальше. На второй день весь наш полк собрался на плац. К этому времени на плацу была устроена трибуна. И вот с этой трибуны выступили несколько солдат и офицеров.

Все выступающие в один голос заявляли: «Мир с Германией!». Правда некоторые офицеры с пеной у рта кричали: «Война до победного конца!». Но солдаты обрывали их и не давали говорить. Спустя несколько времени на эту трибуну выволокли Зюмберга, который носа прижигал солдатам горящей папиросой.

— Помнишь?

— Помню, — ответил я.

— Так вот, одни солдаты требовали убить его, другие настаивали, чтобы его сослали на каторгу. После долгих споров солдаты решили отправить его в тюрьму. Вызвали конвой и проводили в тюрьму, но дорогой напала на него группа солдат и убили его, конечно, конвой не стал защищать Зюмберга.

Наш разговор был прерван с объявлением тревоги. Немцы открыли сильный артиллерийский огонь по нашему левому флангу обороны. Всем солдатам было приказано занять свои места, т. е. бойницы, и приготовиться к отражению наступления противника. Как только солдаты заняли свои места, по окопам прошли командир батальона и командир роты. Они проверяли готовность роты к отражению атаки противника.

В местности, где рота занимала район обороны, была седловина, заросшая кустарником, и противник постоянно держал ее на прицеле. Саперы по этой седловине почти каждую ночь переносили рогатки (колючая проволока, прикрепленная на деревянных крестовинах), которые ставили впереди окопов. Когда противник начал артиллерийский обстрел, в это время саперы несли рогатки. Неожиданно немцы осветили седловину прожектором и заметили наших саперов. По ним тут же открыли из орудий беглый огонь, снаряды рвались не только там, где находились саперы, но и по нашему переднему краю обороны. Одна наша трехдюймовая пушка, находившаяся в специально оборудованной траншее для стрельбы прямой наводкой, своим огнем тут же разбила прожектор.

Артиллерийский огонь противника причинил нам немалый урон. Прямым попаданием снаряда был разрушен блиндаж, где находились пятеро солдат, пришедших с передового охранения на отдых. Все пятеро были похоронены заживо под обломками блиндажа. Тяжело был ранен подпоручик Егоров. Ему осколком снаряда оторвало кисть левой руки. Тяжелое ранение получил руководивший работой саперов старший унтер-офицер Жилин. Два сапера были убиты. Кроме того, шестеро стрелков получили легкие ранения. Все мы ожидали, что противник после артиллерийского налета предпримет наступление, но этого не произошло.

На третий день в предрассветном сумраке замелькали первые вспышки артиллерийских выстрелов противника. Сила огня возрастала с каждой минутой. Вскоре грохот нескольких десятков орудий разных калибров слился в один протяжный гул. Снаряды сплошной лавиной обрушивались по расположению обороны полка. Как только начался артиллерийский обстрел, солдаты попрятались в свои норы в траншеях, оставались только наблюдатели за действием противника. В числе их был и Забиров.

— Герман атака готовит, пропал твоя галова! — крикнул он Рубцеву.

Один снаряд разорвался вблизи от нашей траншеи и засыпал нас землей.

— Забир, живой! — крикнул ему Рубцев.

— Мал-мал живой! Мал-мал...

Забиров не успел высказать свои мысли, как недалеко от него разорвался еще один снаряд.

— Боже мой, ад кромешный, и за что только Бог наказывает нас, — проговорил рядовой солдат Кравцев.

— Герман атака! — кричал Забиров.

Действительно, за шквалом артиллерийского огня немцы густой цепью перебежками пошли в наступление. В это время русская артиллерия открыла беглый огонь по наступающему противнику. Стрелки заняли свои бойницы и также открыли ружейно-пулеметный огонь.

— Не горячись, целься вернее, не расходуй зря патроны, — покрикивал прапорщик Владимиров.

— Какой горячись, герман близка. Дай патрон! Дай патрон! — кричал Забиров.

Несмотря на большие потери от нашего огня, противник приближался к нашим траншеям и накапливал дополнительные силы для атаки.

— Приготовить гранаты! — крикнул прапорщик.

Через несколько секунд на противника полетели десятки ручных гранат.

— В атаку, вперед! — раздалась команда прапорщика.

Солдаты как один вышли из своих окопов и с криками у-р-а-а бросились на противника. Начался штыковой бой. Забиров своим штыком резанул одного немца, тот свалился, затем он погнался за другим. В это время на него с фланга бросились двое немцев, но их настигли Колисниченко и Ковальчук и закололи их штыками.

— Сам погибай, а товарища выручай, — проговорил эти замечательные слова Ковальчук.

Забиров вспомнил, что у него ружье заряжено, на бегу приложил к плечу винтовку и выстрелил в убегавшего немца в спину, который тут же свалился. Забиров со злостью подбежал к нему и вонзил штык в спину.

Немцы не выдержали нашу контратаку и начали в панике отступать. Два наших батальона на плечах противника заняли их передовые траншеи. Противник оставил на поле боя много солдат убитыми и ранеными. Кроме того, несколько солдат и два офицера захватили в плен. Наши потери на этот раз были не очень велики. После того, как мы заняли немецкие траншеи, противник беспрерывно вел по нам артиллерийский огонь, но не причинил нам большого вреда.

Вечером, когда стемнело, был получен приказ вернуться на свои исходные рубежи. Когда по цепи передали: «Приготовиться к отходу!», Забиров проговорил:

— Какой такой закон? Наступай, атака давай, зачем ходим назад?

— Молчи ты, мулла, что тебе приказывают, то и выполняй, без всякого разговора, — сказал ему прапорщик.

Солдаты были очень недовольны этим маневром командира полка. Но приказ есть приказ и надо было его немедленно выполнить.

На следующее утро под сильным дождем начали поправлять траншеи, разрушенные немецкой артиллерией. За целый день работы стрелки насквозь промокли, правда, погода была теплая, но под сильным дождем

земляные работы проводить было очень трудно, тем более в траншеях. Солдаты все время роптали на высших начальников. Вспоминали о прошедшем митинге. Спрашивали друг друга о Ленине. Они хорошо запомнили выступление на митинге рядового солдата Лямина. Как-то вечером к нам пришел командир роты Карпухин. Мы вчетвером сидели под козырьком.

Я доложил ему, что за истекший день на занимаемой взводом обороне никаких происшествий не случилось. Он поздоровался с нами и сел рядом с Забировым.

— Господин порочик, моя галова мал-мал думает, какой чаловек Ленин? — задал вопрос Забиров командиру роты.

— А зачем тебе это понадобилось? — спросил Карпухин.

— Моя зачем? Моя думает, Ленин харошей чаловек. Ему не надо война. Он дает земля нам.

— Значит, ты все знаешь о Ленине. Зачем же спрашиваешь меня?

— Моя знает, на митинге говорил солдат, Ленин харошей чаловек. Он не хочет война, он хочет мир с германом.

— Ты, Забиров, оказывается, хороший политик?

— Какой такой полытык, моя не знай полытык, моя знай кончай война, земля давай, домой давай. Вот моя знай.

Командир роты встал со своего места и отозвал меня в сторону и дал мне понять, чтобы солдаты в взводе меньше занимались такими разговорами, иначе могут погубить себя и нас с тобой. Я ему на это ответил, что такие разговоры имеют место не только у нас, но и по всему полку. Он махнул рукой и ушел.

Имя В. И. Ленина стало символом для солдат по всему фронту, а лозунги партии большевиков: «Мир!», «Восьмичасовой рабочий день» и «Конфискация помещичьих земель в пользу трудового крестьянства!» стали проникать в душу каждого солдата.

Не было такой силы, которая могла бы воспрепятствовать проникновению ленинских идей среди фронтовых солдат. Они ждали с нетерпением того дня, когда эти идеи будут осуществлены на практике. И их осуществила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Через три дня установилась хорошая погода. Немцы не тревожили нас. Только где-то изредка доносился глухой артиллерийский гул, и опять наступала тишина. Командир роты сообщил нам, что готовится большое наступление. Вечером солдатам выдали по две банки консервов, по три фунта сухарей и по несколько золотников сахару. Они сразу поняли: раз выдали продукты на руки, значит, скоро пойдем в наступление. Обычно такие продукты выдавались солдатам перед наступлением. Каждому стрелку выдали по ручной гранате. Даже стрелки получили по одной паре белья и по 5 — 6 человек попеременно ходили в «тыл» в баню. Когда они приходили из бани, между собой говорили, что наконец перед смертью выдали белье, чтобы на тот свет идти чистым. Придя из бани, пожилой солдат Кравцев сел около своей бойницы и о чем-то задумался. К нему подошел Забиров.

— Зачем твоя голова думает, давай консерва кушай. Герман секим башка, консерва пропал, сухари пропал, сахар пропал, давай кушай.

— Забиров, я считал тебя порядочным человеком, а мелишь, не знаю что, — проговорил Кравцев.

— Зачем мелишь, моя не мельница, моя правда говорит, знает твоя голова, правда?

— Вот ты слушай, Забиров, знаешь, где правда? — спросил Кравцев.

— Правда моя не знает где, — ответил Забиров.

— А я тебе расскажу, где правда находится.

— Скажи, скажи товарищ Кравцев, твоя немного башка старый, он хорошо знай.

— Вот шли два мужика из деревни правду искать, — начал свой рассказ Кравцев, — куда они шли правду искать? Знамо куда, в Петербург. Вот они идут день, идут другой, на третий день навстречу им идет матрос с Черноморского флота. Когда они поравнялись между собой, матрос спросил мужиков:

— Куда путь держите, православные?

— Идем правду искать, — ответили мужики.

— Правду вы нигде не найдете.

— Нет, найдем. Правда находится в Петербурге.

— В Петербурге правды нет.

— А где же находится правда?

— Правда находится под якорем, на дне Черного моря. Вот где находится правда, ясно вам, — ответил матрос мужикам.

— Матрос — хороший человек. Он правильно сказал. Когда моя был баня, один солдат мне сказал: «Будет Ленин правителем Россия, тогда будет правда».

— Это ты правильно говоришь, Забиров.

Пленные немецкие солдаты, которые нами были взяты в предыдущих боях, во время допроса заявили, что немецкое командование на этом участке фронта готовит наступление на русских. Прошлое наступление было только разведка с боем.

Следовательно, обе стороны в этом районе готовились к большим сражениям. 14 мая, утром на рассвете, с нашей стороны началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась около одного часа. На этот раз артиллерийский огонь был настолько мощным и метким, что первые линии окопов и проволочные заграждения противника были сравнены с землей. Били легкие трехдюймовые пушки, четырехсполовинные гаубицы и тяжелые шестидюймовые пушки. Противник на этом участке фронта никогда не испытывал такого мощного огня русской артиллерии, он был весь парализован. Вслед за шквалом артиллерийского огня наша матушка-пехота вышла из своих окопов и пошла в наступление. Артиллеристы перенесли свой огонь в глубину обороны противника. Первая линия немецких окопов была занята нашими стрелками с небольшими для нас потерями. В разрушенных окопах валялись изуродованные трупы немецких солдат и офицеров, через

некоторое время стрелки снова пошли в наступление и завязали бои на второй линии немецких траншей. Они кололи штыками, били прикладами. Падали и снова поднимались, догоняя, стреляли в упор, не прикладываясь, держа винтовку наперевес. Устав, падали на землю, посылали противнику вдогонку одну пулю за другой. Оставшиеся в живых немцы в панике бежали, бросали оружие, все, что только могло мешать им унести ноги. Некоторые стрелки вели перед собой пленных. Третья линия окопов противника была расположена от второй линии на возвышенности, вдоль опушки леса, примерно в 600 — 800 шагах, между ними протекал маленький ручеек. После захвата второй линии был получен приказ продолжать наступление, но наша артиллерия из-за отсутствия снарядов ослабила свою мощь, и огневые точки противника не были уничтожены и подавлены. Когда стрелки пошли в наступление, когда они стали подходить до ручейка, немцы открыли по ним губительный огонь из всех видов оружия.

Стрелки залегли и начали окапываться, но не у всех были шанцевые инструменты. Весь полк очутился на открытой местности, как в мышеловке. Вопреки приказу командования полка продолжать наступление некоторые подразделения начали отступать, а за ними и другие. Офицерский состав даже и не воспрепятствовал солдатам отходить. Когда началось отступление, командир полка, полковник Осипов, с группой офицеров на белом коне прискакал к отступающим и хотел приостановить отступление. В это время недалеко от него разорвался немецкий снаряд, и осколком была убита его лошадь. Он не успел освободить свои ноги от стремян и левая нога очутилась под лошадью. Его спутники не обратили на это внимания и ускакали в разные стороны. С испуга забыли своего командира полка, а стрелки продолжали свое дело, т. е. отступали. Командир роты Карпухин, прапорщик Владимиров и еще трое стрелков подбежали к полковнику и освободили его из-под лошади. Хромая на левую ногу, он дал приказание, чтобы командиры батальонов заняли вторые линии немецких окопов, которые были захвачены раньше. Вскоре к полковнику прискакал с двумя лошадьми его ординарец. Полковнику помогли сесть на лошадь, и он поехал с поля боя на свой командный пункт.

Только что успели стрелки расположиться в указанных полковником окопах, как противник свежими силами повел наступление. Хорошо, что наши артиллерийские корректировщики успели протянуть телефонный кабель и связались со своими батареями. Как только немцы стали подходить до ручейка, наши артиллеристы открыли по ним огонь. Правда, на этот раз артиллерийский огонь не таким был мощным, но довольно метким. И все же немцы продолжали свое наступление. Стрелки быстро приспосабливали немецкие окопы для отражения контратак противника. Как только немцы приблизились на близкое расстояние, заработали наши станковые пулеметы и стрелки. Ружейно-пулеметный огонь был настолько сильным, что немцы вынуждены были отступить до речушки, но спустя час времени, под прикрытием мощного артиллерийского огня, они снова пошли в контратаку.

В некоторых местах им удавалось прорваться в расположение наших стрелков, но они были уничтожены штыковыми ударами. Противник дважды предпринимал контратаки, но все они были отбиты с большими потерями для них.

С наступлением темноты немцы подползли на близкое расстояние в расположение наших стрелков и начали бросать ручные гранаты. Везде были слышны стоны и крики раненых. Это нападение было неожиданное, но стрелки не растерялись, открыли по ним ружейно-пулеметный огонь и пустили в ход ручные гранаты. Ночная вылазка противника была отбита.

За ночь немцы подтянули резервы. К нам тоже на поддержку прибыл из резерва Ларийский полк, из которого два батальона были расположены на стыке нашего правого фланга. Утром под прикрытием артиллерийского огня противник предпринял яростные атаки. Немецкие траншеи, которые были нами захвачены 14 мая, три раза переходили из рук, но силы были неравные. Противник располагал большим количеством пулеметов и артиллерии. Хотя и русские имели немало орудий, но им не хватало снарядов, поэтому инициатива боя перешла в руки противника, и мы вынуждены были отступить на свои старые рубежи. За два кровопролитных боя обе стороны понесли серьезные потери. Мы потеряли убитыми и ранеными около половины личного состава полка и три станковых пулемета.

Во время этих двухдневных боев были случаи, когда было трудно разобраться, где рвутся наши снаряды и немецкие. Стоял общий гул и грохот. Небо заволокло дымом и пылью от разрыва снаряд. Слышны были крики и стоны тяжело раненых солдат, которые истекали кровью и умирали на поле боя.

Все эти неудачи происходили потому, что командный состав, я имею в виду высший, был не на высоте своего положения.

После этих боев настроение солдат еще больше было подавлено. Они великолепно понимали, что их, как правило, безжалостно посылают на верную смерть, брать сильно укрепленные позиции врага, без хорошей подготовки артиллерий. А резка проволочных заграждений ножницами под ружейно-пулеметным огнем противника — занятие безнадежное, верная гибель под проволокой. Солдаты открыто стали заявлять, что их умышленно посылают на верную смерть.

На похороны убитых солдат и офицеров из нашего батальона послали около 30 человек, были посланы солдаты и из других батальонов, которые вырыли две братские могилы: одну для солдат, другую для офицеров.

Когда полковой священник читал молитву, у многих солдат на глазах появились слезы. Эти слезы были вызваны у солдат не божественными молитвами священника и солдатского хора, а от жалости к бесцельно погибшим и злобной ненавистью к высшим начальникам. По окончании панихиды солдаты стали переносить тела погибших в общую братскую могилу. Погибших офицеров хоронили отдельно от солдат, их тела переносили офицеры. Они первым опустили в могилу

нашего командира батальона, капитана Вершинина, у которого голова была забинтована. Кровь, проступившая через марлю, потемнела. У него череп был разбит осколком снаряда. Когда стали опускать тела убитых солдат и офицеров в могилу, был дан троекратный залп из винтовок, одновременно полковой оркестр заиграл похоронный марш.

— Даже на тот свет отправляют офицеров не вместе с солдатами, — промолвил один из солдат.

— Там все вместе будем, не знай только, у кого грехов больше: у солдат или же у офицеров, — проговорил другой. — Только один Бог может определить, кого в рай, а кого в ад.

— Ад свирепствовал вчера, когда немецкие и русские пушки били по нам. Это был настоящий ад, а на том свете нет никакого ада и рая. Если бы был Бог, то он бы не допустил такого кровопролития.

— Нет Бога, — сказал третий солдат.

После похорон жертв боев мы вернулись в свои окопы. Солдаты, которые принимали участие в похоронах, рассказали своим товарищам, как происходили похороны.

Однажды вечером пришли ко мне Ковальчук и Забиров. Вечер на редкость удался очень спокойным, ни единого выстрела, только немцы постоянно освещали местность ракетами.

— Герман много ракет пускай, его много ракет, моя думает, герман не будет атака, — тихо проговорил Забиров.

— Ты чего бормочешь, Забир? Лучше бы рассказал, как ты женился? Как татары справляют свадьбы, — стал спрашивать Ковальчук Забирова.

— Скоро твоя герман женит, твоя болтай не знай зачем.

— А что, тебе трудно рассказать как тебя женили?

— Твоя голова совсем не работай.

— Как не работает моя голова, ты забыл, когда немцы за тобой гнались, а мы их закололи и тем самым спасли тебя от смерти. Если моя голова не работала, тебя на этом свете не было бы.

— Война закон такой, товарища не давай германом убивать.

— Меня интересует все же, Забир, как ты женился?

Забиров так обиделся на Ковальчука, он уже не мог дальше сидеть с нами и стал уходить.

— Обожди, Забир, зачем ты сердишься на меня, что тебе трудно рассказать, как ты женился?

Забиров не вытерпел, обложил матом Ковальчука и ушел на свое место.

— Зачем ты так расстроил Забирова, — упрекнул я Ковальчука, — он человек уже в летах, кроме этого, надо тебе учесть, что татары не очень охотно идут на такие разговоры.

— Я не знал этого, мне казалось, что и они как мы, хохлы и кацапы, любим шутить.

— Вот именно, не так, как ты думаешь. Ты бы рассказал мне, как с барыней расстался.

— Да мы с ней в последнее время жили очень дружно. Однажды вечером пригласила меня к себе и задала такой вопрос:

— Скажи, Терентий, ты мужчина взрослый, не скучно тебе без женщины?

— Что поделаешь, барыня, война, надо мириться, да я еще молод.

— А вот я вышла замуж, была еще совсем молоденькой барышней. Мне было всего восемнадцать лет.

— Ваш брат об этом с раннего возраста начинает мечтать.

— То есть, про какое дело?

— Сами знаете, барыня.

— Это очень интересно, что ты начинаешь мыслить про женские дела. Тебе надо было бы учиться на врача по женским болезням, а не денщиком быть.

И сама захохотала на всю переднюю.

— Я бы, барыня, учился на врача, но туда не принимают нашего брата, да и состояние у моих родителей не позволяло учиться.

Она быстро встала с кушетки, подошла к книжной полке, быстро отыскала там книгу. Села обратно на кушетку и стала перелистывать ее, затем подошла ко мне и спросила, умею ли читать книги. Я ей ответил, что с удовольствием, если вы дадите какую-либо книжонку.

— Вот, я тебе дам читать из этой книги хорошенький рассказик. Когда прочитаешь, тогда расскажешь мне.

Я взял у нее книгу и с ее разрешения вышел к себе. Книга была в коричневом переплете, и вот я этот рассказ прочитал несколько раз, пока мне не надоело, но меня этот отрывок очень заинтересовал. Если бы прочитать его среди нашей братвы, они бы слушали с большим интересом.

— О чем там идет речь? — спросил я Ковальчука, — не забыл?

— Где там забыть, такой рассказ никогда не забудешь. В нем говорится как один инженер, строитель железных дорог, приехал на южный берег Кавказа и встретился с одной дамочкой, с которой они в молодости учились вместе. Ее величали Кисочкой.

— А кто написал этот рассказ?

— Разве упомнишь, у нас есть в России много ученых людей, которые пишут разные книги. На второй день рано утром барыня вызвала меня к себе. Я зашел в переднюю. Она уже сидела за столом во всей парадной женской форме.

— Прочитал рассказик?

— Прочитал, барыня.

— Понравился тебе?

— Понравился.

— Инженер правильно поступил?

— Сначала правильно, но затем не правильно.

— Почему не правильно?

— Не взял ее с собой.

— А ты как бы поступил на месте инженера?

— Если она мне понравилась, я бы ее взял с собой и стал жить вместе с ней до самой смерти.

— Ты, значит, таких женщин жалеешь?

— Как же не жалеть, ведь она русская, а ее муж грек с горбатым носом и притом муж, наверное, издевается над ней, поэтому она и решилась уйти от мужа.

— А если бы ты был женатый, тогда как поступил?

— Тогда видно было бы.

Она замолчала и ушла в свою спальню, а я вышел к себе.

— Теперь расскажи мне, как ты попал на фронт?

— Когда в февральские дни барин сбежал, меня через несколько дней вызвали в роту и сказали: «Хватит тебе халуйничать, завтра же приходи в роту!». Я вернулся к себе и доложил жене подполковника, что меня забирают от вас в роту. Она мне ничего не сказала. На второй день утром после завтрака собрал свои манатки, зашел к барыне, чтобы попрощаться с ней. Она посмотрела на меня и заговорила.

— Так, значит, в роту топать?

— Так точно, барыня, топать, не все коту масленица, наступает и великий пост, — ответил ей.

— Ну что же, Тереха, желаю тебе наилучших успехов. Если поедешь на фронт, желаю вернуться домой с полным Георгием.

Затем она подошла к буфету, вынула оттуда денег и дала мне 150 рублей. Я поблагодарил ее и ушел в роту. Через десять дней с маршевой ротой выехал на фронт.

— А как Петруха?

— Когда я уходил от барыни в роту, он еще находился там, а сейчас не знаю, где он. Хороший человек Петруха.

Провал июньского наступления на Юго-Западном фронте 1917 г.

Подготовка к июньскому наступлению велась около двух месяцев. Все части были укомплектованы до полных штатов, как полагается в военное время. Почти ежедневно подвозили боеприпасы и продовольствие, много было получено орудий и снарядов. Части, которые находились в резерве, проводили усиленные занятия с солдатами, готовили их к наступательным операциям. Особое внимание обращали на стрелковое дело, штыковой бой и метание ручных гранат.

Подготовка к июньскому наступлению проводилась не только по линии военной, но и по линии идеологической. На фронте, правда, не на передовой линии, а где части стояли в резерве, можно было видеть разных «представителей» от фабрик и заводов, от крестьян, от духовенства, от женских организаций и т. д. Все они внушали солдатам идеи Временного правительства. На солдатских митингах выступали с лозунгами: «Война до победного конца!», «Да здравствует Учредительное собрание!» и т. д. С передовой линии от каждой роты посылались делегаты на солдатские собрания и митинги, которые проводились в тылу при фронтовой полосе. На этих собраниях и митингах указанные «представители» выступали за поддержку Временного правительства, но не было такого случая, чтобы на проводимых собраниях и

митингах не выступали бы представители от большевистской партии, и солдаты верили им больше, чем представителям буржуазии, меньшевикам и эсерам, которых солдаты называли «пришельцами». На всех проводимых собраниях и митингах обязательно возникали инциденты между большевистскими агитаторами и агентами буржуазии. Дело доходило до больших неприятностей, вплоть до применения личного оружия, но эти вспышки всегда оканчивались в пользу большевистских агитаторов, потому что их поддерживало большинство солдат.

Был у нас в полку такой случай. К нам приехали представители якобы от Иваново-Вознесенских рабочих, мужчина лет 45, женщина лет 30 и священник. Они побывали на многих солдатских собраниях и митингах при фронтовой полосе. Это видно было из того, что у них у всех были видны на груди Георгиевские кресты 4-й степени. На митинге, созванном полковым комитетом, все они выступали с пеной у рта за поддержку Временного правительства, за его политику продолжения войны до победного конца. Мужчина говорил о том, что солдаты должны преодолеть все трудности войны, наступит час, когда кайзеровская Германия будет побеждена нашими доблестными солдатами, и тогда приедете к своим родным как победители внешнего врага и верные защитники православной России. Мы побывали на многих солдатских митингах и всюду мы слышали голоса солдат: «Война до победного конца!». Есть среди вас такие люди, которые занимаются агитацией против войны, против победы над кайзеровской Германией. Эти люди называют себя большевиками, а знаете, кто такие большевики? Большевиками считаются такие люди, у которых карманы большие. Вот они большевики (показывает рукой на офицеров), которые находились возле трибуны (а те все захохотали и аплодировали). Голоса многих солдат: «Врешь! Неправильно! Большевики — это рабочие, а не офицеры!». Когда прекратился шум среди солдат, оратор снова начал говорить: «Мы побывали у вас, где расположены полевые кухни, и интересовались, чем вас кормят, как готовят пищу. Конечно, готовят пищу неплохо, только жиров маловато, но это дело поправимое. Затем оратор заверил солдат, что по приезду в Иваново-Вознесенск они пришлют оттуда к нам целый эшелон быков, но мы этих быков так и не дождались до конца войны. Спустя несколько дней, когда солдаты приходили получать пишу, то кашевары с большой иронией говорили, что сегодня вы получаете «хорошее» блюдо, приготовленное из иваново-вознесенских быков, а фактически получали чечевичную похлебку. Затем было предоставлено слово священнику.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа... — начал свое выступление священник. Христолюбивое воинство! Защитники православной церкви! Обращаюсь к вам от имени священнослужителей Русской Православной Церкви с призывом защищать до последней капли крови нашу святую Русь и православную веру от иноземного врага. Сейчас на святой Руси, по божьему повелению, стали другие правители. Они также гордо стоят за православную веру. В Евангелии сказано: «Аще всякая власть есть от бога». И мы все должны поддерживать

эту власть. Сам Господь Бог послал нам ее. Кто идет против Божьей воли, тот бесславно погибнет, аки Авесаллом и душа его, как презренный идол до светопреставления будет мучиться в огне, человек, который находится в христолюбивом воинстве, не должен думать ни о чем, а только выполнять то, что скажет ему начальник, ибо начальник за него отвечает перед Богом, так это идет испокон веков. Здесь говорили о каких-то большевиках и меньшевиках, я их не знал, слышал, что большевики — это бунтовщики и каторжники, их давно уже Бог наказал, я о них и не буду говорить здесь.

— А почем перед вами выступавший говорил, что большевиками считаются те, у кого карманы большие? — раздался голос одного солдата.

— Он, наверное, хотел насмешить вас.

— Скажи, батя, у тебя есть сыновья? — спросил один солдат.

— Да, есть.

— А где они находятся? — спросил тот же солдат.

— И на это отвечу: один у меня сын работает священнослужителем, а другой учится.

— Хитрой русска мулла, его сына нада война ганять, — проговорил Забиров.

— А почему сын у вас не на фронте? — раздался голос другого солдата.

— Знать, так Бог велел, — ответил священник.

Поднялся шум и хохот среди солдат. Председательствующий успокаивал солдат. Затем он обратился к священнику: «Продолжайте, батюшка!».

— Они не слушают меня, я больше говорить не буду.

Снова среди солдат поднялся хохот. Даже офицеры заулыбались. Да, они были недовольны, что солдаты не слушали священника. Председательствующий все же вынудил священника продолжать выступление.

— Братия, позвольте мне еще несколько слов сказать. Только прошу вас слушать меня внимательнее. Сам Иисус Христос со своими учен...

В это время в воздухе показался немецкий аэроплан, затем начал кружиться над митингом, взоры всех солдат были обращены вверх на аэроплан. Когда священник увидел аэроплан, у него все поджилки затряслись, весь побледнел, появилась икота и перестал говорить. В это время один из солдат крикнул:

— Кончай, батя! У тебя от испуга икота появилась, второго Георгиевского не дадут.

Затем выступила женщина. Она в своем выступлении успокаивала тех солдат, у которых дома остались дети. Говорила о том, что детей сейчас будет обеспечивать Временное правительство всем необходимым и т. д.

— Товарищ председатель, имею сказать слово, — крикнул из нашей роты рядовой солдат Малаев.

Председательствующий разрешил ему. Он подошел к трибуне, а затем вошел на трибуну и начал говорить:

— Товарищи солдаты, кто эти выступающие? Один провокатор, вторая нанятая буржуазией проститутка, а третий (указал рукой на священника) — шпион, который оптом и в розницу продавал рабочих революционеров царским жандармам.

Такое выступление буквально ошарашило всех присутствующих. Офицеры кричали:

— Немедленно изолировать хулигана и дезорганизатора. Солдаты, подняв свои винтовки, кричали на офицеров: «А ну! Попробуйте, арестуйте. Мы вам покажем, кого надо арестовать, а кого на воле держать, сейчас не старые времена».

Поднялся шум, крики. В это время Иваново-Вознесенские «представители» сошли с трибуны, их окружили солдаты и хотели «посмеяться» над ними, но в это время кто-то из солдат крикнул:

— Товарищи! Казаки!

А из офицеров кто-то выстрелил из пистолета вверх. Солдаты по команде своих командиров быстро заняли круговую оборону и приготовились к отражению кавалерийской атаки, но как выяснилось, никаких казаков не было, а по дороге проехали несколько верховых и подняли пыль. Воспользовавшись этой суматохой, «представители» вскочили на автомобиль и уехали восвояси. Солдаты долго вспоминали случай на этом митинге, даже было известно и другим полкам нашей дивизии.

В первой половине июня месяца мы получили пополнение от расформированного полка. Солдаты из этого полка отказались выступить на передовые линии, за что полк был обезоружен и расформирован. Прибывшие к нам солдаты рассказали, как произошло это расформирование: полк стоял в резерве, и когда солдатам стало известно, что полк в скором времени выступит на передовые линии, по всем ротам прошли митинги. На этих митингах солдаты выносили резолюции, чтобы не выступать на передовой линии. Когда об этом доложили высшему начальству, те приняли крайние меры: зачинщиков арестовать, а полк расформировать и всех солдат отправить по разным частям. Но как это сделать? Когда все солдаты были вооружены, тогда начальство пошло на хитрость. Они пригнали казаков и расположили их в лесу, недалеко от расположенного полка, а солдат спешно вызвали на митинг. Когда они собрались, их окружили казаки со станковыми пулеметами и предложили сложить оружие. Солдаты не хотели складывать оружие и хотели сопротивляться, но здесь из среды солдат, по-видимому, он был большевистским агитатором (не желая напрасных жертв), выступил и уговорил солдат сложить оружие, что последние и сделали. На второй день весь полк был расформирован, и солдаты были отправлены по другим полкам, причем, несколько солдат были арестованы.

Перед выступлением на передовой линии пришел к нам командир роты Карпухин. С ним был еще один рядовой солдат, обросший пушистой черной бородкой с закрученными к верху усиками. Поздоровавшись с нами, Карпухин спросил меня:

— Что нового?

— Никаких новостей у нас нет, — ответил я ему.

— Господин командир роты, моя галова мал-мал думал, обратна на герман наступай пашел. Надо кончай война, — проговорил Забиров.

— А кто тебе сказал, что наступать на герман пойдем?

— Солдат говорил наступать на герман пойдем.

— Господин подпоручик, неужели не будет конца войне? — спросил Карпухина Кравцев.

— Скоро будет.

— Когда всех нас перебьют, тогда только будет конец войне, — сказал тот же Кравцев.

Такие разговоры солдат с офицерами убедительно показывали настроение солдат и каков был у них боевой наступательный дух. Эти настроения солдат были вызваны недовольством Временным правительством Керенского. Большевистские агитаторы разъясняли солдатам, что новое наступление обратно потребует сотни тысяч человеческих жертв из-за карьеры господина Керенского и его компании.

После недолгих разговоров Карпухина с солдатами мы втроем отошли от солдат к опушке рощицы и сели под небольшим кустиком. Все трое закурили.

— Ты что не признаешь своего старого друга? — обратился ко мне солдат с усиками.

Я по голосу узнал своего товарища по учебной команде Самсонова. Мне даже странно стало, как мы могли неожиданно встретиться с ним. Мы оба вскочили, крепко пожали руки и расцеловались.

— Зачем ты отрастил бородку и пустил усы? Ты сейчас похож на кудлатого демократа (так обзывали солдаты меньшевиков и эсеров), — с радости промолвил я.

— Так надо, стареть начинаю, а притом много работаю. Надо же вашего брата перевоспитать, чтобы вы были сознательными людьми для будущего общества и не проливали свою кровь за помещиков и капиталистов. Эти вампиры смотрят на нашего брата, как на пушечное мясо. Им ничего не составляет положить в братские могилы целые армии солдат лишь бы утолить свою кровавую жажду. Сейчас Керенский на нашем фронте готовит большое наступление, а главковерх, генерал Брусилов, по-видимому, поддерживает его, но он глубоко ошибается. Прошли те времена, когда летом 1916 г. поддерживали его солдаты. Кровавая затея Керенского все равно лопнет как мыльный пузырь. У нас в Новобаязетском полку солдаты настроены против продолжения войны. Я думаю, что и у вас солдаты так настроены.

— Да, не только наши солдаты настроены против войны, но и солдаты всего фронта не хотят больше воевать. Они все жаждут мира, — ответил Карпухин.

— Значит, ты и сейчас находишься Новобаязетском полку? — спросил я Самсонова.

— Да, и сейчас там. Только сейчас не рядовым солдатом, а председателем полкового комитета, — ответил он.

— Товарищ Самсонов, вы большевик или же меньшевик?

— Почему ты задал мне такой вопрос?

— Вот у нас председатель полкового комитета товарищ Безруков, про него, например, все солдаты говорят, что он большевик. Значит, все председатели полковых комитетов являются большевиками?

— Нет, не все. Есть много предателей, которые сидят в полковых комитетах и поддерживают политику правительства Керенского.

— Господин подпоручик, у вас в полку в какой-то роте находится рядовой солдат Лямин. Как бы мне его сегодня вечерком встретить? — спросил его Самсонов

— Вечером придешь ко мне, сейчас знаешь, где моя «резиденция», а я пошлю за ним своего вестового. Он находится во второй роте нашего батальона.

Мы еще долго беседовали втроем, вспоминали прошедшие дни и службу в учебной команде, арест Самсонова там и т. д.

Вечерело. Когда мы стали расходиться по своим местам, из какой-то роты солдаты запели песню:

Опускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.
Динь-бом, динь-бом
Слышен звон кандальный...

13 июня наш Шемахинский полк выступил на передовой линии и заменил Ларийский полк, который ушел в резерв.

В течение четырех дней шла усиленная подготовка к наступлению. Солдатам раздали полный комплект боеприпасов (по 120 боевых патронов и по 2 ручные гранаты), стальные каски и сухой паек на три дня.

Унтер-офицерский состав под руководством своих офицеров подробно изучали впереди лежащую местность, расположение окопов, огневые точки противника и подступы к ним. Намечали ориентиры и направления для наступления взводов и рот. Артиллерийские корректировщики засекали наиболее важные огневые точки противника и передавали их на батареи, а артиллеристы, в свою очередь, по ним производили перестрелку.

Наступление началось 18 июня. Удар по австро-германским армиям был нанесен на фронте около 70 километров. После двухдневной артиллерийской подготовки наши части пошли в наступление. Артиллерийская подготовка к атаке была произведена не плохо. Проволочные заграждения противника были сметены. Когда наш артиллерийский огонь был перенесен вглубь обороны противника, наш полк ворвался на передовую линию полуразрушенных окопов германцев, мы увидели мрачную картину, везде и всюду валялись изуродованные трупы австро-германских солдат и офицеров. Правда, вторая и третья линии окопов были взяты с боем. Противник несколько раз бросался в контратаку, но все атаки очень дорого обошлись противнику. Наступление

продолжалось в течение 7 дней, было занято несколько населенных пунктов. Но бездарное командование не сумело использовать успех наступления на Юго-Западном фронте. Подкрепление застряло где-то в тылу. Если русская артиллерия с первых дней наступления своим огнем и колесами хорошо поддерживала нас, то в последние дни наступления ее совершенно не было видно, правее нас наступали финляндцы и гвардейцы, которые также захватили много населенных пунктов у противника, а затем стали митинговать, выступать дальше или нет. После всего этого стали отходить. Противник выиграл время, накопил силы и заставил нас отступать. Сильные бои происходили под крупным населенным пунктом Борщево, но вследствие превосходящих сил противника мы вынуждены были отступать.

Это был не планомерный отход частей на новые рубежи, а паническое бегство царской старой армии на Юго-Западном фронте. Лавину отступления задержать не могла никакая сила. Солдатам выходить на дорогу ни в коем случае было нельзя, а шли по обочинам дорог. По дорогам бешеным галопом отступала артиллерия, которая мяла, давила своими колесами пароконные повозки и двуколки. Везде и всюду валялись брошенные ящики со снарядами, с патронами, с ручными гранатами, валялось также брошенное летнее обмундирование, тогда как солдаты были одеты в зимнее рваное обмундирование. Все эти беспорядки, чинимые работниками интендантов, порождали еще большую ненависть к так называемым новым порядкам Временного правительства и высшего командования. На произвол судьбы оставляли тяжело раненых солдат. Противник постоянно наседал на нас, и мы вынуждены были без оглядки бежать. Местами были выставлены заградительные отряды из казаков, но когда противник подходил на близкое расстояние и открывал по отступающим артиллерийский огонь, то казаки сами удирали. Им, конечно, было легче удирать, а вот пехота-матушка топай на своих ногах.

Очень трудно было установить порядок отхода пехотных частей, потому что все пехотные части с первого дня отступления были дезорганизованы, и ни одна часть не знала, в каком направлении нужно отходить и какие оборонительные рубежи, хотя бы временно, занимать для того, чтобы на время задержать наступление противника. Офицерский состав также был дезорганизован. Они на каждом перекрестке или населенном пункте спрашивали друг друга:

— Вы из какой части?

— А вы не слышали такой-то части?

Вспоминаю такой случай. На третий день во время отступления рано утром приехал верхом на лошади наш командир полка, полковник Осипов, без фуражки, седые волосы на голове торчали дыбом. За ним приехали верхом на лошадях адъютант полка, поручик Власов, и несколько солдат из конной разведки полка. Полковник приблизился к нам и даже не узнал своего командира роты Карпухина. Он спросил его:

— Подпоручик, вы из какой части?

— 205-го Шемахинскго полка, господин полковник, — быстро ответил Карпухин.

— А где полк?

— Где-нибудь здесь, господин полковник.

Полковнику было очень неприятно, что он, во-первых, не узнал своего ротного командира, хотя он мог и не узнать при таком положении, потому что у всех солдат и офицеров лица были покрыты сплошной пылью, только видны были зубы и глаза, во-вторых, сам полковник не знал, где его полк. Вот с такими командирами и повоюй. Полковник слез со своего коня, взял его за повод и пошел вместе с нами пешком. По его примеру сделали и остальные его спутники. Вечером мы расположились в одной деревушке. Командир полка дал приказ задерживать всех солдат, идущих поодиночке или группами, главным образом тех, у кого имеется оружие. Офицерский состав направлять лично к нему. К утру присоединился к нам третий батальон, только не в полном составе. Особенно много солдат к нам присоединилось из других частей. Около двух часов дня на улице деревни мы имели уже сформированный полк, правда, не в полном, но все же можно было принимать кое-какие боевые операции, особенно против немецкой кавалерии, которая все время беспокоила отступающие части. Командир полка был очень доволен, что он не растерял полк. Вечером прискакала к нам казачья разведка во главе с одним офицером, который долго совещался с командиром полка, и вместе с ними мы выступили и заняли у одной опушки леса оборонительный рубеж для того, чтобы задержать наступление противника, хотя бы временно. Но тут тактика была совершенно другая, как мы узнали через некоторое время, после занятия рубежа обороны. Оказалось, что за нашим оборонительным рубежом в лесу находились три казачьих полка, которые готовились нанести удар по наступающей немецкой кавалерии.

Тактика немецкой кавалерии была такова: когда она сталкивалась с нашими пехотными частями, то из своих главных сил специально выделяла несколько конных разъездов для того, чтобы отвлечь внимание обороняющей пехоты, а главные его силы делали отходный маневр и заходили в тыл, этим самым они создавали неустойчивым частям панику и безнаказанно выигрывали бои. Но в данном случае обстановка была совсем другая, потому что за обороняющей пехотой находились казацкие части, которые заранее приготовились для нанесения удара по кавалерии противника, что и было сделано. К полудню показались немецкие кавалерийские разъезды, вслед за ними двигались три колонны кавалерии (около 3 полков). А по немецким разъездам мы открыли ружейно-пулеметный огонь. Те спешились и начали вести ружейный огонь по нам. Главные силы немецкой кавалерии стали с левой стороны опушки леса обходить нас. Одновременно несколько легких орудий противника открыли по расположению нашей пехоты огонь, обход немецкой кавалерии был выгодным для казаков. Немцы, по-видимому, не знали, что за нашей пехотой в

лесу находятся казаки, потому они так смело стали обходить нас. Но противник притаился и дорого поплатился за этот просчет.

Когда главные силы немецкой кавалерии достигли намеченного казацким командованием рубежа, по ним был открыт артиллерийский и пулеметный огонь. Немцы никак не могли предвидеть этого артиллерийского налета казацких батарей и тут у них произошло полное смятение. Спустя некоторое время из леса двинулись лавиной казачьи полки на немецкую кавалерию. Передние ряды с пиками, а остальные, обходя противника, с шашками на голо бросились на противника. И вот началась схватка. Я никогда не забуду это кровавое зрелище, которое я видел собственными глазами. Эта двухсторонняя (я бы сказал, бездумная) кровавая резня продолжалась каких-нибудь 40 — 50 минут, а сколько было убито и искалечено с обеих сторон людей. От немецкой кавалерии в живых остались очень немногие.

На третий день после этой кровавой бойни казаков с немецкой кавалерией наши части переправились через р. Днестр в район крупного населенного пункта Ластовцы Каменец-Подольской губернии и заняли оборонительную линию по северному берегу реки, где и находились до конца Первой мировой войны.

Армия Юго-Западного фронта за несколько дней безумных боев потеряла около 60 000 человек. Такова была кровавая авантюра карьериста Керенского и его компании.

В первые дни отступления без вести пропал мой задушевный товарищ Ковальчук. Во время переправы через р. Днестр были ранены рядовой солдат Забиров и прапорщик Владимиров. Из 60 солдат взвода за это время потеряли 46 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими.

Как только были получены известия о поражении армии на Юго-Западном фронте, генерал Брусилов срочно телеграфировал Керенскому, что наступление срывается, части отказываются занимать передовые позиции и высказываются против наступления. В некоторых полках открыто заявляют, что для них кроме Ленина нет других авторитетов. Оздоровление армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену.

По мнению генерала Брусилова, нужно сначала вести борьбу с революцией, с ленинской пропагандой и только после этого возобновить наступление на фронте.

События на фронте после провала июньского наступления

Настроение солдат окончательно было подавлено. Командный состав после отступления не в силах был сразу восстановить порядок и дисциплину в ротах. Солдаты отказывались идти на работу по укреплению оборонительных сооружений.

Если перед июньским наступлением среди солдат были люди, верившие в политику Временного правительства, то после его провала

таких солдат осталось очень мало. Подавляющее большинство было на стороне большевиков. На самом деле, кому хотелось свою кровь поливать из-за интересов буржуазии и помещиков.

Когда после отступления полки заняли новые оборонительные рубежи, по левому берегу р. Днестр, к нам стали прибывать новые пополнения. Среди них были политически развитые товарищи. Они рассказывали солдатам о тяжелых условиях жизни рабочих и крестьян, о нехватке продовольствия в городах, о недовольстве народа политикой Временного правительства и продолжением войны. Некоторые солдаты сумели привести с собой большевистские листовки, которые солдаты жадно читали. В этих листовках большевики разоблачали антинародную политику Временного правительства и предательскую тактику меньшевиков и эсеров. В одной из листовок говорилось: «Товарищи солдаты! Сейчас ваши полки расположились на старой русской границе. Три года назад русские войска от этой границы перешли в наступление на Австро-Венгрию, которые кровопролитными боями дошли до Карпатских гор. За это время они потеряли сотни тысяч солдат убитыми и искалеченными! И вот сейчас снова русские войска пришли к старой границе. Спрашивается, зачем ее гнали к Карпатам? Нам говорили — бить внешних врагов. Это ложь. Царское правительство, а за ним и Временное правительство добивается завоевать за счет вашей крови Дарданеллы и поработить чужие народы, а бешеные расходы войны перекладывают на плечи рабочих и крестьян. Товарищи солдаты! У вас дома жены и дети умирают с голода, их дальнейшая судьба зависит от вас самих. Долой войну! Не верьте Временному правительству, оно доведет вас до окончательной гибели. Да здравствует мир! Да здравствуют Советы! На протяжении трех месяцев, после провала июньского наступления, солдаты на фронте находились исключительно в тяжелых условиях. Они ежедневно проводили тяжелые работы по укреплению оборонительных сооружений. Особенно тяжелые работы были по сооружению офицерских блиндажей. Солдаты на себе таскали дубовые бревна на расстояние от двух до трех верст для накатов, а их клали по шесть — восемь накатов в каждый блиндаж. Каждая рота строила по четыре — пять блиндажей, по числу офицеров, и каждому из них нужно было строить отдельно. Они не могли расположиться вместе, по два или по три человека, потому что каждый себе привозил с Каменец-Подольска и из других городов, расположенных недалеко от фронта, «благородных» девиц. А солдаты находились в окопах по колено в грязи, так как окопы находились на Днестровской пойме, а во время дождей местами их затопляла вода. Все работы по сооружению прифронтовой полосы производились в ночное время. Одни работали, другие несли сторожевую службу.

Обмундирование солдат изнашивалось до такой степени, что негде было положить заплатку. Некоторые солдаты были полураздетые и полубосые. А как обстояло с питанием? Чечевичную похлебку солдаты называли «иваново-вознесенкие быки». Об этом также говорит и такой факт, когда солдаты в ночное время уходили на

далекие расстояния от передовой линии воровать на полях крестьян картофель, кукурузу.

Офицерский состав снова стал заводить старые порядки, начали свирепствовать полевые суды и смертная казнь. Эти крайние меры были введены новым главнокомандующим, царским сатрапом, генералом Корниловым при прямой поддержке Временного правительства, но все эти репрессивные меры не могли сломить сопротивление солдат и приостановить работы большевистских агитаторов. Правда, большевикам приходилось работать в очень трудных условиях, были ложь и клевета буржуазной и мелкобуржуазной печати на большевиков, гонение на большевистские газеты, недопущение их на фронт, аресты большевистских агитаторов и непокорных солдат. Но не было такой силы, которая могла бы сорвать агитационно-пропагандистскую работу большевиков среди солдат.

Несмотря на эти большие трудности, которые имелись в прифронтовой полосе, все же большевистские газеты проникали к нам в окопы и даже по сторожевой цепи сторожевого охранения, стоявшего непосредственно против неприятеля.

Солдаты и рабочие прифронтовой полосы сумели создать специальный аппарат по распространению большевистских газет и листовок. Из кого состоял этот аппарат? Туда входили железнодорожные работники, почтовики, шофера, а на передовую же линию газеты проникали с помощью походных кухонь.

Можно привести такой пример: получил я от родных письмо, где сообщалось, что в Новобоязетском полку находится мой односельчанин Французов Филипп Семенович, а на фронте встретить своего товарища, да притом односельчанина, это большая радость. Их полк в то время находился в резерве, в 6 верстах от передовой линии. Я с этим письмом пришел к командиру роты Карпухину, чтобы получить его разрешение на свидание с земляком. Выслушав меня, он дал мне трехдневный отпуск. Затем написал какую-то записку, законвертировал и передал мне.

— Найдешь там Самсонова, — сказал мне, — и передашь ему это письмецо, только это совершенно секретно, в случае чего, уничтожь.

Я поблагодарил его и пошел искать Новобоязетский полк. Сначала шел по ходам сообщения, а когда перешел возвышенность, то завернул на дорогу. Погода была очень жаркая, и с меня все время шел пот, так как на мне были навешены две кожаные подсумки и патронташ с боевыми патронами, винтовка пехотная, противогаз, фляга для воды, вещевой мешок, малая лопата и шинельная скатка, а на голове была стальная каска. Идя по дороге я все время поворачивал голову в сторону расположения противника. Меня заинтересовал немецкий аэростат, висевший в воздухе. Не доходя до полевого лазарета первой помощи, который находился в дубовом лесочке, несколько человек из обслуживающего персонала лазарета принимали на окраине лесочка солнечные ванны и смотрели на аэростат, а двое из них смотрели через бинокли и что-то объясняли, остальные трое

сестер милосердия собирали полевые цветы. Я сначала хотел свернуть на дорогу, чтобы миновать их, но затем как будто кто-то мне подсказал: «Иди мимо лазарета, там увидишь хорошеньких сестричек». Я и не свернул на другую дорогу, а прямо пошел к лазарету. Пройдя мимо сестер, которые собирали цветы, поприветствовал я их, они ответили взаимностью, и я продолжал свой путь. Не доходя до опушки леса, я услышал в воздухе вж-вж-вж, а затем в глубине лесочка раздался оглушительный взрыв, недалеко от меня разорвался второй снаряд, третий снаряд упал около тех людей, которые принимали солнечные ванны. Вот, думаю, в боях не погиб, а здесь в тылу можешь погибнуть, мгновенно взглянул в сторону и увидал свежий желтоватый бугорок, а за ним оказалась канавка, по-видимому, какой-то крестьянин вырыл эту канаву для того, чтобы проезжие не мяли его посев. Тут же я и приземлился. Только я успел лечь в канаву, как ко мне с плачем и криком прибежали сестры милосердия, которые собирали цветы. Я хотел на них посмотреть мельком, а они сами навалились на меня, а одна из них даже начала выгонять меня из канавы:

— Уйдите от сюдого, это наша канава, а вы заняли ее, — кричала она на меня.

Я тут же освободил им канаву и прилег около нее. Когда артиллерийский налет прекратился, я встал, стряхнул с себя пыль и сказал им:

— Сестрички, красавицы, вставайте и идите собирайте полевые цветы.

Когда они вышли из канавы, на глазах у них были слезы, лица очень бледные от испуга. Я снова обратился к ним, чтобы они скорее уходили от этого места и показал им немецкий аэростат, после этого они бегом побежали в лесок.

По-видимому, немецкий наблюдатель на аэростате заметил обслуживающий персонал военного лазарета и передал координаты своим артиллеристам, а те выпустили несколько снарядов по расположению лазарета, но жертв от этого налета не было. К обеду я достиг хутора, вокруг которого был расположен Новобоязетский полк, и нашел своего односельчанина.

Мы были рады неожиданной встрече. Крепко обнялись, поцеловали друг друга. Он мне тут же предложил снять с себя амуницию и сказал, что ребята сейчас принесут обед, будем вместе обедать, а то ты, наверно, проголодался.

Он повел меня к пирамиде. Я вынул из подсумки тряпочку, протер ею свою винтовку от пыли и поставил в пирамиду, затем снял с себя всю свою амуницию, сложил ее около пирамиды и пошел умываться. А за это время его товарищи принесли нам обед, закончили туалет и сели обедать. После обеда завязался дружеская беседа. Разговаривали на родном языке (на мордовском).

— Эй, французы, — проговорил один из солдат, — что вы там лепечите? Говорите по-русски, чтобы понятно было всем.

Но мы на эти реплики не обращали внимания, а продолжали говорить на своем родном языке. После продолжительной беседы я спросил его:

— Скажи, Филипп Семенович, как бы мне найти вашего председателя полкового комитета товарища Самсонова?

Такого вопроса он от меня не ожидал, это было видно по выражению его лица, он даже удивился.

— Ты что так на меня смотришь? — спросил я его.

— Ты его разве знаешь? — спросил он меня.

— Да, знаю, — ответил я ему. — Мы с ним вместе служили в учебной команде в городе Пензе. Давай сегодня вечером или завтра утром сходим к нему.

— Мне неудобно к нему идти.

— Почему неудобно?

— Солдаты скажут, что я большевик, если я буду к нему ходить.

— А к нему ходят разве только большевики?

Я не знаю, кто у него бывает, но я стесняюсь к нему идти. Вдруг кто-нибудь из своих заметит, что я был у Самсонова и доложит начальству, а те подумают, что я большевик и арестуют. Вчера у нас был такой слух, как будто двух солдат-большевиков арестовали.

Все же я своего земляка уговорил, и вечером мы вместе пошли к Самсонову. Он нас принял очень гостеприимно, угостил нас крепким солдатским чаем. Я передал ему письмо от Карпухина, он прочитал и спросил меня:

— Когда ты обратно в полк?

— Послезавтра, утречком по холодку, — ответил я ему.

— Тогда прошу тебя завтра в это время зайди ко мне. Хорошо?

— Хорошо, зайду.

— А это кто с тобой?

— Это товарищ Французов из вашего полка, мой односельчанин, пришел к нему в гости. Давно мы с ним не встречались.

— Как, как ваша фамилия? — обратился Самсонов к моем земляку.

— Французов, — ответил тот.

— Из какой роты?

— Шестой, товарищ Самсонов.

— Так, так, вы, значит, односельчане?

— Да, односельчане, — сказал я Самсонову.

— Товарищ Самсонов, солдаты говорят, что ты большевик. Правда что ли это? — усмехаясь спросил Французов.

— А ты кто, меньшевик?

— Я не меньшевик и не большевик.

— А кто же?

— Я солдат, защитник земли русской.

— Это очень хорошо, что ты защитник земли русской, а война тебе не надоела? Небось у тебя земли много?

— Да, много на две души, две десятины на трех полях, а семья семь человек. Я до войны все время работал лесорубом, пусть скажет товарищ Матюшкин.

— Правильно он говорит? — спросил меня Самсонов.

— Правильно, — ответил я.

— Товарищ Самсонов, вы все время на митингах выступаете против войны. Но если мы все разойдемся по домам, то германцы захватят всю нашу Россию? — спросил Французов Самсонова.

— Вот что, товарищ Французов, если все солдаты, все рабочие и крестьяне скажут, что воевать больше мы не будем, нам война принесла за три года миллионы человеческих жертв, давайте заключайте мир с Германией и если вы не выполните требование народа, тогда его выполнит другое правительство.

— Какое другое правительство?

— Народное правительство.

— А это какое правительство?

— Буржуазно-помещичье.

— А нам говорили, что это правительство народное.

— Кто вам говорил?

— Наш командир роты.

— И вы верите ему?

— Как же не верить, он же образованный человек.

— Голова у тебя Французов плохо работает.

— Ты что, товарищ председатель, меня дураком считаешь?

— Но говоришь ты же не умно. Ты пойми, Французов, разве офицер, да притом у вас старый офицер, будет говорить народу правду, вы не верьте ему, верьте тем людям, кто идет против войны, за мир, за восьмичасовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель, в пользу вашего брата. Я, кажется, на полковых митингах не раз вам говорил про это, а тебе все это не понятно.

— Теперь стало понятно.

— Вот придешь к себе в роту и расскажи солдатам, что это правительство защищает интересы только буржуазии и помещиков, а не рабочих и крестьян.

— Значит, нас никто не защищает, мы оказались беззащитными?

— Вас защищают большевики. Вот за них, товарищ Французов, надо и держаться. И держаться надо крепко, обоими руками и с винтовкой. Не забудь это.

— Нет, не забуду, товарищ председатель.

— А вы где будете ночевать? — спросил меня Самсонов.

— Ночевать буду у своего земляка.

— У меня, товарищ председатель, есть еще один вопрос, — обратился Французов к Самсонову.

— Скажи, какой у тебя есть вопрос ко мне.

— За что вчера арестовали двух большевиков?

— Вчера арестовали не большевиков, а провокаторов, которые под видом большевиков распространяли ложные слухи среди солдат.

— А у нас в роте говорили, что арестовали большевиков.

— А вы слышали, что произошло под Гусятином?

— Нет, товарищ Самсонов, не слышали, а что там произошло? — спросил я.

— Где-то около Винницы был сформирован женский отряд, по примеру «батальона смерти» в Петрограде. Этот отряд после кратковременного военного обучения был переброшен на передовую линию под Гусятин. Немцы, пронюхав, что впереди них находится женский отряд, повели на них наступление. Отряд не выдержал стремительного натиска противника и в панике стал отступать, в результате этого немцы захватили несколько женщин в плен и отошли на свои исходные рубежи. На второй день они раздели их догола и отпустили обратно к своим. Очевидцы рассказывали, что пленные женщины шли со стороны неприятеля стайками, как белые лебеди. Солдаты, которые заняли траншеи после бегства женского отряда, сначала не догадались, что идут к ним пленные женщины, хотели по ним открыть огонь, но заметив, что они идут голые и без оружия, сразу же догадались и «восторженно» стали встречать их.

Когда Самсонов закончил свой рассказ, к нему зашли два офицера и один рядовой солдат, разговор был прерван. Мы попрощались с товарищем Самсоновым и вышли на улицу. По дороге мне Филипп Семенович сказал:

— Ну и голова у нашего Самсона, ему где-нибудь в Петрограде работать.

Вечером мы поужинали и легли спать, но заснуть никак не могли. Всю ночь разговаривали о домашних делах и о фронтовой жизни. На другой день Французов не пошел на занятия. Он отпросился у своего командира взвода. Тот ему дал на один день отпуск. Весь день провели мы с ним на берегу меленькой речки, вспоминали прошлое. Особенно нас интересовал вопрос насчет земли, так как большевистские агитаторы говорили о передаче ее в пользу крестьян.

— На самом деле, — стал говорить Французов, — какая существует несправедливость. Мы воюем, кровь свою проливаем, а богачи пользуются всеми благами и привилегиями. В их руках все фабрики и заводы, в руках помещиков и кулаков земельные угодья. Взять, к примеру, нашу барскую дачу, там сотни десятин земли, лесные богатства. Кто ими владеет? Перси Френч, какая-то паскудная англичанка. Она и на человека не похожа. Я ее как-то раз видел, рот у нее как у крысы, вытянутый вперед, в двух челюстях, впереди рта, торчат только по два зуба, ее на руках таскают, когда приезжает из Симбирска. А братья Владыкины? Они владеют несколькими лесопильными заводами, только на одном заводе, который находится на станции Кузоватово, работают из нашего села около тысячи человек вместе с лесорубами и возчиками. А взять этих мироедов-кулаков. В их руках в нашем селе больше половины всей земли, а сколько таких паразитов по всей матушке-России? Я бы, если можно было, всех этих кровопийцев собственными руками задушил.

— Значит, доходит до твоих шариков? — спросил я его.

— Я давно все это понял, только нельзя говорить, арестуют сволочи, ведь у меня дома трое пацанов да старик со старухой. Не может быть, чтобы все время так продолжалось, когда-нибудь дождемся того дня,

когда восторжествует справедливость, и тогда на нашей улице будет праздник. Правильно я говорю?

— Да, правильно, — ответил я ему, ты настоящий большевик.

— Ну, а сейчас пошли на обед, — сказал он.

Вечером в назначенное время я пришел к товарищу Самсонову.

— Вот, хорошо, что ты пришел вовремя, а то бы не застал меня, еду в Каменец-Подольск на совещание. Вот передай этот пакетик товарищу Карпухину. Только прошу не потерять. И передай ему большой поклон.

Я взял пакет и спрятал его в кожаный подсумок вместе с патронами. Затем мы попрощались, и я ушел к земляку, а на второй день рано утром ушел к себе в роту. Филипп Семенович провожал меня до полевого лазарета. Затем мы с ним попрощались и разошлись в разные стороны. Он к себе, а я на передовую.

Вернувшись в расположение роты, я зашел к командиру роты и передал ему пакет от Самсонова. Он спросил меня, какие новости у них там. Я ему рассказал о событиях под Гусятином и др. Затем вернулся к себе во взвод.

Обычно вечера на берегу реки бывают холодные, тем более в сырых окопах, и я стал раскатывать свою шинель и обнаружил какие-то бумажки, отложил их в сторону и подумал: «Наверно я взял чужую шинельную скатку». Но проверив, я убедился, что шинель моя, но что за бумажки? Откуда они взялись? Я их завернул и положил в карман шинели. Смотреть я их не стал, потому что в окопе было темно. На второй день рано утром я вынул их из кармана и развернул. К моему удивлению, это были газета «Окопная правда» и листовка от РСДРП(б). Газета вся была помята и очень трудно было читать, а листовка была еще свежая. Вот так распространяли большевистские газеты и листовки на передовой линии. Кто вложил в мою шинельную скатку газету и листовку? Знает только тот, кто их вложил туда. Мне думалось, что их вложил кто-нибудь из дневальных, которые дежурили у пирамиды. Если не они, то с ведома их.

У нас во взводе хорошим чтецом газет и брошюр считался командир отделения Синеглазов. Он и политически разбирался неплохо и на него всегда можно было положиться. У него было незаконченное среднее образование. Отчислили его из второклассной школы за богохульство, как он сам рассказывал. Отец его погиб в Русско-японской войне, мать умерла от холеры, он остался восьмилетним мальчиком сиротой, а его дядя, двоюродный брат отца, работал в сельской школе учителем, который его взял к себе на воспитание. Мальчик рос, окончил сельскую школу и с помощью дяди ему удалось поступить во второклассное церковное училище, где он учился два года. По прошению священника перед вышестоящим начальством был исключен из училища. До 1915 г. работал в городе Царицыне у одного купца приказчиком. Затем был призван в царскою армию. Он терпеть не мог духовенство, как и Карпухин. В свободное время всегда его можно было видеть за чтением старых книг или брошюр, которые он доставал в населенных пунктах.

После завтрака я пошел к нему. Он был занят чисткой своего оружия под козырьком. Поздоровавшись с ним, я прислонился к стенке траншеи.

— Где ты пропадал? — спросил он меня.

— Ходил по важному делу, — ответил я.

— По какому такому важному делу?

— Земляка своего нашел, односельчанина, вот я к нему и ходил в гости. Дорогой нашел вот какие-то бумажки и принес к вам, так как Николай Петрович любит читать всякие бумажки. Он закончил чистку винтовки, собрал ружейные принадлежности, вытер свои руки тряпкой и пригласил меня сесть под козырек.

— Давай посмотрим, какие бумажки ты принес мне читать.

— Вот, пожалуйста, получите.

Когда он развернул газету и в ней еще листовку, он весь затрясся от радости.

— Почему ты помятую газету принес?

— Новую не потеряли на дороге.

Посмотрел на газету и стал читать: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Окопная правда».

Затем взял листовку.

— Пролитарии всех стран, соединяйтесь! Обращение РСДРП(б). Ты скажи толком, где их достал?

Я ему подробно рассказал, что они оказались у меня в шинельной скатке.

— Значит, есть такие люди, которые не забывают и о нас, фронтовиках, а то сидишь как крот в своей норе и не знаешь, какие события происходят внутри страны, настроение рабочих, солдат и крестьян.

— Вот что, Николай Петрович, давай сейчас поставим двух наблюдателей по обоим концам траншеи, чтобы неожиданно не пришел кто-нибудь из доносчиков, и прочитаем все подробно, что здесь написано, а когда люди отдохнут после ночной работы и с сторожевки, пообедают, тогда мы и им прочитаем. Согласен?

— Да, согласен, только надо сделать так, чтобы там не присутствовал этот болтун Оленников. Он на все способен.

— Я его пошлю куда-нибудь, так что он и знать не будет.

Синеглазов тут же назначил двух наблюдателей, проинструктировал их и указал им места, где они должны находиться. Когда все было сделано, мы принялись за чтение. В первую очередь прочитали листовку, где говорилось: «Товарищи солдаты! Наступил четвертый год кровопролитной бойни. Правительство Керенского и К° не собираются заключить мир с Германией. Грохотом пушек они хотят заглушить громовые раскаты классовой борьбы и революций. Царский сатрап, генерал Корнилов, добивается установления в стране военной диктатуры.

Расстрел июльской демонстрации в Петрограде показал контрреволюционное лицо Временного правительства. Это правительство добивается расправы над организатором и руководителем большевистский партии Лениным.

Товарищи солдаты! Только революционный пролетариат под руководством партии большевиков при поддержке беднейшего крестьянства и солдат может создать революционное правительство рабочих и крестьян, которое обеспечит требования трудящихся масс. Мир, восьмичасовой рабочий день и конфискация помещичьих земель.

Товарищи солдаты! Объединяйтесь сами крепче и теснее, сливайтесь с рабочими и крестьянами! Не давайте вооруженную силу отнять из ваших рук.

Товарищи солдаты! Мир хижинам, война дворцам!».

После чтения листовки мы с большим трудом прочитали газету, некоторые строки так были стерты, что с большим трудом мы разобрали слова. По-видимому, эта газета прошла через сотни солдатских рук. После обеда прочитали газету и листовку солдатам. Вечером передали их во второй взвод старшему унтер-офицеру Сайгину. Так газета и листовка прошли через всю роту.

Обстановка на фронте для солдат с каждым днем ухудшалась, особенно после июльских событий в Петрограде. Воинские части переживали большие продовольственные затруднения, приближались к полному развалу. Дезертирство было обычным явлением. Были случаи, когда отдельные солдаты уходили с передового охранения. Для борьбы с революционно настроенными солдатами и дезертирством в прифронтовой полосе свирепствовали корниловские ударные батальоны. Эти батальоны выставляли на железнодорожных станциях и других пунктах карательные отряды. Без суда и следствия расстреливали рабочих и солдат. Разоружали армейские полки, отказывавшиеся от выступления на передовой линии фронта. Особенно большое количество ударных батальонов было на Юго-Западном фронте, их там насчитывалось около 25 батальонов, тогда как на других фронтах было их значительно меньше. Это объяснялось тем, что солдаты Юго-Западного фронта были более революционно настроены, чем на других фронтах. Ударные батальоны еще больше настроили солдат против Временного правительства.

Развал старой армии был налицо, который, в конечном счете, знаменовал собой крушение гнусного и ненавистного трудящемуся народу буржуазно-помещичьего уклада в стране, отражением которого была элита старой царской армии. Созданная для захватнических целей господствующих классов и для подавления революционного движения в стране она рушилась вместе с крушением старого строя.

11 — 12 сентября состоялась конференция военной организации Юго-Западного фронта в городе Киеве, которая приняла решение о передаче власти Советам, о немедленном заключении мира, передачи земли крестьянам, организации контроля над производством и вооружении рабочих.

Через несколько дней к нам в полк приехал один из представителей этой конференции, который на митинге рассказал солдатам о решениях конференции и призывал солдат к поддержке этих решений. Здесь выступали меньшевики и эсеры. Они защищали политику Временного

правительства и возражали против решений конференции. Солдаты с мест кричали им:

— Идите к генералу Корнилову, он вас защитит. Долой с трибуны! Да здравствуют Советы!

Присутствующие солдаты на митинге в один голос заявили о поддержке резолюции конференции военной организации Юго-Западного фронта.

Время протекало очень быстро, приближалась четвертая военная зима, Положение солдат с каждым днем ухудшалось, обмундирование на них изнашивалось, а новое им не давали, а с продовольствием было еще хуже.

Накануне Октябрьской социалистической революции наш полк находился в резерве, недалеко от города Каменец-Подольска в селе Ластовцы. Во время стоянки солдаты категорически отказывались выходить на занятия, да и у многих офицеров настроение было упадочное. Однажды я дежурил при штабе полка. Дежурный по полку пришел к командиру полка, полковнику Осипову, и доложил, что солдаты отказались от военных занятий. Полковник сказал дежурному офицеру:

— А, что бы вы, господин поручик, сделали с ними.

— Не могу знать, господин полковник, — ответил поручик.

— Ну и черт с ними, пусть не занимаются, — проговорил полковник.

Но зато солдаты на митинги или на собрания шли с большой охотой. К нам из города приезжали представители от губернского комитета партии большевиков, которые призывали солдат к свержению контрреволюционного Временного правительства и установлению советской власти в стране. Когда представители уезжали обратно в город или же по другим частям, солдаты представляли им транспорт из полковых обозов и надежную охрану от провокаторов и убийц из ударных батальонов, которые все время рыскали в прифронтовой полосе.

Характерным признаком нарастания революции в воинских частях накануне Октябрьской Социалистической революции явилась новая форма борьбы против офицерского состава. Солдаты устраняли реакционных офицеров от командования и избирали командиров из прогрессивных офицеров и унтер-офицеров и даже рядовых солдат. В нашем полку командиром батальона был избран наш командир роты Карпухин, а командиром нашей роты был избран старший унтер-офицер Сайгин, мой земляк из села Мордовская Темрязань Симбирской губернии, сын бедного крестьянина. Становясь на путь выборности командного состава, солдаты решали проблему власти в армии. Это был большой шаг вперед в развитии революции в армии.

Весть о Великой пролетарской революции солдаты на фронте встретили с большим восторгом и радостью, особенно декреты о мире, о земле и установлении советской власти. Во всех частях проходили митинги, на которых выступали представители от большевиков. Они рассказывали солдатам о сущности советской власти, декретов о мире и о земле. На этот раз офицерский состав не в силах был запрещать созыв митингов и собраний.

На нашем полковом митинге была принята резолюция за полную поддержку советской власти и постановления Совета народных комиссаров. Контрреволюционных офицеров провожали с трибуны со свистом и руганью. Когда дело дошло до уничтожения знаков различия, полетели погоны, кокарды и нашивки, но отдельные офицеры не могли мириться с таким положением, чтобы сорвать погоны и кокарды, они предпочли покинуть наш митинг.

Вскоре после Октябрьской социалистической революции наш полк был отозван с фронта в город Каменец-Подольск для несения гарнизонной службы и по борьбе с контрреволюцией.

Через несколько дней, после прибытия нашего полка в город, городским комитетом партии большевиков было созвано городское собрание с участием всего гарнизона города. Собрание проходило в городском театре, на котором присутствовало около двух тысяч человек. С большой речью на этом собрании выступил комиссар города товарищ Попов. Он сообщил собравшимся, что 25 октября контрреволюционное правительство Керенского низложено. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Государственная власть перешла в руки рабочих и крестьян. Да здравствует пролетарская революция!

Все присутствующие встают, по всему залу раздаются громогласные «Ура!». Солдаты подняли свои винтовки со штыками вверх. Представители меньшевиков и эсеров кричали с мест: «Это не революция! А настоящий заговор!».

— II съезд Советов, — продолжал свою речь оратор, — который проводил свою работу в Петрограде 25 — 26 октября, принял декреты о мире и о земле. Съезд принял постановление, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны обеспечить подлинный революционный порядок по всей стране.

Съезд Советов избрал для управления страной рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным.

— Да здравствует Ленин! — в зале раздаются аплодисменты и крики ура!

После речи товарища Попова выступали не только представители большевистской партии, но и от мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, от украинской Центральной рады, от гайдамаков и анархистов и т. д.

Мне как участнику этого собрания сейчас не представляется возможным полностью описать, что происходило на этом собрании, ибо время прошло более сорока лет, но все же многое осталось в моей памяти. Когда некоторые ораторы от мелкобуржуазных партий с пеной у рта обвиняли большевиков в заговоре, то им представители большевистской партии бросали реплику, что это неправильно, что в стране произошла пролетарская революция и не каркайте как вороны. Тогда они вынимали из своих карманов пистолеты и угрожали большевистским

ораторам, но представители большевистских организаций были не из пугливых. Кроме того, их поддерживала вся солдатская масса. Солдаты, как правило, в то время на митинги и на собрания приходили с оружием. Как только ораторы от мелкобуржуазных партий начинали клеветать на большевистскую партию, на вождя партии и народа Ленина и говорили против советской власти, солдаты тут же стучали об пол прикладами, затем поднимали винтовки вверх и кричали:

— Долой с трибуны предателей революции!

А кто вынимал револьверы, тех солдаты обезоруживали и выводили с собрания, а их друзья кричали:

— Это не свобода, а насилие!

Когда вся эта нечисть видит, что вся основная масса рабочих и солдат поддерживает большевиков, то они с большей ненавистью покинули собрание, даже с угрозами в адрес большевиков. Солдаты им вслед кричали:

— Генералам без армии дорогу! Пусть они идут к господину Керенскому.

Некоторые из них сопротивлялись, не хотели покидать собрания, но солдаты их выводили с оговорками: «Предателям революции нет здесь места, хватит, ваша песенка спета». На этом собрании со стороны присутствующих много было задано вопросов. Были заданы такие вопросы:

1. Как будет распределяться земля среди крестьян?
2. Скоро ли будет заключен мир с Германией?
3. Когда начнется демобилизация армии?
4. Будет ли созвано Учредительное собрание?
5. Сумеют ли большевики удержать власть? И много других вопросов.

На все заданные вопросы товарищ Попов дал исчерпывающие ответы. Рабочие и солдаты были очень довольны ответами.

После того, как товарищ Попов ответил на все заданные вопросы, на сцену поднялся один из присутствующих солдат с приподнятой винтовкой и задал такой вопрос:

— Скажите, пожалуйста, кто такой Ленин? Он из буржуев, из бедняков или же рабочий?

Товарищ Попов подробно рассказал о революционной деятельности В. И. Ленина и краткую его автобиографию. Все присутствующие громко аплодировали с возгласами: «Да здравствует Советское правительство! Да здравствует Ленин!».

На второй день во всех воинских частях гарнизона были проведены митинги, на которых принимали резолюции о полном доверии Советскому правительству во главе с В. И. Лениным.

25 октября на заседании Петроградского Совета перед пролетариатом и солдатами столицы В. И. Ленин говорил:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Д. Радаев

Воспоминания Д. Радаева были записаны в декабре 1963 г. Рукопись хранится в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (И-836. Л. 1 — 9).

Воспоминание из далекого прошлого

Февральская буржуазно-демократическая революция в России в 1917 году застала меня на французском фронте, в окопах Шампани, под Парижем.

Первые отзвуки революционных событий в России, докатившихся до наших окопов, сильно взволновали всех русских солдат во Франции. Трудно передать словами то неизгладимое впечатление, которое произвело на всех нас сообщение французских газет о развернувшихся революционных событиях в России.

Под влиянием этих событий я и все мои товарищи все больше и больше втягивались в русло революционной борьбы. Франко-русское командование, опасаясь нашего «вредного» влияния на французских солдат, решило скорее избавиться от нас. С этой целью хотели перебросить русские войска под Верден, где в это время шли ожесточенные бои.

Но русские солдаты решительным образом отказались ехать под Верден и потребовали, чтобы их отправили, после проведенных ими наступательных операций, в глубокий тыл на отдых.

Французское правительство вынуждено было выполнить это законное требование русских войск и отправило их в лагерь Ла-Куртин. Правительство так называемой демократической Франции, желая удержать русские войска в повиновении и, боясь того, чтобы революционная зараза не проникла во французскую армию, стало держать русских солдат, как в тюрьме. Лагерь был обнесен колючей проволокой и тщательно охранялся.

Тем не менее, по прибытии в этот лагерь русские солдаты первой бригады и маршевого батальона развернули активную деятельность, требуя немедленной отправки русских войск в Россию и отказа от безусловного подчинения Временному правительству Керенского. Это требование поддерживалось 12 тысячами солдат. Наряду с этим существовала и другая точка зрения — оставаться во Франции и вести войну до победоносного конца. Эту точку зрения поддерживало офицерство и часть солдат, которых под воздействием офицерства и шовинистической агитации командованию удалось уговорить и заставить наиболее отсталых, около трех тысяч солдат, отказаться от своих требований и выйти из лагеря. Только наиболее революционно настроенная часть солдат в количестве двенадцати тысяч не поддалась ни на какие уговоры и осталась на месте, продолжая настаивать на своих требованиях.

По уходу из лагеря защитников политики Временного правительства, мы, оставшиеся в лагере, стали проводить новые выборы солдатских комитетов, так как большинство членов этих комитетов уехало с офицерством. Я был выбран в солдатский комитет и работал в качестве секретаря комитета вплоть до подавления восстания. Следовательно, в развернувшихся революционных событиях принимал самое активное участие.

Теперь, вспоминая события далекого прошлого (46 лет), поражаешься той организованности, дисциплине и порядку, которые установились в лагере после ухода из лагеря офицерства. Трудно даже представить, как устремленность к единой цели спаяла двенадцатитысячный коллектив русских солдат, заброшенных в чужую страну, превратив их в единую, крепко спаянную семью. В лагере был создан образцовый порядок, что особенно поражало мирных жителей Ла-Куртина. Они охотно шли к нам, на наши спектакли, которые устраивались нами в лагере. Эта дружба настолько упрочилась, что не на шутку встревожило франко-русское командование.

Временное правительство в лице Керенского, получив сведения о восстании русских войск во Франции, потребовало от своего представителя генерала Занкевича принятия самых репрессивных мер, вплоть до военного суда и расстрела. Для осуществления этого требования была выделена 2-я особая артиллерийская бригада, четыре батальона пехоты, четыре пулеметные команды, около сорока пулеметов и двенадцать орудий. Кроме этого, были выделены французские войска — один пехотный, один кавалерийский полки и одна батарея, снятые с фронта.

Кровавая расправа с восставшими русскими солдатами началась в 10 часов утра 16 сентября 1917 года. Французские войска и войска Временного правительства открыли по нашему лагерю ураганный огонь из многих орудий. Стреляли шрапнелью и гранатами, а также из пулеметов. Еще за день до этих событий нам были прекращены подача воды и отпуск продуктов. Наши позиции оказались в очень не выгодном положении. Поэтому мы несли огромные потери. Тем не менее, мы яростно оборонялись. На каждый выстрел отвечали двойным выстрелом. Но силы были неравные. Без еды и питья, усталые и истощенные, вынуждены были ослабить огонь, так как наши боеприпасы были на исходе. Лишь только 20-го сентября реакционным войскам удалось ворваться в наш лагерь, они сразу же начали жестокую и кровавую расправу над революционными русскими солдатами.

В результате их кровавых действий над нами в лагере оказалось одних убитых около четырех тысяч человек, не считая раненых.

Франко-русское командование трусливо скрывало эти потери. Генерал Занкевич в телеграмме от 20 сентября 1917 года на имя военного министра Верховского доносил: «Раненых мятежников в лагере не найдено, точное число убитых выясняется. Общие потери дивизии — один убитый и четыре раненых. Французские войска участие в подавлении не принимали. Занкевич».

Так, на территории Франции, с ведома ее правительства и при участии французских войск Временным правительством Керенского была совершена кровавая расправа с революционными русскими солдатами, которые были брошены еще царским правительством на помощь своему союзнику — англо-французским капиталистам. Кровью, пролитой русскими солдатами, восставшими в лагере Ла-Куртин, выпачканы не только царские генералы, правительство Керенского, но и правительство Франции, которое хотело, чтобы русские солдаты и впредь сражались и умирали в интересах французского капитала.

Временное правительство Керенского и правительство Франции жестоко расправились с восставшими: 50 солдат сослали на остров «ЭХС» и 800 солдат — в Африку. В числе сосланных в Африку находился и я.

Этих 800 солдат под усиленным конвоем отправили в Тулон, где погрузили на пароход «Мариенбад». Всех 800 человек, хуже всякого скота, загнали в трюм парохода, где теснота была невероятная, сильно пахло карболкой, люки закрыли, тем самым прекратили доступ свежего воздуха. В завершение этого началась морская качка. Прошло уже 46 лет, но и сейчас леденящим ужасом стоит перед мною все то, что творилось в трюме парохода. Мы буквально представляли сельдей, уложенных в бочке: теснота была ужасная, нельзя было ни лечь, ни сесть, у многих начались рвота, головокружение... Нельзя без содрогания вспомнить эту ужасную картину прошлого, сердце начинает учащенно биться и отдаваться болью.

Только перед приездом в Алжир, после нашего решительного протеста, немного приоткрыли люк, тем самым дали доступ для свежего воздуха.

По прибытии в Алжир весь военный гарнизон Алжира находился в полной боевой готовности. Целые вооруженные полки окружили все побережье. Особенно много было войск, где происходила пересадка нас с парохода на поезд для дальнейшего следования. Все эти многочисленные вооруженные войска были выставлены против безоружных, изможденных, обессиленных русских солдат, из которых некоторые не могли сами идти. Это свидетельствует о том, как много страха мы нагнали на них. Погрузив на поезд, нас отправили на юг Алжира в направлении Сахары. Спустя некоторое время наш поезд остановился возле местечка под названием Афревиль. Нас выгрузили возле деревянных бараков, находящихся в нескольких километрах от указанной местности. В темную дождливую африканскую ночь нас расположили на бивуак недалеко от этих бараков. Как только мы расположились, нас сейчас же оцепили вооруженные французские и африканские солдаты.

От обилия выпавших осадков под ногами чувствовалось целое месиво грязи. Мы представляли довольно жалкую картину, на нас не было ни одной сухой нитки. Одни понуро продолжали стоять, другие сели прямо в грязь, так как не в состоянии больше стоять. Так под продолжающим моросящим дождем держали нас более пяти часов. Зрелище было тяжелое. Все продрогли, ибо африканские ночи довольно про-

хладные. Но, как говорится, всему бывает конец. Раздается команда: «Встать!». С трудом поднялись, мокрые, грязные, усталые до последних пределов. Нас по группам повели в бараки. Бараки давно были заброшены, в них пахло сыростью, по сторонам небрежно набросаны грубо сколоченные деревянные щиты, предназначенные в качестве спальных мест для нас.

Приведший нас офицер сказал: «Можете расположиться, как он выразился, в этих чудесных покоях», и за это должны быть благодарны за великодушие французского правительства, ибо в России живут еще хуже.

Выжав мокрую одежду, прижавшись друг к другу, чтобы хоть немного согреться от прохладной африканской ночи, усталые, измученные, голодные легли на грубые, деревянные лежаки и быстро уснули. Так провели первую африканскую ночь.

Утром я проснулся раньше всех. Солнце было уже высоко и немилосердно палило при выходе из барака. Передо мною предстала следующая картина: за ночь, пока мы спали, африканские солдаты загородили наши бараки высокой стеной проволочного заграждения, а по углам выставлены по два станковых пулемета, стволы которых направлены на наши бараки. Были видны заряженные пулеметные ленты. Возле них находились солдаты. Вблизи бараков не было никакой растительности, кроме тропической колючей травы. Таково было мое первое впечатление от первого африканского утра.

Когда проснулись остальные, то некоторые проявили излишнее любопытство, стали подходить ближе к проволочному заграждению. Заметив это, часовые без предупреждения стали стрелять по нашим. К счастью, был ранен только один, несколько пуль попали в стену барака. Выстрелы часовых вызвали панику среди охраны. Все наши бараки моментально были оцеплены солдатами, дали пулеметную очередь, но пули пролетели выше бараков. После этого случая прибыла комиссия и целая орава переводчиков, которые принялись объяснять нам правила внутрилагерного порядка. Из этих порядков нам стало ясно, что мы не должны подходить к проволочному заграждению, не должны вступать в разговоры с часовыми, не должны жаловаться на действия охраны, тем более на его начальствующий состав, не собираться на территории лагеря группами, в неустановленное время запрещается выходить из бараков и т. д. Далее разъяснили, что через три дня под конвоем будут нас выводить на работу, и что тот, кто вздумает отойти от конвоя, будет застрелян на месте. Таковы были основные пункты правил лагерного порядка. Не говоря уже о других, которые своей чудовищностью подавляли нашу психику.

Так началась безрадостная, мучительная африканская жизнь. Пищу давали мизерную, по качеству отвратительную, 200 грамм хлеба, стакан горького кофе и вонючую жижу, называемую бульоном. Командование лагеря заставило нас таскать на себе камни и другой груз весом не менее 20 — 25 кг. За малейшую провинность нещадно били и сажали в солнечную тюрьму. Солнечная тюрьма — это небольшая открытая

площадка размером 100 квадратных метров, кругом загороженная колючей проволокой.

Вот в эту солнечную тюрьму сажали даже за малейшую провинность. При этом с арестованным поступали следующим образом: на спину арестованному надевали вещевой мешок с песком и под палящими лучами солнца заставляли арестованного безостановочно ходить вдоль проволочного заграждения. Если арестованный, выбившись из сил, останавливался, то часовые подбегали к нему и начинали бить его не плетками, а ружейными прикладами. Вот что по-французски означает солнечная тюрьма. Этот лагерь, по существу, был прямым предвестником гитлеровских концентрационных лагерей с той только разницей, что не было печей для сожжения трупов.

Систематическая голодовка, невыносимые природные условия — жара, изнурительная работа тяжело отразились на нашем здоровье. Начались болезни. Особенно свирепствовала цинга. Медицинская помощь не оказывалась.

Несмотря на все это, мы не терялись, не падали духом, жили надеждами на будущее. Огромным стимулирующим фактором в нашей тяжелой жизни играли события в России. Все наши мысли и чувства были прикованы к новой советской России, которая, как солнце, согревала и освещала наши помрачневшие души. По вечерам после изнурительной и тяжелой работы, усталые и голодные собирались в бараке группками и обсуждали события в России. Все понимали, что в России установится хорошая жизнь. Печально было то, что о событиях в России нам ничего не было известно. Французы принимали все меры к тому, чтобы держать нас в полном неведении о России. Единственно, что можно услышать от них — это то, что «советам скоро капут». Но им никто не верил, каждый понимал, что в России строится новая жизнь, строится прочно и основательно. Мы все стремились поскорее попасть в Россию. Но у нас не было никаких возможностей вырваться из лагеря. Побег был совершенно исключен.

Между тем болезнь цинги принимала все более и более широкие размеры. Наконец очередь дошла и до меня. Я серьезно заболел цингой. И только по случайному стечению обстоятельств не прикончили, а отправили вместе с другими больными во Францию, где пролежал в больнице около 2 месяцев.

По выходу из больницы некоторое время находился в городе Лаваль. Здесь следует отметить, что рядовые французы проявляли большой интерес к событиям в России. Нередко обращались ко мне за разъяснением тех или других вопросов. За подобные разъяснения я был снова арестован и под усиленным конвоем был отправлен на остров «ЭХС», находящийся в Атлантическом океане. По прибытии на остров меня водворили на форт, где уже находились 50 человек ссыльных, запертых в сырых казематах.

В нашем каземате помещалось 12 человек. Здесь были и рабочие, и крестьяне, и из интеллигенции. Царивший в наших казематах голод

настолько изнурил нас, что мы потеряли человеческий вид. Это были пожелтевшие скелеты. Порой поражаешься, как мы вообще могли двигаться. Но мы не только двигались, но и возили на себе воду и продукты из другого конца острова.

Наступил 1919-й год. Дни шли за днями, не внося никаких изменений в жизнь арестованных. Ощущаешь тот же голод, те же сырые отвратительные камеры, те же бледные изнуренные лица товарищей, та же мрачная, серая, однообразная жизнь.

И казалось, конца не будет этой страшной жизни. Становится невыносимо грустно на душе. И кто знает, сколько еще придется провести томительных дней, сколько мучительных дум в этой проклятой капиталистической стране.

Все наши мысли и чувства были прикованы к России, где рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевиков разбили оковы самодержавия, уничтожили гнусный деспотизм и произвол помещиков и капиталистов, сбылись вековые мечты рабочих и крестьян. Совершившаяся Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения нового социалистического общества.

Я и все мои товарищи, находящиеся со мной, глубоко сожалели, что не по нашей вине не пришлось принять участие в проведении Октябрьской социалистической революции. Но мы делали все, что было в наших силах. Еще до Октябрьской социалистической революции в России мы первые столкнулись в кровавой схватке с войсками Временного правительства Керенского и французским империализмом. Но силы наши были неравные, и мы были разбиты.

Октябрьская революция застала меня в ссылке, то в Африке, то на острове. Но и наше восстание, в котором я принимал активное участие, не осталось бесследным. Это восстание получило широкий резонанс мировой общественности, оно оказало огромное влияние на французскую армию. Целые полки были расформированы, а руководители были арестованы и так же, как и мы, были сосланы.

Советское правительство во главе с В. И. Лениным не забыло нас. Оно вступило в переговоры с французским правительством и в июне 1919 года ему удалось вырвать нас из кровавых рук французского империализма, пытавшегося лишить нас Родины.

19 июня 1919 года я приехал в Советскую Россию. Наша группа высадилась в Севастополе. Местные товарищи поделились с нами своим скудным пайком, на другой день в результате наступления белых войск вместе с ними эвакуировались из Севастополя. В Симферополе по просьбе местных товарищей приняли бой с белыми войсками, обратив их в бегство, тем самым дали возможность эвакуировать Симферополь.

Наконец мы в столице Советского государства — в Москве. В Москве после проверки и регистрации нас отправили по местожительству. После месячного отдыха я вступил в Красную армию. В армии в 1920 году вступил в члены коммунистической партии.

Степан Афанасьевич Цыганкин

Уроженец с. Мокшалей ныне Чамзинского района РМ. Член ВКП(б) с 1919 г. Участник Первой мировой войны. Делегат I Чамзинской партийной конференции. В 1920-е гг. был секретарем Мордовской секции Ардатовского укома ВКП(б), председателем райоргкомиссии, первым председателем райисполкома (Чамзинский район). В 1930-е гг. отозван в распоряжение Мордовского окружкома партии. Репрессирован. После реабилитации (1956 г.) жил в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Рукопись хранится в Научном архиве НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (И-251. Л. 119 — 139).

Воспоминания

До Февральской революции я уже имел некоторое представление о революционном движении в России. Этому способствовали аресты моего отца, Афанасия Матвеевича, и дяди, Николая Матвеевича, 8 марта 1907 года за погром помещичьего имения Никитина, находившегося в 4 км по соседству с нашим селом Мокшалей Саранского уезда Пензенской губернии.

Во время погрома я тоже находился там, меня привлекла стрельба в помещичьем лесу, открытая прибывшим отрядом стражников по собравшимся на порубку леса людям, и стрельба из охотничьих ружей в ответ стражникам. За стражниками гнались до хутора Никитина, разогнали их и произвели погром. За это мой отец, Афанасий Матвеевич, и брат отца, Николай Матвеевич, на моих глазах подверглись жестокой порке приехавшими казаками и стражниками, которые были вызваны для подавления бунтующих крестьян нашего села. Отца признали руководителем и подстрекателем погрома, а дядю — соучастником. Обоих их, в числе других, посадили в тюрьму.

В доме я остался самым старшим, мне было тогда десять лет. Испытывал горечь обиды и тяжесть труда вместе с матерью и с дедушкой — 65-летним стариком. Эти события разбудили во мне ненависть к помещикам, от которых пострадала наша семья и другие семьи нашего села. Поэтому с 1912 года (и раньше думал) я уже стал искать сторонников для борьбы против помещичьего населения. Видя, что трудно найти сторонников в нашем селе, в 1914 году поехал на работу на Амурскую железную дорогу с надеждой встретиться с единомышленниками.

Побыв в Саратове, Самарских степях и не найдя по моей неосторожности единомышленников, я вынужден был вернуться домой ни с чем.

В 1916 году мобилизован в старую армию и 4 июля зачислен в лейб-гвардию, в саперный полк, который стоял в Петрограде на углу улиц

Знаменская и Лиговская. Здесь я снова продолжил свои поиски, стремясь найти политическую организацию и политических работников, которые могли бы мне помочь включиться в работу политических организаций.

Незадолго до Февральской революции недовольство среди рабочих Петрограда против войны, голода и разрухи быстро росло. У магазинов семьи рабочих еще ночью занимали очереди для того, чтобы достать хлеб. Но хлеба не хватало, а война все шла и не было видно конца. Рабочие открыто выражали свое недовольство: «Хлеба нам надо, а не войны!»; «Не голода и разрухи, а мир!»; «Война нужна для капиталистов, а нам она не нужна!». Началась всеобщая политическая забастовка. Массовые митинги рабочих проходили под лозунгами: «Долой войну!»; «Долой самодержавие!».

В предфевральские дни Петроград бушевал, будто большое море, грозные волны которого разрушали устои прогнившего ненавистного народу самодержавия.

Слухи о рабочем движении доходили и до нас, солдат. Росло недовольство в гвардейских частях. Нас, солдат, часто выстраивали в зале, производили проверку, перекличку, для какой цели это делали, никому не известно, только взводные комиссары — старшие унтерофицеры Бондаренко и Кравченко из первой роты — ходили перед нашей пятой ротой и тихонько предупреждали: «Если пошлют против бастующих рабочих, не стрелять». Солдаты скрытно выражали свое недовольство к войне и голоду, ведь солдаты тоже были посажены на голодный паек, всем приелись царские порядки. Я стал выражать свое недовольство к существующему строю и уважение к рабочим открыто. Однажды, когда солдат из нашей роты стоял ночью у ворот часовым, проходивший в штатском человек предложил ему листовки, но он их не взял.

— Почему не взял? — спросил я его.

— Боялся. Принесешь, а куда денешь?

— Ты бы мне дал, а я бы нашел, куда деть. Жалко, я столько раз стоял у ворот и мне ни разу не предложили. Я бы взял и связался бы с ними. Если в следующий раз кому предложат, берите и передайте мне.

Через несколько дней, возможно, он же мне предложил взять почитать из полковой библиотеки книгу. Когда я пошел за книжкой, ее мне достали снизу, с подполок. Когда предложил книгу зарегистрировать, библиотекарь (военный) сказал, что регистрировать не будем: «Прочтете, принесете, еще дадим». Книга была, если не ошибаюсь, без автора, о крепостничестве, видимо, запрещенная.

Узнав из нее, что помещики продавали крестьян, секли розгами, меняли на собак, во мне еще больше закипела ненависть к помещикам и царскому строю. Дисциплина у нас в гвардейских частях была жесткая, нас из казармы поодиночке никуда не отпускали. В одно утро, когда стоял у ворот часовым, по двору проходил солдат из нашей части, недавно прибывший с фронта. Его заметил командир полка, полковник

Иванов, и немедленно отправил его на гауптвахту. Нас же до обеда выстроили в зале. Там же были две рядом поставленные скамейки, а по стронам их, на полу, аккуратно сложенные лежали лозы. Командир полка не пришел, а явился его помощник, полковник Барон Фридерикс. Мы узнали, что будут пороть розгами того солдата за самовольную отлучку в город, которого я пропустил. Настроение у солдат было напряженное: как же, телесные наказания отменены, а здесь на глазах у всех будут пороть товарища только за то, что он самовольно уходил после фронта к своим ночевать.

Взводные командиры пятой роты Бонадренко, где и я находился, и первой роты Кравченко тихонько предупредили нас не бить солдата, так как телесное наказание отменено.

Достаточно было одного слова, чтобы все солдаты немедленно подняли бунт. Привели под конвоем невысокого роста, худощавого солдата, положили его лицом вниз на скамейку. Вызвали из строя двух солдат.

Барон Фридерикс дал команду одному из них начинать. Он отказался бить, несмотря на трехкратное предупреждение. Второй, стоявший с правой стороны, тоже отказался, а потом испугался строгого предупреждения Барона Фридерикса, взял лозу и стал легонько бить, второй вынужден был брать лозу и слегка опускать на голую заднюю часть тела солдата. Всего было 25 лоз, и при каждом ударе должны были менять лозу. Таким путем они хотели заставить солдат подчиняться. Но у нас были другие мысли и настроение, как бы с ними за все издевательства расплачиваться при возможном случае.

Солдаты для них были наподобие животных. Сравнивали нас с собаками. Еще летом 1916 года во время похода как-то остановились на привал около городского сада. Я обратил внимание на вывеску с надписью над воротами сада: «Солдатам и собакам вход в сад строго воспрещается». Меня это возмутило, говорю близсидящим солдатам: «Значит, мы такие же, как и собаки, а заставляют еще воевать. Пускай сами воюют, если мы собаки. Поэтому и на фронте убивают нас, что мы собаки для них». Обратился к взвоному командиру Бондаренко: «Смотрите на вывеску: солдаты — это, значит, собаки».

Он меня предупредил, что так нельзя говорить, а близсидящие солдаты предупреждали, что говорю очень смело, надо быть осторожным, за такие разговоры арестовывают.

За три дня до Февральской революции я окончательно убедился, что меня в части уже подозревали как неблагонадежного солдата, а поэтому меня не взяли на подавление внутренних врагов. До обеда 24 февраля нас выстроили в зале, с какой целью — неизвестно. Вызвали меня из строя и поставили стоять от роты в стороне, а около меня поставили еще троих солдат. Почему нас оставили в стороне, никто ничего сказать не смог. Когда кончилась вся процедура, всех распустили, но я догадывался, что неспроста оставили меня вне строя, поэтому обратился с вопросом к командиру, ефрейтору Кобзеву. Он мне ничего положительного не ответил, да и отвечать он, видимо, не хотел, когда сам к солдатам относился не лучше, чем офицеры.

После обеда подали команду построиться всем, за исключением четырех здоровенных солдат, нестроевых и больных. Выдали им драгунские винтовки взамен французских однозарядных, которые имелись у нас в части, и построили роты на дворе. Перед отправкой командир полка, полковник Иванов, выступил и заявил, что «мы идем на подавление внутреннего врага, т. е. забастовочного движения рабочих, мы имеем врага не только внешнего, но и внутреннего, которого мы должны подавить». Отправились в поход, а куда, неизвестно. Вскоре после выступления полковника Иванова в помещение зашел один из четырех оставленных здоровенных солдат, в число которых входил и я. Он подслушал его выступление и сказал тихонько мне, что роту Иванов взял на подавление рабочих. Он мне рассказал содержание выступления Иванова. Я ему говорю, что судя по настрению солдат, они по рабочим стрелять не будут, не поступят так, как поступил Семеновский полк в 1905 году. После наших разговоров мне захотелось убедиться, как он смотрит, что нас не взяли. Когда я подошел к нему и осторожно спросил его, чтобы не бросилось в глаза как ему, так и находившимся в казарме солдатам: «Почему тебя оставили, не взяли на подавление рабочих, но... в том числе и меня?», он мне тихонько заявил: «Ты неблагонадежный, ни к кому больше не подходи». И быстро отошел от меня.

Чтобы не навести подозрение на других, я вынужден был ни к кому не подходить вплоть до 27 февраля, но и ко мне боялись подходить с какими-либо разговорами.

27 февраля 1917 года в девятом часу утра больные солдаты пошли в лазарет Волынского полка. Казармы Волынского полка находились близко от нас, но больные вернулись достаточно быстро, врачей не было, принимать уже больных было некому. Вернулись и сообщили, что солдаты Волынского полка взбунтовались, расстреливают вредных офицеров, не разберешь, что там делается, они и в нашу сторону направились. Не медля, я накинул шинель и бросился к окну, выходящему на улицу Лиговскую, чтобы убедиться, идут ли они и как идут. Если в строевом порядке, то это будет не восстание, если беспорядочно, то, наверняка, восстание, и решил, что надо немедленно идти им на помощь, иначе могут подавить их. Но, к сожалению, никого не было видно, только слышны были редкие выстрелы. Видел, перебежали в сторону нашей казармы из-за углов домов в штатском поодиночке человек пять. Медлить, считал, нельзя, надо действовать. Бросился в проходную комнату. В двух наших комнатах помещалось человек по 10 — 12, подошел к пирамиде с французскими винтовками. Около пирамиды лежал на кровати вольноопределяющий с бритой головой. Видимо, от страха он по кровати катался и кричал: «Не выходите, пропадем! Спрячьтесь, кто где может, спрячьтесь под кроватями!».

Не зная достоверно, восстал ли Волынский полк, я обратился к солдатам, показывая сам рукой на провокатора (исчез в тот же день, больше я его не видел): «Хватит смотреть на дурака, не слушайте его. Пускай валяется на кровати. Мы должны идти на помощь восставшим волынцам и рабочим!».

Находившимся в казарме солдатам я скомандовал: «К оружию!». Выхватил из пирамиды винтовки и скомандовал: «За мной!», выбежал на улицу на помощь восставшим солдатам Волынского полка и рабочим.

Спустившись по лестнице с третьего этажа на второй, посмотрел назад, чтобы убедиться, все ли бегут. Вижу, за мной бежит только один солдат, который стоит выше от меня ступенек на пять с рассеянным видом, как будто обижен кем-либо. Тогда я быстро решаю: «Если я вернусь гнать остальных, меня могут задержать, либо застрелить». Решаю: «Дорога только вперед!». Крикнул второму: «За мной!». Выбежал во двор, т. к. выход из казармы был только во двор, обнесенный каменной стеной. На дворе стояли восставшие солдаты Волынского, Преображенского, Литовского полков и рабочие. Всего было народу до 270 — 300 человек. Я увидел их и невольно крикнул, что теперь я не один. Я указал солдатам Волынского полка, где находится оружейный склад и гауптвахта. Вскоре за нами вышел отдельный командир Кобзев, подошел к нам.

Я подумал, что он шпионить вышел, но он скоро обратно исчез. В той же казарме рядом с нами размещались саперы армейского полка. Они не выходили. Из некоторых разговоров было слышно, что когда стали приближаться восставшие волынцы к воротам нашей казармы по Знаменской улице, полковник армейских саперов выстроил во дворе, напротив ворот, вооруженную учебную команду для встречи восставших, но его восставшие застрелили, а учебная команда ушла в казарму и никто не выходил к восставшим. Тогда я скомандовал открыть огонь по казарме, по окнам. Поднял свою французскую винтовку со штыком, как кинжал, и первый открыл огонь. Как только открыли огонь из винтовки, примерно 7 — 10 солдат быстро выбежали к нам, но не старые солдаты, а новобранцы и те без оружия, под мышкой с сумочками, видимо, в рассеянности взяли с собой. Их было не больше десяти человек. Нам задерживаться было никак нельзя, нас могли окружить. Поставили было по воротам пулеметы, и нам целиться было некуда, или же из оружий могли бы нас обстрелять. Построили нам полковой оркестр, заиграл походный марш, мы пошли со двора с музыкой по улице Знаменской по направлению к Путиловскому заводу с расчетом присоединить рабочих Путиловского завода.

Из разговоров нам было известно, что там до 30 тысяч рабочих, они являются инициаторами забастовок. Народ все больше и больше стал примыкать к нам. Вскоре после выступления раздались возгласы: «Командира надо! Он бы руководил народом!». И тут неожиданно показался верхом на гнедой лошади в чине фельдфебеля полный георгиевский кавалер с крестами и медалями на груди. Он был из Волынского полка. Сказали, что это Кирпичников. Он стал всей этой массой руководить: «Товарищи! Вперед! Не расходиться, а то все погибнем, всех перестреляют!». То впереди, то сзади слышалась его команда. Подъедет к идущим сзади солдатам: «Вперед, товарищи! Не отставайте! Не уходите!». Опять едет между массой народа вперед, чтобы колонна двигалась. Шли лавиной вперед и вперед,

чтобы довести начатое дело до победного конца. Движение замедлилось. Впереди показалась полиция, переодетая в форму Семеновского полка. «Открыть огонь по ним, перебить гадов! — слышались возгласы, — послать разведку по городу. Двигаемся вперед!». По пути на Знаменской улице с правой стороны была юнкерская школа. Человек пять вошли туда сказать, чтобы они пошли с нами.

Вышли 5 — 6 человек. Щегольски одетые юнкера постояли у ворот и быстро исчезли. С левой стороны стояла жандармская казарма. Зашли проверить, но жандармов там уже не было. Как жандармы, так и вся полиция царским правительством были мобилизованы против народа. Накануне они, вооруженные винтовками, пулеметами и другим вооружением, уже были расставлены по чердакам и на крышах. Так царское правительство готовило расправу с силами революции.

Восстание рабочих уже не могли подавить царские палачи. У нас с самого начала восстания были одни разговоры: «Как поступит гарнизон? Присоединится ли к нам? Пойдет ли Семеновский полк с нами?». Раздались возгласы: «Товарищи! Семеновский полк пришел к нам на помощь! Мы торжествуем, что к нам новые силы вливаются. Революция возрастает. У нас дух поднимается, что революция побеждает!». «Ну, как гарнизон?» — спрашивали друг друга. Примерно в середине дня из Выборгской одиночной тюрьмы («Кресты») были освобождены все политические заключенные. Наши саперы заложили под железные ворота перекселиновые шашки, взорвали их и выпустили политических заключенных, а документы сожгли. Когда освободили политических заключенных, настроение стало чувствоваться приподнятым. Говорили между собой, в частности и я, что «теперь будет кому революцию возглавить. Будет кому среди нас работать. Быстрее уничтожим царских палачей». К середине дня уже свыше 25 тысяч солдат гарнизона присоединилось к восставшим. Из разных направлений раздавались пулеметные стрельбы, оружейные выстрелы. Стреляли из чердаков засевшие там «...» по демонстрантам и по группам идущих людей. По пути попадавшихся генералов и офицеров обезоруживали. К вечеру был занят Таврический дворец. Были расставлены около дворца орудия и пулеметы для охраны, стояли походные кухни, чтобы восставшие не расходились кушать по домам. Санитарные автомашины для обслуживания раненых тоже были здесь. К вечеру уже присоединилось к демонстрантам более 66 тысяч солдат, которые активно включились в борьбу с полицейскими засадами в городе. Около Таврического дворца было множество солдат и рабочих, наполненные радостью победы. Масса двигалась, на месте никто не стоял, каждый стремился чем-то помочь революции.

Поздно вечером в стороне стояли две крытые санитарные грузовые машины. Я подумал, что незачем здесь толкаться, и без меня много народу. Подошел к шоферам и предложил им поехать собирать по городу раненых и убитых. Еще нашлось охотников — человек 5. Поехали. Вернулся в казарму уже поздно ночью. В тот же день принялись производить обыски, обезоруживать и арестовывать царских генералов, офицеров, приставов, полицейских и других защитников царского строя.

28 февраля к революционному движению присоединился весь Петроградский гарнизон. Военных и рабочих было много. Орудия и пулеметы стояли с прислугой на месте. Борьба продолжалась. Полиция, засевшая на чердаках домов Петрограда, обстреливала улицы, открывая пулеметный огонь по солдатам, ехавшим на грузовой машине, и по группам людей. Но с полицией велась борьба, выбивая с боем их из чердаков. Вечером у дворца стояла легковая машина. В ней сидели два пассажира. «Вы куда собираетесь ехать?» — спросил я. — «Имеем от Совета поручение на обмен и арест генерала». Сел в машину и я.

Поехали. На Невском проспекте, не доезжая до Лиговки, нас остановила вооруженная рабочая застава. «Вы куда едете?» — спросили нас. Мы объяснили нашу задачу. Тогда они сказали: «Видите, впереди лежат убитые. Только что был бой с полицейским отрядом из засады. Шли рабочие. Они в темноте открыли по ним огонь». Действительно, ехать дальше нельзя было, улица была темная, а впереди лежали убитые. Да и рабочая застава не советовала ехать, потому что полицейские скрылись в том же направлении. К нам подошли два солдата: «Товарищи! Вот в этом доме квартира генерала, — показал рукой один из них на дом с левой стороны улицы. — Надо произвести обыск. Прислуга говорила, что у него есть оружие, в квартиру не пускает». Я оставил машину, пошел вместе с солдатами. Постучались, генерал открыл дверь, мы зашли. Генерал был в гимнастерке без погон. С левой стороны при входе стояла небольшая круглая пирамида с девятью винтовками разного старинного образца. «Для чего стоят у вас здесь винтовки?». — «Для коллекции, они старинные». Больше у него оружия не оказалось. Тут прибежали ко мне два солдата и сказали: «Товарищ! Пойдем! В этом же доме в квартире со двора офицер сопротивляется, не сдает оружие!».

Пришли в квартиру. По погонам было видно, что чиновник из армейского саперного полка. В этом полку, который находился с нами по соседству, не только чиновники, но и низкие офицеры хорошо относились к солдатам.

По улице Лиговской уже поздно я возвращался в казарму, ни единой души. Неожиданно из-за ворот дома вышел, видимо, рабочий патруль: «Разве можно в одиночку так поздно ходить? Только что перед вами убили проходившего рабочего. Вон и кровь еще не застыла на снегу». Правда, смотрю посередине улицы на затоптанном снегу темный круг от крови. Я ему говорю: «Если будем бояться, что убьют, тогда и врага не победим». Пришел в казарму, все уже спали. Из засады ночью полицейские часто убивали одиночек солдат и рабочих.

1 марта. Третий день революции. В городе стрельба продолжалась, но значительно меньше, чем в первые два дня. Еще накануне вызвал меня к себе взводный командир Кравченко и сказал: «Вы, Цыганкин, завтра должны пойти к восьми часам утра в Таврический дворец, явиться к караульному начальнику. Будешь стоять в почетном — ответственном карауле во дворце». — «А почему будут знать, что я направлен для несения караульной службы». — «Ты там значишься в списке у

караульного начальника Волынского полка. Список составляли в Волынском полку, но только сообщили фамилию, кого нужно послать».

Из разговоров наших солдат я узнал, что туда посылают для несения караула надежных людей, которые принимали активное участие в свержении самодержавия в дни революции. Явился в караульное помещение у входа дворца с правой стороны. Доложил о прибытии караульному начальнику из Волынского полка. Он проверил мою фамилию по списку и поставил нести караул у входа во дворец. Я должен охранять его от случая проникновения вооруженных противников революции. На площади у дворца собирался народ в военном и штатском. Немало людей было и внутри дворца.

Проходили мимо меня творить дела Милюков, Гучков, Родзянко. Последний особенно запомнился мне: высокий и толстый. Я подумал: «Что можно ожидать от него, когда он и сам крупный помещик». Все ведь движется, и время мое прошло. Я готов был целый день стоять, но больше нельзя, другого надо было поставить. В десять часов сменился. Пошел к себе в казарму.

Часа в два дня в нашу казарму прибежал прапорщик: «Гвардейцы! По нашей казарме из пулеметов стреляют. Берите винтовки, идемте отразим их!». Мы взяли винтовки и выбежали на двор. Трещали пулеметы, пули по двору со свистом летали. Откуда стреляли, трудно было определить. Устроились на коленях около стены здания офицерского собрания. Стреляли по предполагаемой цели. Стрельба по нам увеличивалась. Зашли в укрытие. Стрельба утихла.

Обнаружить стрелявших не удалось. Позже говорили, как будто бы их обнаружили на чердаке трехэтажного здания офицерского собрания, у нас же во дворе.

С первых дней революции было много разговоров между нами: «Присоединится ли к нам Гатчинский пулеметный полк?». Сегодня вижу, идет Гатчинский полк строевым порядком с пулеметами «Максим» в большом количестве. Идут по направлению к Таврическому дворцу, чтобы лично выразить свое желание поддержать революцию. Меня это успокоило, что пулеметный полк с нами. Вернулся в казарму, рассказал об увиденном товарищам, которые также остались довольны, что теперь все с нами.

К вечеру вернулась наша запасная рота с полковником Ивановым. Солдаты сообщили нам, что их водили за город охранять какую-то станцию в случае нападения на нее бастующих рабочих. Но каких-либо событий не было.

2 марта. Четвертый день революции. Читали в казарме свежую газету, где сообщалось, что первыми подняли восстание против самодержавия солдаты лейб-гвардии Волынского, Литовского, Преображенского и Саперного полков... Я внутренне радовался, что был инициатором восстания в своем полку, которое окончилось победой. В случае подавления я представлял, что ожидало меня.

Утром узнал, что солдатам было предоставлено право выбирать в своих частях командиров по своему усмотрению. Были разговоры:

«Кого выбрать командиром вместо Иванова и его помощника Барона Фридерикса?». — «Хорошо было бы выбрать капитана Никонова, — говорили взводные командиры. — Да и раньше мы слышали о нем, как о хорошем человеке». «Но он ведь на фронте». — «Выберем и отзовем его с фронта».

Никонов — добродушный офицер, который постоянно был с солдатами, любил их и никогда никого не обижал. За все это получал замечания. В знак наказания все время держали его на фронте и без повышения.

Выстроили всю нашу запасную роту в зале. Пришел командир полка Иванов. Его уже никто не встречал так, как было раньше. На его приветствие не ответили, а он, видимо, не ожидал такой встречи. Выступил с речью перед ротой в подавленном настроении. Ведь раньше он выступал грозно, когда заявил 24 февраля, что мы идем на подавление внутренних врагов. «Братцы! Я делал все для вас. Если я с вас требовал, это была моя служба. С меня требовали, и я с вас требовал. Теперь положение изменилось, и требования будут другие. Всем представлено право выбирать командиров». Ему не дали закончить речь. Солдаты в один голос выкрикнули: «Хватит говорить! Долой Иванова! Долой паразитов! Мы и без вас обойдемся!». Такими окриками выпроводили его из зала. От стыда он опустил голову и пошел через двор в свою квартиру, находившуюся при казарме.

К нему на квартиру пришли солдаты армейского саперного полка.

Выстрелом из винтовки Иванов был ранен в грудь. Его счастье, что его не было в первые дни революции, а то мы расстреляли бы его. Даже были попытки найти его. После его ухода приступили к выборам командиров полка.

В конце зала с правого фланга, а я стоял на правом фланге, недалеко от нас стоял незнакомый для нас человек, в поношенной шинели, выше среднего роста. Мы его знали как добродушного человека, он преподавал нам плотничье дело. Взводные командиры о чем-то беседовали с ним. Неожиданно шепотом передали, что это Никонов. Оказалось, он приехал в командировку. Узнав, что приехал Никонов, в один голос все крикнули: «Выбираем Никонова командиром полка!». Помощником выбрали заурядника-прапорщика. Подхватили и начали их с криком ура! качать.

Нашу часть вызвали (была рота запасная) как активно учувствовавшую в Февральской революции в Таврический дворец. Когда пришли, выстроились в две шеренги перед дворцом. Вышел Родзянко, держал речь: «Гвардейцы! Мы совершили революцию! Царя теперь нет! Мы являемся хозяевами страны. Но у нас есть внешний враг, который воюет с нами. Есть у нас и союзники, которых мы должны поддержать. Войну должны вести до победного конца. Если не будем поддерживать союзников, они пойдут против нас, тогда революция, Россия погибнут».

Лучшего от них нельзя было ожидать, им война нужна. Уходя от дворца, мы остались при своем мнении. Не для того совершали революцию, чтобы за них воевать.

Мы остались недовольны его выступлением. Молча слушали его, молча и ушли от него, только разговаривали между собой, что воевать не будем. А он ожидал, что гвардейцы поддержат его.

3 марта. Утром зашел к нам взводный командир Кравченко и заявил: «Кто пойдет добровольно сопровождать арестованных полицейских в тюрьму из нашей гауптвахты?». — «Я пойду!» — первый отозвался на его вопрос, подумав, что раньше над нами издевались, теперь хоть я буду сопровождать в расплату за прошлые злодеяния под винтовкой.

Вышли во двор, конвоиров было человек 6. Кравченко вывел из гауптвахты арестованных — 46 человек приставов, жандармов, полицейских. Высокие, мордастые, пузатые.

Видно, что они недоедание не испытывали. Выстроили их, они даже на первый, второй рассчитались. Команду выполняли по всем правилам строевой службы. Мы встали по сторонам и пошли. Шли около двух часов.

Наконец остановились около большого дома с большими окнами. «Какая же это тюрьма?» — рассуждали мы между собой, но их надо было сдать по назначению. Мы подумали, что Временное буржуазное правительство берет их под покровительство, как бы еще раз не пришлось с ними воевать.

Жизнь пошла обычным порядком. Кормить стали лучше. А в первое время в столовых города солдат бесплатно даже кормили, да и в казармах хватало питания, незачем было заходить в столовые. И для населения города нашлись продукты.

Дисциплина в армии придерживалась, но она была уже не палочная, а революционная, сознательная дисциплина. Службу выполняли беспрекословно, она была нужна для революции. Вне службы были свободны от каких бы то ни было придирок. Раньше, если ты честь не отдал, прозевал, за это тебя поставят под винтовку или трое суток гаупвахты, а, может, и хуже. А после революции приветствие стало товарищеским, как старшему. Во фронт уже генералам не вставали, наоборот, они все отдавали при встрече с солдатами честь. Иду по городу, встречается генерал, торопится, чтобы я не опередил его, отдать честь.

В конце марта месяца получили срочное распоряжение выступить на усмирение бунтующих в тюрьме арестованных полицейских. Вся наша рота немедленно выступила. Тюрьма от нас находилась не близко, прибежали туда быстрым маршем минут за сорок. Но когда пришли, смотрим, все спокойно, а мы рассчитывали на то, что будем опять с ними сражаться.

Справились у тюремного начальника. Тот сказал, что все спокойно. Потом нам сказали, что это была ложная тревога по указанию представителя Совета солдатских делегатов. Проверяли, как быстро можем выполнить (в случае надобности) задание, а в лице нашей части видели надежную опору.

В конце марта месяца мне дали месячный отпуск на Родину. Узнал, как у них в Мокшалее проходили события, как они встретили революцию. Тем более, меня это интересовало.

Временное правительство, рассчитывая удержать буржуазную власть, а также вести войну до победного конца, решило, с одной стороны, расчистить от революционно настроенных частей Петроград, а с другой — готовиться к генеральному наступлению на фронте. Таким путем отвлечь внимание армии от революционного движения. Части отправлялись на фронт, но Временное правительство прогадало.

По возвращении из отпуска 6 мая 1917 года меня отправили в армию в составе 5-й маршевой роты саперов.

Приехали на Немецкий фронт в третью гвардейскую дивизию. Она состояла из гвардейских Волынского, Преображенского и Литовского полков. Наша саперная рота находилась при дивизии. Вскоре в дивизию приехал Керенский. Выступал перед солдатами дивизии и призывал их вести войну до победного конца и готовиться к генеральному наступлению. Но Керенский не ожидал, что гвардейцы откажутся от наступления: «Не для этого мы совершали революцию, — заявили солдаты-большевики, — чтобы продолжать войну. Нам чужой земли не надо, у нас много у помещиков, но и своей земли врагу не отдадим. Война нужна для капиталистов, а нам от этого легче не будет. Мы сами построили свою жизнь без капиталистов. Мира нам надо, а не войны». Не помогла ему агитация, не пошли гвардейцы в наступление. Вскоре сняли нас с фронта и перебросили на Австрийский фронт в Галицию. Это стоило нам 30 дней похода. Стояли мы там не долго, примерно дней 5, оставили Галицию, отошли на свою границу и заняли позицию на реке Каменке Каменец-Подольской губернии.

Противник, видимо, думал, что русская армия вышла из подчинения, потеряла боеспособность и пыталась завязать бой.

Но гвардейцы давали им достойный отпор, границу не дали перейти, крепко держали в своих руках. Пошли всевозможные провокационные слухи, чтобы запугать солдат, что смертная казнь будет применяться тем, кто будет отказываться от наступления. Но гвардейцы и этой провокации не поддались.

Примерно через месяц под предлогом на отдых сняли нашу дивизию с фронта и отправили в тыл в Подольскую губернию. Все с неохотой уходили с фронта, боясь, как бы ни спровоцировали новые части к наступлению.

В тылу свободнее было развернуть большевистскую работу. Стали проводиться митинги, беседы. К нам в роту пришел в военной форме старый большевик Емельянов. Работа развернулась как среди солдат роты, так и среди населения, где мы расположились.

Готовились голосовать за кандидатов в Учредительное собрание. Меньшевики и эсеры на митингах солдат из кожи лезут, что у них программа лучше, чем у большевиков. Поэтому поддерживать в Учредительное собрание надо только их кандидатов.

Емельянов собрал роту. Пришли на собрание и офицеры: поручик Ковалев, командир роты, и прапорщик. С речью выступил Емельянов. Мне запомнились слова из его речи: «Товарищи! Капиталисты наживают миллионы, заставляя работать на себя пролетариат. Война им нужна

как нажива. Поэтому и хотят вести войну до победного конца. Они все хотят забрать в свои руки и получить большие доходы. Если бы они могли запереть куда-нибудь от нас солнце (оно в это время ярко светило с левой стороны), и солнце бы стало показывать нам за плату». По окончании речи он сказал: «Кто за большевиков, отойдите налево». Вся рота отошла налево, а офицеры остались, как вкопанные на месте. Пошли в строевом порядке, с песнями голосовать за пятый номер — за большевистского кандидата. Мы понимали, что офицеры — наши враги, ненавидящие нас. Наступила ночь.

Утром узнали, что офицеры ночью скрылись. За ними послали до станции Жмеринки, в километрах 30, но на станции уже их не обнаружили. Обратились к начальнику станции, не видел ли он их. Он сообщил, что видел двух офицеров, они ходили по перрону, а когда тронулся поезд утром на Киев, они вскочили на ходу на ступеньки вагона и поехали. После бегства офицеров Емельянова выбрали мы командиром роты, и стала рота уже чисто большевистской.

Решили вступить в партию большевиков. Для того чтобы оформиться, нужны были партийные документы, а их при части не было. Из этой деревни нас перебросили в другое место, в село Кудневцы, где стояли сравнительно дольше. Стариков демобилизовали. Привыкли к населению, а они к нам, беседовали на текущие темы, очень интересовались, как-никак военные. Из приличного места нас перебросили километров за 10 на станцию Ватмарки, если мне не изменяет память.

Расположились там в деревне. Через недели 2 третью гвардию дивизии отозвали уже после Октябрьской революции в Москву, как говорили, а нашу роту оставили охранять при станции интернатское имущество. Дня через 3 после отбытия дивизии нам стало известно, что немцы занимают Украину, что станция Жмеринки уже занята немцами и гайдамаками.

Мы находились в окружении, ехать или идти с ротой уже некуда. Было слышно, что гайдамаки широко расправляются с большевиками. Чтобы решить вопрос «как быть?» командир роты товарищ Емельянов собрал роту. Решили людей демобилизовать. Чтобы ротное имущество не досталось немцам, решили продать населению, а деньги от продажи имущества раздать солдатам на приобретение в дороге продуктов, и каждый должен пробираться на Родину, кто как может. Так и сделали. Солдаты получили документы о демобилизации, получили деньги на дорогу.

Оформить партийные документы возможности не было. Я забрал из ротной библиотеки большевистскую брошюру и пошел в село Кудневцы. Расположился на прежней квартире. Вел там по старой привычке большевистскую агитацию, агитацию против немцев и гайдамаков.

Так продолжалось 14 дней. Я к ним привык, и они не боялись меня. Положение изменилось неожиданно, прервалось наше знакомство. Пришел с виду расстроенный гражданин. Я уже по его виду догадался, что случилось что-то недоброе. Но я ожидал, что он скажет. Он собрался с духом и говорит: «Степан, дела недобрые». — «В чем дело?». — «Сегодня старшина говорил, что ты здесь скрываешься как большевист-

ский агитатор. Собираются сообщить гайдамакам, чтоб завтра тебя арестовать». Тогда я ему говорю: «Подай ночью лошадей и отвези меня в Жмеринку». Ночью привел он двух лошадей, сели верхом: на одну лошадь он, а на другую я. Так я покинул село Кудневцы. Километров 30 проехали до Жмеринки. Но там гайдамаки, а они были хуже немцев. В это время стоял уже поезд для отправки на Киев. Поезд переполнен до отказа. Один гражданин собирался сесть в вагон через окно. Подошел к нему гайдамак, ударил его прикладом, а сам приговаривал: «Здесь не большевики тебе». Я подождал некоторое время, а перед отправкой бросил вещи на крышу, а сам устроился в тамбуре. Поезд тронулся. Дорогой в вагоне стало свободнее. Я зашел в вагон. На проходе сидел поп, ругал большевиков. Приехали в Киев. Военных, прибывших с фронта, было много и все еще приходили. На вокзал немцы нас не пускали. Находились в сторонке от вокзала. Стали мы требовать от немецкого коменданта, чтобы нас отправили в Россию, требовали не только отправки, но и хлеба из-за того, что задерживают нас. На шестой день подали для нас эшелон, составленный из полуразбитых товарных вагонов, такой же паровоз. Первый поезд с военными был отправлен в Россию в марте 1918 года. До этого немцы не отправляли поездов с военными, пробирался кто как мог. Кое-как доехали до Конотопа, последний пункт был у немцев. Поезд дальше не шел. Нас высадили и утром вынуждены были пойти по проселочной дороге к своим.

Предупреждали, что по линии идти нельзя, будут по нам стрелять немцы. Так пришлось по половодью километров 15 до станции пройти, не помню до какой, где уже стояли красногвардейцы. Здесь в тот же день подали состав, посадили в вагоны и отправили нас до Москвы. Из Москвы приехал я на Родину в село Мокшалей.

В селе я решил сделать после фронта и скитаний маленькую передышку и с новыми силами пойти защищать советскую власть от белых полчищ. Пришло время мобилизации в Красную армию. Наконец исполнилось мое желание. 25 августа 1918 года меня мобилизовали в Красную армию и зачислили в 44-й Пензенский стрелковый полк. 25 декабря как активного красноармейца меня отправили на Пензенские пулеметные курсы красных командиров.

В начале апреля 1919 года я заболел тифом. Это надолго сорвало мою учебу. 15 января 1920 года окончил курсы и получил звание красного командира.

20 апреля отправлен на Кавказский фронт в 10-ю армию и занимал там ряд средних командных должностей: командир взвода, начальник полковой команды, комендант штаба отдельной бригады, ведя борьбу за власть Советов.

Белогвардейское полчище с помощью мировой буржуазии Антанты хотели задушить молодое советское государство.

Красная армия, рабочий класс и трудовое крестьянство нашей страны под руководством партии большевиков отстояли завоевания Октябрьской революции: советская власть на $^{1}/_{6}$ части земного шара восторжествовала.

Иван Андреевич Чичаев

Уроженец с. Ускляй ныне Рузаевского района РМ. Член РКП(б) с 1918 г. Во время Февральской революции был членом Совета солдатских и крестьянских депутатов в г. Инсаре. С 1918 г. — секретарь военного революционного трибунала, юридической и финансовой коллегии, заведующий финансовым отделом, председатель комиссии по чрезвычайному налогу в г. Рузаевке; в 1919 — 1923 гг. — в органах ВЧК — ОГПУ и ревтрибунала в Рузаевке, Алатыре, Казани и Москве. Автор книги воспоминаний «Незабываемые годы» (Саранск, 1976), фрагмент которой повествует о событиях Первой мировой войны.

В преддверии великих событий

В 1914 году разразилась Первая мировая война. Большие потери на фронте требовали пополнения. Исчерпав резервы военнообязанных старших возрастов, царское правительство прибегло к досрочной мобилизации молодежи. Таким образом, в 1915 году наступила и моя очередь отбывать воинскую повинность.

В кооперации, где я работал, в армию ушло уже несколько человек. Поэтому свой призыв я встретил без особых переживаний.

Уволившись со службы и простившись с друзьями, выехал на родину для явки на призывной пункт. В Ускляе нас, призывников, набралось восемь человек. По старому обычаю рекруты перед уходом в армию гуляли, ходили в гости к родственникам и друг к другу. Я присоединился к компании призывников, с которыми раньше учился, и тоже ходил по гостям и по улице, горланя под гармошку: «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья».

7 августа 1915 года вместе со своими однокашниками отправился в город Инсар на призывной пункт. Там собрались уже тысячи призывников, в том числе много мордвы и татар, среди которых было немало неграмотных и плохо знающих русский язык.

После переклички и регистрации всех нас построили в ряды. Принявшие нас под командование «дядьки» из старых солдат объяснили, как следует держаться в строю, отвечать начальству и слушать команду. Только построились, раздалась команда:

— Смирно, равнение направо!

Мы присмирели, устремив взгляд на идущего к нам воинского начальника, которого уже видели в канцелярии. Небольшого роста, старый, седой, с брюшком и поблекшими глазами, полковник Горелов, приняв рапорт унтер-офицера, гаркнул осипшим голосом:

— Здорово, новобранцы!

Мы ответили вразнобой, кто «Здравия желаем!», кто «Здорово!», кто «Здравствуйте!», а некоторые просто поклонились молча.

Полковник неожиданно закатился хохотом. Глядя на него, многие новобранцы рассмеялись. Внезапно лицо полковника изменилось, стало суровым. Он быстро подлетел к шеренге и грозно спросил у одного новобранца:

— Ты почему смеешься? Над кем? Надо мной?

Не успел тот ответить, как полковник влепил ему пощечину. Мы обомлели от неожиданности и испуга. Полковник отошел от шеренги и снова захохотал. На этот раз никто из новобранцев не улыбнулся.

— Ага, поняли теперь, как вести себя в строю! Я приучу вас к дисциплине, — злорадно бросил он, проходя перед строем.

Таково было наше «крещение» на военной службе в царской армии.

Грубая, дикая выходка полковника произвела тягостное впечатление на новобранцев. Настроение у всех заметно упало, лица помрачнели. Казалось, каждый ушел в себя, раздумывая, что же ожидает его дальше, раз в первый же день встретили здесь мордобоем. Мне тоже было не по себе. «Вот, оказывается, какие порядки в армии, — думал я, — недаром военную службу считают тяжелой повинностью. Надо привыкать, — другого выхода нет».

При распределении меня направили на обучение в 167-й пехотный запасный полк, стоявший в Инсаре.

Моим взводным командиром был татарин из унтер-офицеров старшего возраста. Стараясь выслужиться и удержаться в тылу, он ревностно выполнял свои обязанности по обучению молодых солдат. Но обучать неграмотных было трудно, многие не понимали или делали вид, что не понимают самых простых вещей. Поэтому взводный и командиры отделений часто прибегали к строгим мерам воздействия, заставляя «виновных» ходить «гусиным шагом», выполнять грязную работу или хлестали по спине ремнем. Мне как-то повезло: взводный возложил на меня свою работу по составлению списков, справок, переписке приказов и т. п. Это избавило от неприятных дел — вроде уборки и чистки сапог начальству. А когда роту перевели в построенные за городом бараки, я попал в ротную канцелярию, где совмещал работу со строевой учебой.

Моим непосредственным начальником теперь стал ротный фельдфебель Тимофеев, бывший торговец из Астрахани. Тимофеев имел дурную репутацию как жестокий, злой, мстительный человек и ярый служака, часто пускавший в ход кулаки; таких называли тогда «шкура». Ротный командир, молодой прапорщик, находился под его влиянием, позволяя ему творить суд и расправу над солдатами. Стараясь выслужиться и удержаться в тылу, Тимофеев ввел жестокую дисциплину, на учениях гонял и мучил солдат до изнеможения, придирался и жестоко наказывал за малейшее упущение. Особенно любил «игру» в штыковой бой. Вооружившись длинным шестом, он наступал на бойца, наносил ему удары в грудь, живот и лицо.

Солдаты ненавидели и боялись Тимофеева, но терпеливо несли свою службу. Никто не решался дать фельдфебелю отпор. Объяснялось это

тем, что большинство солдат было из деревень, малоразвитые, привыкшие к послушанию. Но вот в роту прибыло новое пополнение из Саратова. В отличие от крестьянской молодежи многие саратовцы были из служащих и рабочих. Они вели себя смелее и развязнее, перед фельдфебелем не тянулись так, как солдаты из крестьян, высмеивали и критиковали его, правда, заглазно. Тимофеев тоже вел себя с ними более сдержанно. Однако продолжал давать зуботычины тем, кто покорно их сносил. Саратовцы решили проучить лютого фельдфебеля. Узнав, что он часто ночует у своей любовницы в городе, группа смельчаков темной ночью подкараулила, накрыла шинелью и так «отвалтузила» его, что он несколько дней не появлялся на занятиях. Жаловаться было не на кого, ибо били его молча, в глухом переулке, и он никого не узнал. Тимофеев не решился даже на расследование — настолько был потрясен, напуган расправой. После этого случая он несколько притих, стал более сдержанным, в город по ночам не ходил, только злобно сверкал глазами и шипел на солдат.

Жизнь в бараках была тяжелой, угнетающей. Бараки были построены на скорую руку, сырые, плохо приспособленные для жилья. Почти вся внутренняя площадь занята трехэтажными нарами, на которых мы спали впритирку, без постельного белья. На нарах и питались из общих мисок — столов в бараках для еды не было. Здесь же занимались «словесностью», учили уставы, разбирали и собирали оружие.

Свободные часы проводили бесцельно, в пустых разговорах. Книг, журналов, газет не было. Развлекались кто как мог: пели песни, рассказывали анекдоты, дурачились, курили. Начальство в ночное время в бараках не появлялось, только изредка заходил дежурный офицер. Проходя между рядами нар, он обычно носовым платком закрывал нос, чтобы не чувствовать густой вони и удушающего пота.

Бараки были изолированы от города, охранялись караульными постами. В город нас отпускали по увольнительным запискам, которые выдавались лишь по уважительным причинам. Правда, мы ухитрялись после вечерней проверки пробираться в город нелегально через цепь охраны, которую несли пожилые, в большинстве неграмотные или малограмотные «христосики» — ратники 2-го разряда, носившие на фуражках крестообразные кокарды, мы обманывали их фиктивными пропусками, которые писали сами. Но иногда нарывались на дежурных офицеров, которые задерживали нас и отправляли на гауптвахту или в свою роту для наложения наказания. Однажды и я напоролся с таким «пропуском» на дежурного патруля, за что поплатился двумя сутками ареста на гауптвахте. Досадно было только, что не мог попасть на вечеринку, куда шел.

Надо сказать, что дисциплина в нашем полку была свирепая. Следуя традициям, существовавшим в царской армии, командование полка стремилось оболванить и запугать солдат жестокостями. Наказывали за малейшее нарушение дисциплины, нерадивость и особенно за непочтительное отношение к офицерам. Достаточно было забыть по рассеянности отдать офицеру честь, чтобы подвергнуться строгому наказа-

нию. Чаще всего ставили «под винтовку» с полной выкладкой амуниции, вместо которой наполняли вещевой мешок кирпичами. С таким грузом солдат стоял с винтовкой навытяжку на солнцепеке или морозе. Это было очень мучительно, более четырех часов никто не выдерживал — падали от изнеможения или теряли сознание. Иногда заставляли с таким же грузом бегать по плацу бегом, доводя «виновного» до обморока. Или сажали на «губу» со строгим режимом — на хлеб и воду. А за более серьезные проступки, особенно за дезертирство, пороли розгами.

В конце 1915 года меня направили в полковую учебную команду, где готовили младший комсостав. При распределении попал в особый взвод, куда отбирали кандидатов в подготовительную школу прапорщиков. Хотя я не имел документов об окончании школы повышенного типа, меня зачислили в этот взвод по рекомендации офицеров моей роты, которые предлагали мне ранее сдать экстерном экзамены за 4 класса гимназии для поступления в офицерскую школу.

В связи с сокращением срока учебы занятия в учебной команде были уплотнены до предела, начинались с 6 часов утра и заканчивались в 11 часов вечера. Режим и дисциплина были очень строгими.

Командно-преподавательский состав был набран из офицеров с высшим образованием и кадровых унтер-офицеров довоенного времени, хорошо знавших строевую службу. Хотя программа курсов предусматривала военную теорию, упор делался на строевую и полевую подготовку. Много внимания уделялось физическому развитию и выносливости.

Жили в тесном помещении, спали на нарах. Не было ни водопровода, ни канализации, однако поддерживали образцовый порядок, чистоту и аккуратность во всем. Начальство часто устраивало санитарные осмотры. И все же, несмотря на трудности и грубость, которые приходилось переносить, учебная команда давала много полезных знаний — из нас выходили хорошо подготовленные, физически развитые и закаленные младшие командиры. Я почувствовал это на себе, когда окончил эту школу.

В своей роте, куда возвратился по окончании учебы, ротный командир и фельдфебель устроили мне строгий экзамен, приказав провести ротные учения. Я успешно справился с этой задачей и был назначен командиром отделения с присвоением звания младшего унтер-офицера.

В роте у меня завязалась дружба с одним офицером, только что окончившим школу прапорщиков. В царской армии подобные отношения между офицерами и нижними чинами, как называли солдат, не допускались. Офицеры относились к солдатам высокомерно, как господа к слугам, за руку не здоровались, обращались к ним только на ты. Но во время войны в офицерскую среду влилось много интеллигентов из народа, которым были чужды кастовые традиции кадрового офицерства.

Прапорщик Шушков, нарушивший эти традиции, до призыва в армию был учителем. Мирная профессия наложила свой отпечаток на

его поведение и отношение к солдатам. В отличие от других офицеров он вел себя просто, не чванился, разговаривал с солдатами вежливо, не подчеркивая своего превосходства.

Шушков долго ко мне присматривался, расспрашивал, кто я такой, где родился, кто мои родители, чем занимался, какое имею образование. Вначале, не зная его целей, я насторожился, но вскоре, когда он пригласил меня на свою квартиру и предложил называть себя наедине по имени-отчеству, я понял, что никакого подвоха в его отношении ко мне не было.

С тех пор я стал часто заходить к нему, иногда оставался даже ночевать. В его квартире познакомился и сблизился с другими молодыми офицерами, которые относились ко мне по-товарищески. Все они были интеллигентами из народа, попавшими в армию по мобилизации. В их беседах часто проскальзывали иронические замечания по адресу царского режима, даже самого царя. Я чутко прислушивался к их разговорам, опасаясь, однако, высказывать свои взгляды — ведь они были офицеры, которым нижние чины не доверяли. Но в то же время они были молодыми, хотели развлекаться; мы часто пели хором под гитару. Иногда ночью ходили по городу, ради озорства меня одевали в офицерскую шинель, и я гулял как офицер. Это делалось и для того, чтобы меня, как солдата, не задержал патруль. Разумеется, я скрывал эту забаву от своих сослуживцев по роте, зная, что в случае разоблачения мне крепко за это попадет от начальства. Однако моя дружба с Шушковым не нравилась, коробила нашего фельдфебеля Тимофеева. В его голове просто не укладывалось, как может офицер дружить с нижним чином, ведь это противоречило всему укладу и традициям армии. Он начал придираться ко мне, выискивая недостатки в моем отделении и настраивая против меня ротного командира. Зная характер и повадки фельдфебеля, я стал опасаться какой-либо каверзы с его стороны. Правда, прапорщик Шушков успокаивал меня, заверяя, что не даст в обиду, но Тимофеев имел большое влияние на ротного и делал все, что хотел. Мои опасения вскоре подтвердились: фельдфебель не без умысла назначил меня старшим команды для сопровождения дезертиров из Инсара в Саранск, где они должны были отбывать наказание. Судя по всему, он рассчитывал, что в дороге дезертиры разбегутся; сопровождающих было четыре человека, а дезертиров пятнадцать, и тогда меня, как старшего, привлекут за это к ответственности. К счастью, все обошлось благополучно. Мы установили с охраняемыми товарищеские отношения, ничем их не стесняли, разрешили свободно общаться с родственниками, делать покупки и т. п. И дезертиры нас не подвели — никто не убежал. Прощаясь с нами в Саранске, они откровенно признались, что не убежали только потому, что мы хорошо к ним относились.

Поздней осенью 1916 года меня назначили сопровождать на фронт очередную маршевую роту. Командировка обрадовала, так как маршрут лежал через Москву, где я надеялся встретиться с друзьями и знакомыми.

Маршевый эшелон находился в пути около недели. В Москве стоял недолго, отлучиться в город не удалось, но начальник команды сказал, что на обратном пути остановимся в Москве дня на два.

Любопытно, что в дороге будущие фронтовики вели себя как рекруты — веселились, пели, буянили, стараясь заглушить грызущую тоску и страх перед возможной гибелью на фронте. А некоторые угрюмо молчали, не обращая внимания на окружающих. Обязательное в тылу чинопочитание и отдание чести намеренно не соблюдали. Офицеры делали вид, что не замечают этой вольности, боясь нарваться на неприятность.

Мы сопровождали эшелон до г. Николаевска Херсонской губернии, где маршевая рота поступила в распоряжение командования Юго-Западного фронта.

По дороге назад сделали остановку в Москве. Погода стояла пасмурная, промозглая, на мостовых, тротуарах и крышах лежали клочки только что выпавшего снега. Среди прохожих бросалось в глаза большое количество военных. Правда, в те дни всюду мелькали люди в военной форме, но здесь их было особенно много.

В моем распоряжении было двое суток. Экономя время, старался обежать всех друзей и знакомых, побывал на прежней службе. Меня всюду встречали радушно, угощали чем могли, расспрашивали о службе в армии, настроении солдат, нуждах. Я, в свою очередь, интересовался делами друзей, положением в городе, политическими новостями.

Из бесед узнал много интересного. Положение на фронте, рассказывали друзья, с каждым днем ухудшалось. Русская армия терпит поражение, отступает, несет большие потери из-за плохого руководства бездарных генералов. В армии не хватает оружия и обмундирования. Процветают воровство, приспособленчество, карьеризм. В тылу — развал, злоупотребления, взяточничество. Промышленность и железнодорожный транспорт работают с перебоями. Сельское хозяйство приходит в упадок, ощущается недостаток рабочих рук, посевная площадь сокращается. Начались перебои в снабжении городского населения продовольствием, некоторые продукты исчезли из магазинов, цены растут, у булочных выстраиваются длинные очереди.

Все это вызывает широкое недовольство, на предприятиях вспыхивают и ширятся забастовки. Царя открыто критикуют во всех кругах как бездарного и слабовольного правителя.

П. П. Капустин, у которого я остановился, познакомил меня с нашумевшей речью лидера кадетов Милюкова в Государственной думе, в которой он открыто обвинил дворцовые круги во главе с царицей в измене. Эта речь была напечатана в газетах с большими купюрами, чем еще больше привлекла внимание широких кругов населения. Полный ее текст в рукописном виде ходил теперь по рукам и горячо обсуждался.

В книжной лавке на Моховой улице мне довелось наблюдать такую сцену.

В лавку с шумом ввалилась группа молодых людей в студенческой форме. Один из них, обращаясь к продавцу, нарочито громко спросил:

— Нет ли у вас в продаже речи Милюкова?

— К сожалению, не имеется, — ответил продавец с понимающей улыбкой.

— А быть может, найдется что-нибудь о любовных похождениях Гришки Распутина? — продолжал студент под одобрительный хохот своих товарищей.

Смущенный продавец отрицательно покачал головой, опасливо оглядываясь на посетителей лавки.

Компания с шумом и смехом покинула лавку.

В последний день моего пребывания в Москве мне достали билет в Художественный театр на пьесу Максима Горького «На дне». Сменив военную форму на штатскую одежду, одолженную мне друзьями, пошел туда с знакомой девушкой. В партере, где были наши места, было много офицеров и генералов. При виде такого количества золотых погон, я стушевался, почувствовал себя «не в своей тарелке», оробел. Да и было отчего: ведь по уставу царской армии солдату не разрешалось одеваться в штатское платье и занимать место в партере, а также садиться в присутствии офицера, не спросив на то разрешения. И хотя я был одет в штатское, все же оставался и чувствовал себя солдатом. Кроме того, меня выдавали короткая стрижка, возраст и страх в глазах. Мне казалось, что какой-нибудь офицер заподозрит, проверит мои документы и тотчас же отправит на гауптвахту. Эти мысли не давали мне покоя. Заметив мое возбуждение, девушка спросила, почему я нервничаю и все время оглядываюсь по сторонам. Пришлось сознаться, что меня беспокоит соседство офицеров и возможность проверки моих документов. К счастью, никто не обратил на меня внимания, и я успокоился.

Посещение Москвы, встречи и беседы с друзьями и личные наблюдения произвели на меня сильное впечатление. Я был взволнован и возбужден наплывом новых мыслей и чувств. В душе возникли радужные надежды и ожидания чего-то нового, радостного, светлого. По-другому стал присматриваться к окружающей обстановке, вдумчиво прислушиваться к разговорам попутчиков, сопоставлять их с тем, что услышал в Москве. Из головы не выходили рассказы друзей о том, что в стране, на фронте, в тылу возможны важные перемены. И серая, однообразная, нудная солдатская жизнь, которой тяготился, стала казаться временной, недолгой. Впереди маячил пока неясный, туманный, но обнадеживающий свет.

С таким настроением возвратился в Инсар. Уже в дороге распирало желание высказаться, поделиться новостями и своими мыслями. Однако говорить открыто с незнакомыми или мало знакомыми людьми и своими сослуживцами о росте революционных настроений, назревающих событиях, гнилости царского режима и плохих делах на фронте и в тылу было опасно — за подобные речи нашего брата пре-

давали военному суду. Поэтому сдерживался, решив рассказать о новостях только своим надежным товарищам.

У меня в полку было два хороших друга — солдат Иван Артюхин и прапорщик Петр Романов. С первым я служил в одной роте, со вторым учился в учебной команде, где мы (до отъезда Романова в школу прапорщиков) рядом спали и вместе ели из одной миски. Оба были настроены так же, как и я: ненавидели царский режим, его слуг, сочувствовали революционному движению. Я делился с ними своими мыслями более откровенно, чем с прапорщиком Шушковым, с которым тоже дружил. Последний, хотя и вел себя просто, демократично, но высказывался сдержанно, избегая острых политических тем, и я опасался в беседах с ним критиковать царские порядки и персону самого царя.

Артюхин и Романов с большим интересом слушали мою информацию, дотошно расспрашивали меня обо всем, что я слышал и видел в Москве и в дороге. Комментируя новости, высказывали свои суждения, догадки и предположения о возможности развития событий. Особенно близко принял к сердцу мои рассказы Романов, который был политически более грамотным, чем Артюхин. Он и раньше резко отзывался о царском режиме, а теперь, услышав новости, горячо выражал уверенность в неизбежности революции, которая сметет монархию и освободит народ от векового гнета.

Мы обсуждали эту тему при каждой встрече, прислушивались к разговорам и слухам среди солдат и офицеров, присматривались к поведению командования полка. Внешне все было пока спокойно, жизнь в полку продолжалась по-прежнему, без изменений. Усиленно шла строевая и полевая подготовка, формировались и отправлялись на фронт маршевые роты, вливались новые пополнения молодых призывников и резервистов, солдаты занимались своими будничными делами.

Каковы были их настроения, чем они жили? Выполняя приказы, они в своей среде ворчали, выражали недовольство чрезмерной строгостью дисциплины, придирками и грубостью командиров, особенно фельдфебеля, недостаточностью питания, но больше всего их умы занимали домашние дела, положение оставшихся дома семей и, конечно, предстоящая отправка на фронт, чего все с тревогой ожидали.

На политические темы разговаривали мало. Это объяснялось тем, что военные власти держали солдат в полном неведении о событиях в стране и запугивали карами за участие в политике. На уроках «словесности», как называли политзанятия, ограничивались лишь кратким объяснением — кто является внешним и внутренним врагом государства. От солдат требовались заученные ответы, что нашими внешними врагами являются немцы и австрийцы, а внутренними — революционеры, забастовщики и студенты, с которыми надо вести борьбу, «не жалея живота». Долг солдата — защищать веру, царя и Отечество. Никаких комментариев не делалось. Эти занятия проводили обычно взводные или отделенные командиры, которые сами в большинстве были мало-

грамотными. Офицеры лишь молча наблюдали за уроками, редко удостаивая солдат беседами.

Большинство солдат было из крестьян, имевших начальное образование или совсем неграмотных. В политике они разбирались очень слабо, уроки «словесности» воспринимали механически, повторяя заученные фразы как молитву. Разумеется, у них было много причин для недовольства своим положением, но страх перед угрозой наказания и желание как-нибудь оттянуть срок отправки на фронт заставляли их сдерживаться, угождать командирам.

Инсар находился в глуши, в двадцати километрах от железной дороги. Информация о событиях в стране поступала сюда с большим запозданием, местной газеты в городе не было, а центральные не продавались, их получали лишь подписчики и официальные лица. В казармы газеты и журналы не допускались, их читали только офицеры. В солдатскую среду газеты попадали лишь случайно. Я тоже не видел и не читал газет. Правда, меня информировал о новостях прапорщик Романов, кое-какие сведения узнавал из бесед с прапорщиком Шушковым и его друзьями. Это была скудная, отрывочная информация, по которой трудно было судить о положении в стране и на фронте.

В конце 1916 года мой приятель Романов отбыл с маршевой ротой на фронт. Замечу попутно, что Романов после Октябрьской революции возвратился в Инсар, где вступил в ряды Коммунистической партии и несколько лет работал на ответственных постах в советском аппарате города. Мне не довелось с ним больше встретиться.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Захар Федорович Дорофеев (24.3.1890, с. Салазгорь ныне Торбеевского района РМ — 18.6.1952, г. Москва), поэт, переводчик, просветитель, общественный деятель. Один из основоположников мордовской художественной литературы. Писал на мокшанском и русском языках. Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Член РКП(б) с 1918 г. В годы Первой мировой войны был призван рядовым 79-го пехотного запасного батальона, дислоцировавшегося в Рязани, затем командирован в г. Москву на 3-месячные курсы, после которых в звании прапорщика направлен в действовавшую армию (10-й Финляндский стрелковый полк). В 1916 г. назначен командиром роты. Первую мировую войну З. Ф. Дорофеев воспринял как «кровавую бойню», устроенную «царем войны Сатаной». Демобилизован в конце 1917 г. С 1923 г. работал в Мордовском подотделе национальностей Наркомпроса РСФСР, секретарем Мордовской секции ЦК РКП(б). Один из авторов проекта создания Мордовской автономии. Автор около 20 прозаических произведений, 14 учебников, сборников стихов. Награжден орденом Святой Анны 3-й степени и шашкой с надписью «За храбрость».

«БЫЛИ СВЕТЛЫЕ ДНИ...»

Были светлые дни,
Да промчались они
В бесконечную даль.
За горами в лесу
Подняла смерть косу
И забрызнула кровь.
Стон и крик, и слеза,
Как ночная гроза,
Посетили мир вновь.
Там в окопах, в строю,
Там в упорном бою
Обагрилася сталь.
От пальбы и стрельбы
Вырастают гробы —
Русь любимую жаль.

1914

* * *

Не сбудутся, знать, те пророчества,
Что встарь говорили отцы?
Все так же в цепях одиночества
Томятся святые борцы.
Спешат все рабочие в кузницы,
Несут на руках молотки.
Работают женщины-узницы,

* **Дорофеев З. Ф.** Собр. соч. : в 2 т. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1964. Т. 1.

Куются стальные штыки.
Окрасилось лето нарядами,
Колосьями спеющей ржи.
Пестреют заводы снарядами,
Ликует царь крови и лжи.
Весь мир, заколдованный чарами
Проклятого бога войны,
Пылает ночными пожарам
И видит кровавые сны.

1914

НОЧЬ В ЛАГЕРЕ

Душно. Раскрыты палатки.
Цепью их тянется ряд.
В кучу все собраны скатки,
Крепко солдатики спят.
С облачком нежно-перистым
В прятки играет луна,
Блеском скользящим лучистым
Ночь освещает она.
Звуки ликующей трели
Сыплет залетный певец.
Плачет вещунья на ели,
Словно пророчит конец.
Кто-то в тревожных просонках
Захохотал в тишине,
И о каких-то тесемках
Долго он бредит во сне.
Кто-то таинственно глухо,
Как наяву, говорит;
В щели звенит злая муха —
Жертву паук сторожит.
Сонно. Дежурный не дремлет,
Мерно шагает во мгле.
Скоро всех утро объемлет —
Жизнь закипит на земле.
Душно. Раскрыты палатки,
Цепью их тянется ряд.
В кучу все собраны скатки,
Тихо солдатики спят.

1915. Рязань.

* * *

Я вновь люблю тебя, как прежде,
И вновь я ожил всей душой…
Вчера ты снилась мне в одежде,
Подобной ризе неземной.
И вся она была прозрачна
Как воздух, небо или свет
Я не узнал. Была ты мрачна,
Как будто ты и будто нет.
И ризой той меня обвила
Ты в полуночной тишине,
Сердито, страстно говорила,
Сжимая руку больно мне.
И я узнал тебя, родная.
Манила ты меня в ту даль,
Где день и ночь не умолкая,
Звенит над алой кровью сталь.
Где ничегошеньки не слышно
От свистопляски злой вражды,
Где смерть свой пир справляет
пышно
Над прахом горя и нужды.

1915

* * *

Братцы-товарищи, горе познавшие,
Пойте про лучшую жизнь на земле.
Прежние дни наши — листья
опавшие
Позднею осенью в сумрачной мгле…
Вы позабудьте минувшее прошлое,
Где путеводный потух огонек:
Чудится в нем отвратительно пошлое,
Грохот орудий, кровавый поток…
Слушайте все, все борцы
и правители,
Мы проповедуем мир и любовь;
Сгинут изменники, воры, хулители, —
Мститель народный
поднимется вновь.
В воздухе бьют уж часы
искупления,
Духом восстали народы земли…
Те лишь не встали, кто с чашей
терпения
Ощупью в тьме непроглядной брели.
Дружно, товарищи, выпьем
с улыбкою,
Выпьем, кто родине предан душой,
Не поплывет ворон белою рыбкою,
Не полетит тот, кто ползал змеей.

1916. Умань.

РЫБАК

Ты не плавал ли по сумрачной реке?
Не слыхал ли что о старом рыбаке?
Он работает до вечера, как вол,
Все равно всегда беден, бос и гол.
Намозолена тенетами рука,
Ноги ноют от сыпучего песка…
Старый, узкий, плоскодонный его челн
Рассекает гребень седовласых волн.
Разрисованное старое весло
Тиной сине-голубою занесло.
С песней грустной, с песней
жалобной, без слов
Тянет медленно, уныло свой улов.
Солнце село. Вечереет. Тишина…
От натуги разболелася спина.
А наловлено так мало, как назло,
И сегодня рыбаку не повезло.
Ночь спустилась. И тиха она, тиха.
В котелке рыбачьем варится уха.
Сколько рыб поймал
его клетчатый конь?
А про то один лишь ведает огонь…
А который год идет-бежит ловцу?
А про то известно самому творцу…
Он работает до вечера, как вол,
Все равно всегда он беден,
бос и гол.

Новоселки. 1916.

ТРОЙКА

Куда ты мчишься, злая тройка?
Дорога в гору не легка…
Ямщик, остановись, постой-ка!
Я посмотрю на седока.
Вас не могу уважить, барин,
Наш путь и труден и велик —
За нами скачет Змей-Тугарин,
Он страшен, злобен, лют и дик.
Он строит каторги, темницы,
В них губит вольные мечты,
Сквернит у девушек светлицы,
Срывает лучшие цветы…
Он сеет ложь и дышит смрадом,
Народ трепещет перед ним.
Весь мир живет под смертным
страхом,
Но Змей никем не одолим.
Кого везу — сказать не смею,
Скажу лишь — вольная она!
Ее люблю, храню и верю:
Победа будет ей дана.
Пустить коней спокойным шагом
Под страхом смерти — не решусь..
И скрылась тройка за оврагом,
И слышен голос был: «Я — Русь!»..

1916

* * *

Солнце, солнце золотое!
День-деньской лучи ловлю.
Подари их мне, родное,
Я люблю тебя, люблю…
Ты горишь и не сгораешь,
Блещешь ласковым огнем,
Мир печальный согреваешь,
Разгоняя тьму кругом.
Солнце, солнце! Ты не радо
Сердцу бедному в груди?
Нет? Тогда лучей не надо,
Не дари их, подожди…
Дух живет во мраке вечном,
Нет отрады, счастья нет.
Я в томленьи бесконечном
Проклинаю белый свет!

1916

* * *

Будь правдив, товарищ, честен,
Ты не раб и ты могуч,
Скромен будь и незаметен,
Словно облачко меж туч.
Не ленись, как рассветает,
На работу уходи.
Леность праздности желает,
Счастье только впереди.
Не ходи к довольным, сытым,
Как то делает сосед;
Помогай больным, забытым
И уставшим среди бед…
Прочитай людскую повесть
На страницах бытия.
Делай все, что скажет совесть —
Беспристрастный наш судья.

1916

МАТЬ

Не рдеет зорька красная,
Не пташечка поет;
Бессильная, безгласная
Мать слезы горько льет.
Днем прячется, сторонится
От глаз живых людей,
А ночью плачет, молится
За павших сыновей.
О, скоро ли закружится
Над всеми мир, любовь
И мир обезоружится,
Народ воспрянет вновь?

1916

К БОГАЧАМ

Люди сытые и богатые,
Ой, не стыдно ли вам,
проклятые,
Весь простой народ в темноте
держать?
Деды-прадеды ваши грабили…
С мужиками спор не уладили —
Предоставили его нам решать.
Все прочитаны былины-повести,
Где написано, как без совести
Разделили вы землю-матушку…
В кривду черную превратилися,
В стольном городе очутилися,
Охраняя в нем царя-батюшку.
И оттуда вы, точно вороны,
По Руси пошли во все стороны,
Задавать пиры,
пить людскую кровь…
Застонала Русь подъяремная,
Зазвенела цепь, цепь тюремная,
Слышен дикий крик:
«Розги, кнут готовь!»
Данью-податью всех замучили,
Надоели всем и наскучили
Все дела ваши очень мерзкие.
Ой, купцы-плуты, берегитеся,
На рабочий стон откликнитеся,
В стоне слышатся речи дерзкие.

1916

МЫ ШЛИ В ПОХОД

Мы шли в поход, когда сирени
Букеты пышно расцвели,
И наши собственные тени
Росли, казалось, из земли.
Мы шли в поход, когда горели
На небе яркие огни,
Со скорбью сумрачною пели,
Как нам жилось в былые дни.
Мы шли в поход, когда с зарею
Сходилась ясная заря,
Брели оврагом и горою
Друг с другом тихо говоря…
Мы шли в поход,
когда так душно
Бывает всюду пред грозой,
И шли уверенно, послушно
На смерть за милый край родной.

1916

* * *

Мой друг! Зачем так много силы
Во мне кипит в борьбе со злом?
Я буду биться до могилы,
Не буду никогда рабом…
Собой средины не означу
Я не в раю и не в аду.
Я засмеюсь или заплачу,
Я поборю или паду.

1916

КРИК ИЗ МАСТЕРСКОЙ

Откройте, откройте мне двери:
Хочу, как и вы, отдохнуть!..
Вы сытые люди, вы звери,
Зачем преграждаете путь?
Из комнаты тесной и душной
На вольный простор побегу.
Машиной проворной, послушной
Быть больше я вам не могу!
Тоскует разбитое сердце,
Рыдает больная душа,
Стучу я в закрытую дверцу —
На воле так жизнь хороша!
Манящие синие дали,
Как в сказке, похожи на сон,

Но здесь лишь железа и стали
Кандальный шумит перезвон.
С утра и до ночи угрюмый
Я цепи кую для тюрьмы,
Хожу с безотрадною думой
Под пологом мрака и тьмы.
Откройте скорее мне двери,
По-новому жить я хочу,
Иначе же, дикие звери,
Стрелою в окно полечу.

1916

СОЛДАТЫ

— Солдаты, солдаты!
Куда вы идете?
— Идем мы вперед.
Здесь все трупы и тлен.
— Солдаты, солдаты!
Кого стережете?
— Австрийцев и немцев,
попавшихся в плен...
— Солдаты, солдаты!
На небо взгляните,
Там плавает вражеский
зверь-самолет...
Скорее бегом, врассыпную идите,
Не то он вас всех уничтожит,
убьет.
Начальник скомандовал громко:
— Ребята!
По зверю, что в небе, прицельтесь...
Взвод! Пли!.. —
И чудо... в мгновенье
у ближнего ската
Спустился воздушный корабль,
весь в пыли...
Под грудой обломков пилоты
лежали
С раздавленной грудью,
разбитой рукой;
В предсмертных страданьях
угрюмо вздыхали,
Смотря на солдат с затаенной
тоской.

1916

БЕЖЕНЦЫ

Всех напугал их бой вчерашний,
Идущий все еще вдали.
Сегодня, скарб забрав домашний,
Куда глаза глядят, ушли.
Бунтует скот, скрипят телеги,
Детишки просят молока.
Но немцы, словно печенеги
Настигли их издалека.
Забрали всех, кто помоложе,
Коров угнали, лошадей.
Набег свой дикий подытожив,
Они исчезли средь полей.
Заголосили страшно бабы
С тупой покорностью в душе;
И где-то вторили им жабы
В густом болотном камыше.
Настала ночь. На отдых трудный
Остановились старики;
И кушать ужин бедный, скудный
Расселись семьи у реки.
Поев под думу злой невзгоды,
Пошли друг к другу без конца:
Кто на поминки, кто на роды,
Кто строить гроб для мертвеца.
И долго, долго шла работа
Без дыма ладана, попа,
Текли по лицам капли пота,
Стонала ропотно толпа.
Но вот и утро. Вновь дорога...
Потухли яркие костры.
И солнце беженцам так строго
Шлет первый луч из-за горы.

1916

ПЛЕННЫЕ

Тихо-тихо темно-красный
Поезд движется вперед,
Груз безгласный, но опасный
В землю русскую везет.
Вот в закрытые оконца
Смотрит много серых лиц
И, зажмурившись от солнца,
Отъезжают от границ.
Путь тяжел, позорен, далек...
Все чужие, нет своих.

Лик их мрачен, взгляд печален.
Приуныли… Сколько их?!
Вот совсем, совсем мальчишка,
Улыбается, как шут;
Вон почти уж старичишка, —
В бой его или в приют?
Сине-голубые кепи
Набок сдвинуты к ушам.
Мчатся горы, лес и степи
Им навстречу здесь и там.
Днем и ночью ровным ходом,
Как часы без медных гирь,
С пленным чуждым нам народом
Поезд тащится в Сибирь.

1916

* * *

Настало время роковое…
Не умирать, я жить хочу…
Приняв крещенье боевое,
К семье любимой полечу.
Жена вдали по мне тоскует,
И плачет маленькая дочь;
По ним душа моя горюет,
И ноет сердце день и ночь.
Ты, друг мой верный, дай мне руку,
Иначе в пропасть упаду;
Тая и зло, и скорбь, и муку,
Стопой неспешной к ней иду.
Иду… зачем? И ты не знаешь?
Но знаю я, что не вернусь.
Напрасно горестно рыдаешь…
Иду я умирать за Русь.

1916

БОЙ

Солнце грустно. День не пышен..
Лес угрюм и молчалив…
Только грохот пушек слышен —
Бой кипит, как злой прилив.
Здесь стрельба, а там атака,
Обагрила кровь штыки.
Человеческая драка
Вдруг застыла у реки…
Все смешалось, сбилось-слилось,
Проклиная мир, судьбу,
Где попало притаилось,
Чтобы вновь начать борьбу.
Миг, — и снова понеслася
Тройка бешеной войны…
Мать-земля вся затряслася
В свистопляске сатаны.
Высоко по небу реют
Самолеты-корабли,
Шумно плавают, чернеют,
Зажигают лик земли.
Тихо. Вечер. Поле битвы.
Сколько мертвых?… Нет числа,
Всех без песен и молитвы
Смерть из жизни унесла.

1916

* * *

В эти мрачные мутно-туманные дни,
Дни, когда говорят только пушки,
Богачи зажигают в лампадах огни
И справляют лихие пирушки…
В эти скорбные, грустные, хмурые дни,
Дни, когда тыл читает молитвы,
Ты, товарищ, меня не забудь, вспомяни,
Что я тоже молюсь среди битвы.
Но молитвы мои —
не хваленья богам,
А любовь к своей милой России,
В них проклятья я шлю
и царям, и попам
Над волнами кровавой стихии.

1916

* * *

Не люблю в землянках жерди я,
И кроватки из земли,
Где сестрицы милосердия
День и ночь любовь вели.
Не люблю я жизнь солдатскую,
И кровавую войну,
Где в борьбе за помощь братскую
Вижу ненависть одну.
Не люблю тех, кто со злобою
Распознался на земле,
И житейскою трущобою
Бродит с местью на челе.

1916

* * *

Ты знаешь ли, мой друг, на битву
Мы смело вызовем врага?
Твори последнюю молитву,
Целуй родные берега.
Не будет после боя многих,
Возьмет их мать-земля в приют,
А всех безруких и безногих,
Как хлам ненужный, подберут.
Быть может, капля нашей крови
На эту землю упадет,
И в этом месте, в пышной нови
Цветочек скромненький взойдет.

1916

* * *

Я видел дуб, пронзенный пулей,
Он будто весь в себя ушел,
Под ним лежал разбитый улей
С семейством золотистых пчел.
Я слышал шум и свист, и пенье
Стальных орудий и гранат.
Там боевое шло крещенье
Врагом обиженных солдат.
Я знал великого героя —
За счастье Родины он пал,
И под свист пуль, под грохот боя
Он долго-долго умирал.
Я был свидетелем минуты,
Когда разбит упорный враг;
Бойцы терзали, точно спруты,
Его захваченный очаг.

1916

К СТРЫПЕ

О Стрыпа, Стрыпа! Ты скажи мне,
Какая власть тебе дана?
В твоем победном диком гимне
Погибших слышу имена.
О Стрыпа, Стрыпа! Где могила,
В которой русские лежат?
И сколько ты их поглотила,
Когда солдата бил солдат.
О Стрыпа, Стрыпа! Не без злости
В пучине водной погребла
Героев павших кровь и кости
И их великие дела.
О Стрыпа, Стрыпа! А где мельник,
Кто строил мельницу с избой?
Где те деревни и тот ельник,
Что омывала ты собой?
О Стрыпа, Стрыпа! Почему ты
Змеею вьешься по земле?
Тобою крепко так замкнуты
Борцы и витязи во мгле.

1916

ЖИВОЙ ТРУП

Спустился вечер. Из землянки
Гулять на волю выхожу,
Осколки стали, сумки, склянки
Швыряю палкой на межу.
Победоносно улыбнулся,
Взглянув на вражеский уступ,
Вдруг неожиданно наткнулся
Я на живой солдатский труп.
Из раны кровь еще сочилась,
Вздымалась грудь, чуть-чуть дыша,
В предсмертных муках тихо
билась
Осиротелая душа.
Закат ликующий вечерний
Спокойно, ласково пылал,
А он среди кустов колючих
Безмолвно, тихо умирал.
Чело его покрылось потом,
И вышли из орбит глаза.
Мне стало страшно, как под гнетом,
А где-то с бурей шла гроза…

1916

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

1 августа — День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне

Территория современной Мордовии в годы Первой мировой войны входила в состав двух крупных военных округов — Московского и Казанского, являвшихся основными поставщиками новобранцев на фронт. Ежегодно из Казанского военного округа на войну отправляли до 800 тыс. чел.

Крупные воинские соединения были расквартированы в городах Мордовии. Как воинский центр особо выделялся Саранск, где в мирное время находилось 14 рот 180-го полка 45-й запасной бригады, а к октябрю 1915 г. были сосредоточены 101-й и 234-й полки той же бригады с общим количеством личного состава 13 496 солдат, что на несколько тысяч превышало взрослое население города. Большие контингенты войск находились в Инсаре, Ардатове, Краснослободске, Троицке и в некоторых селах.

Через запасные полки, расположенные в Мордовии, прошли обучение и были отправлены на войну тысячи человек. Только с 1 мая 1915 г. по 1 января 1916 г. из двух полков, расквартированных в Саранске, в армию было направлено 77 маршевых рот, а за три года войны — 164 маршевые роты, или около 45 920 солдат. Если учесть и Инсар, то из двух городов Мордовии за 1914 — 1916 гг. было отправлено на фронт 269 маршевых рот, или около 74 000 солдат. В общей сложности из уездов Мордовии было мобилизовано 152 456 чел., фактически половина всех трудоспособных мужчин.

Из воинских частей, сформированных в Мордовском крае, наиболее отличились 189-й пехотный Измаильский (бывший 214-й пехотный Мокшанский) и 196-й пехотный Инсарский полки, боевой путь которых проходил по Карпатам и Галиции.

Михаил Степанович Ошкин, Илларион Леонтьевич Арапов, Федор Иванович Лебедев и многие другие воины были награждены Георгиевскими крестами.

30 декабря 2012 г. Президент РФ Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона „О днях воинской славы и памятных датах России“», в соответствии с которым перечень памятных дней дополнился датой 1 августа — Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914 — 1918 гг. В связи с этим в каждом регионе страны должны проводиться памятные мероприятия, целью которых является увековечение памяти и отражение заслуг российских воинов, погибших в годы Первой мировой войны.

В рамках реализации данного закона в Республике Мордовия справедливым решением представляется увековечение памяти наших предков — защитников Отечества, воевавших на фронтах Первой мировой войны, установлением памятного сооружения. Его предполагается разместить в районе Нижнего рынка в г. Саранске. Выбор места обусловливается тем, что в начале XX в. там располагалось Царе-Константиновское кладбище, где хоронили умерших военнослужащих (приложение 1). Следует отметить, что уже в первый год войны в г. Саранске размещалось большое количество раненых. Были образованы лазареты от Земского союза в винном складе и земской больнице, от дамского комитета, городского союза, от саранского отдела Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Кроме того, на территории военной базы располагались казармы, рассчитанные на размещение полного состава пехотного полка. Здания были заложены в 1910 г., а достроены к весне 1914 г. В 1912 г. на территории казарм была построена церковь, названная в честь пророка Илии (разрушена в 30-е гг. XX в.), являвшаяся полковой церковью 180-го Виндавского пехотного полка.

Следует отметить, что на территории Царе-Константиновского кладбища хоронили также иностранных военнопленных (приложение 2), умерших в Саранске. Воздать дань уважения этим людям необходимо для сохранения в памяти ныне живущих и будущих поколений осознания грандиозных масштабов трагедии, покалечившей миллионы человеческих судеб в начале XX столетия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список военнослужащих, захороненных на Царе-Константиновском кладбище (По данным метрических книг церквей г. Саранска за 1914 — 1917 гг. // ЦГА РМ. Ф. Р-57. Оп. 4. Д. 1191, 1194, 1235, 1236, 1284, 1307 ; Оп. 8. Д. 149)

1. Арчивадзе Сократ Спиридонович, молодой солдат.
2. Беляев Николай, ратник 2-го разряда учебной команды 101-го пехотного запасного полка.
3. Бешидзе Алексей, рядовой 9-й роты 101-го запасного пехотного полка.
4. Бойко Ян, молодой солдат 1-й роты 101-го запасного пехотного полка.
5. Васильев Александр, ратник 2-го разряда 2-й роты 101-го запасного пехотного полка.
6. Васильев Константин, ратник 2-го разряда 3-й роты 101-го запасного пехотного полка.
7. Воробьев Дмитрий Николаевич, ефрейтор 101-го запасного пехотного полка.
8. Ворожейкин Максим Романович, рядовой 12-й роты 234-го запасного пехотного полка.
9. Ворожейкин Петр Васильевич, ефрейтор 3-й роты 234-го запасного пехотного полка.
10. Димитриев Петр Дмитриевич, низший чин.
11. Дугаев Степан Михайлович, ефрейтор 7-й роты 234-го запасного пехотного полка.
12. Евдокимов Вениамин Дмитриевич, начальник Саранского гарнизона.
13. Егоров Спиридон Егорович, ратник 2-го разряда 234-го запасного пехотного полка.
14. Зацепин Федор Петрович, рядовой 202-го Луховского полка.
15. Зинин Георгий, ратник 2-го разряда 11-й роты 101-го запасного пехотного полка.
16. Зиньков Яков Петрович, молодой солдат 234-го запасного пехотного полка.
17. Калашников Павел Федорович, младший запасной унтер-офицер.
18. Каторов Василий Ларионович, рядовой 5-й роты 234-го запасного пехотного полка.
19. Климников Ларион Семенович, рядовой 112-й пехотной Тамбовской дружины.
20. Корабельников Александр Андреевич, запасной рядовой.
21. Кравченко Семен Константинович, ратник 2-го разряда 234-го запасного пехотного полка.

22. Кузнецов Александр Дмитриевич, рядовой 234-го запасного пехотного полка.
23. Кузьмин Николай, ратник 2-го разряда 15-й роты 234-го запасного пехотного полка.
24. Курков Иван Михайлович, старший унтер-офицер 234-го запасного пехотного полка.
25. Лагутин Ефимий Семенович, ратник 2-го разряда 234-го запасного пехотного полка.
26. Ланцов Александр, ротный фельдшер нестроевой команды 101-го запасного пехотного полка.
27. Лебедев Константин Николаевич, рядовой 7-й роты 234-го запасного пехотного полка.
28. Лычев Иван Захарович, солдат.
29. Мазарченков Лука, ратник 2-го разряда 4-й роты 101-го запасного пехотного полка.
30. Мельников Иван Дмитриевич, ратник 2-го разряда 234-го запасного пехотного полка.
31. Милованов Иван Андреевич, рядовой 234-го запасного пехотного полка.
32. Нечипочук Иван Данилович, рядовой 3-й роты 234-го запасного пехотного полка.
33. Никитин Захар Егорович, рядовой 38-го Сибирского стрелкового полка.
34. Онохин Иван Васильевич, рядовой 71-го пехотного Белевского полка.
35. Орлов Родион, ратник 2-го разряда 455-го транспорта 91-го обозного батальона.
36. Павлов Иосиф, рядовой 101-го запасного пехотного полка.
37. Панков Яков, ратник 1-го разряда 13-й роты 101-го запасного пехотного полка.
38. Пароснов Дмитрий Алексеевич, ратник Государственного ополчения 1-го разряда 101-го запасного пехотного полка.
39. Плотков Иван, рядовой 4-го Кавказского полка.
40. Поликарпов Василий, ратник 2-го разряда 2-й роты 234-го запасного пехотного полка.
41. Понявин Иван Михайлович, участник Первой мировой войны.
42. Псеношанц Воскан Григорьянц, рядовой 91-го обозного батальона.
43. Пугачев Никита Андреевич, ратник Государственного ополчения 234-го запасного пехотного полка.
44. Рябоконь Терентий Васильевич, рядовой 224-го Епифанского полка.
45. Сафронов Иван, ратник 2-го разряда 234-го запасного пехотного полка.
46. Свиридов Егор, ратник 2-го разряда 5-й роты 101-го запасного пехотного полка.
47. Спиркин Лукьян, ратник 2-го разряда 4-й роты 101-го запасного пехотного полка.

48. Стерляхин Иван, ратник 2-го разряда 2-й роты 234-го пехотного запасного полка.
49. Стрельченко Игнат Семенович, прапорщик 101-го запасного пехотного полка.
50. Филиппов Дмитрий Кириллович, ратник 2-го разряда 11-й роты 234-го запасного пехотного полка.
51. Филиппов Федор, молодой солдат 5-й роты запасного пехотного полка.
52. Чихиркин Семен Васильевич, младший унтер-офицер 234-го запасного пехотного полка.
53. Ширшов Александр, рядовой 8-й роты 101-го запасного пехотного полка.
54. Щуров Мефодий, ратник 2-го разряда 1-й роты 101-го запасного пехотного полка.

Приложение 2

Список военнопленных, захороненных на Царе-Константиновском кладбище (По данным метрических книг церквей г. Саранска за 1914 — 1917 гг. // ЦГА РМ. Ф. Р-57. Оп. 4. Д. 1191, 1194, 1235, 1236, 1284, 1307 ; Оп. 8. Д. 149)

1. Баранек Юрка, рядовой военнопленный австрийской армии.
2. Бенке Иштван, военнопленный австрийской армии
3. Вади Ференц, военнопленный австрийской армии.
4. Герман Иван, рядовой военнопленный австрийской армии.
5. Гричок Иван, рядовой военнопленный австрийской армии.
6. Демрей Дьёрдь, рядовой военнопленный австрийской армии.
7. Драндафир Милан, военнопленный австрийской армии.
8. Жачек Карл, военнопленный австрийской армии.
9. Зикет Ян, рядовой военнопленный австрийской армии.
10. Иваннац Антон, рядовой военнопленный австрийской армии.
11. Кивайшнер Матияс, рядовой военнопленный австрийской армии.
12. Крамиц Иштван, рядовой военнопленный австрийской армии.
13. Кхимель Вацлав, рядовой военнопленный австрийской армии.
14. Мекле Янош, рядовой военнопленный австрийской армии.
15. Миллер Иоганн, рядовой военнопленный австрийской армии.
16. Мольнар Ференц, рядовой военнопленный австрийской армии.
17. Плегер Янош, военнопленный австрийской армии
18. Штром Георг, военнопленный австрийской армии.
19. Юшко Савва, рядовой военнопленный австрийской армии.

Приложение 3

№ 1

Протокол заседания собравшихся жителей г. Инсара для образования Особого комитета для сбора пожертвований в пользу раненых воинов

27 июля 1914 г.

1914 г. июля 27 дня, мы, нижеподписавшиеся, единогласно избрали председателем Комитета уездного исправника Н. Я. Горлинского, товарищами его — О. Б. Куклинского и П. Ф. Юрьева, казначеем — Д. А. Любимова и секретарем — В. П. Наумова; членами комитета: А. В. Москвитина, В. Ф. Дербеденева, В. Н. Иванова, П. И. Немцова, С. Ф. Дедевич, Е. М. Бюлер, О. А. Нестерову, Н. В. Сцепуржинскую, В. С. Волкова, А. П. Вейнова, заместителя председателя земской управы П. В. Пигорева, Л. Е. Куклинскую, И. З. Тумольского, А. А. Сергиевскую, Ю. А. Казанскую и М. П. Епанешникова.

1. Ближайшею целью комитета собрание полагает главным образом изготовление носильного и постельного белья для раненых и затем помощь семьям призванных на войну, которые находятся в тяжелых материальных условиях.

2. Привлечь возможно больше лиц, живущих в г. Инсаре и уезде к участию в деятельности комитета.

3. Открыть прием пожертвований деньгами и вещами в пользу раненых.

Председатель Н. Горлинский, С. Дедевич, Е. Бюлер, О. Куклинский, Д. Любимов, П. Юрьев, В. Бюлер, Ольга Попова, Попов, Г. Тумольский и т. д.

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 92. Заверенная копия с копии.

№ 2

Рапорт саранского уездного исправника пензенскому губернатору о владельце кинематографа в г. Саранске Фишере

12/13 августа 1914 г. № 1446.

Владелец кинематографа в г. Саранске Фишер очень любезно уступил 30 прошлого июля весь сбор в пользу семейств запасных чинов, призванных при мобилизации на войну. Выручено всего 244 руб. 85 коп. и пожертвовано 2 руб., из коих израсходовано на марки 18 руб. 43 коп. и уплачено машинисту и демонстратору 6 руб. Остальные день-

ги — 222 руб. 42 коп. — переданы мною в Саранский дамский комитет по оказанию помощи воинам и их семьям.

Об изложенном доношу Вашему превосходительству.
Уездный исправник*

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 158. Подлинник.

№ 3

Из протокола допроса краснослободским уездным приставом Акимовым продавщицы вина А. Л. Машковой о разграблении казенной винной лавки в с. Малый Азяс мобилизованными на войну крестьянами

Не позднее 14 августа 1914 г.**

1914 г. августа 3 дня пристав 3-го стана Краснослободского уезда Акимов, вследствие предписания г[осподина] краснослободского уездного исправника от 1 августа за № 439, составил настоящий протокол о разграблении вина из казенной винной лавки № 353 в с. Малом Азясе Рыбкинской волости днем 21 числа прошлого июля месяца партией запасных нижних чинов, призванных по мобилизации на действительную военную службу, в числе свыше 400 человек и их соучастниками, посторонними лицами, причем, нижепоименованные лица — свидетели — объяснили следующее:

Продавщица вина казенной лавки № 353, потомственная почетная гражданка Анна Леонтьева Машкова, 46 лет, сказала, что из винной лавки ограблено спирта 19 сотых ведра, вина 76 $^{1}/_{4}$ ведра на сумму 702 руб. и лично принадлежащего ей имущества на 20 руб.; уничтожено и поломано казенной обстановки на 5 руб. 50 коп., кружка для сбора пожертвований «на слепых» и комнатной обстановки, лично принадлежащей ей, на 17 руб.

Из толпы грабителей она опознала в лицо следующих лиц: местных запасных нижних чинов: Степана Яковлева Ломакина, Семена Дмитриева Ушакова по кличке Несчастный, Семена Иванова Попова, Алексея Михайлова Сарафанова и Петра Михайлова Паршина и посторонних: Тимофея Иванова Мартынова (в красной рубахе), Ивана Алексеева Грунчева (в голубой рубахе) и Егора Федорова Аметкина, а из крестьян с. М. Азяса — Василия Семенова Паршина по кличке Чикарез. Кроме этих лиц она больше никого не опознала, т. к. была

* Подпись неразборчива

**Датируется по донесению об этом факте прокурора Пензенского окружного суда вице-губернатору. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 39.

сильно напугана и занята спасением своих детей. Василия Паршина она, впрочем, видела утром в этот день около винной лавки, когда тот громко грозил, что «винную лавку мы разобьем».

Анна Леонтьева Машкова*

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 27 — 27 об. Подлинник.

№ 4

Рапорт саранского уездного исправника пензенскому губернатору о пожертвованиях в пользу семей фронтовиков Саранским вспомогательным обществом торгово-промышленных служащих

15 августа 1914 г. № 1354.

Правление Саранского вспомогательного общества торгово-промышленных служащих во время экстренного собрания, бывшего 7-го сего августа, при рассмотрении некоторых вопросов об оказании пособия из средств общества на нужды военного времени постановило: отчислить из средств общества в Саранский городской комитет на военные нужды 100 руб. и удерживать у служащих и членов общества по 2 % ежемесячно из жалованья, каковые деньги употребить во время войны в пособие семействам членов общества, взятых на войну.

О вышеизложенном доношу Вашему превосходительству.

Уездный исправник**

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7988. Л. 162. Подлинник.

№ 5

Акт

1914 г. сентября 22-го дня мы, нижеподписавшиеся, произвели проверку числа голландских печей, подлежащих отоплению, находящихся в помещениях дома Кроткова, принадлежащего Саранскому городскому общественному управлению и отведенного с сего числа под сборный пункт и помещение для пересыльных нижних чиновников при Управлении саранского уездного воинского начальника. Причем нашли следующее число печей:

---

* Подпись от руки.

**Подпись неразборчива.

1) в отдельном каменном здании, находящемся внутри двора и предназначенного для столовой сборного пункта, — две голландских печи;

2) в правом двухэтажном флигеле (входя во двор), в верхнем этаже, предназначенном также для столовой сборного пункта, — три голландских печи;

3) в левом двухэтажном каменном флигеле (входя во двор) в верхнем этаже — три голландских печи и в нижнем этаже — три голландских печи и одна кухонная, служащая вместо голландской, также для обогревания помещения;

4) в каменном одноэтажном пристрое к левому флигелю имеются две голландских печи.

А всего в помещениях дома Кроткова, отведенного под сборный пункт, находятся голландских и русских печей, вместо голландских, подлежащих отоплению, четырнадцать печей, на каковое число печей и подлежат отпуску дрова на отопление помещений в зимний период.

Изложенное удовлетворяем своими подписями и приложением казенной печати.

Подлинный подписали: саранский уездный воинский начальник полковник Богоявленский, и[сполняющий] д[олжность] делопроизводителя саранского уездного воинского начальника коллежский регистратор Маркелов и член Саранской городской управы А. Андреев. С подлинным сверял и верно: делопроизводитель саранского уездного воинского начальника губернский секретарь Маркелов.

С копией верно:
ЦГА РМ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 82. Л. 27.
Машинопись. Копия.

№ 6

Циркуляр пензенского губернатора краснослободскому, керенскому, наровчатскому, инсарскому и городищенскому уездным исправникам о водворении австрийских и германских подданных в Пензенскую губернию

31 октября 1914 г. № 992.

Министр внутренних дел телеграммой от 30-го сего октября за № 1175 уведомил меня, что местом водворения австрийских и германских подданных назначена Пензенская губерния, кроме местностей, прилегающих к Сызрано-Вяземской железной дороге.

В виду сего я назначаю, ждя указанной выше надобности, города: Краснослободск, Наровчат, Инсар, Керенск и Городище.

Об изложенном даю знать уездным исправникам для сведения.
Губернатор*
Старший чиновник особых поручений*

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 2. Подлинник.

№ 7

Циркуляр пензенского губернатора краснослободскому, керенскому, наровчатскому, инсарскому и городищенскому уездным исправникам об условиях водворения в вверенных им уездах австрийских и германских подданных

4 ноября 1914 г. № 1008.

Водворяемые к вам на жительство германские и австрийские подданные должны быть размещены преимущественно в городе или в случае затруднительности их размещения в ближайшие крупные селения. Водворяемые, пользуясь свободою передвижения в местности водворения, не должны отлучаться из ее пределов без особого на то разрешения полицейской власти (исправника, пристава). Разрешение на отлучку из места водворения может быть дано полицией только в пределах уезда на срок не более суток. Всем водворяемым надлежит вести точный список и о всех прибывших немедленно доносить мне.

Губернатор*
Секретарь по земским и городским делам присутствия*

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 3 — 3 об. Подлинник.

№ 8

Циркуляр пензенского губернатора саранскому, краснослободскому, керенскому, наровчатскому, инсарскому, городищенскому и мокшанскому уездным исправникам о порядке содержания австрийских и германских подданных, водворенных на жительство в Пензенскую губернию

15 ноября 1914 г. № 1091.

Некоторые уездные исправники обратились ко мне с ходатайством о разъяснении возникших на практике вопросов о порядке содержания германских и австрийских подданных, водворенных на жительство в Пензенскую губернию.

В разъяснении этих вопросов я в дополнение к циркуляру моему от 4-го сего ноября за № 1008 считаю нужным указать уездным исправ-

* Подпись неразборчива.

никам: 1) названные иностранцы в местах их водворения могут занять квартиры владельцев домов лишь по добровольному с ними соглашению, 2) им никаких пособий, как на наем квартир, так равно и на личное содержание не положено, 3) они не лишены права выписывать для чтения русские газеты и 4) к этим иностранцам не применимы правила о военнообязанных, а потому в отношении наблюдения за ними следует руководиться указанным выше циркуляром моим за № 1008.

Губернатор*
Старший чиновник особых поручений*

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 67 — 67 об. Подлинник.

№ 9

Циркуляр пензенского губернатора саранскому, краснослободскому, керенскому, наровчатскому, инсарскому, городищенскому и мокшанскому уездным исправникам о помощи австрийским и германским подданным, водворенным на жительство в Пензенскую губернию

16 ноября 1914 г. № 1094.

Совершенно секретно.

В настоящее время в уездные города губернии водворены многие из высланных из столицы германских и австрийских подданных. Среди последних имеется немало лиц, не имеющих никаких средств к существованию, и обращаются к властям с просьбой о помощи.

Подданные воюющих с нами государств не могут рассчитывать на помощь со стороны русского общества, направляющего все свои пожертвования в поддержание армии и воинов, пострадавших при защите Родины и их осиротевших семейств, поэтому представлялось бы наиболее естественным, чтобы наиболее нуждающиеся из этих лиц пользовались помощью со стороны своих состоятельных соотечественников, водворенных в тот же город. Такая помощь могла бы быть оказываема неимущим из них, либо призрением их у себя более состоятельными семьями их соотечественников, либо выдачею нуждающимся денежной помощи. Образование каких-либо комитетов в среде водворенных на жительство германских и австрийских подданных, однако, не допустимо.

Губернатор Л-д*
Старший чиновник особых поручений*

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 70. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

№ 10

Предписание и.д. губернатора, вице-губернатора саранскому уездному исправнику о запрете чтения газет, выходящих не на русском языке, водворенным на жительство в Пензенской губернии австрийским и германским подданным

16 декабря 1914 г.

Вследствие рапорта от 6 декабря за № 2255 даю Вам знать, что чтение австрийскими и германскими подданными, водворенными на жительство в губернии, газет, выходящих не на русском языке, я нахожу недопустимым.

Приложение 3 газеты, из коих одна на английском и две на немецком языках*

И. д. губернатора, вице-губернатор.
Старший чиновник особых поручений.

ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7991. Л. 623.
Копия.

№ 11

Препроводительная записка командования дислоцированного в г. Саранске 234-го пехотного запасного батальона пензенскому губернатору о пожертвованиях в пользу Комитета великой княжны Татьяны Николаевны

16 января 1916 г.

Одновременно с сим препровождаю переводом по почте 32 руб. 70 коп., поступившие от Саранского благотворительного кружка в пользу Комитета, состоящего под покровительством великой княжны Татьяны Николаевны.

Подполковник**
Начальник хоз. части, штабс-капитан**
И. д. делопроизводителя**

ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
Подлинник.

* Приложение в деле отсутствует.
** Подпись неразборчива.

№ 12

Уведомление Комитета имени великой княжны Татьяны Николаевны Пензенскому отделению комитета о духовном завещании жены священника Христорождественской церкви г. Инсара Александры Венценосцевой

19 февраля 1916 г.

Вследствие отношения от 9-го февраля сего года за № 147 Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны имеет честь уведомить, что денежная сумма, в размере двухсот рублей, оставленная по духовному завещанию женой священника Александрой Венценосцевой Комитету помощи жителям Галиции, пострадавшим от военных действий, следует направить в Комитет Ее Высочества на содержание летучего отряда в Галиции.

Управляющий делами комитета, член комитета*
Заведующий делопроизводством комитета*

ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 3. Л. 30. Подлинник.

№ 13

1916 г. мая 4-го дня в Саранской уездной земской управе слушали телеграфное предложение господина пензенского губернатора за № 3749 от 30 апреля 1916 г. относительно принятия попечением земской управой постройку теплых бараков при ст. Тимирязево для военнопленных на 10 000 человек. Постановлено упомянутое предложение господина пензенского губернатора принять и заарендовать для этой цели при ст. Тимирязево участок земли мерой 12 десятин при ст. Тимирязево.

Председатель управы*
Члены**
Техник *К. Василевский*

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1. Л. 5. Машинопись. Подлинник.

* Подпись неразборчива.
** Подписи неразборчивы.

№ 14

Проект договора на аренду участка земли под постройку бараков для военнопленных для военного ведомства Саранской уездной земской управы

1) Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне Торбеевского сельского общества на основании приговора сдаем военному ведомству участок земли мерой 12 дес[ятин] при ст. Тимирязево Ромодановской волости Саранского уезда Пензенской губ[ернии] для постройки бараков для военнопленных.

2) В случае увеличения количества необходимой земли при расширении постройки мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные от сельского схода, обязуемся отвести ее в количестве, потребном военному ведомству.

3) Срок аренды исчисляется со дня остолбления участка и спустя два года по окончании войны, в случае же, если военному ведомству в зависимости от обстоятельств необходимо будет продлить аренду, то таковая может быть продолжена на таких же условиях.

4) Если бы надобность в земле для военного ведомства миновала ранее двух лет после окончания войны, то срок аренды в зависимости от этого будет считаться лишь до момента, когда упоминаемый участок будет освобожден от бараков, очищен от материалов от них, выравнен и передан владельцам, причем плата за его аренду прекращается с этого момента.

5) Плату за аренду участка Торбеевское сельское общество получает за год вперед по расчету 30 руб. за десятину.

6) Если в участок попадает в первый год земля с посевом, то в этот год за таковую десятину уплачивается 100 руб., а в остальные года — по 80 руб.

7) По окончании арендного срока участок должен быть выровнен, т[о] е[сть] могущие быть на участке ямы и погреба засыпаны и сравнены.

1916 г. июня 6-го дня. Уполномоченные Торбеевского сельского общества кр[естья]н, крестьяне того же общества Андрей Матвеев Ушаков, Сергей Савелин, Баранин. 1916 г. июня 8-го дня, настоящий проект договора действительно подписан уполномоченными Торбеевского сельского общества кр[естья]н крестьянами Андреем Матвеевым Ушаковым и Ефимом Савельевым Бараниным. В том Ромодановское волостное правление Саранского уезда свидетельствует подписи с приложением печати.

Волостной старшина *Г. Каменев.*
Волостной писарь *М. Чебров.*

С подлинным верно:
ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1. Л. 20 — 20 об.
Машинопись. Копия.

№ 15

1916 года июля 5-го дня мы, нижеподписавшиеся, купцы первой гильдии Гирш Беркович Левит и Мейер Лейзерович Магарила, заключили настоящий договор с Саранской уездной земской управой в следующем:

1. Мы, Левит и Магарила, принимаем на себя производство всех работ по постройке помещений для концентрационного лагеря на 10 000 человек для военнопленных при ст. Тимирязево Московско-Казанской железной дороги Пензенской губернии Саранского уезда Ромодановской волости на участке земли, заарендованном военным ведомством у крестьян Торбеевского общества с числом около 132 различных зданий.

2. Означенные работы мы, Левит и Магарила, обязуемся произвести своими рабочими, своими мастеровыми, своими инструментами, орудиями, своими приспособлениями из всех своих материалов по указанию уездной управы и лиц, на то ею уполномоченных, тщательно, прочно и вполне согласно с проектами, сметами и пояснительными записками, присланными на производство этих работ военным ведомством, подписанными нами, Левитом и Магарилой.

3. Для производства взятых нами работ, мы, Левит и Магарила, обязуемся иметь необходимое количество рабочих, указанное нам нарядами уездной управы.

4. Десятники, мастеровые и прочие рабочие, поставленные нами, Левитом и Магарилой, для производства работ, должны быть люди опытные и хорошо знающие свое дело, причем, если уездной управой или лицами, на то ею уполномоченными, будут замечены люди, мало знающие свое дело или не желающие выполнять требования управы или лиц, на то ею уполномоченных, то таковые по первому требованию управы должны быть нами немедленно удалены с работ и заменены другими.

5. К работам мы, Левит и Магарила, обязуемся приступить немедленно по наряду уездной управы и окончить их в срок четыре месяца при условии беспрепятственной подачи вагонов под строительные материалы.

6. В случае, если произойдет задержка в подаче вагонов и на месте работ будет недостаток в каких-либо строительных материалах, то об этом составляется акт за обоюдной подписью уездной управы и нашей, Левита и Магарила, и срок постройки постановлением уездной управой может быть продлен на то время, на которое была задержка в подаче для нагрузки строительных материалов вагоны.

7. Никаких отступлений мы, Левит и Магарила, от подписанного нами, Левитом и Магарилой, проектов без письменного на то разрешения уездной управы делать не имеем права. В случае, если произведенные работы будут не согласны с проектами, текстами смет, пояснительными записками и с указаниями уездной управы или лиц, на то ею уполномоченными, то мы, Левит и Магарила, обязуемся такие работы переделать без всякого добавочного на то вознаграждения.

8. В отношении производства работ и качества материалов мы, Левит и Магарила, обязаны подчиняться требованиям в соответственных пунктах кондиций, выработанных уездной управой на постройку школьных зданий и холерного барака.

9. Во время производства работ таковые могут быть осматриваемы во всякое время уездной управой или лицами, на то ею уполномоченными. По окончании работ освидетельствование и обмер в натуре производится особой комиссией в нашем, Левита и Магарилы, присутствии или нашего доверенного, и о сем составляется установленный акт, согласно которому по постановлению уездной управы производится выдача денег.

10. Расчет по окончании работ производится по обмеру количества работ в натуре, нормам урочного положения и ценам на рабочие руки и строительные материалы, установленными на торгах 4 июля 1916 г.

11. Все внутреннее оборудование, как-то: ванные, водопроводные принадлежности, ватерклозеты, водопроводные трубы, оконные, дверные и печные приборы оплачиваются по фактурам фирм с надбавкой на эти суммы 12 % на расходы, соединенные с выпиской и доставкой указанных предметов на место производства работ. За работы по установке упомянутых предметов на место расчет производится согласно пар[аграфа] 9 сего договора.

12. Уездная управа принимает на себя полное содействие для подачи вагонов на станциях, указанных нами, Левитом и Магарилой, для внеочередной погрузки строительных материалов.

13. По доставлении нами, Левитом и Магарилой, строительных материалов на место производства работ и по приемке их комиссией уездной управы, мы, Левит и Магарила, получаем 75 % их стоимости по ценам, установленным на торгах 4 июля 1916 г. За произведенные работы до окончательной приемки их уездная управа производит нам, Левиту и Магариле, выдачу денег по мере хода работ и по своему усмотрению.

14. По окончании каждой постройки составляется приемный акт и производится расчет за выстроенное здание с удержанием по усмотрению управы, но не более 25 %.

15. Здания считаются принятыми лишь после окончания всех работ по устройству лагеря и составления о сем уездной управой надлежащего акта в двухнедельный срок со дня подачи письменного заявления и действительного окончания работ. И только тогда производится окончательный расчет с нами, Левитом и Магарилой, если со стороны военного ведомства не будет произведено задержки.

16. До окончательного принятия зданий уездной управой, как само здание, так заготовленные материалы остаются на ответственности нашей, Левита и Магарилы, и должны быть застрахованы по действительной стоимости и после пожара должны быть возобновлены за наш, Левита и Магарилы, счет.

17. По окончании работ мы, Левит и Магарила, обязаны за свой счет убрать все приспособления и оставшиеся не употребленными в

дело остатки материалов, а также мусор, щепу и вообще привести все в порядок.

18. Мы, Левит и Магарила, обязаны безотлучно находиться на месте работ лично или иметь вместо себя уполномоченного с доверенностью.

19. Мы, Левит и Магарила, во время производства работ отвечаем за все повреждения, могущие произойти как с рабочими, так и с имуществом, принадлежащим частным лицам от неосторожности нашей, Левита и Магарилы, или наших рабочих от неосторожности надзора или несоблюдения правил техники, снимая за это всякую ответственность с земства и принимая ее на себя.

20. Все исполненное неудовлетворительному или из недоброкачественного материала мы, Левит и Магарила, обязаны переделать без всякого добавочного вознаграждения и по первому требованию управы или ее уполномоченного.

21. Охрана произведенных работ и заготовленных нами, Левитом и Магарилой, материалов лежит на нашей обязанности, а также исправление всех повреждений и пополнение утерянных или похищенных до сдачи работ материалов и других предметов новыми надлежащего достоинства.

22. Мы, Левит и Магарила, не имеем права передать взятые нами работы по сему договору другому лицу без письменного разрешения уездной управы.

23. Все недоразумения между нами, Левитом и Магарилой, с лицами, уполномоченными уездной управой для наблюдения за постройкой относительно доброкачественности работ и материалов, разрешаются уездной управой.

24. В случае невыполнения нами, подрядчиками, настоящего договора мы, Левит и Магарила, платим неустойку в сумме пятидесяти тысяч рублей (50 000 руб.).

25. Все могущие возникнуть между сторонами судебные споры и дела подлежат ведению судебных установлений в г. Пензе и г. Саранске.

26. Уплата гербовых и других пошлин по заключению сего договора и его исполнению относится на наш, Левита и Магарила, счет.

27. Настоящий договор договаривающиеся стороны должны хранить свято и нерушимо, подлинный договор хранится в уездной управе, а нам, Левиту и Магариле, выдается копия с него.

28. Договор сей вступает в законную силу со дня подписания его обеими сторонами.

По доверенности Г. Б. Левита, явленной у нотариуса А. И. Покровского в г. Пензе, записанной по реестру № 2901 кандидата коммерции 1-й гильдии Абрам Файвишев Рессман, Нижегородский 1-й гильдии купец Мейер Лейзерович Магарила.

Председатель управы В. Обухов. Члены: А. Д. Панов, Филатов. Техник К. Василевский. В обеспечении исполнения настоящего договора нами, Левитом и Магарилой, вносится залог в сумме 10 000 руб. двумя билетами Государственного 5,5 % военного краткосрочного займа

по пяти тысяч каждый: выпи[ска] 1916 г. сер[ии] 1 № 018264 и сер[ии] I № 016265 с двумя отрезными купонами от обоих билетов сроком 1 августа 1916 г.

Председатель управы *В. Обухов*.
Члены: *А. Д. Панов, Филатов*.

Копии сего договора получил М. Л. Магарила. Копию сего договора получил по доверенности Г. Б. Левита Рессман.

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1. Л. 38 — 40.
Машинопись. Копия.

№ 16

Саранская уездная земская управа
Технический отдел
Января 12-го дня 1917 г. № 19
г. Саранск. Пензен. губ.

В Пензенскую губернскую земскую управу

На отношение № 1803/26003 уездная земская управа сообщает относительно военнопленных следующие сведения:

С 27 июня по 1 июля 1915 г. от саранского воинского начальника была принята партия военнопленных в количестве 320 человек, каковые находились на работах губернского земства до 10 ноября 1915 г. Сведения о количестве денщин помесячно были сообщены отношением от 4 марта 1916 г. за № 25.

10 ноября пленные были возвращены: часть уездному воинскому начальнику, часть в распоряжение уездного земства.

10 января 1916 г. от уездного земства получены на дорожные работы 10 человек и 10 февраля — еще 40 человек.

С 11 по 15 января включительно состояло 60 человек, с 16 по 30 января включительно — 55 человек (5 сданы в распоряжение воинского начальника как отказавшиеся от работы), 31 января — 46 человек (9 сданы воинскому начальнику как отказавшиеся от работы), с 1 по 9 февраля включительно — 47 человек (1 переведен с сельскохозяйственных работ), с 10 по 22 февраля включительно — 87 человек, с 23 по 27 — 85 человек (2 переданы уездному земству), 28 и 29 февраля — 87 человек (2 приняты от уездного земства), с 1 марта по 5 апреля включительно — 86 человек (1 принят от уездного земства), с 6 по 12 апреля включительно — 83 человека (3 сданы уездному земству), с 13 по 16 апреля — 82 человека (1 передан уездному земству), 17 и 18 апреля — 79 человек (3 переданы уездному земству), 19 и 20 апреля — 77 человек, из них 12 человек перешло 19 февраля на сдельные работы до окончания их (2 человека переданы уездному земству), с 21 апреля по 30 включительно — 76 человек (1 передан уездному

земству), с 1 мая по 5 включительно — 80 человек (4 принято от уездного земства), с 6 мая по 31 включительно — 79 человек (1 передан уездному земству). С 1 июня военнопленные были переведены на сдельные работы и месячную оплату труда со своим довольствием, за исключением помещения.

В течение первых трех месяцев количество денщины было следующее: в январе — 1 231, в феврале — 2 153 и в марте — 2 666; всего — 6 050 денщин.

Председатель управы
Техник

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 5 — 6.
Машинопись. Копия.

№ 17

По реестру № 645

Журнал
чрезвычайного расписания Саранской городской думы

1917 года февраля 19-го дня Саранская городская дума в составе 12 человек гласных СЛУШАЛА переписку городской управы с г[осподином] командиром 234-го пехотного запасного полка, возникшую по отношению командира от 9 февраля за № 2290 об отводе для предстоящего выхода полка в лагерь участка земли в количестве 30 десятин по возможности вблизи воды и около городских бараков. В связи с этим городская управа уведомляет полкового командира, что вопрос об отводе земли для лагеря будет внесен в очередное заседание думы 26 сего февраля. Командир полка отношением от 19 февраля за № 2569 сообщает, что начальник 45-й пехотной запасной бригады телеграммой от 15 февраля предложил командиру настоятельно потребовать немедленного отвода лагерного участка, ибо этого требует командующий войсками. Нужно подробно разрешить вопрос относительно выхода в лагерь, для чего достаточно лишь наметить лагерный участок, отвод которого думой может состояться впоследствии. Задерживать представление сведений о выходе в лагерь никак нельзя, ибо командующий войсками потребовал немедленного представления их. Вследствие последнего отношения было назначено на сегодня чрезвычайное заседание думы. Имея в виду настоятельное требование командующего войсками о немедленном отводе земли под лагерь и признавая, что вопрос этот, возбужденный по обстоятельствам военного времени на основании второй части 70 ст[атьи] Гор[одового] Пол[ожения], может быть обсуждаем в чрезвычайном заседании при всяком числе гласных, городская дума приступает к рассмотрению выше-

сказанного вопроса. Городская управа по переговорам с г[осподином] командиром полка высказала со своей стороны мнение, что для лагеря можно отвести место на городском выгоне между строящимися военными бараками и кирпичным заводом Герасимова. Ознакомившись с ст[атьями] 669 — 672 Уст[ановления] о зем[ских] повин[ностях] и принимая во внимание, что пустопорожних земель у города не имеется и что предполагаемая к отводу под лагерь земля служила для пастьбы и прокормления скота, принадлежащего жителям города, Дума единогласно ПОСТАНОВИЛА: 1. Отвести на время войны для лагеря 234-го пехотного запасного полка 30 десятин земли на городском выгоне с западной стороны вновь строящихся бараков с платою по 25 рублей за десятину в год, каковую цену городская дума определяет по существующим местным арендным ценам пахотной земли, сдаваемой городом за сумму от 25 до 75 рублей за десятину. 2. Взамен уступаемой под лагерь части выгона отвести для пастьбы городских стад в другом месте соответствующие участки городской луговой или пахотной земли.

ЦГА РМ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 386. Л. 2 — 2 об.
Машинопись. Подлинник.

№ 18

Телефонограмма № 88 [в] Саранскую городскую управу

[Из] Саранска выбывает караульная команда нижних чинов 160-го пехотного запасного полка и освободит занимаемую на Успенской площади квартиру, каковую Вам и надлежит принять.

Подлинную подписал начальник гарнизона
г. Саранска полковник *Атлантов*
Дежурный писарь *Ермишин*
Принял чл[ен] упр[авы]*

[...] февраля 1917 года.
г. Саранск

ЦГА РМ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 82. Л. 20.
Машинопись. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

№ 19

Список военнопленных,
находящихся на технических работах 25 мая 1917 г.

Конная партия

1) Шмулович Шаму
2) Фриц Вагнер
3) Бан Михаль
4) Станислав Жигмонд
5) Матула Имре
6) Тощи Андраш
7) Нат Мигаль
8) Бакуш Рафаил
9) Петуи Гашпар
10) Сабу Имре
11) Винце Ференц
12) Хегедуш Дюрть
13) Дул Эмиль
14) Коло Янош
15) Ковач Шандор
16) Ноть Дюрть
17) Бушвей Георг
18) Ядерни Юзев
19) Чордаш Юзев
20) Липои Лаюш
21) Цеглыди Шандор
22) Ваци Михаль
23) Ноть Имре
24) Вонко Михаль
25) Кучеро Густав
26) Андель Лаюш
27) Форкош Андраш
28) Чонтош Янош
29) Грот Фридрих
30) Либи Ойген
31) Фраймунд Кароль
32) Баумгертнер Юган
33) Молнар Янош
34) Клайн Мозеш
35) Ижак Ярычовер (убежал, розыск)
36) Поушер Янош
37) Колядор Эмиль
38) Стан Василь
39) Русс Кароль
40) Богунек Михаль
41) Майтнерь Берт-Холт
42) Халбмаер Вильгельм
43) Пинтер Ференц
44) Горлоти Дюло

Партия Роута

1) Роут Яный
2) Кородыы Юзев
3) Виршингер Янош
4) Ноть Юзев
5) Жикмонд Неймет
6) Дюртль Мейсарош
7) Балинт Югас
8) Керестури Шандор
9) Ливаи Иштван
10) Ячо Иштван
11) Овчаи Мортон
12) Лазарь Антель
13) Шолга Иштван
14) Ворга Густав
15) Люды Андраш
16) Бодо Имре
17) Молнар Шандор
18) Букто Олодар
19) Тузо Юзев
20) Молнар Андраш
21) Хорват Кароль
22) Тоут Юзев
23) Волинт Лаюш
24) Антук Имре
25) Рок Тивород
26) Лецо Юзев
27) Молнар Габор
28) Хиленберг Август
29) Файгел Андраш*
30) Горлоты Дюло*

* Зачеркнуто.

Партия Добранского

1) Добранский Михаль
2) Илоцкий Янош
3) Элек Михаль
4) Родзик Андраш
5) Ладани Лаюш
6) Олах Шандор
7) Дели Калман
8) Вюльды Ференц
9) Сабу Иштван
10) Кали Шандор
11) Бене Дюрть
12) Ковач Юзев
13) Мезеи Петер

Земская партия*

1) Бодо Имре
2) Торцали Янош
3) Тоут Матяш
4) Ковач Янош
5) Пропаско Фердинанд

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 4. Л. 605. Машинопись. Подлинник.

№ 20

Телеграмма пензенскому губернскому комиссару. Из Москвы 5 июля 1917 г.

Получена телеграмма начальника Генерального штаба: «На горнозаводских предприятиях Сибири, а равно и на многих других заводах, фабриках и копях местными рабочими организациями предъявляются категорические требования об установлении для работающих [на] предприятиях вражеских военнопленных одинаковой платы [с] русскими рабочими. В предупреждение могущих возникнуть отсюда эксцессов прошу разъяснить на местах через местные Советы солдатских, рабочих, а также и крестьянских депутатов, что удовлетворение такого рода требований было бы высшей степени несправедливым [в] отношении наших пленных страдальцев [в] Германии и Австрии, каторжный труд которых вознаграждается ничтожной платой от семи до десяти копеек [в] день при полнейшей скудности пищевого и прочего довольствия. [В] случае установления у нас оплаты труда пленных наравне [с] русскими рабочими Германия и Австрия по окончании войны получили бы от нас не только два миллиона здоровых и вполне способных к труду граждан, но и более миллиарда рублей, скопленных ими благодаря непомерно высокой оплаты их труда в России. Нам же [в]замен того Германия и Австрия вернут наших военнопленных [в] состоянии изнеможенных непосильной работой, голодом и тяжелыми лишениями, нищих. К сему сообщаю, дабы не создавать для промышленников выгодности использования труда во-

* Зачеркнуто. Вписано карандашом: «пекарня».

еннопленных в ущерб русским рабочим, военным министром спешно производится вопрос о том, чтобы из заработной платы военноплен-ных, которая должна определяться сообразно местным ценам для каж-дой категории работ, на руки пленным выдавалось не более пятиде-сяти копеек [в] день, прочая же часть заработной платы за вычетом всех расходов по содержанию пленных сдавалась бы предприятиями [в] доход казны. Об установлении таковой меры будет сообщено до-полнительно. Последующим прошу меня уведомить для доклада во-енному министру 27369 Романовский». По приказанию командующе-го войсками прошу широко осведомить о содержании настоящей те-леграммы Совет солдатских, рабочих, крестьянских депутатов и всех организаций, учреждения и предприятия, имеющие военнопленных [в] пределах Вашей губернии. [В] исполнении изложенного прошу не отказать телеграфировать 27701 Ткаченко. С подлинным верно: заве-дующий столом (подпись).

Препровождается Саранскому уездному комиссару для осведомле-ния лиц и предприятий, пользующихся трудом военнопленных о со-держании этой телеграммы. 1917 года июля 7-го дня № 4951.

Подлинное за надлежащим подписом. С подлинным верно:
Столоначальник*
Настоящую копию препровождаем в Саранскую уездную земскую управу для сведения.
15 июля 1917 г. № 3709.
За уездного комиссара*
За секретаря*

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 4. Л. 266 — 266 об. Машинопись. Копия.

№ 21

Главное управление
Генерального штаба
Отдел эвакуационный
Часть по заведыван[ию]
в[оенно]пл[енными]
Делопроизводство 1.
22 сентября 1917 г.
№ 17346.
Петроград

В Управление шоссейных дорог
Министерства путей сообщения

В целях установления должного порядка в содержании в[оенно] пл[енных] признано необходимым теперь же произвести в жизни ни-жеследующие мероприятия:

* Подпись неразборчива.

1. Обязать предприятия размещать в[оенно]пл[енных] только казарменным порядком и организовать надлежащую охрану их, в особенности на заводах, копях, лесных дачах и железн[ых] дорогах, откуда преимущественно совершаются побеги.

2. Воспретить всем работодателям принуждать пленных продовольствоваться самостоятельно, с выдачей им на руки той части заработной платы, которая должна идти на их продовольствие, и обязать работодателей организовать артельное довольствие и снабжение в[оенно]пл[енных] всем необходимым по положению, а равно и строго исполнять постановление о вознаграждении труда пленных, выдачею им на руки от 20 коп. и не свыше 50 коп. в день.

3. Привлечь гражданскую администрацию в лице губернск[их] и уездных комиссаров к постоянному наблюдению за содержанием в[оенно]пл[енных] на всех без исключения работах в районе данной губернии и принять меры, чтобы надлежащие чины милиции были вполне осведомлены о порядке содержания в[оенно]пл[енных].

4. Обязать фабрики и заводы установить строгий контроль за входом и выходом в[оенно]пл[енных] и вменить в обязанность милиции не допускать появления пленных на улице позже 8-ми час[ов] вечера, задерживая всех нарушающих это требование пленных.

5. Назначить при уездных комитетах особых лиц, по возможности из числа чинов, вернувшихся из плена в качестве инвалидов или бежавших, коим было бы поручено установление надзора за пленными на местах работ и кои имели бы постоянное сношение с военно-окружным начальством, располагая всеми сведениями о в[оенно]пл[енных] в районе своего уезда.

6. Представить командующим войсками в округах право в необходимых случаях снимать в[оенно]пл[енных] с работ, не запрашивая разрешения Главного управления Генерального штаба, а лишь уведомляя о произведенном снятии.

7. Предложить гражданской администрации в вопросах об упорядочении дела содержания в[оенно]пл[енных] на работах не ограничиваться только перепиской с военно-окружным начальством, принимать и со своей стороны действительные меры.

Сообщая об изложенных мероприятиях, Главное управление Генерального штаба просит не отказать в зависящих распоряжениях по осуществлению таковых подлежащими органами местной гражданской власти, а также предприятиями, пользующимися трудом в[оенно]-пл[енных], в возможно кратчайший срок, так как современное положение находящихся на разного рода работах военнопленных настойчиво требует решительных мер по водворению среди должного порядка.

Подписал: Начальн[ик] отдела, генер[ал]-майор (подпись)
Скрепил: Делопроизводит[ель], полковник (подпись)
Верно:
(подпись)

С копией верно:

Делопроизводитель

В Пензенск[ую] губернск[ую] земскую управу.

Имею честь препроводить настоящий циркуляр для руководства и покорнейше просить не отказать сообщить его для сведения уездным земским управам.

Дорожн[ый] инспектор (подпись)

Верно: Инженер (подпись)

№ 154.
19 ноября 1917 г.
С копией верно:

Делопроизводитель (подпись)

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Л. 519 — 519 об. Машинопись. Копия.

№ 22

Настоящую переписку препровождаю в Саранскую городскую управу, уведомляю, что проживающий в г. Саранске Иван Алексеевич Колганов в моей канцелярии дал нижеследующие сведения: мастеровые и кузнецы 91-го обозного батальона квартировали 453, 454 и 455 транспортов. 10 ноября 1917 года. Подлинное за надлежащим подписом.

С подлинным верно:
Делопроизводитель

1917 года ноября 24-го дня, я, ниже подписавшийся, выдал настоящий отзыв начальнику Саранской городской милиции в том, что по содержанию отношения Саранской городской управы за № 3704 мне известно только то, что в г. Саранске формировался 91-й обозный батальон капитаном 234-го пех[отного] зап[асного] полка Должанским, впоследствии батальон этот принял капитан Долгопалов из какой части войск неизвестно, 91-й обозный батальон состоял из 5 транспортов, из коих 453, 454 и 455 находились в гор. Саранске, а остальные 2 транспорта за неизвестными мне №№ находились в гор. Алатырь, транспортами, находящимися в гор. Саранске, заведовали офицеры — прапорщик Николай Георгиевич Никитин, хорунжий Чернов и прапорщик Агеев. Никитин и Агеев от 234-го пех[отного] запасного полка, а хорунжий какой части — не знаю, заведовали они временно и ничего общего с отводом квартир кузнецам и плотникам не имели, насколько мне помнится, кузнецов и плотников расставляли по квартирам член городской управы Андреев и прапорщик Герасимов, временно командированный мной от 101-го пех[отного] полка, и я, за кузницы кем-то платилось по 20 руб.

в месяц, но кем именно — не помню, полагаю, что от батальона. Подлинно за надлежащим подписом.

С подлинными верно:
Делопроизводитель

ЦГА РМ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 82. Л. 102 — 102 об. Машинопись. Копия.

№ 23
Постановление

1918 года апреля 5-го дня (23 марта) Сар[анская] у[ездная] зем[ская] управа рассмотрела донесение десятника Ковылкина от 23 марта с[его] г[ода] о побеге военнопленных, находящихся при земстве, и принимая во внимание, что по циркуляру Временного правительства от 28 апреля <...> № 6 и дополнительным к нему циркулярам Министерства от 4 октября № 62992, от 6 октября № 109428/11027, от 7 октября № 20104, от 17 октября № 64344, розыск бежавших военнопленных должен производиться посредством телеграммы, но уездная управа в настоящее время не находит возможным осуществить этот розыск по телеграфу, так как для сего потребуется расход в 1 000 рублей, а такой суммы в наличности не имеется и, принимая во внимание, что в скором времени состоится обмен военнопленными между Россией и Германией, постановила: о розыске 13 человек убежавших военнопленных ограничиться посылкой во все указанные места сообщений взамен телеграмм.

Председатель управы
Члены

Казань
Штаб военного округа
Копии: Г[лавное] у[правление] Г[енерального] ш[таба] и Петроград — Управление по делам общественной милиции
№ 105 Белоостров — заведывающему надзором поручику Савицкому.
№ 106 Архангельск — главноначальствующему над городом Управления по делам милиции
№ 107 Новороссийск
№ 108 Керчь
№ 109 Еникале
№ 110 Херсон
№ 111 Севастополь
№ 112 Николаев
№ 113 Таганрог
№ 114 Очаков
№ 115 Омск

№ 116 Томск
№ 117 Красноярск
№ 118 Иркутск

[С] работ Саранска бежали военнопленные: мадьяры Шандор Ковач, 23 года, волосы черные, рост 2 арш[ин]а 1 верш[ок], [в] серой австрийской шинели, брюках, шапке, валяных сапогах, шубе; Андраш Форкош, 24 [года], [цвет волос] русый, [рост] 6 верш[ков], [в] такой же одежде; Колма Дэли, 24 [года], [цвет волос] черный, [рост] 3 верш[ка], [в] такой же одежде; Андраш Файгель, 32 [года], [цвет волос] черный, [рост] 5 верш[ков], [в] серых австрийских брюках, фуражке, черной шинели, теплых сапогах, шубе; Юзев Чердаш, 34 [года], [цвет волос] черный, [рост] 6 верш[ков], [в] серых австрийских брюках, шинели, валяных сапогах, шубе, шапке; Шандор Уэгледи, 32 [года], [цвет волос] черный, [рост] 4 верш[ка], [в] такой же одежде; Ян Торцали, 29 [лет], [цвет волос] русый, [рост] 2 верш[ка], пекарь, [в] черных брюках, шинели, сапогах, шапке; Теодор Рок, 24 [года], [цвет волос] русый, [рост] 6 верш[ков], [в] шинели, серых австрийских брюках, шапке, валяных сапогах, шубе; Имре Мотуло, 24 [года], [цвет волос] русый, [рост] 4 верш[ка], [в] русской шинели, серых австрийских брюках, шапке, теплых сапогах, шубе; Юзеф Ядреный, чех, 26 [лет], [цвет волос] русый, [рост] 4 верш[ка], [в] русской шинели, черных брюках, шапке, валяных сапогах, шубе; Эмиль Колядо, австриец, 25 [лет], [цвет волос] русый, [рост] 5 верш[ков], [в] серых австрийских брюках, шинели, шапке, валяных сапогах, шубе; сербы Яйчо Печич, 30 [лет], [цвет волос] черный, [рост] 5 верш[ков], [в] русской шинели, черной шапке, черных сапогах, шубе и Милан Туцак, 30 [лет], [цвет волос] черный, [рост] 6 верш[ков], [в] русской шинели, серых австрийских брюках, шапке, теплых сапогах, шубе.

Председатель управы

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 4. Л. 669 — 669 об.

№ 24
Проект водоснабжения концентрационного лагеря при ст. Тимирязево Саранского уезда

Для снабжения лагеря водой предполагается использовать существующей пруд, вода которого вполне пригодна для этой цели. Пруд расположен в овраге, удерживается земляной плотиной, занимает площадь около 600 кв[адратных] саж[ен] при средней глубине 0,75 саж[ен] и находится на расстоянии 80 саж[ен] от границы лагеря. Уровень воды на 4,10 с[ажен] выше самой низкой точки лагеря и на 7,91 с[ажен] ниже самой высокой.

Пруд питается подземными родниками и притоком весенней воды.

По очистке глубина может быть значительно увеличена, так как на противоположной стороне пруда дно оврага ниже на 1,81 с[ажен] уровня воды.

Принимая средний ежедневный расход лагеря от 25 до 30 тысяч ведер, согласно прилагаемому плану, проектируется:

1. Устройство около пруда насосной станции А с центробежным насосом производительностью около 3 000 ведер в час при подъеме до 15 саж[ен] и нефтяным двигателем в 8 — 10 лошадиных сил.
2. Устройство простого фильтра Б.
3. Устройство напорной башни В с железным резервуаром на 8 — 10 000 ведер, вес бака около 500 пуд[ов].
4. Всасывающий трубопровод: 10 саж[ен] чуг[унных] напорных труб диам[етром] 4" с приемным клапаном, вес около 30 пуд[ов].
5. Нагнетательный трубопровод от насоса до напорной башни диам[етром] труб 4" длина 210 с[ажен], вес труб около 650 пуд[ов].
6. Устройство магистрали с ответвлениями, состоящей, согласно плана, из 100 с[аженей] 4" чуг[унных] труб весом около 300 пуд[ов];
   450 с[аженей] 3" чуг[унных] труб весом около 1 200 пуд[ов];
   280 с[аженей] 2" чуг[унных] труб весом около 600 пуд[ов].
7. Установка на магистрали 19 шт[ук] водоразборных пожарных незамерзающих колонок.

Председатель управы
Техник

ЦГА РМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1. Л. 90.
Машинопись. Копия.

Участие уроженцев Мордовии в защите Отечества (XV — начало XX в.)[*]

Участники боевых сражений начала XX в.

1902 г. августа 11-го. — Выписка из Алфавита младшего унтер-офицера 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка П. И. Девятаева

Фамилия, имя, отчество — Девятаев Павел Иванович.

Сословие — из крестьян.

Родина: губерния, уезд и селение — Тамбовской губернии Темниковского уезда Атюрьевской волости д. Атюрьевой.

Когда родился — 1875 года, декабря 14-го.

---

* Участие уроженцев Мордовии в защите Отечества (XV — начало XX в.) : документы и материалы / Респ. арх. служба РМ, Центр. гос. архив. РМ ; [сост. Г. И. Григорьева ; ред. Ю. Ф. Юшкин]. Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2008. 140 с.

Вероисповедания — православного.

Ремесло или занятие, грамотен — не знает, неграмотный.

Холост, вдов или женат и на ком — жена Прасковья Иванова.

Исповедание жены и детей — православного.

В каком присутствии по воинской повинности принят, № призывного участка и время поступления на службу — в Темниковском уездном по воинской повинности присутствии, в 1-м призывном участке, 1897, октября 29-го.

С которого времени считается действительная служба — с 1 января 1898 года.

На каких правах поступил на службу — на общих, по жребию <...>

Знаков отличия имеет: Знак отличия военного ордена [Св. Георгия] 4-й степени за № 90192 и серебряную медаль в память военных событий в Китае 1900 — 1901 гг.*, орден 3-й степени под № 4597, 2-й степени № 800, 1-й степени № 1626. Награжден светло-бронзовой медалью в память Русско-японской войны 1904 — 1905 годов.

В марте 1856 г. Знак отличия военного ордена был разделен как и сам орден на несколько степеней. Это произошло потому, что к концу Крымской войны награжденных Знаком отличия было уже несколько тысяч, и нижний воинский чин мог быть награжден за новый подвиг только прибавкой жалованья, 1-я степень знака представляла собой золотой крест на Георгиевской ленте с бантом из ленты тех же цветов; 2-я степень — такой же золотой крест на ленте, но без банта; 3-я степень — серебряный крест на ленте с бантом; 4-я степень — такой же серебряный крест, но на ленте без банта. На оборотной стороне креста указывалась степень знака и выбивался номер, под которым награжденный заносился в список георгиевских кавалеров.

В 1913 г. был утвержден новый статус Знака отличия военного ордена Святого Георгия. Он стал официально именоваться Георгиевским крестом. Расширены были льготы для георгиевских кавалеров: льготный проезд «по путям сообщения», ежегодный 2-месячный отпуск с содержанием и прочие льготы. Носился Георгиевский крест на груди правее всех остальных наград и левее нагрудных знаков орденов.

---

* В 1897 — 1899 гг. многие районы Китая охватило восстание против их оккупации войсками Японии и западных государств. В 1899 г. восстание перекинулось в Маньчжурию, где часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром находилась по договору в аренде у России. Русские войска были введены в Китай, вошли в Пекин, но вскоре были выведены и встали в Маньчжурии вдоль линии КВЖД, охраняя пограничные районы.

Главнейшие обстоятельства прохождения службы: Прибыл и зачислен в 1-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Величества полк — 1898, марта 27-го.

Назначен в полковую учебную команду — 1899, октября 1-го.

Переименован в младшие унтер-офицеры — 1901, июля 11-го.

Награжден серебряной медалью в память военных событий в Китае в 1900 — 1901 годах — 1901, октября 27-го.

За мужество и храбрость в делах против китайцев, оказанные во время экспедиции в Восточную Маньчжурию, приказом по войскам Квантунской области 1902 года № 142 награжден Знаком отличия военного ордена 4-й степени за № 90192. Приказ по полку 1902 года № 70 — 1902, марта 2-го.

Уволен в запас армии августа 11 дня 1902 года по билету за № 4761 <...>

Приказ по полку об убыли 1902 года за № 224.

По мобилизации 1 июня 1904 года прибыл и зачислен в 287-й пехотный Тарусский полк*. В походах и делах против японцев состоял с 13 сентября 1904 года. Переименован в старшие унтер-офицеры приказом по полку 1904 года № 53. Приказом по 72-й пехотной дивизии 1904 года за № 94 переименован в зауряд-прапорщики. Награжден Знаком отличия военного ордена 1-й степени за № 1626 11 ноября 1905-го года за отличия против японцев в разное время**. При демобилизации войск уволен в запас армии 20 января 1906 года.

Походы и дела против неприятеля, полученные в сражении раны и контузии, бытность в плену у неприятеля – был в походах и делах против китайцев в 1900 — 1901 годах, в походах и делах против японцев в 1904 — 1905 годах.

ЦГА РМ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 25 — 28. Подлинник.

1917 г. не ранее декабря 6-го. — Из Послужного листа прапорщика П. И. Девятаева

<...> Медали и знаки отличия — Имеет все четыре степени военного ордена Святого Георгия и серебряную медаль <... >

Обстоятельства службы по призыве из запаса, то есть бытность в кампании, получение ран или увечий, а также медалей и знаков отличия и производство в высшее звание – распоряжением Темниковского уездного воинского начальника по мобилизации призван на службу в 58-й п[ехотный] запасный батальон и зачислен в список 6-й роты — 1914 года августа 24-го. Согласно приказу начальника

---

* 287-й пехотный Тарусский полк в годы Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. защищал на севере о. Сахалин пост Александровский.

** Время награждения знаками ордена 3-й и 2-й степеней не указано.

8-й пехотной запасной бригады отправлен с 6-й маршевой ротой — 1914 августа 29-го. Прибыл и зачислен в списки 68-го пехотного Бородинского полка в 1-ю роту и допущен к исполнению должности младшего офицера в роте — 20 сентября 1914 года — приказ № 263. Приказом по войскам 5-й армии от 14 декабря 1915 года № 465 награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте — приказ по полку 6 января 1916 года № 6. Уволен в первобытное состояние как призывавшийся в 1897 году 5 декабря 1917 года — приказ по полку 6 декабря 1917 года.

ЦГА РМ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
Подлинник.

1917 г. апреля 20-го. — Аттестат, данный командиром 42-го Якутского полка вдове старшего унтер-офицера А. Сорокина — Елене, жительнице с. Алова Сыресевской волости Алатырского уезда

Дан сей от 42-го пехотного Якутского полка Андрею Сорокину (умер от ран 25 июня 1916 года) в том, что он добавочным жалованьем из оклада по статусу по имеющемуся у него Георгиевскому кресту 1-й степени — приказ по 11-му артиллерийскому корпусу от 15 октября 1916 года № 258, за бой 23 июня 1916 года, и медаль 4-й степени № 3110988 — приказ по 11-му артиллерийскому корпусу от 13 мая 1915 года № 165, за бой 1 января 1915 года, удовлетворен при сем полку по 25 июня 1916 года.

Командир полка* <... >

ГИА ЧР. Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 409.
Подлинник.

1918 г. января 16-го. – Послужной список прапорщика 665-го Ворохтенского пехотного полка Я. С. Беглова

Чин, имя, отчество и фамилия — прапорщик Яков Степанович Беглов.

Должность по службе — командир роты.

Ордена и знаки отличия — имеет Георгиевскую медаль 4-й степени за № 470332, Георгиевские кресты: 4-й степени за № 398184, 3-й степени за № 279995, 2-й степени за № 26405.

Когда родился — 20 октября 1894 года.

Из какого звания и какой губернии уроженец — из крестьян Тамбовской губернии.

---

* Подпись неразборчива.

Где воспитывался — окончил Еремшинское двухклассное образцовое училище. Свидетельство от 28 мая 1908 года за № 339.

Прохождение службы: Призван по мобилизации Темниковским уездным по воинской повинности присутствием новобранцем и назначен на службу в 76-й пех[отный] зап[асной] бат[альон] — 1915 года, января 15-го.

Прибыл и зачислен в списки батальона — 1915 года, апреля 20-го.

Переведен в 74-й пехотный Ставропольский полк.

Прибыл в полк и зачислен в списки полка и 10-й роты — 1915 года, мая 22-го.

За отличия в делах против неприятеля награжден: Георгиевской медалью 4-й степени за № 470332, Георгиевским крестом 4-й степени за № 398184 — приказ № 29; Георгиевским крестом 3-й степени за № 27995 — приказ № 29 и тем же приказом произведен в младшие унтер офицеры. Награжден Георгиевским крестом 2-й степени за № 26405 — приказ № 201.

Командирован во 2-ю школу прапорщиков пехоты Юго-Западного фронта для прохождения курса — 1916 год.

10 августа 1913 г. наряду со Знаком отличия военного ордена Святого Георгия были учреждены медали «За храбрость», получивших также название «Георгиевские». Медаль вручалась нижним чинам за проявленное в военное или мирное время мужество и храбрость.

В отличие от Георгиевского креста, медаль могла выдаваться и гражданским лицам, которые совершили подвиги в бою против неприятеля, точно предусмотренные статутом Георгиевского креста.

Медаль, как и Георгиевский крест, имела четыре степени, носилась на таких же колодках с Георгиевской ленточкой, что и Георгиевский крест. Степени медали отличались так же, как степени Георгиевского креста: старшие две степени из золота; младшие две степени из серебра; 1-я и 3-я степени с бантом.

Носились Георгиевские медали на груди правее остальных медалей и левее Георгиевских крестов и нагрудных знаков орденов.

Прибыл в школу и зачислен в списки юнкеров 3-й роты и во 2-й разряд по поведению — 1916 года, августа 8-го.

Переведен в 1-й разряд по поведению — приказ по школе № 318 — 1916 года, декабря 16-го.

Произведен в прапорщики в 287-й пех[отный] зап[асной] полк и исключен из списков — приказ по школе № 327 — 1916 года, декабря 22-го.

Прибыл и зачислен в списки переменнаго состава 287-го пех[отного] зап[асного] полка младшим офицером 10-й роты — приказ № 9 — 1917 года, января 5-го.

Командирован в Штаб 11-го армейского корпуса на курсы бомбометания – приказ № 17 – 1917 года, января 9-го.

Возвратился по окончания курсов бомбометания — приказ № 30 — 1917 года, января 16-го.

Убыл в 270-й пех[отный] полк для избрания постановки борьбы с ядовитыми газами — приказ № 79 — 1917 года, февраля 13-го.

Возвратился по окончании обучения для постановки борьбы с ядовитыми газами — приказ № 127 — 1917 года, марта 17-го.

Назначен начальником команды инструкторов противогазовой самозащиты и метания ручных бомб и гранат — приказ № 140 — 1917 года, марта 19-го.

Назначен командиром роты на законном основании и зачислен в списки постоянного состава полка — приказ № 281 — 1917 года, июня 4-го.

Сдал химическую команду — приказ № 281 — 1917 года, июня 7-го.

Принял 10-ю роту — приказ № 283 – 1917 года, июня 6-го.

Сдал командование ротой — 1917 года.

На основании приказа На[чальника] шта[ба] Верх[овного главнокомандующего] за № 668 по расформировании полка отправлен в распоряжение начальника штаба 23-го Армейского корпуса, куда убыл и исключен из списков полка — 1917 года.

Прибыл и зачислен в списки 665-го пех[отного] Ворохтенского полка и назначен младшим офицером 7-й роты — 1917 года, ноября 29-го.

Назначен командующим 7-й ротой — 1917 года, декабря 31-го.

Выбран командиром 2-й сводной роты и утвержден в означенной должности протоколом Полкового военно-революционного комитета за № 39 — 1918 года, февраля 1-го.

Выбран командиром полка — 1918 года, февраля 3-го.

Участвовал в настоящей кампании против Австро-Венгрии — с 1915 года, мая 22-го по 1917 год, декабрь 31-го.

ЦГА РМ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 125-127.
Подлинник.

196-й Инсарский пехотный полк

1896 г. в Пензенской губернии был сформирован 216-й Инсарский резервный батальон, на формирование которого выделили по одной роте 213-й Оровайский, 214-й Мокшанский, 215-й Бузулукский, 241-й Орский и 244-й Борисовский резервные батальоны. В 1896 г. прибыли на службу в Инсарский батальон новобранцы из Вельского уезда Гродненской губернии. 5 января 1897 г. Высочайшим приказом по военному ведомству батальону даровались общие права каждой отдельной воинской части. 16 октября было торжественно освящено

знамя. Установлен годовой праздник 6 января. Батальон стал резервным полком.

В Русско-японскую войну с объявлением мобилизации 1 июня 1904 г. полк был развернут в два полевых полка: 216-й пехотный Инсарский полк и 284-й пехотный Чембарский полк. После царского смотра 28 июня полки убыли из Пензы на Маньчжурский фронт. По окончании войны оба полка опять слились в 216-й пехотный Инсарский полк в марте 1906 г., а 11 апреля 1906 г. полк был награжден знаком «За отличие в войну с Японией в 1904 и 1905 годах».

В дальнейшем 216-й Инсарский пехотный полк был расквартирован в Челябинске. В феврале 1910 г. полк был объединен с 224-м пехотным резервным Скопинским полком, который ведет свое начало с Рязанского внутреннего губернского полубатальона, сформированного в 1811 г., и получил номер «196-й». В связи с этим на знаках (нагрудном у офицеров и на головных уборах у нижних чинов) 196-го Инсарского полка указан год формирования «1811». В год 100-летия полка 27 марта 1911 г. ему было пожаловано полковое знамя с юбилейной Александровской лентой.

В начале Первой мировой войны Инсарский полк был направлен на Юго-Западный фронт, в Галицию, где действовал в составе 49-й пехотной дивизии 24-го армейского корпуса 8-й армии, участвовал в сражении за Перемышль. В декабре 1914 – феврале 1915 гг. в полк участвовал в боях за Бескидский перевал, в марте 1915 г. был в числе войск, осуществивших прорыв в Венгрию. В июне – сентябре 1915 г. в составе 3-й армии участвовал в боях на Отинском канале и на р. Стырь. В октябре 1916 г. был переброшен в Румынию и вошел в состав 9-й армии Румынского фронта. В декабре воевал в Карпатах. В августе 1917 г. в составе 4-й армии принял участие в последнем наступлении русских войск. В 1918 г. полк был расформирован.

В 1913 г. в Челябинске построена церковь 196-го Инсарского полка (освящена 26 ноября 1913 г. в день праздника ордена Святого Георгия Победоносца).

1918 г. февраля 10-го. — Из Послужного списка прапорщика 13-го Туркестанского стрелкового полка* А. Д. Королева

Чин, имя, отчество и фамилия — прапорщик Андрей Дмитриевич Королев.

Должность по службе — младший офицер.

Ордена и знаки отличия — Георгиевская медаль 4-й степени № 103154, Георгиевская медаль 3-й степени № 13841, Георгиевский крест 4-й степени № 152593, Георгиевский крест 3-й степени № 142008, Георгиевский крест 2-й степени № 8217.

---

* Полк воевал в Закавказье против Турции.

Когда родился — 1890 года, сентября 29-го.

Из какого звания происходит и какой губернии уроженец — из граждан Темниковского уезда.

Где воспитывался — общее: домашнее, военное: произведен за боевые отличия.

Прохождение службы:

Прибыл и зачислен в списки 13-го Туркестанского стрелкового полка и 2-ю роту молодым солдатом — 1911 года, ноября 22-го.

Зачислен в учебную команду — 1912 года, февраля 19-го.

Стрелком — 1912 года, марта 31-го.

Награжден знаком 3-й степени за отличную стрельбу — 1912 года, июня 29-го.

Окончил курс учебной команды — 1912 года, октября 29-го.

Ефрейтором — 1913 года, января 5-го.

Младшим унт[ер]-офицером — 1913 года, февраля 20-го.

Старшим унт[ер]-офиц[ером] — 1914 года, апреля 22-го.

Награжден знаком 1-й степени за отличную стрельбу — 1914 года, июля 8-го.

За отличие в бою с турками 30 декабря 1914 г. награжден Георгиевской медалью 4-й степени за № 103154 — 1915 года, февраля 13-го.

За то же 22 апреля 1915 г. Георгиевской медалью 3-й степени № 13841 — 1915 года, июля 6-го.

За то же 27 января 1916 г. награжден Георгиевским крестом 4-й степени за № 152593 — 1916 года, марта 27-го.

Переименован в фельдфебеля и назначен фельдфебелем 14-й роты — 1916 года, марта 15-го.

За отличие в бою с турками 27 января 1916 г. награжден Георгиевским крестом 3-й степени за № 142008 — 1916 года, июня 23-го.

За отличие в бою с турками 19 июня 1916 г. награжден Георгиевским крестом 2-й степени за № 8217 — 1916 года, октября 10-го.

Приказом по 4-й Туркестанской стрелковой дивизии сего года № 222 произведен в подпрапорщики — 1916 года, октября 7-го.

Приказом Главнокомандующего войсками Кавказского фронта произведен за боевые отличия в прапорщики — 1917 года, августа 11-го, со старшинством с 1917 года, августа 3-го.

Назначен младшим офицером 14-й роты — 1917 года, августа 11-го. Командирован в распоряжение Темниковского уездного воинского начальника, на основании декрета Закавказского комиссариата от 18 декабря 1917 г. и исключен из списков 13-го Туркестанского стрелкового полка — 1918 года, февраля 10-го.

ЦГА РМ. Ф. 53. Оп 1. Д. 5. Л. 78 — 81.
Подлинник.

1917 г. апреля 9-го. — Из Послужного списка полкового священника 235-го пехотного Белебеевского полка — священника Саровской пустыни о. Феогноста

Чин, имя, отчество и фамилия — иеромонах о. Феогност Болохнов.

Должность по службе — полковой священник.

Ордена и знаки отличия — имеет серебряную медаль на Георгиевской ленте, орден Св. Анны 3-й степени с мечами, орден Св. Анны 2-й степени с мечами, орден Св. Владимира 4-й степени с мечами.

Когда родился — 1857 года, февраля 17-го.

Из какого звания происходит и какой губернии уроженец — из крестьян Пензенской губернии.

Какого вероисповедания — православного.

Где воспитывался — образование домашнее.

Прохождение службы:

Призван на действительную военную службу — 1878, января 1-го.

Зачислен в канониры 1-й батареи 21-й артиллерийской Ее Императорского Высочества великой княгини Ольги Федоровны бригады — 1879 года, января 1-го.

Произведен в бомбардиры — 1880 года, октября 17-го.

Батарея назначена в поход против Ахал-текинцев, где принимал участие в боях под командой генерала Скобелева при взятии крепости Геок-Тепе — 1880-го года, ноября 18-го.

Награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте за взятие крепости Геок-Тепе — 1881 года, января 28-го.

Произведен в бомбардиры — 1881 года, декабря 20-го.

Уволен в запас армии — 1883 года, сентября 8-го.

Поступил в число братства Саровской пустыни, где зачислен в число братства и назначен на общее послушание — 1884 года, июля 28-го. Принял рясу — 1887 года, декабря 25-го.

Пострижен в монашество с именем Феогност — 1897 года, ноября 20-го.

Рукоположен в иеродиаконы преосвященным Александром епископом Тамбовским и Шацким в г. Тамбов — 1897 года, марта 25-го.

Рукоположен в иеромонахи в соборном монастырском храме преосвященным Георгием епископом Тамбовским и Шацким — 1900 года, августа 15-го.

Награжден набедренником — 1904 года, августа 15-го.

Командирован в село Шербатовку Елатомского уезда указом Тамбовской духовной консистории за № 1235 для исполнения духовных треб и служб церковных — 1907 года, ноября 4-го.

Награжден наперстным синодальным золотым крестом — 1909 года, мая 14-го.

Указом епархиального начальства назначен в поход в действующую армию полковым священником.

Прибыл в 235-й пехотный Белебеевский полк и зачислен в списки — 1914 года, августа 1-го.

Приказом по войскам 1-й армии от 5 марта 1915 года за № 585 награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами — 1915 года, марта 5-го.

Приказом Главнокомандующего Северо-Западного фронта от 21 апреля 1915 года за № 1036 награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами — 1915 года, апреля 21-го.

Приказом по вед[омству] протоиерейства Воен[ного] и Морск[ого] духовенства от 12 ноября 1916 года за № 66 награжден благословением Святейшего синода с грамотою — 1916 года, ноября 12-го.

Приказом армий Юго-Западного фронта за № 250 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами — 1916 года, декабря 26-го.

Командирован во 2-й лазарет 59-й пехотной дивизии — 1917 года, февраля 2-го.

Был в отпуске — с 8 по 30 июня 1916 года.

Уволен от службы на покой согласно сношения главного священника армий Юго-Западного фронта от 23 апреля 1917 года за № 2289, объявлен в приказе по 59-й пехотной дивизии 30 апреля 1917 года № 226/94 — 1917 года, апреля 23-го.

Находился в походах и делах — против Ахал-текинцев при взятии крепости Геок-Тепе — с 1880 года, ноября 18-го по 1883 год, сентября 8-го.

Участвует в текущей кампании — с 1914 года, сентября 9-го.

ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1255. Л. 105 — 110.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война явилась одним из наиболее кровопролитных и разрушительных конфликтов в истории человечества. Она перекроила геополитическую карту мира, поменяла соотношения финансовых центов, глобальная катастрофа породила кризисные мотивы в европейской культуре.

История Первой мировой войны для России — это история больших политических авантюр, крупных и малых военных ошибок, горького опыта поражений, но вместе с тем это история героизма офицеров и рядовых воинов, верой и правдой сражавшихся за Отечество.

Значение Первой мировой войны в анналах российской истории огромно и неоднозначно. Она послужила толчком к развитию многих событий, вызвавших подъем народного патриотизма и в то же время приведших страну на грань национальной катастрофы, предопределивших сильнейшую поляризацию сил, революционные потрясения, раскол страны и появление эмигрантской России. К сожалению, на сегодняшний день нет никаких сомнений в том, что эта война незаслуженно забыта потомками. По мнению исполнительного директора правления фонда «Русский мир» Вячеслава Никонова, на данный момент в нашей стране нет ни одного памятника ее героям, ни одного музея, посвященного истории Первой мировой войны.

В 2012 г. в Москве состоялась Международная конференция «Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом», результатом которой стало переосмысление итогов и уроков той эпохи. Было объявлено о создании международной общественной структуры «Общество памяти Первой мировой войны» с центром в г. Москве. В ее задачи входит увековечение памяти и наследия Первой мировой войны.

С событиями Первой мировой войны в той или иной степени оказалась связана история всех регионов России, в том числе Мордовского края, уроженцы которого не только героически сражались на фронтах войны, но и внесли свой вклад беззаветным трудом в тылу.

АББРЕВИАТУРЫ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

ГАПО — Государственный архив Пензенской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области

НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук

НАРТ — Национальный архив Республики Татарстан

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

МОРДОВСКИЙ КРАЙ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 6

Юрченков В. А. Первая мировая война и Мордовский край: проблемы региональной историографии 6
Бибин М. А. Дворянское хозяйство: особенности аграрной эволюции 25
Зоркова Н. Н. Деревня: реализация Столыпинской аграрной реформы в крае 40
Денискин Е. И. Саранск: провинциальный город в годы испытаний 54
Юрин И. А. Краснослободский уезд: российская глубинка в условиях войны 65
Стрижова И. Б. Краснослободск: ответы провинциального города на внешние вызовы 82
Журавлева М. Д. Социальное поведение крестьянства Среднего Поволжья: от патриотического подъема к антивоенному и антиправительственному протесту 92
Филатов Л. Г., Фирсов С. Ю. Некоторые особенности и условия революционного движения железнодорожников Среднего Поволжья 105
Белоусов С. В. «…Наши письма солдатские все проверяют чиновники на почтах…»: письма солдат — уроженцев Пензенской губернии с фронтов 111
Ниманов И. Б. Содержание и использование труда военнопленных в Поволжье 119
Резепов Е. Е. Президент и его женщина 140

ВОСПОМИНАНИЯ 154

Гордей Степанович Баранов. На Румынском фронте 154
Иван Васильевич Болдин. Страницы жизни 161
Павел Дружинин. Через тридцать лет 164
Иван Семенович Евстафьев. «Воевали мы плохо…» 167
Федор Григорьевич Матюшкин. Воспоминания. 170
Д. Радаев. Воспоминание из далекого прошлого 237
Степан Афанасьевич Цыганкин. Воспоминания 243
Иван Андреевич Чичаев. В преддверии великих событий 256

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 265

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ 272

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 309

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ
1914 — 1918 гг.

Сборник научных статей и документов

Составители: **Бикейкин** Евгений Николаевич,
Юрченков Валерий Анатольевич

Редактор *Л. А. Гурьянова*
Корректор *Н. М. Живаева*
Макет *С. Г. Винтиной, Е. Г. Скворцовой*

Фотографии предоставлены Мемориальным музеем военного
и трудового подвига 1941 — 1945 гг. и Центральным государственным
архивом Республики Мордовия

Подписано в печать 07.10.2013. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 25,35 + вкл. 2,4. Тираж 500 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.

Офицеры Саранского гарнизона,
участники Первой мировой войны

Назаров Василий Иванович, участник Первой мировой войны. Позднее назначен Саранским уездным военным комиссаром

Кузнецов Григорий Федорович, участник Первой мировой войны. Позднее назначен Саранским военным комиссаром, затем членом продовольственной комиссии

Гринин Василий Матвеевич, участник Первой мировой войны. Позднее назначен военным комиссаром Атемарской волости, в 1919 г. — секретарем Саранского уисполкома, затем заведующим отделом управления, военкомом

Жамков Игнатий Гаврилович, участник Первой мировой войны. В 1918 г. назначен военным комиссаром Салминской волости

Абросимов Михаил Васильевич, участник Первой мировой войны. Позднее назначен военным руководителем Булгаковской волости

Сергеев Сергей Яковлевич, участник Первой мировой войны. В 1918 г. назначен военным комиссаром Булгаковской волости

Сердюк Иван Михайлович, участник Первой мировой войны. Позднее назначен командиром 1-й маршевой роты моряков

Володин Иван Никонович, участник Первой мировой войны. В 1918 г. назначен военным руководителем Тепловской волости

Вякин Семен Георгиевич, участник Первой мировой войны. Позднее назначен военным комиссаром Атемарской волости

Лукьянов Владимир Михайлович, участник Первой мировой войны. В 1918 г. назначен военным комиссаром Саранско-Посопской волости

Карзов Николай Александрович, участник Первой мировой войны. Назначен (временно) заведующим Саранским военно-хозяйственным вещевым складом

Салагаев Федор Степанович, участник Первой мировой войны. В 1918 г. назначен военным комиссаром Саранско-Посопской волости

Дрыгалов Николай Федорович, участник Первой мировой войны. Позднее назначен политическим комиссаром 1-й маршевой роты моряков

Фокин Иван Федорович, участник Первой мировой войны. В 1918 г. назначен военным комиссаром Пушкинской волости

Бусыгин Петр Андреевич, участник Первой мировой войны. В 1918 г. избран членом Совдепа. Назначен Председателем уездного исполкома

Лукашевич Палладий Петрович, участник Первой мировой войны. Назначен военным руководителем Саранско-Посопского волостного военного комиссариата

Щербинский Лев Фомич, военнопленный. В 1918 г. назначен (временно) исполняющим должность председателя Саранской уездной ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями. Исключен в связи с ликвидацией ЧК

Кулько Григорий Акимович (слева), участник Первой мировой войны. 1916 г. Уроженец г. Тоцка Оренбургской области. Семья после его смерти в 1933 г. переехала в Левжу.

В. М. Батраков, участник Первой мировой войны. Уроженец с. Уришки

Григорий Васильев, участник Первой мировой войны. Уроженец г. Саранска. 1913 г.

Знак отличия ордена Святого Георгия 4-й степени

Илларион Леонтьевич Арапов, георгиевский кавалер. Уроженец с. Ширингуши

Федор Иванович Лебедев, георгиевский кавалер. Уроженец с. Новая Карьга

Михаил Степанович Ошкин, георгиевский кавалер. Уроженец с. Пермиси

ПОСЛУЖНОЙ ЛИСТЪ.

ЛИНІЯ ОТРѢЗА.

Послужной список георгиевского кавалера Павла Ивановича Девятаева, уроженца с. Атюрьева

Знак отличия ордена Святого Георгия 3-й степени

Алексей Матвеевич Начинкин, полный Георгиевский кавалер. Уроженец с. Троицкое

В. Н. Жарков (в центре)
После освобождения из плена

Иван Васильевич Загарин (справа),
участник Первой мировой войны

Участники Первой мировой войны.
В. И. Жарков (2-й ряд, 3-й слева)

На обороте этого снимка участников Первой мировой войны, сделанного в фотосалоне г. Краснослободска, надпись: «На добрую память родителям от сына Александра. А. Биляков. Июня 27 дня 1916 года»

Иван Семенович Аникин, мобилизованный в российскую армию. Краснослободск. Ноябрь 1914 г.

Мобилизация 403-го полка в г. Краснослободске. 1914 г.

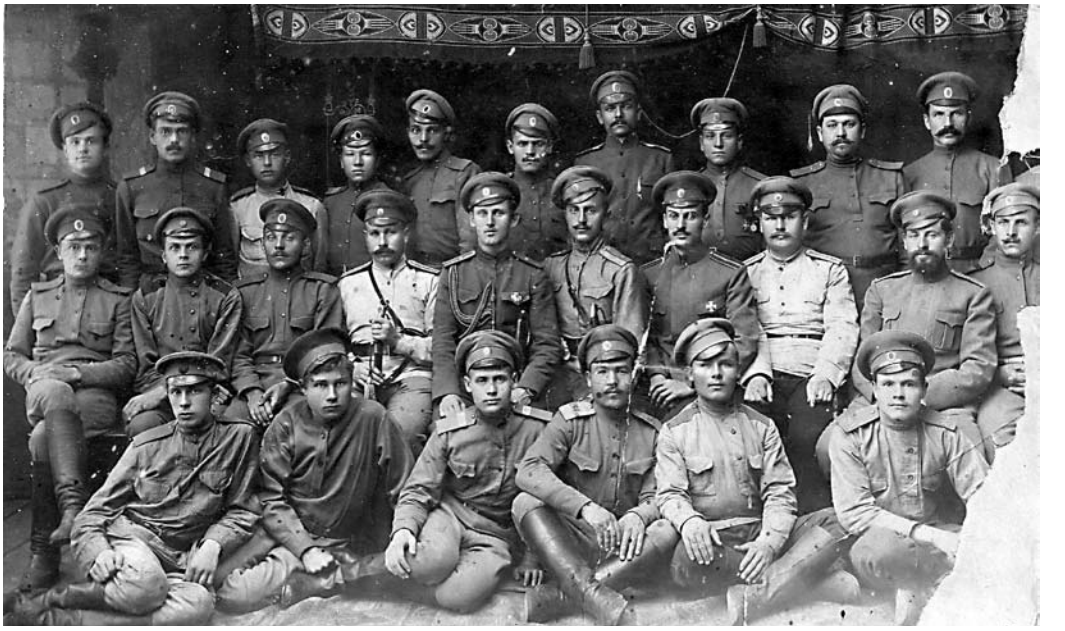
Оригин. рис. художн. Ст. Колесникова для изданія „Великая Война въ образахъ и картинахъ".

На дозорѣ.

На дозоре. Рис. худ. Ст. Колесникова для издания «Великая война в образах и картинах». 1914 г.

Ф. П. Кучаев (стоит в центре) из с. Чукалы Ардатовского района в Румынии. На снимке надпись: «Папаша, это мои товарищи и сослуживцы, писаря полковой канцелярии, снятые в дер. Курица в Румынии 24 апреля 1917 года. Шлю на добрую память»

Участники Первой мировой войны. 1916 г.



Участники Первой мировой войны. Ардатов. 1914 г.
В первом ряду слева сидит Иван Васильевич Чегодаев, в верхнем ряду крайний справа — Василий Никитович Тощев

Петр Александрович Шулубин, участник Первой мировой войны. Уроженец с. Сабаева Кочкуровского района

Участники Первой мировой войны. Уроженцы Мордовского края. Среди них Тимофей Иванович Шуряков. 1915 г.

Иван Дмитриевич Лаптев, участник Первой мировой войны. Уроженец г. Саранска. 1916 г.

Н. Г. Иневаткин, участник Первой мировой войны. Уроженец с. Алова Атяшевского района

Иван Дмитриевич Лаптев с семьей

Братья И. А. Юрченков и Г. А. Юрченков. 1914 г.

Первая рода 167-го пехотного запасного полка. Инсар. 1916 г.

Фотография с удостоверения личности времен Первой мировой войны А. Муховценова, уроженца с. Ельники

Захар Федорович Дорофеев. 1914 г.

Портрет офицера. Ардатов. 1915 г.

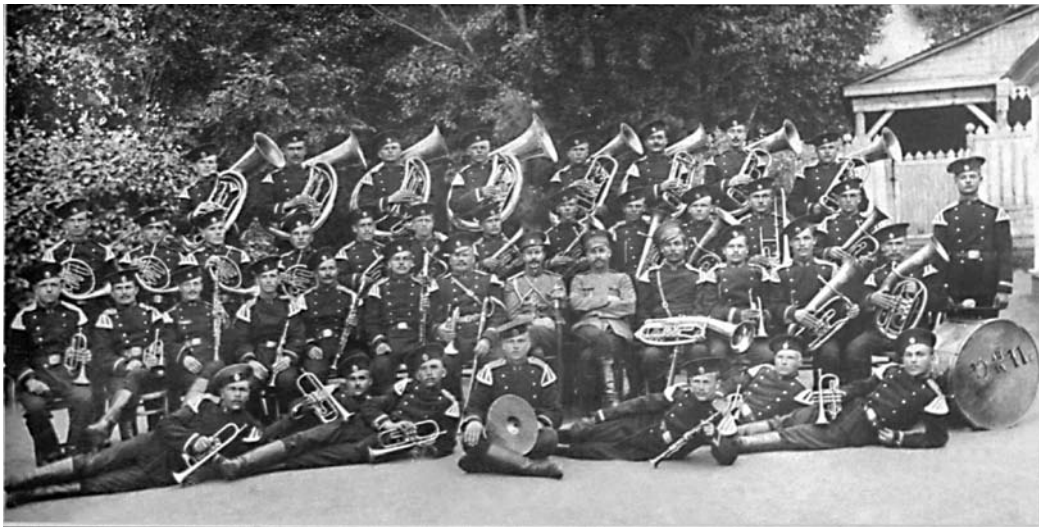
Участники Первой мировой войны. Уроженцы с. Шугурово. 1915 г.

Солдаты Первой мировой войны из села Енгалычева Дубенского района. В центре — К. В. Власов, стоит справа — М. А. Илюшин

Траншейная 37-мм пушка образца 1915 г.

Будни пулеметного расчета

Уроженец с. Ельники Кашин А. В. (в центре) с товарищами. 1915 г.



Музыкальная команда Виндавского полка

В центре Митрофан II (Симашкевич), епископ Пензенский и Саранский. В годы Первой мировой войны он организовал сбор пожертвований на нужды фронта и оказание помощи раненым

Молебен по случаю вступления в войну России.
Хоругви над головами — «С нами Бог!». Июль 1914 г.

Русские офицеры и войска в Первой мировой войне

Полевая кухня. 1915 — 1916 гг.

Резервная рота в укрытии. 1915 — 1916 гг.

Обстрел аэроплана под Родомом. 1915 г.

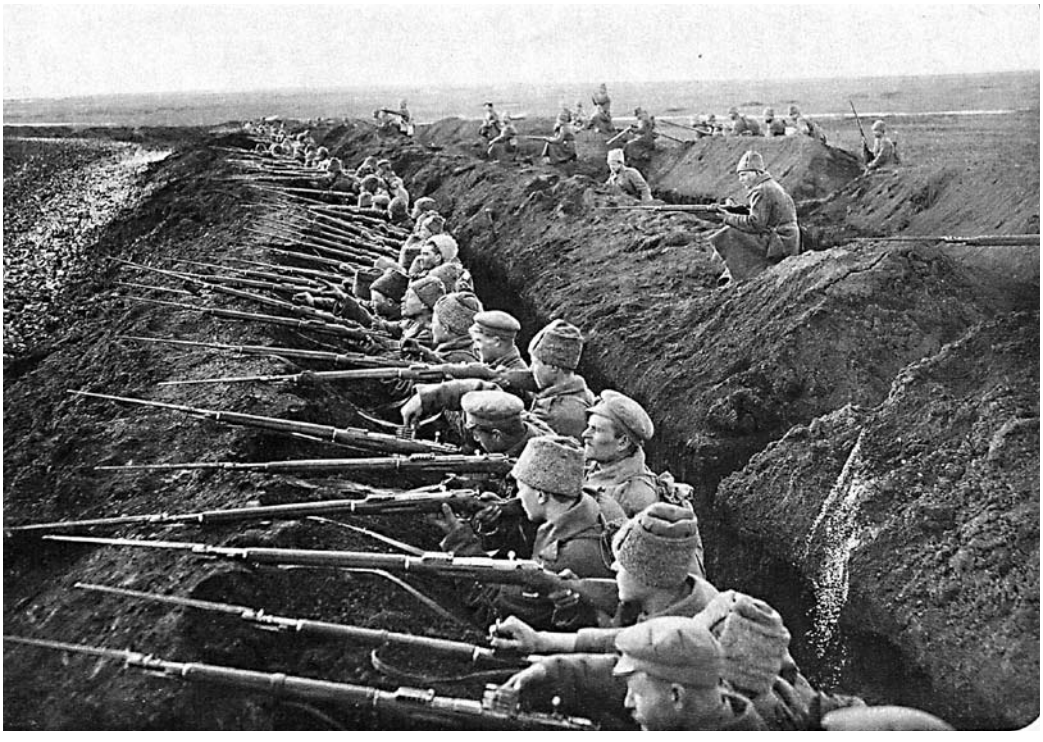
Пленные австрийцы. 1915 — 1916 г.

Первая мировая война была войной окопной.
Окопы — в полный рост, с обеих сторон укрепленные бревнами.
И жили в них по несколько месяцев, не двигаясь вперед, но и не отступая.
И постреливали друг в друга издалека. 1915 — 1916 гг.

Восточный фронт. Привал пулеметной команды во время марша. 1915 — 1916 гг.

Пленные австрийские офицеры и солдаты. 1915 — 1916 г.

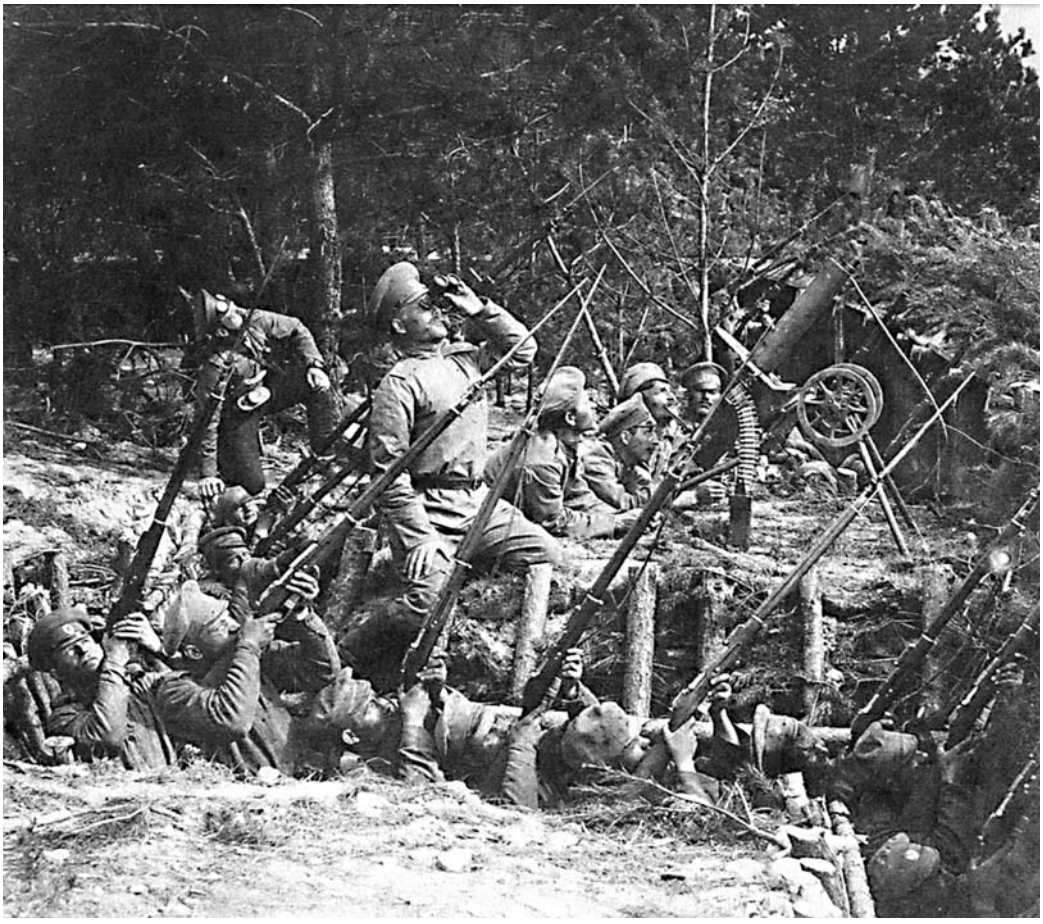
Пехота на привале. 1915 — 1916 гг.



Ожидание атаки. 1915 — 1916 гг.

Разрушенная артиллерией кирха,
воронка от немецкого снаряда. 1916 г.

Землянка командира батальона. 1916 г.



Стрельба из трехлинеек и станкового пулемета по аэроплану, возможно, по аэростату (вражеский авиапарк имел на вооружении и таких монстров) противника

Раздача обеда. Деревня Хмелевка, 1916 г.

Перед атакой. 1915 — 1916 гг.

Военный обоз — тут тебе и камера хранения,
и парикмахерская, и весь твой походный дом и быт...

Перевозка артиллерии по болотам

Пленный (любопытные солдаты смотрят
на первого пленного австрийца)

Солдаты русской армии. На фото, сделанном между 1916 и 1918 гг, справа стоит Афанасий Захарович Левчаев, двоюродный брат Петра Ивановича Левчаева, мордовского писателя; слева стоит Петр Немуров. Один из его сыновей, Василий, отец знаменитой мордовской певицы Нины Марковой. Двое сидящих солдат — земляки, из д. Крюковки (рядом с с. Анаево)

Сослуживцы Федор Гаврилович Наратов (слева) и Филипп Федорович Тимофеев. Возможно, фотография была сделана в день принятия присяги на верность Отечеству и царю. Чуть позже, через два года, им пришлось доказывать эту верность, воюя против немцев... Позже Федор переехал в Потьму и всю жизнь прожил там. 1912 г.

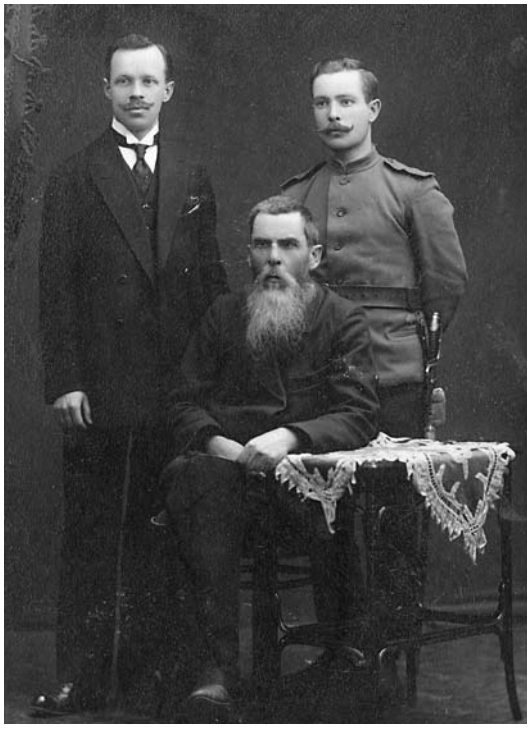
Участники Первой мировой войны. 1914 г.

Филькин Дмитрий Александрович, уроженец с. Козловка Пушкинской волости Саранского уезда. Назначен помощником заведующего врачебно-санитарным отделом здравоохранения

Медведчиков Федор Михайлович, уроженец г. Саранска. В 1918 г. избран членом Совдепа. Назначен заведующим отделом здравоохранения

Золотницкий Николай Дмитриевич, уроженец с. Сыромяс Сыромясской волости Городищенского уезда. Назначен секретарем отдела народного образования

Милославский Александр Георгиевич, уроженец г. Саранска. В 1918 г. избран членом Совдепа. Назначен заведующим отделом народного образования

Кузнецов Михаил Петрович. *Назначен членом отдела народного образования*

Иван Васильевич Сурков, Петр Иванович Лукьянов, Иван Лукич Лукьянов — учителя г. Ардатова